

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

На правах рукописи

Озадовский Владислав Евгеньевич

**Украинские национальные организации в общественно-
политической жизни России начала XX века**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
Том 1

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Ф.А. Гайда

Москва – 2025

Оглавление

Том 1

Введение.....	3
Глава 1. Новые вызовы: политическая эволюция украинского национального движения Российской империи на рубеже XIX–XX вв..	48
1.1. Кризис и трансформация украинского национального движения в 90-х гг. XIX в.....	48
1.2. Зарождение новых тенденций в среде украинских студенческих организаций на рубеже XIX–XX вв.....	89
1.3. Революционная украинская партия и ее роль в общественно-политической жизни России в начале XX в.....	130
1.4. Складывание системы политических партий украинского национального движения накануне Первой русской революции.....	193
Глава 2. Украинские национальные организации Российской империи в 1905–1907 гг.....	220
2.1. Украинское национальное движение и вопрос об отмене стеснений малороссийской печати в годы революции.....	220
2.2. Украинское национальное движение и Государственная дума I и II созывов.....	236
2.3. «Спилка» и УСДРП в 1905–1907 гг.: борьба за влияние на крестьянство и вопрос об объединении с РСДРП.....	265

Том 2

Глава 3. Украинские политические организации между Первой русской и Февральской революциями.....	2
3.1. Украинские политические организации в 1907–1914 гг.....	2
3.2. Украинское национальное движение Российской империи в годы Первой мировой войны.....	47
Заключение.....	138
Список источников и литературы.....	152

Введение

Научная значимость и актуальность темы исследования. Период истории России конца XIX – начала XX в. занимает одно из центральных мест в истории украинского национального движения. Именно в данный период стремительно осуществлялся переход от культурно-просветительских методов работы к прямой политической борьбе на общественно-политическом поле, когда на базе неформальных студенческих объединений начинают возникать первые украинские политические партии. Данный процесс, несмотря на наличие ряда глубоких и обстоятельных исследований, пока что в современной отечественной исторической науке изучен по большей части фрагментарно, в рамках разработки отдельных тем и сюжетов. На основе этих работ можно составить лишь частичное представление о действительных причинах, характере и сути процесса формирования украинской национальной идентичности на рубеже XIX–XX вв. Настоящее исследование призвано расширить имеющиеся в науке представления о генезисе украинских политических организаций в исследуемый период.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются политические и культурно-просветительские украинские движения на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. Предмет исследования – основные направления политической и культурно-просветительской деятельности украинских организаций на территории Российской империи в указанный период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1891 г. до начала Февральской революции 1917 г. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что именно в 1890-х гг. имел место интенсивный переход от культурно-просветительских методов работы к прямой политической борьбе, первым проявлением данной тенденции стало создание в 1891 г. «Братства тарасовцев» – тайного радикального студенческого объединения нового образца. Верхняя хронологическая граница обусловлена тем, что с началом Февральской революции 1917 г. наступает совершенно новая эпоха для всех

территорий бывшей Российской империи и происходящих на них процессов, в том числе для украинских национальных организаций.

Территориальные рамки исследования связаны с объектом и предметом исследования и охватывают пространство общественно-политической деятельности объединений украинского национального движения в Российской империи. В большинстве своем это территории малороссийских и новороссийских губерний Российской империи. Отдельного детального внимания удостоивается также деятельность представителей украинских объединений в Санкт-Петербурге и Москве. Галиция и другие территории Австро-Венгрии, где получило свое развитие украинское национальное движение, не являются предметом отдельного рассмотрения, так как его развитие в данных регионах имеет свою специфику и потребовало бы отдельного подробного рассмотрения. Поэтому в настоящей работе украинское национальное движение там затрагивается только в тех случаях, когда необходимо связать его развитие на территории Российской империи с общим внешнеполитическим и историческим контекстом эпохи.

Цель и задачи исследования. Целью работы является определение роли и места украинских национальных организаций Российской империи в общем процессе развития общественно-политической жизни страны конца XIX – начала XX в. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

- определить специфику социальной базы украинских национальных организаций в конце XIX – начале XX в. и характерные особенности, которые были присущи украинскому национальному движению как организованной политической силе в этот период;

- реконструировать процесс трансформации украинских национальных организаций в политические партии накануне Первой русской революции 1905–1907 гг.;

- выявить ключевые направления и итоги общественно-политической деятельности украинских национальных объединений в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.;

- указать основные тенденции развития украинских политических партий в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.;

- установить причины кризиса украинских национальных организаций в 1907–1914 гг. и способы их адаптации к реалиям третьеиюньской политической системы;

- систематизировать сведения об общественно-политической деятельности украинских национальных организаций во время Первой мировой войны.

Методологическая основа исследования. строится на сочетании различных методов решения задач, опирающихся на принцип историзма. Исследование носит комплексный характер и основано на соблюдении принципа научной объективности. Важнейшим принципом, лежащим в основе логики исследования, является системность. В работе использованы общенаучные (исторический, логический) и специальные исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный, биографический и проблемно-хронологический.

Не менее важным для нашего исследования станут такие понятия как «народность», «народ», «нация», «национальный» и др., вне предметного рассмотрения и осмысления которых трудно представить себе возможность дальнейшего содержательного обсуждения роли украинских организаций в общественно-политической жизни России начала XX в. Для того, чтобы рассматривать вопрос о существовании на период рубежа XIX–XX в. самостоятельного украинского народа на концептуальном уровне и украинской национальности, необходимо четко определить изначальную систему отчета методологических построений, тем более что в отношении вопроса о трактовке ключевых терминов, связанных с «национальным вопросом» среди современных исследователей нет единого консенсуса.

Понятие «нация», может, к примеру, рассматриваться и как «высший тип» этнической общности и как сконструированная политическая идентичность, совокупность граждан одного государства. С нашей точки зрения, существующие теории, утверждающие искусственно сконструированный характер формирования национальных общностей, такие как концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона¹ или «изобретения национализма» Л. Гринфелда² рассматривают процесс формирования национального самосознания ограничено, лишь в одном из его проявлений, по большей части связанным с индивидуальным восприятием индивида. Однако в действительности процесс формирования национальных общностей является настолько сложным и многогранным явлением, на которое активным образом оказывают влияние как социально-культурный, экономический, так и биологический факторы, в результате чего, возникшая национальная общность является не просто сконструированной в умах ее представителей «воображаемой идентичностью», а обретает собственную субстанциональность, делающую ее субъектом исторического развития. При этом, являясь активным субъектом исторического процесса, национальная общность находится в постоянной динамике – она может находиться на стадии становления, перехода на следующий новый более качественно сложный этап своего существования, регресса и т.д. В конце концов, национальная общность может просто быть ассимилирована или уничтожена другой. Поэтому рассматривать любой национальный субъект в каждом отдельном случае необходимо только в рамках конкретных исторических условий. Исходя из этого, следует отметить, что на период конца XIX – начала XX в. малороссийский, украинский народ находился еще только на активной стадии своего формирования (косвенно об этом говорит и существующая неопределенность в названии, где каждое из понятий – «малороссийский»,

¹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016.

² *Greenfeld L.* Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, Mass, 1992.

«украинский» отражало различные проекты конструирования национально-политической идентичности, о чем мы будем говорить более подробно несколько позже – В.Е.), ни о какой нации как развитой этнополитической общности речь тем более не шла. В данном отношении нам будет более близка теория трех стадий народного движения малых народов М. Гроха³, исходя из которой мы отнесли бы период конца XIX – начала XX в. для малороссийского народа к переходной стадии от фазы «В» к фазе «С», когда группы представителей местной интеллигенции начинают создавать первые политические партии и движения, стремясь увеличить число своих сторонников и масштабы своей социальной базы. Поэтому речь шла о поиске проекта национального развития, который вовсе не заканчивался программными платформами украинских организаций. Продолжать осуществлять свое национальное развитие малороссийскому народу также предлагалось и на основе проекта «большой русской нации» в рамках «триединого русского народа». Свой проект развития национальной общности базе пролетарского интернационализма также выдвигали и представители социал-демократического движения.

Исходя из этого следует отметить, что понятие «украинский», «украинское движение» в данном исследовании мы употребляем исключительно в партийно-политическом значении как принадлежность организаций и людей к определенному общественно-политическому направлению (украинофилы) никак не в значении этнонима, поэтому фактически речь идет об исследовании становления такого явления как украинский национализм. Так, на страницах своего исследования, посвященного истории становления понятия «украинцы» в общественном сознании Ф.А. Гайда отмечает, что в качестве этнического самоназвания на момент начала XX в. данное понятие активно употреблялось лишь в среде участников украинского национального движения и отдельно взятых

³ *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм.* М., 2002. С. 121–145

представителей российской радикальной интеллигенции⁴. Автор отмечает, что «понимание слова «украинцы» в качестве этнонима вышло за пределы украинского революционного движения и было усвоено общероссийским после Первой русской революции»⁵, а также то, что «общеупотребимым в интеллигентских кругах этническое значение становится только к 1917 г.»⁶. Напрямую отдавали себе в этом отчет и сами представители украинского движения. В 1918 г. Председатель директории УНР В.К. Винниченко на открытии в Киеве Украинского государственного университета отметит: «Украинцы» до сих пор было неизвестное слово, и теперь оно еще не прошло во все слои общества»⁷. А, в свою очередь, бывший секретарь Центральной Рады М.М. Еремеев вспоминал о времени накануне революции 1917 г.: «В ту эпоху, само название «украинец» было еще каким-то чужим и странным, потому что украинская литература ее никогда не употребляла. Писалось и говорилось: Украина, украинский, даже, очень редко украинка, но термин украинец был в ту эпоху неологизмом, который тяжело входил в жизнь»⁸. В силу того, что сам путь становления украинского народа фактически только начинался с рубежа XIX–XX вв. Как отмечает современный исследователь украинского движения А.В. Марчуков: «На наш взгляд, к 1917 г. процессы строительства украинской нации были далеки от своего завершения, несмотря на то что основной соперник украинского проекта – проект общерусской нации – сошел «с дистанции». Украинская идентичность и украинское национальное самосознание только начали проникать в массы. Строительство нации в организационно-структурном отношении тоже не было доведено до логического завершения. Не успело национальное движение и сформировать

⁴ Гайда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. С. 99

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ Постернак С. Из історії освітнього руху на Україні за часи революції 1917–1919 рр. К., 1920. С. 75.

⁸ Єремійв М. За лаштунками Центральної Ради (Сторінки зі спогадів) // Український історик. 1968. № 1–4. С. 98

ряд общественных институтов (школу, научные учреждения и организации и т.д.) без которых национальная общность как особый организм не может существовать, не говоря уже о независимом государстве»⁹. Другой исследователь украинского вопроса, И.В. Михутина, характеризуя степень актуальности украинского вопроса для малороссийского крестьянства в исследуемый период, напишет: «Национальная проблематика сделалась уделом круга лишь узкой интеллигенции, ограниченного лишь тем, что значительные группы молодежи вливались в общероссийское социально-революционное движение, не отделяя национальных целей от борьбы за политическую и социальную свободу в масштабах всей страны»¹⁰. Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. за проект национальной идентичности малороссийского народа шла борьба различных общественно-политических сил, чему и будет посвящена наша работа.

Также следует отдельно обозначить контекст употребления понятия «украинские национальные организации» в нашем исследовании. Под «украинскими национальными организациями» мы понимаем, как легальные, так и нелегальные политические и культурные организации на территории Российской империи, отстаивающие и пропагандирующие идею существования отдельной украинской национальной идентичности и украинского народа со всем вытекающим из этого дальнейшим стремлением к признанию существования собственной культуры и языка, а также правом на территориальную автономию или же отдельное независимое государственное образование.

Степень изученности темы. Изучение украинского национального движения рубежа XIX–XX вв. имеет длительную историю, процесс издания первых обзорных работ начался уже в первой половине 20-х гг. XX в. В

⁹ Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930 годы: цели, методы, результаты. М., 2015. С. 38.

¹⁰ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века) М., 2003. С. 25.

настоящем диссертационном исследовании литература структурирована по хронологическому принципу, в соответствии с которым выделяются два последовательных этапа разработки темы. Первый этап, охватывающий период с начала 1920-х гг. по 1991 г., отчасти можно идентифицировать как советский, так как ключевую роль в нем играли именно отечественные исследования, однако он включал в себя и исследования представителей украинского национального движения в эмиграции. Второй – современный – этап разработки темы начался с 1991 г.

При этом представляется целесообразным сразу дать необходимое пояснение логики проведения данного разграничения. Ведущая роль в разработке темы в большинстве своем будет принадлежать отечественным исследователям, именно их стараниями вносится определяющий вклад в процесс научного рассмотрения развития украинского национального движения на территории Российской империи в конце XIX – начале XX в. Отдельно следует отметить, что в рамках существующего у нас представления, выработанного в ходе работы над исследованием и осмысления имеющихся литературе подходов, работы украинских исследователей также будут отнесены нами к отечественной. Работы украинских авторов являются продолжением единой научной традиции, берущей свое начало еще с дореволюционных времен, так как предшественники современных украинских авторов – представители украинского движения, создававшие свои очерки по истории украинских организаций после событий Октябрьской революции как на территории советского государства, так и в эмиграции, формировались как личности и общественные деятели в рамках общественной жизни и традиций образовательных учреждений Российской империи. Сама деятельность первых исследователей украинских организаций из числа представителей украинского движения представляла из себя нечто производное от русской общественной жизни в самом широком ее понимании как единого целостного

пространства, органически включающего в себя проявления общественно-политической жизни всех включенных в состав Российской империи народов.

Таким образом, раздел отечественной литературы будет включать в себя все многообразие имеющихся исследований, авторы которых будут проявлять самое разное отношение к деятельности украинских организаций – от резко критического до апологетических оценок. Восприятие литературы украинских исследователей как чего-то сформировавшегося и существующего отдельно от работ российских исследователей только создает препятствие для понимания действительной сложности и многогранности процесса, весьма абстрактно разделяя два тесно переплетенных и взаимосвязанных направления. Этим во многом объясняется и то, что название первого этапа мы не стремимся полностью отождествлять с понятием «советский», так как к нему также будут относиться работы авторов – представителей украинского движения, издававшиеся в 20–30-е гг. за рубежом. Однако при этом также следует отметить и то, что ведущую роль в разработке проблемы становления украинских организаций на территории Российской империи играл вклад авторов, издававшихся на территории Советского союза. Именно их стараниями, как уже отмечалось, закладывались будущие контуры современной отечественной российской и украинской историографии.

Закономерно также, что при таком подходе к классификации ключевой отправной точкой для начала второго, современного этапа развития разработки становится 1991 г., когда после ухода с исторической сцены советского государства, существенно изменились подходы к оценке исследуемых процессов, все стремительней обособлялись друг от друга украинская и российская историографии, существенно возросло влияние иностранных исследований на развитие отечественной науки, стремительно росло количество новых методологических подходов, направленных на выработку понимания процессов становления феномена украинского национализма. Более подробно содержание данных тенденций мы осветим уже при рассмотрении конкретных работ современного этапа несколько ниже,

сейчас же нам важно дать общую характеристику периодизации разработки научных проблем, связанных с изучением деятельности украинских организаций Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Таким образом, каждый из приведенных разделов будет представлять из себя последовательный, не отменяющий при этом присущей ему внутренней противоречивости, разности оценок и подходов, процесс развития научного представления об украинском движении, где различие в подходах и существующих систем ценностей исследователей позволяет только более отчетливо составить представление о сущности представленного перед нами проблемного поля. Теперь же, после освещения принципов классификации, существующей в нашем распоряжении литературы, следует перейти к характеристике конкретных исследований, составляющих действительное наполнение содержания каждого из рассмотренных разделов.

Так, первым в хронологическом отношении станет «советский» этап в изучения украинского движения рубежа XIX–XX вв., внутри которого целесообразно будет выделить две стадии. Начальный этап охватывает 20-х – 30-х гг. и характеризуется активной разработкой сюжетов, связанных с историей развития украинских организаций на рубеже двух столетий. В качестве первых исследователей выступали сами по себе представители украинского движения, которые объяснимо были крайне заинтересованы в создании обобщающих трудов по истории становления украинских организаций с целью сохранения и систематизации своего предшественного наработанного исторического опыта общественно-политической деятельности. Это были в первую очередь те сторонники украинского движения, которые были близки к социал-демократическим воззрениям, после Гражданской войны остались жить в советском государстве и в годы коренизации достаточно активно были интегрированы в состав местной научно-образовательной элиты Украинской ССР. Весьма серьезную роль в данном процессе играла Всеукраинская академия наук (ВУАН), активный вклад в развитие которой внес вернувшийся из эмиграции

в 1924 г. М.С. Грушевский. В годы коренизации Всеукраинская академия наук (ВУАН) стала той научной платформой, на базе которой представители украинских организаций могли беспрепятственно вести исследовательскую работу по изучению истории украинских организаций, трактуя их общественно-политическую деятельность исключительно как проявления национально-освободительной борьбы. Так, в рамках данной категории следует выделить работы таких исследователей как И.Ю. Гермайзе, А. Риш, М.И. Яворский, П. Христюк¹¹. Все вышеозначенные авторы в прошлом имели богатый опыт партийной работы в тех организациях, которые являлись предметом их изучения, что, несомненно, повышает степень актуальности их работ для современного исследователя. Данные исследования позволяют более обстоятельно составить себе представление о историческом контексте деятельности украинских организаций Российской империи в эпоху правления Николая II, детальнее понять характер внутренних взаимоотношений украинских нелегальных партий начала XX в. Немаловажным будет являться также наличие в данных работах ценных партийных программных документов и источников личного происхождения, недоступных сегодня современному отечественному исследователю – материалы из партийных архивов украинских нелегальных партий; прокламации и воззвания, отсутствующие в фондах Департамента полиции ГАРФ или специальных тематических изданиях, личные свидетельства представителей украинских партий и т.д. Таким образом, современные представления о развитии украинских политических и культурных организаций в исследуемый период могут быть существенно дополнены материалами, представленными в вышеозначенных трудах 20-х – 30-х гг. XX в. Следует отметить, что рассматриваемые работы, написанные очевидцами и непосредственными участниками событий конца XIX – начала XX в.

¹¹ *Гермайзе О.* Нариси з історії революційного руху на Україні. Т. 1: Революційна Українська Партія (РУП). К., 1926; *Риш А.* Очерки по истории Украинской социал-демократической «Спілки». Харьков, 1926; *Яворський М.І.* Україна в епоху капіталізму. Харків, 1924–1925; *Христюк П.* 1905 рік на Україні. Харків, 1925.

по своему непосредственному содержанию представляют из себя именно исторические научные работы, которые ставят перед собой исследовательские цели, снабжены необходимым научно-справочным аппаратом и опираются на существовавший в тот момент комплекс, в том числе архивных источников, не являясь источниками личного происхождения мемуарного характера.

Так, исследование И.Ю. Гермайзе, посвященное истории Революционной украинской партии, раскрывает перед нами весьма детальные подробности работы, осуществляемой среди местных комитетов «на земле» членами самой первой политической партии представителей украинского движения на территории Российской империи, из которой вышли впоследствии практически все последующие нелегальные партийные объединения украинофилов. Работа Гермайзе, до революции состоявшего в УСДРП (реорганизованной в 1905 г. РУП), а затем в период 20-х – второй половины 30-х гг. являвшийся руководителем секции истории Украины научно-исследовательской кафедры марксизма и ленинизма ВУАН, а также организатором историко-архивного семинара при Киевском историческом архиве имени В.Б. Антоновича, внесла существенный вклад в разработку исследуемой темы. Так, помимо кропотливого воссоздания общей картины деятельности РУП в период с 1900 по 1905 гг., труд И.Ю. Гермайзе содержит делопроизводственные материалы деятельности Революционной украинской партии из архива Киевского губернского жандармского управления, лишь частично представленные среди дел, содержащихся в фонде Департамента полиции Государственного архива Российской Федерации (полностью материалы архива Киевского губернского жандармского управления представлены в Центральном государственном историческом архиве Украины), а также ряд агитационно-пропагандистских материалов РУП, не встречающихся в других научных изданиях и привлекаемых к работе над исследованием архивных документах.

Очерк А. Риша, посвященный деятельности Украинского социал-демократического союза («Спилки») представляет не меньшую значимость

для нашего исследования. Арнольд Риш, в свое время являвшийся одним из представителей Центрального комитета «Спилки», не только создает свой очерк как историк-исследователь, но и выступает как персона, внесшая непосредственный личный вклад в изучаемые события на общественно-политическом поле. Благодаря этому работа имеет ряд ценных аспектов, позволяющих ей и по сию пору обеспечивать высокую степень актуальности для нашего исследования. Так, к примеру, А. Риш имел доступ к ряду уникальных источников по истории «Спилки», к которым будут отнесены записи члена главного комитета С. Завадского о численности партии к осени 1906 г., «Циркулярное письмо Главного комитета (Спилки) № 1», где приведены данные о членах организации по избирательным районам, созданным для выборов делегатов на Лондонский съезд РСДРП, выдержки из нелегального периодического издания «Известия украинского социал-демократического союза» и др. Помимо этого А. Риш в своем очерке также сообщает ряд уникальных сведений о внутрипартийной жизни Центрального комитета партии, сообщает значимые подробности о деятельности местных партийных комитетов «Украинского социал-демократического союза» на территории малороссийских и новороссийских губерний в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

Работа М.И. Яворского менее полна на фактический материал и не столь подробным образом как два предшествующих исследования раскрывает перед нами детали становления украинских общественно-политических организаций на рубеже XIX–XX в. Однако она будет весьма представлять интерес как наглядный материал для анализа процесса формирования представлений об украинском движении в советской исторической науке представителями украинского движения. Труд Матвея Ивановича Яворского, видного историка 20 – 30-х гг. XX в., академика ВУАН, в разделе, посвященном деятельности украинских организаций на рубеже XIX–XX вв. показательно демонстрирует нам каким образом выстраивалась в литературе апологетическая линия освещения истории украинского движения. Вся

деятельность нелегальных украинских партий в работе Яворского трактуется исключительно как проявление национально-освободительной демократической борьбы народа против национального угнетения. В данном случае автор заходит гораздо дальше принятых партийных воззрений на национальный вопрос. Так, апологетическая трактовка деятельности организаций украинского движения совершенно расходится с критикой рассматривать вопрос о существовании на период рубежа XIX–XX в. самостоятельного украинского народа, данной В.И. Лениным в своих работах, посвященных национальному вопросу ¹². В сущности, теоретические разработки Л.Ю. Юркевича и Д.И. Донцова являли собой прямое воплощение идеологических установок украинских политических партий начала XX в. Как Д.И. Донцов, так и Л.Ю. Юркевич являлись активными членами «Украинской социал-демократической партии», и идеологические установки большей части представителей данного объединения из числа украинофильской интеллигенции мало чем отличались от взглядов вышеназванных деятелей. Яворский же фактически «выводит за скобки» всю наличествующую противоречивость для того, чтобы обеспечить бесконфликтную интеграцию мировоззренческих установок политического украинства на общественно-смысловом поле в годы коренизации. Все это важно оценивать и анализировать, для того чтобы понимать, каким образом происходил переход от советского этапа разработки темы к последующей современной украинской историографии. Работа Яворского демонстрирует нам, каким образом осуществлялся начальный этап этого процесса.

Исследование П.А. Христюка содержит весьма детальный анализ деятельности украинских организаций на территории малороссийских и новороссийских губерний в 1905 г. во время ключевых и наиболее динамичных событий революционной эпохи. П.А. Христюк обстоятельно

¹² Ленин В.И. Тезисы реферата по национальному вопросу // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. Изд. 5 М., 1973. С. 382–395; Он же. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 25. Изд. 5 М., 1973. С. 255–320.

рассматривает деятельность таких организаций как Украинская социал-демократическая партия, Украинский социал-демократический союз, анализирует становление деятельности первых партийных ячеек украинских социал-революционеров, в организации и работе которых он сам принимал непосредственное прямое участие.

Отдельно также следует выделить исследования, публиковавшиеся представителями украинского движения в эмиграции. Как мы уже говорили, рассматривать их отдельно от публикаций, издаваемых в советском государстве в корне неверно, так как впоследствии традиция современной украинской историографии возникла на основе синтеза двух параллельно развивающихся направлений. В числе первых вышедших работ рассматриваемой категории следует указать очерки П.Я. Стебницького, П. Гайдалемивского и В.В. Дорошенко¹³, из которых наибольший интерес для нашего исследования, безусловно, представляет очерк В. Дорошенко о Революционной украинской партии, содержащий, в силу непосредственного участия автора в деятельности партии и тесного личного знакомства с большинством ключевых ее представителей, ряд уникальных сюжетов, которые делают работу автора актуальной для исследования нашей темы и на современном этапе ее разработки.

Работу П. Гайдалемивского следует выделить в качестве одного из первых очерков, где внимание пристальным образом сосредоточено на рассмотрении партийных программ представителей украинского движения. На страницах своего исследования Гайдалемивский проводит разбор программ украинских нелегальных партий начала XX в., а также стремится сопоставить их с программными платформами украинских политических партий, образовавшихся Февральской революции 1917 г.

¹³ *Стебницький П.Я.* Українська справа. Петроград, 1917; *Он же.* Проміж двох революцій. К., 1918; *Гайдалемівський П.* Українські політичні партії. Їх розвиток і програми. Зайцведель. 1919; *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 pp.). Нарис історії української соціал-демократичної партії. Львів, К., 1921.

В период 20-х –30-х гг. XX в. в эмиграции представители украинского движения активнейшим образом продолжали осуществлять издательскую деятельность. Здесь в первую очередь следует отметить работу Д.И. Дорошенко¹⁴. Дорошенко на страницах своего очерка детальным образом останавливается на истории таких организаций как Союз освобождения Украины (СОУ), подробно рассматривает предшествующую биографию ведущих руководителей Союза их идейно-политическую эволюцию от руководства «Украинским социал-демократическим союзом» до перехода под прямой контроль со стороны правительственных кругов Германии и Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Д.И. Дорошенко также подробным образом рассматривает роль других ключевых представителей украинского движения на территории Российской империи в годы Первой мировой войны в контексте их взглядов, позиций в отношении войны, деятельности на общественно-практическом поле, а также взаимодействия с различными представителями общероссийских партий на фоне войны.

Интерес в этом отношении также представляет курс лекций П. Феденко по истории украинского движения периода начала XX в.¹⁵. Данный курс был составлен как одна из первых попыток дать обзор истории украинского движения в качестве университетской дисциплины, что отражает формирующееся стремление к систематизации имеющихся научных знаний об истории украинского движения и выделению истории развития политического украинства как отдельного раздела в рамках изучения истории общественно-политической мысли России.

Следует также отметить труд А.П. Животко, посвященный истории партии украинских социал-революционеров¹⁶. А.П. Животко раскрывает значимые подробности деятельности ячеек украинских организаций на местах, анализирует процесс развития эсэровских украинских организаций по

¹⁴ *Дорошенко Д.И.* З історії української політичної думки за часів світової війни. Прага, 1936; *Он же.* Євген Чикаленко: його життя і громадська діяльність, Прага, 1934.

¹⁵ *Феденко П.* Українській громадській рух у XX столітті. Курс лекцій. Подебрады, 1934.

¹⁶ *Животко А.* 50 років. Українській громадській рух у XX столітті. Прага, 1936.

мере приближения исторических событий к Февральской революции 1917 г. Отдельной проблеме взаимодействия на общественно-политическом поле украинских организаций Малороссии и Галиции на рубеже XIX–XX вв. была посвящена статья М.М. Лозинского¹⁷. Работа Лозинского важна в контексте представления о политических и социально-культурных взаимосвязях, существующих между Галицией и Поднепровьем, которые на момент начала XX в. не представляли из себя нечто единое и целостное в политическом, религиозном и социокультурном отношении. Подводя общий итог, следует отметить, что разработка сюжетов, связанных с рассмотрением роли и места украинских организаций в общественно-политической жизни России, осуществлялась представителями украинского движения в эмиграции в довоенный период весьма интенсивным образом и совершалась сразу в рамках нескольких направлений.

Следует выделить отдельную категорию работ, включающую в себя исследования представителей русской политической эмиграции, освещавших историю развития украинского вопроса в России, написанные в XX в. К таковым будут относиться работы А.М. Волконского, Н.И. Ульянова, Андрея Царинного (А.В. Стороженко)¹⁸, в центре внимания которых будет находиться политический аспект общественно-политической деятельности украинских организаций на территории Российской империи.

С началом сворачивания коренизации в Советском Союзе начинает приостанавливаться процесс активной разработки сюжетов, связанных с историей украинских политических партий. Дальнейший период 30–70-х гг. XX в. истории советской исторической науки во многом был связан табуированием публикации исследований, посвященных истории

¹⁷ Лозинський М. Обопільні стосунки між Великою Україною та Галичиною в історії розвитку української політичної думки XIX і XX вв. // Україна, 1928. Кн. 2 С. 22–56.

¹⁸ Волконський А.М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920; Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996; Царинний А. Українське єврейське рух. Короткий історичний нарис, переважно за особистими спогадами. Берлін, 1925.

развития украинского буржуазного национализма. В ходе данного этапа в истории изучения деятельности украинских организаций на рубеже XIX–XX вв. научная разработка темы была связана с отдельными ее аспектами, отраженными в работах И.Ф. Кураса и П.Г. Шморгуна¹⁹. Так, работа И.Ф. Кураса весьма содержательно отражает социально-экономический аспект деятельности украинских организаций, не принимая во внимание который при исследовании социальной базы политического украинства, безусловно, невозможно. П.Г. Шморгун приводит анализ деятельности УСПДР и «Спилки» в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., концентрируясь на рассмотрении социальной базы политических партий и результатах работы среди населения, проводимой на земле. Краткий очерк истории развития украинских политических партий в начале XX в. был рассмотрен на страницах десяти томной «Истории Украинской ССР»²⁰. Само многотомное издание при этом содержит в себе важные статистические данные о социальном и экономическом положении населения малороссийских и новороссийских губерний, что является важным подспорьем в нашем исследовании при анализе социальной базы и условий общественно-политической работы представителей украинского движения «на земле». Следует отдельно выделить также работы Г.И. Марахова²¹, где подробным образом дается анализ социокультурного портрета студенчества Киевского университета во второй половине XIX в., что играет важную роль при рассмотрении социальной базы украинского движения рубежа XIX–XX вв.

¹⁹ *Курас И.Ф.* Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. К., 1978; *Он же.* Повчальний урок історії: (Ідейно-політичне банкрутство Української соціал-демократичної робітничої партії). К., 1986; *Шморгун П.М.* Украинские мелкобуржуазные партии РУП (УСДРП) и «Спілка» в революции 1905–1907 гг. // Научная сессия по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: Тезисы сообщений. М., 1965. С. 45–78; *Он же.* Украина в период первой российской революции 1905–1907 годов. К., 1985.

²⁰ История Украинской ССР: В 10 т. / Под ред. Ю.Ю. Кондуфора и др. Т. 5. К., 1983.

²¹ *Марахов Г.И.* Киевский университет в революционно-демократическом движении. К., 1984; *Он же.* Социально-политическая борьба на Украине в 50–60-е годы XIX века К., 1984.

Серьезный вклад был также внесен И.М. Кулиничем²², чье исследовательское наследие было посвящено разработке проблемы взаимосвязи представителей украинских политических и культурных организаций с германскими и австро-венгерскими правительственными общественно-политическими силами на период начала XX в. В центре внимания исследователя закономерно оказываются события Первой мировой войны, однако И.М. Кулинич рассматривает процесс взаимодействия представителей украинского движения Российской империи с австро-венгерскими и германскими кругами отнюдь не как разовое проявление текущего сиюминутного политического интереса, а на конкретном материале последовательно воссоздает всю предшествующую линию взаимодействия политического украинства с ведущими пангерманскими общественно-политическими объединениями, такими как Пангерманский союз, Немецкий союз восточных приграничных областей («Гаката»), а также такими ключевыми теоретиками пангерманизма как П. Рорбах, Т. Шиман, О. Гетш и др., демонстрируя, что процессы времен Первой мировой войны были лишь закономерным итогом поэтапной, длительной работы, совершающейся в предшествующие десятилетия. Значимую роль в своем исследовании И.М. Кулинич отводит такому немаловажному вопросу как рассмотрение роли украинского движения, а также малороссийских и новороссийских губерний в общей системе представлений пангерманистов.

Важным вкладом советских ученых в разработку темы являлось детальное исследование вопросов, связанных с историко-биографическими трудами, посвященными жизни и творчеству писателей, являющихся активными участниками украинского движения. К данной категории можно

²² Кулінич І.М. Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914 рр.) К., 1963; *Он же*. Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914–1918 гг.// «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 140–151

отнести работы Л.Ф. Хинкулова, А.И. Костенко, Р.Г. Иванченко ²³, посвященные рассмотрению биографий таких писателей как И.Я. Франко, Леся Украинка, Борис Гринченко, в рамках которых немаловажная роль уделяется осмыслению исторического контекста их творчества. Данные исследования позволяют проследить вклад известных писателей в деятельность украинских организаций Российской империи как непосредственно на поле общественно-политической практики, так и в отношении не менее значимого аспекта, который зачастую упускается из поля внимания исследователей – роли их литературных произведений в формировании ценностно-мировоззренческих воззрений представителей украинского движения.

Следующим этапом в истории изучения темы станет период второй половины 80 – начала 90-х гг. XX в., когда в период системного кризиса государственных и общественных институтов Советского Союза будет осуществляться ослабление цензурной политики и на свет станут выходить первые исследования, где содержалось уже принципиально иное отношение к украинскому буржуазному национализму. По большей части данные тенденции начинали предварять концептуальные представления современной украинской историографии. Среди данного ряда работ следует выделить исследование Н.А. Шип²⁴. Центр внимания в исследовании концентрировался на деятельности украинских студенческих громад на протяжении периода 70–90-х гг. XIX в., что определяет достаточно высокую степень нашего интереса к данной работе, так как исследование дает нам широкий материал для осмысления феномена политизации культурно-просветительских громад украинского движения в начале XX в. Внимание заслуживает исследование

²³ Хинкулов Л.Ф. Франко. М., 1961; Костенко А.И. Леся Украинка. М., 1971; Иванченко Р. Г. Іван Нечуй-Левицький: Нарис життя і творчості. К., 1980.

²⁴ Шип Н.А. Интеллигенция на Украине (XIX в.): Историко-социологический очерк. К., 1991.

А.Г. Погребного²⁵, посвященное исследованию биографии и творчества одного из видных представителей украинского национального движения – Борису Гринченко. В эпоху крушения Советского Союза появляется также ряд диссертаций, посвященных отдельным аспектам историей развития украинских организаций на территории Российской империи на рубеже конца XIX – начала XX вв., и по сей день которые не теряют актуальности и по сей день. К числу таковых можно отнести диссертацию О.В. Белоуса²⁶, посвященную взаимоотношениям представителей украинских организаций и членов кадетской партии в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

После 1991 г. наступает современный этап в истории разработки темы, который характеризуется большим обилием полемики, достаточно большой степенью полярности и различия трактовок в складывающихся оценках и подходах к изучению украинского движения, отсутствию единой методологической линии в отношении понимания роли и места украинского национального движения в общей системе общественно-политической жизни России начала XX в., определенной степенью эклектичности. Так, новые тенденции в освещении украинских политических рубежа XIX–XX вв., как мы уже отмечали, появляются уже в конце советской эпохи, однако в полной мере проявят себя уже в 90-гг., и будут выражены двумя магистральными линиями – современной российской историографией, достаточно разнообразной и неоднородной по своему содержательному наполнению и концептуальным подходам, и историографией современного украинского государства, по большей части наследовавшей идейную линию и интеллектуальные традиции представителей украинского движения второй половины XIX – начала XX вв., также украинской политической эмиграции XX в. Две данные тенденции, каждая из которых по-своему наследует общие традиции предшествующего этапа развития

²⁵ *Погрібний А.Г.* Борис Грінченко: нарис життя і творчості українського письменника кінця XIX – поч. XX ст. К., 1988.

²⁶ *Білоус А.О.* Діяльність конституційно-демократичної партії в Україні під час Першої російської революції (1905–1907 рр.): дис. ... канд. іст. наук. К., 1993.

дореволюционной и советской исторической науки, как уже отмечалось, находились между собой в сложной системе взаимоотношений, подразумевающей, с одной стороны, как частые проявления резкой обоюдной критики со стороны исследователей, так и взаимное двухстороннее дополнение в рамках общего процесса развития научных представлений об исследуемой теме.

Следует отметить, что на современном этапе развития российской отечественной литературы по теме исследования, специальных работ по истории развития украинских организаций в период конца XIX – начала XX в. имеется далеко не столь много. Однако достаточно важную роль в нашем исследовании будут играть специальные труды по истории украинского движения смежных исторических периодов, формирующие единое проблемное научное поле современного состояния вопроса.

К таким исследованиям можно отнести работы А.В. Марчукова²⁷, зачастую имеющих более широкие хронологические рамки, однако отдельные главы которых посвящены вопросам истории развития украинских организаций в России на рубеже XIX–XX вв. Труды А.В. Марчукова подробным образом рассматривают процессы, происходящие внутри круга представителей местной интеллигенции, составляющих ядро украинского национального движения. В работах А.В. Марчукова анализ деятельности украинских организаций вписывается в широкий исторический контекст, рассматривается такой комплекс вопросов как проблема соотношения украинского и общерусского в национальном мировоззрении малороссов, анализируются такие ключевые понятия в контексте темы исследования как «украинская национальность», «украинский народ», осмысливаются механизмы

²⁷ Марчуков А.В. Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930 годы: цели, методы, результаты. М., 2015; Он же. Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. М., 2011; Он же. Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). М., 2018; Он же. Политическая элита Малороссии // Этнические элиты в национальной политике России. М., СПб. С. 149–222; Он же. Переяславская Рада в идеологической системе украинства: вехи истории // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 40–53.

и предпосылки формирования украинского национально-политического конструкта. На страницах исследования также представлен ряд значимых концептуальных выводов, относительно различных социально-экономических, политических и культурных аспектов развития феномена украинского движения.

Высокую степень значимости представляют также работы Ф.А. Гайды²⁸, на страницах которых автор рефлексировал над историко-политическим контекстом понятия «украинец», подробно анализируя путь становления и трансформации таких центральных понятий для нашего исследования как «Украина» и «украинцы» в ходе истории. Ф.А. Гайда на основе обширного материала доказывает, что понятие «украинец» в значении этнонима начинает употребляться не раньше середины XIX в.

Важную роль в исследовании украинского вопроса в Российской империи играет также вклад А.С. Каревина²⁹, чьи исследования посвящены самым разным проблемам истории развития украинского национального движения периода конца XIX – XX вв., в особенности проблеме конструирования представителями политического украинства письменного литературного украинского языка. Немаловажную роль А.С. Каревин также уделяет рассмотрению биографий украинских писателей и их в развитие украинского движения на рубеже XIX–XX вв.

Для нашего исследования большое значение также имеют ряд коллективных монографий, изданных под редакцией Института

²⁸ Гайда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019; *Он же*. От Рязани и Москвы до Закарпатья. Происхождение и употребление слова «украинцы» // Родина. 2011. № 1. С. 82–85; *Он же*. Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. 12. М., 2012. С. 73–78; *Он же*. Украина и Малая Русь: окраина и центр // Русский сборник: Исследования по истории России М., 2014. С. 97–108.

²⁹ Каревин А. С. Русь нерусская. (Как рождалась «рідна мова»). Харьков, 2009; *Он же*. Исторические шахматы Украины: герои и антигерои малорусской истории., М., 2015; *Он же*. Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины, М., 2016.

Славяноведения РАН³⁰, посвящённых истории украинского вопроса. В частности, на страницах монографий поднимаются вопросы о ключевых особенностях складывания украинской национальной идентичности, о национальной самоидентификации малороссийского населения края, о семантическом и политико-географическом значении понятия «Малороссии». По общему итогу, следует отметить, что на страницах коллективных монографий под редакцией сотрудников Института Славяноведения РАН поднимается ряд аспектов, значимых в контексте дальнейшей разработки темы, однако по большей части исследования в данных сборниках посвящены отдельно взятым проблемам и не могут полноценно раскрыть перед нами роль украинского движения в общественно-политической жизни России в исследуемый период.

Значимой для понимания складывания предшествующего этапа развития украинского движения в период второй половины XIX в. является работа А.И. Миллера³¹, посвященная анализу взаимоотношений властей Российской империи и малороссийских украинофилов. Автор показывает, каким образом осуществлялась правительственная политика в отношении украинского вопроса и представителей украинского движения, а также с помощью каких методов и средств украинофилы стремились осуществлять свою общественно-политическую деятельность среди представителей местного малороссийского населения в эпоху второй половины XIX в.

Наиболее полным специальным исследованием по истории украинского вопроса исследуемого нами периода конца XIX- начала XX в. является работа И.В. Михутиной³², в которой автор подробно рассматривает вопрос

³⁰ Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012; Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии М., 2008; Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М., СПб., 2016; Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. М., 2018.

³¹ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

³² Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века) М., 2003.

формирования социальной базы украинского движения, деятельность украинофилов в ходе событий Первой русской революции 1905–1907 гг., проблему выстраивания взаимодействия с общероссийскими политическими партиями – в первую очередь с кадетами и эсерами, а также вопрос участия украинских организаций в общественно-политической жизни России накануне и годы Первой Мировой войны. Автор рассматривает такие аспекты, как процесс формирования украинских политических партий на рубеже конца XIX – начала XX вв., деятельность украинских организаций Российской империи в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., их взаимодействие с общероссийскими политическими партиями – кадетами, эсерами, социал-демократами. Значимое место в работе И.В. Михутина уделяет фигуре М.С. Грушевского и его вкладу в актуализацию украинского вопроса в общественно-политическом пространстве Российской империи.

Из современных исследователей Е.А. Косован подробным образом рассматривает взаимоотношения представителей украинского движения с австро-венгерскими и германскими правительственными и общественно-политическими кругами Е.А. Косован ³³. Автор анализирует ключевые противоречия и разногласия, существовавшие среди представителей германской и австро-венгерской элиты в отношении украинского региона и политического украинства, освещает роль «Союза освобождения Украины» и подробно останавливается на истории взаимоотношений представителей «Союза» с представителями Тройственного союза.

Отдельные аспекты взаимоотношений представителей украинского движения Российской империи с единомышленниками из Галиции

³³Косован Е.А. «Украинский вопрос» в предвоенной политике германской империи (1900–1914 гг.) // Актуальные проблемы истории первой мировой войны и перспективы их изучения: сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Ишим., 2015. С. 51–56; *Он же*. Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг. // Революции в истории: Сб. избр. ст. участников VII Международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Clio–2017». М., 2017. С. 115–124.

представлены в работе Д.С. Парфирьева³⁴. Предметом рассмотрения данного исследования является анализ общественно-политической деятельности представителей украинского движения в Галиции. В силу тесного взаимодействия, двух локализованных центров украинского движения на момент начала XX в., исследование позволяет существенно дополнить наше представление о деятельности украинских организаций на территории Российской империи.

Из работ современных украинских авторов, в нашем исследовании мы можем выделить ряд трудов, заслуживающих отдельного внимания. К данным исследованиям мы можем отнести исследования В.И. Головченко, О.М. Федькова, Я. Грицака, А.А. Кураева, М. Палиенко³⁵. Со многими из авторских подходов и приведенных в указанных работах выводов мы отнюдь не будем согласны, однако ряд положений данных работ могут оказаться весьма полезны в контексте нашего исследования. На страницах данных трудов зачастую подробным образом раскрывается тот или иной аспект, связанный с историей развития украинского движения на рубеже XIX–XX вв. Важным преимуществом большей части данных исследований является также использование авторами материалов архивов Украины, недоступных на сегодняшний день российскому исследователю, что в значительной степени повышает необходимость внимательного изучения данных работ. Так, работа О.М. Федькова, посвященная «Украинскому социал-демократическому союзу («Спилке»)), представляет из себя не только проработанный труд по истории партии, но и содержит ряд достаточно важных материалов Центрального

³⁴ *Парфирьев Д.С.* Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны: между Веной, Берлином и Киевом, 1914–1918. М., 2023.

³⁵ *Головченко В.І.* Від «Самостійної України» до Союзу визволення України: нариси з історії української соціал-демократії початку XX ст. Харків, 1996; *Кураєв О.О.* Політика Німеччини й Австро-Угорщини в Першій світовій війні: український напрям. К. 2009; *Он же.* Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні (1914–1918) К., 2006; *Федьков О.М.* Українська соціалдемократична спілка напочатку XX ст.: у пошуках ідейно-політичної ідентичності. Каменець-Подольський, 2017; *Грицак Я.* Нариси Історії України: Формування модерної української нації XIX–XX ст. К., 1996; *Палиєнко М.* «Киевская старина» у громадському та науковому житті України (кінець XIX – початок XX ст.). К., 2005.

государственного исторического архива Украины. То же самое достоинство можно с уверенностью отметить за работами А.А. Кураева, в которых автор, работая долгое время в том числе в архивах Австрии, приводит весьма ценные сведения о взаимодействии «Союза освобождения Украины» с австро-венгерскими и немецкими правительственными кругами.

Отдельную категорию литературы представляют работы иностранных исследователей. К характерной особенности становления корпуса научной литературы по теме исследования является то обстоятельство, что большая часть исследований на иностранном языке, издаваемая во второй половине XX в. будет создана украинскими авторами. После окончания Второй мировой войны, с началом эскалации Холодной войны в ведущих западных университетах активно создаются центры украинистики, такие как Украинский научный институт Гарвардского университета, Канадский институт украинистики, Институт Восточной Европы в Берлине, Украинский вольный университет в Мюнхене (основан в 1921 г.), Институт восточно-европейских исследований и т.д. В рамках работы данных научно-исследовательских центров издают свои труды И.П. Лысяк-Рудницкий, О. Субтельный, О. Прицак, А. Каппелер, С. Плохий³⁶. Таким образом, на протяжении всего XX–XXI вв. подавляющее большинство литературы на иностранных языках было составлено представителями украинской эмиграции за рубежом. На страницах данных работ авторы стремились создать образ независимой, автономной украинской истории, вслед за идейным наследием М.С. Грушевского упор делался на «удревнение» украинской истории. Как правило общественно-политическая деятельность украинских

³⁶ *Kappeler A.* Росія як поліетнічна імперія: виникнення, історія, розпад. Львів, 2005; *Ploky S.* Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. Toronto, 2005; *Ibid.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus. Cambridge, 2006; *Ibid.* Ukraine and Russia: Representations of the Past. Toronto, 2008; *Rudnitsky I.L.* Essays in Modern Ukrainian History. Edmonton, 1987; *Mykhaylo Drahomanov: a Symposium and Selected Writings.* / Ed. by I.L. Rudnitsky New York, 1952; *Rethinking Ukrainian History.* / Ed. by I.L. Rudnitsky, Himka J., Edmonton, 1981; *Subtelny O.* The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century. New York, 1981.

организаций на рубеже XIX–XX в. трактовалась сугубо в рамках концепции «украинского национального возрождения», вопрос же о степени поддержки представителей украинского движения малороссийским населением как правило не ставился и выводился «за скобки» исследований.

Таким образом, историография исследуемой темы достаточно обширна, однако по большей части преобладают либо обзорные работы по истории украинского национального движения в целом, либо исследования, посвященные какому-либо отдельному аспекту проблемы. Литературы об украинских политических и культурных организациях именно в рамках изучаемого периода на сегодняшний день не так много. Данный факт обуславливает наличие многих неисследованных проблем, связанных с историей развития украинского национального движения в конце XIX – начале XX в., и обеспечивает научную новизну настоящей диссертации.

Источниковая база исследования. Источники, используемые в диссертации, относятся к пяти группам: законодательные акты, делопроизводственная документация государственных учреждений Российской империи, программные документы и агитационно-пропагандистские материалы политических партий и объединений украинского национального движения, публицистические материалы из периодической печати, источники личного происхождения.

К числу законодательных актов, привлекаемых в рамках нашего исследования к осмыслению процесса становления украинских политических и культурных организаций рубежа XIX–XX вв. относятся так называемые Валуевский циркуляр 1863 г.³⁷ и Эмский указ 1876 г.³⁸, а также так называемые

³⁷ Циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. // *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб, 2000. С. 240–241.

³⁸ Выводы Особого Сопровождающего для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая в г. Эмс // *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб, 2000. С. 242–244.

«Временные правила о неповременной печати» от 24 апреля 1906 г.³⁹, завершающие серию указов «временных правилах о печати», вступивших в силу в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Данные законодательные акты станут для нас надежным подспорьем при анализе деятельности представителей украинского движения Российской империи на фоне отмены ограничений малороссийской печати в годы революции.

Так, Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г отражали политическую линию властей Российской империи в отношении малороссийского наречия в предшествующие эпохи. В сущности, они отражали собой реакцию органов власти на деятельность представителей украинского движения в предшествующих исторических периодах и необходимы в рамках нашего исследования в первую очередь для составления цельного представления о положении статуса малороссийского наречия в императорской России к началу XX в. «Временные правила о неповременной печати» от 24 апреля 1906 г., в свою очередь, будут отражать те изменения, которые произошли в отношении статуса малороссийского наречия и связанных с ним ограничений в сфере печати в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

Отдельно в дополнение к данному перечню следует выделить записку «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», изданную Академией наук в 1905 гг.⁴⁰, которая, безусловно, не являясь законодательным актом, тем не менее имеет прямое отношение к вышеозначенным документам и освящает важный аспект в истории вопроса отмены ограничений печати на малороссийском языке в Российской империи. Так, данная записка была подготовлена членами Императорской академии наук по просьбе председателя кабинета министров С.Ю. Витте и ставила перед собой целью представить убедительные документы для доказательства самостоятельного

³⁹ ПСЗ. Собрание 3. Т. XXVI. № 27815.

⁴⁰ Об отмене стеснений малорусского печатного слова. Записка Императорской Академии наук. СПб., 1905.

статуса отдельного малороссийского языка.

К законодательным актам, имеющим прямое отношение к развитию украинского движения в Российской империи, будет относиться так называемый «Закон об изменении некоторых узаконений о мужских и женских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах»⁴¹ от 1 июля 1914 г., который предоставлял возможность открытия учебных заведений с преподаванием на малороссийском языке.

Следующую наиболее объемную категорию официально-документальных материалов составляет делопроизводственная документация ряда государственных ведомств Российской империи, в число задач которых входило контроль и наблюдение за политической деятельностью украинских организаций. Данная категория источников, преимущественно представленная материалами Особого отдела Департамента полиции Российской империи, большая часть которых хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Комплекс материалов Департамента полиции включает в себя отдельные сводные дела по украинским партиям, результаты агентурных наблюдений за образовательными учреждениями малороссийских и новороссийских губерний, дела по отдельным представителям украинского движения, различные аналитические записки⁴².

Сотрудниками Особого отдела Департамента полиции также заводились дела, представляющие из себя составленную подборку оперативных сведений, посвященных отдельным партиям украинского движения, таким как «Спилка» и УСДРП⁴³ или же деятельности особо интересовавших органы полиции

⁴¹ Закон об изменении некоторых узаконений о мужских и женских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Одесса, 1914.

⁴² ГА РФ. 102. Оп. 226. Д. 150, 150т.; Оп. 231. Д. 650, 1243, 1445, 1555ч. 1, 1555ч. 2, 1555ч. 3; Оп. 233а Д. 3ч. 36; 3ч. 37, 3ч. 39, 3ч. 40, 3ч. 47, 3ч. 50, 3ч. 55, 3ч. 62, 3ч. 69, 108ч. 3, 1936; Оп. 235 Д. 20ч. 76, 25ч. 41; Оп. 238 Д. 331; Оп. 239 Д. 8ч. 6, 216, 241; Оп. 240 Д. 321 Оп. 241 Д. 10, 10ч. 1; 8ч. 32; Оп. 246 Д. 231т. 1, 231т. 2; Оп. 247 Д. 231; Оп. 253 Д. 39; Оп. 316 Д. 163, 231, 305, 163ч. 57, 163ч. 63.

⁴³ ГА РФ. Ф. 102 Оп. 235 Д. 25ч. 50; Оп. 253 Д. 11, 123; Оп. 240 Д. 163; Д. 163т. 3–3; 163т. 3; 163ч. 46л. Б, 163ч. 57, 163ч. 63, Д. 24, 8ч. 1, 8ч. 2, 8ч. 350.

организаций, таких, к примеру, как Союз освобождения Украины⁴⁴. Ближе к событиям Первой мировой войны в практику делопроизводства Особого отдела также широко входило составление достаточно объемных дел, представляющий из себя обзор деятельности украинского движения за год⁴⁵. Часть материалов по истории украинского движения собрана в «Записке об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии»⁴⁶, специально составленной для нужд Департамента полиции как внутренний аналитический документ. Следует отметить, что данные записки во многом находят свою полную корреляцию с используемыми архивными документами. Отдельную значимую группу материалов делопроизводства представляют донесения русских военных агентов накануне и в годы Первой мировой войны, посвященные наблюдениям за контактами членов украинских организаций Российской империи с соратниками по движению из Галиции, а также с австро-венгерскими и германскими общественными и политическими кругами, хранящиеся в фондах российских архивов (АВПРИ, РГВИА) и ⁴⁷. Здесь мы встречаем агентурные сведения, касающиеся проводимой представителями «Союза освобождения Украины» агитационно-пропагандистской работы в среде русских военнопленных, наблюдения за представителями СОУ и за представителями русской политической эмиграции, откуда представители украинского национального движения также стремились привлечь сторонников в свои ряды в годы Первой мировой войны.

Отдельную группу сведений представляли сохранившиеся в фондах

⁴⁴ Там же. Ф. 102 Оп. 316 Д. 343 отд. 3 (1914 год), 343 отд. 3 Австрия (1915 год).

⁴⁵ Там же. Ф. 102 Оп. 244 Д. 231, 231 т. 1, 231 т. 2, 231 л. Б., 305 л. Б.; Оп. 245 Д. 231, 231 пр., 305 Ш.

⁴⁶ Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения, как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. Б.м., 1916.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 6, 18, 21, 26, 28, 30, 32, 33, 35, 45, 157, 387, 403; РГВИА. Ф. 428 Оп. 1. Д. 153, 577, 2807, 2812, 2813, 2814.

Особого политического отдела МИД Российской империи (АВПРИ) записки и доклады различных государственных деятелей министру иностранных дел, посвященные актуальному политическому положению украинского движения, а также переписка между председателем Совета министров В.Н. Коковцов и министру иностранных дел С.Д. Сазоновым, касательно размышлений и целесообразности выделения средств на поддержку русофильского движения в Галиции⁴⁸.

Отдельную группу официально-документальных материалов представляют собой стенографические отчеты заседаний Государственной думы Российской, на которых между депутатами от различных общественно-политических сил шли острые дискуссии по украинскому вопросу⁴⁹. К исследованию данного вопроса также непосредственное отношение будет иметь резолюция, опубликованная киевским клубом националистов по вопросу о преподавании в школах на малороссийском языке.⁵⁰

Категория программных документов и агитационно-пропагандистских материалов украинского организаций в первую очередь будет представлена политическими программами ключевых политических партий украинского движения – РУП (УСДРП), УНП, Украинский социал-демократический союз («Спилка»), УДП и УРП (впоследствии–УДРП). Некоторые, изначально напечатанные в формате брошюр, но получившие впоследствии широкое признание среде представителей украинского движения программные документы, без которых историю развития украинских организаций нельзя себе представить в полной мере, были помещены исследователями на

⁴⁸ АВПРИ Ф.ОПО Оп. 474 Д. 152, 155.

⁴⁹ Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия 1. Заседание 37. 14.III.1908 г.; *Там же*. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 16. 10.XI.1910; *Там же*. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 18. 12.XI.1910; *Там же*. Четвертый созыв. Сессия I. Заседание 51. 20. V.1913.

⁵⁰ Резолюция Клуба русских националистов (в Киеве) по поводу проекта преподавания в школах Малороссии на украинском языке, принятая общим собранием членов клуба 12 мая 1908 г. К. 1908.

страницах отдельных изданий⁵¹. Данные издания будут ценны тем, что, помимо самих источников, в них также будут содержаться ценные источниковедческие очерки, а также входить достаточно большая подборка смежных второстепенных программных резолюций, более подробно раскрывающих суть идейных концепций представителей украинского движения. Ряд программных документов публиковался политическими партиями и организациями украинского движения прямо на страницах нелегальных и легальных периодических изданий украинского движения, как к примеру, ряд программных документов «Революционной украинской партии» опубликованных, в частности, «Очерк программы», опубликованный Киевским комитетом РУП в «Гасле» («Гасло» ч. 4, апрель 1903 г.) и «Проект программы Революционной украинской партии» Н.В. Порша («Праця» ч. 13–14, апрель 1905), к этой же категории будут относиться «Наша платформа» «Союза освобождения Украины», опубликованная на страницах первого номера «Вестника СОУ» («Вісник СВУ» ч. 5, 5 октября 1914).

Важным источником для исследования идейно-политических представлений участников украинского движения на рубеже XIX–XX вв. станут также сборники программ украинских политических партий, составленные современными исследователями⁵². В них представлен практически весь основной объем ключевых программных документов украинских политических партий начала XX в. Широкий объем программных документов и агитационно-пропагандистских материалов, которые зачастую бывают недоступны современному исследователю, содержатся также на страницах работ первых исследователей истории украинских политических партий 20-х гг. XX в. из числа самих бывших участников украинского

⁵¹ Міхновський М.І. Самостійна Україна. К., 2002; *Он же*. Самостійна Україна. Програма Революційної Української Партії із 1900 року. Лондон, 1967.

⁵² Самостійна Україна: Збірник програм українських політичних партій початку XX ст. 1991; Українська революційна демократична партія (УРДП–УДПР): зб. матеріалів і документів Чикаго, К., 1997; Богатопартійна українська держава на початку XX ст.: Програмні документи перших українських К., 1992.

движения. Речь идет о вышеупомянутых работах О. Гермайзе и А. Риша. Так, на страницах работы А. Риша содержится текст автономного устава «Украинского социал-демократического союза («Спилки»)), а на страницах работы О. Гермайзе имеется отдельная тематическая глава, а также широко представленный раздел приложений содержит целый ряд неопубликованных брошюр и прокламаций, не встречающихся исследователю в других местах. В частности, также приводится на страницах работы О. Гермайзе полный текст резолюций, принятых на уставном съезде УСДРП при ее создании (II съезд РУП). Широкий объем брошюр и печатных изданий украинских политических партий содержится также в фондах Особого отдела Департамента полиции Российской империи. К данной категории отдел дела, которые представляли из себя подборку собранной воедино нелегальной литературы той или иной партии украинского движения⁵³.

При исследовании процессов политического развития украинских организаций на территории Российской крайне значимую роль будут играть материалы публицистики и периодической печати украинских организаций. Данная категория источников будет содержать ценную информацию о характере политических требований представителей украинского движения, их использование в рамках исследования позволит иметь более детальное представление о ключевых идейных контурах формирующейся украинской национальной идентичности, а также позволит дать ответ на ряд отдельных конкретных вопросов, значимых в контексте разработки темы⁵⁴. Так, весьма ценными для нашего исследования окажутся публицистические работы М.С. Грушевского⁵⁵, изданные в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., которые наглядным образом демонстрировали сущность основных

⁵³ ГА РФ Ф. 102 Оп. 240 Д. 163т. 3, 8т. 3; Оп. 241 Д. 163т. 3-лл.; Оп. 244 Д. 163т. 3.

⁵⁴ *Ефремов С.* Из общественной жизни на Украине // *Рус. Богатство*. 1908. №7; *Порш М.* Про автономію України. К., 1908.

⁵⁵ *Грушевський М.С.* З біжучої хвилі // *Грушевський М.С.* Твори: у 50 т. Львів, 2002. Т. 1 С. 329–334; *Он же.* Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. СПб., 1907; *Грушевский М.С.* Единство или распадение России? СПб., 1907; *Гринченко Б.* Порабощаемый народ. Львов, 1895.

программных требований украинского национального движения в эпоху революции. На страницах своих статей Грушевский напрямую задавал идейный вектор всей легальной работе украинских организаций в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., стремясь актуализировать украинский вопрос в пространстве общественно-политической жизни России в период широкого революционного подъема.

Дискуссия, развернутая представителями украинского движения на страницах публицистики по вопросу о выборе модели дальнейшего развития украинского литературного языка, представленная статьями И.С. Нечуй-Левицкого⁵⁶, а также М.С. Грушевского и его сторонников⁵⁷. Первый отстаивал необходимость близости создаваемого на страницах печатных и научно-литературных изданий украинского движения украинского письменного языка к живому народному языку малороссийского крестьянина, в то время М.С. Грушевским и близкий к нему круг общественно-политических деятелей отстаивали противоположную точки зрения, предполагающей интенсивную галицизацию и полонизации украинского литературного языка. Дискуссия стала важным эпизодом развития украинского национального движения в период начала XX в, во многом определив и состояние современного украинского литературного языка.

Значимым эпизодом в истории развития украинских партий в начале XX в. станет дискуссия между двумя ведущими лидерами Революционной украинской партии Д.В. Антоновичем и Н.В. Поршем по вопросу о первостепенности национального вопроса в программной линии РУП, разразившаяся в период наибольшего подъема социал-демократических настроений в партии, что напрямую отражено в рамках ряда статей

⁵⁶ *Нечуй-Левицький І.С.* Криве дзеркало української мови. К., 1912; *Он же.* Сьогочасна часописна мова на Україні. // Україна. 1907. № 1. С. 1–49; № 2 С. 183–239.

⁵⁷ *Тищенко-Сірий Ю.* Перші наддніпрянські українські масові політичні газети. Нью-Йорк, 1952; *Грушевський М.С.* Про українську мову й українську справу. К., 1907; *Стешенко І.М.* Про українську літературну мову. К., 1912; *Левицький М.* Де-що до справи про українську письменницьку мову // Літературно-науковий вісник. 1909. № 8. С. 121–154.

вышеозначенных представителей украинского движения⁵⁸.

Немалую роль в истории формирования украинского движения на территории Российской империи сыграли работы Л. Юркевича, на страницах которых автор выступает в лице видного представителя части тех представителей украинских организаций, которые тяготели к социал-демократическим идеям и выступали за сближение с общероссийскими партиями⁵⁹. Значимым источником из категории материалов публицистики стали статьи одного из ключевых лидеров РУП и УСДРП Н.В. Порша, посвященные вопросу украинской национально-культурной автономии⁶⁰.

Важной частью комплекса источников публицистики являются продукты интеллектуального наследия тех общественно-политических деятелей, что выступали с публичной критикой украинского национального движения. В рамках данной категории источников в первую очередь следует выделить работы С.Н. Щеголева⁶¹. Как автор, который в рамках своей непосредственной практической деятельности ежедневно встречался с прямыми проявлениями деятельности украинских организаций, будучи инспектором по делам печати Киева, и человеком с весьма развитыми аналитическими способностями, Щеголев провел весьма серьезную работу по сбору и анализу сведений о деятельности украинских организаций на территории Российской империи. Автор привлекает большое количество программных документов, материалов периодической печати, рассматривает предысторию становления украинского движения на территории Российской

⁵⁸ *Войнилович С.* Неіснуюче питання // *Праця*. Львів, 1905. Ч. 11. С. 2–5; *Он же*. Ще про неіснуюче питання // *Праця*. Львів, 1905. Ч. 12. С. 2–5; *Порш М.* З приводу «неіснуючого питання» // *Праця*. Львів, 1904. Ч. 13–14. С. 2–7.

⁵⁹ *Юркевич Л.* Єзуїтська політика // «Дзвін» К., 1914. Т. 3. С. 458–465; *Он же*. Національна справа і робітництво. К., 1913. С. 1–23; *Рибалка Л.* До нашої національно-партійної психології // *Наш голос*. 1910. Ч. 1. С. 43–48.

⁶⁰ *Порш М.* Національне питання та виборча агітація на Україні // *Літературно-науковий вісник*. 1907. Т. 37. С. 135–139; *Он же*. Про автономію України. К., 1907.

⁶¹ *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. К., 1912; *Он же*. Современное украинство: Его происхождение, рост и задачи К., 1913, 1914; *Он же*. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. К., 1912.

империи. Отдельно среди публицистических материалов, где авторы выступали с критикой украинского движения следует отметить статью П.Б. Струве «Общероссийская культура и украинский партикуляризм»⁶², опубликованную на страницах журнала «Русская мысль» в 1912 г. Статья вызвала широкий резонанс в среде представителей украинского движения Российской империи, что привело даже к прямым угрозам в адрес автора и обвинению его в причастности к аресту М.С. Грушевского в 1914 г.

Немаловажную роль в исследовании также играют материалы периодической печати украинского движения, которому в целом было свойственна достаточно высокая издательская активность материалов прессы в эпоху начала XX в. Так, можно выделить два ключевых периода в истории развития прессы украинских организаций. Первый относится ко времени рубежа XIX–XX вв. до начала Первой русской революции 1905–1907 гг., когда еще не был снят запрет на издание периодических изданий на малороссийском. Здесь мы наблюдаем в большинстве своем нелегальные газеты и журналы, издание которых по большей части осуществлялось за рубежом, в Галиции и на Буковине, с последующей незаконной транспортировкой изданий на территории Российской империи («Праця», «Селянин», «Гасло», «Добра Новина»). Большая часть экземпляров данных печатных изданий сохранилась в делопроизводственных материалах Департамента полиции Российской империи, оказавшись в числе конфискованной литературы. Данные экземпляры нелегальных периодических изданий хранятся в перечисленных выше в предыдущих пунктах делах в качестве вспомогательных материалов, приложений к агентурным сведениям. В данный период в руках украинского движения находился только один легальный печатный орган - «Киевская старина», который концентрировался исключительно на историко-этнографической тематике и не затрагивал каких-либо политических аспектов. Кардинальным

⁶² Струве П.Б. Общероссийская культура и украинский партикуляризм // Русская мысль, 1912, кн. I, С. 65–86.

образом ситуация меняется с разрешением создания органов периодической печати на малороссийском в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., когда наблюдается резкий скачок и начинает активным образом осуществляется деятельность по созданию и организации работы печатных изданий украинского движения («Хлебороб», «Украинский вестник», «Украинская жизнь», «Рада», «Литературно-научный вестник», «Звон», «Вильна Украина», «Наше життя», «Проминь»). Подробный анализ данных материалов прессы, характера редакционной политики изданий, помогает получить комплексное представление об актуальном состоянии украинского движения, о комплексе проблем, складывающихся в среде украинских организаций на конкретном временном этапе, о текущий запросах и нуждах украинофилов. Отдельной группой представлены периодические издания, издававшиеся за границей представителями украинского движения Российской империи («Боротьба», «Вестник Союза освобождения Украины»)

Нельзя представить себе исследование истории развития украинских политических и культурно-просветительских организаций на территории Российской империи без широкого привлечения источников личного происхождения. В первую очередь к ним будет относиться обширный пласт воспоминаний членов украинских организаций, представленных как небольшими очерками, так и более объемными работами. К числу очерков, посвященных отдельным аспектам различных объединений украинского движения будут относиться небольшой очерк Д.В. Дорошенко⁶³, посвященный истории неформальных студенческих объединений украинского движения 90-х гг. XIX в., где мы можем подчерпнуть много значимых сведений о складывающихся противоречиях между Киевской и Харьковской объединений украинского движения, а также о деятельности «Харьковской украинской студенческой громады». Схожие по содержанию очерки, посвященные разным аспектам общественно-политической жизни

⁶³ Антонович Д.В. Сторінка з історії української політичної думки дев'ятидесятих років XIX в.// Вісник політики, літератури й життя. Ч. 34. Відень.1918. С. 55 – 79.

студенческих объединений украинского движения 90-х гг. XIX в. встречаем также у П.Л. Тучапского, Д. Дорошенко, Н. Ганкевича⁶⁴.

Важную роль для исследования развития украинского движения на территории Российской империи будет играть небольшой биографический очерк И.Л. Липы, посвященный деятельности «Братства тарасовцев»⁶⁵ - первой организации на территории Российской империи, которая выступила на общественно-политическом поле с выраженной идейно-политической платформой радикального украинского политического национализма. К воспоминаниям ряда общественно-политических деятелей украинского движения, посвященных аспектам истории и деятельности «Революционной украинской партии», будут относиться очерки А. Жука, В. Дорошенко, В. Садовского, П. Феденко⁶⁶.

Особое значение для нашего исследования будут иметь воспоминания одного из основателей «Харьковской украинской студенческой громады» и Революционной украинской партии Ю.Ж. Колларда⁶⁷. Являвшийся непосредственным очевидцем и соучастником всех центральных событий рубежа XIX–XX вв., которые были связаны со становлением молодежных политических организаций украинского национального движения, достаточно быстро трансформировавшихся в политические партии, Коллард во многом сообщает на страницах своих мемуаров уникальные подробности. Так, к примеру, Ю.Ж. Коллард подробно раскрывает путь формирования «Революционной

⁶⁴ Тучапський П. Из пережитого (90-е годы). М., 1923; Дорошенко Д. Український рух 1890-х років в освітленні австрійського консула в Києві // 3 минулого. Збірник. Т. I. Варшава, 1938. С. 59–70; Ганкевич М. З перед двадцяти літ: початки української соціал-демократії в Галичині // Календар «Впереду»:1920. Львів, 1920. С. 71–82.

⁶⁵ Липа І.Л. Тарасовці // Письмо з «Просвіти». Львів, 1922. С. 91–92.

⁶⁶ Жук А. На відкритті пам'ятника І. Котляревському // Сучасність. № 12. Мюнхен. С. 84–94; Он же. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1940. Річник XVII. Львів, 1940. С. 49–50; Он же. Перша партійна конференція Р.У.П. // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1936. Річник XIII. Львів, 1936. С. 96–101; Дорошенко В. РУП і УСДРП. // Календар «Впереду»:1920, Львів, 1920. С. 225–236; Садовський В. Від українофільства до політики (з приводу 25-ліття заснування Р.У.П.) // Літературно-науковий вістник. Львів, 1925. Т. 86. Кн. 3. С. 250–253; Феденко П. 80-ліття Революційної української партії // Наше слово. Мюнхен; Лондон, 1980. № 7. С. 71–82.

⁶⁷ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. Торонто, 1972.

украинской партии» из небольшого студенческого кружка, приводит поименные данные о составе РУП и входящих в нее громад на момент 1900–1902 гг., помещает на страницы воспоминаний проект программы «Харьковской украинской студенческой громады», ставшей предшественницей РУП в организационном отношении. И это далеко не полный список тех уникальных сведений, что мы подчерпнули из его работы.

Ряд значимых сведений об истории «Украинского социал-демократического союза «Спилки» мы можем подчерпнуть из очерков воспоминаний руководителей «Спилки» – Ю. Меленевского и А. Скоропись-Йолтуховского⁶⁸, которые раскрывают перед нами ряд важных подробностей создания объединения и агитационно-пропагандисткой деятельности «Спилки» среди представителей малороссийского крестьянства непосредственно «на земле».

Важный пласт сведений о деятельности умеренно-либерального направления украинского движения Российской империи, представленного «Украинской демократической радикальной партией» (УДРП), а также «Товариществом украинских прогрессистов», будут представлять воспоминания Е. Х. Чикаленко, С. А. Ефремова, А.И. Лотоцкого⁶⁹, содержащие ценную информацию о легальном направлении работы украинских организаций в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., культурно-просветительской деятельности «Просвит» на территории Российской империи, подробности взаимодействия умеренного крыла украинского движения с имперскими представителями власти.

⁶⁸ Меленевський М. До історії Української С.-Д. Спілки (з приводу брошури В. Дорошенка «Револьюційна Українська партія (РУП) (1900–1905 рр.): Нарис з історії Укр. соціал-демокр. Партії») // Нова Громада. Відень, 1923. Ч. 3–4. С. 130–134; Скоропис-Йолтуховський О. Соціал-демократичний рух в Сквирському і Васильківському повітах в 1906 р. // Наш Голос. 1911, 11–12. С. 35–42

⁶⁹ Чикаленко Є.Х. Спогади: (1861–1907). Львів. В. 3-х ч., 1925–1926; Он же. Уривок із споминів // Літературно-науковий вістник. кн. VII–IX. Львів. 1924. С. 112–124; Ефремов С.А. Из общественной жизни на Украине // Рус. Богатство. 1908. №7. С. 17–57; Лотоцький О.Г. Сторінки минулого. Варшава. В 2 ч. 1932–1933.

Отдельную категорию составляют воспоминания членов украинских организаций, посвящённых всему периоду рубежа XIX–XX вв. К ним будут относиться воспоминания А. Русова, А. Барвинского. И. Мазепы, Б. Мартоса⁷⁰. На страницах их очерков, история украинского движения рубежа XIX–XX вв. освещается сквозь призму личного биографического контекста, индивидуального и неповторимого опыта автора, что значительно дополняет картину общего развития украинских организаций в исследуемый период.

Наконец, существенным образом дополняют общую картину источников личного происхождения по истории развития украинского движения на рубеже XIX–XX вв. дневники представителей украинских организаций. В частности, большого внимания заслуживают публикации дневниковых записей М.С. Грушевского, В. Винниченко, Е.Х. Чикаленко⁷¹, которые содержат массу полезных сведений по истории украинского движения, в особенности ценность будут представлять дневниковые записи, касающиеся Первой мировой войны.

Таким образом, историография исследуемой темы достаточно обширна, однако по большей части преобладают либо обзорные работы по истории украинского национального движения в целом, либо исследования, посвященные какому-либо отдельному аспекту проблемы. Литературы об украинских политических и культурных организациях именно в рамках изучаемого периода на сегодняшний день не так много. Данный факт обуславливает наличие многих неисследованных проблем, связанных с историей развития украинского национального движения в конце XIX – начале XX в., и обеспечивает научную новизну настоящей диссертации.

⁷⁰ Русов О.О. Щоденники та спогади. Чернівці: Десна Поліграф, 2011; Барвінський О. Спомини з мого життя. К., 2004; Мазепа І. З моїх петербурзьких спогадів // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1938. Річник XV. Львів, 1937. С. 113–124; Мартос Б. З моїх споминів // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1940. Річник XVII. Львів., 1939. С. 30–48.

⁷¹ Грушевський М.С. Щоденник (1888–1894 рр.). К., 1997; Винниченко В. Щоденник. Т. 1 (1911–1920). Едмонтон, Нью-Йорк, 1980; Чикаленко Є. Щоденник (1907–1917). К., 2011.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем украинское движение рассматривается как внутренне противоречивое явление, которое, с одной стороны, позиционировало себя в качестве национального движения, отражающего запросы и нужды малороссийского народа, с другой стороны, по большей части состояло из представителей местной интеллигенции, имевшей крайне слабую поддержку в среде крестьянства, что, в свою очередь, порождало искусственность и отчужденность многих теоретических построений таких активистов. Также впервые в современной отечественной исторической науке проводится детальный анализ численности, социального состава движения на момент рубежа XIX–XX вв., на основе архивных материалов раскрываются подробности взаимодействия украинских организаций с другими общественно-политическими силами России. Новизна исследования обусловлена и введением в научный оборот ряда неопубликованных материалов из российских архивов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы для дальнейшего изучения истории украинского национального движения, отличительных особенностей развития национального вопроса в Российской империи начала XX в., истории русской общественной жизни рубежа XIX–XX вв.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы и материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении истории национального вопроса в общественно-политической жизни Российской империи начала XX в., внутренней политики начала XX в., а также при разработке специальных курсов, посвященных истории украинского национального движения, общественно-политической жизни в Юго-Западном крае в исследуемый период.

Достоверность исследования обусловлена широтой и разнообразием источниковой базы, включающей в себя опубликованные и неопубликованные материалы Особого отдела Департамента полиции и Особого политического

отдела МИД Российской империи, документов украинских национальных организаций, периодики и материалов личного происхождения, ее комплексным анализом, а также введением результатов исследования в контекст имеющихся на сегодняшний день историографических наработок по данной теме.

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России XIX века – начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные результаты диссертации были представлены на международных и всероссийских научных конференциях, а также опубликованы в 11 научных работах общим объемом 6,1 п.л., в том числе в 4 статьях общим объемом 3,9 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-тематическим принципом. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Цели, задачи и характер украинского национального движения напрямую вытекали из тех социально-политических вызовов, с которыми столкнулось преимущественно аграрное население Малороссии на рубеже XIX–XX вв. Под влиянием процессов модернизации и развития капиталистических отношений на территории малороссийских и новороссийских губерний мир малороссийского села в лице немногочисленных представителей образованного слоя этих регионов начинает вырабатывать новые проекты и формы общественно-политического устройства. Данные процессы были идентичны для многих национальных движений народов Европы, не имевших укоренившихся традиций

строительства собственной государственности в начале XX в.

2. Формирование социальной базы движения в первую очередь осуществлялось на базе двух крупных образовательных центров – Киевского и Харьковского университетов. Студенчество играло одну из ведущих ролей в развитии украинских национальных организаций в начале XX в. Именно неформальные студенческие объединения 1890-х гг. составили основу первых украинских политических партий. Важную роль играли также среднеобразовательные учреждения Юго-Западного края – гимназии, реальные училища, семинарии.

3. Центральное место в программно-политических требованиях украинских национальных организаций в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. занимала идея создания украинской национально-культурной автономии. Однако в итоге она не получила поддержки ни среди либерального политического крыла русской общественности, ни среди представителей других национальных движений, ни среди широких масс крестьянства. Тем не менее отмена цензурных ограничений в области печати в революционные годы открыла доступ для массового издания периодики украинского национального движения, что существенно способствовало увеличению роста численности его сторонников в последующее десятилетие.

4. Несмотря на развернутую агитационно-пропагандистскую работу среди малороссийского крестьянства, украинским политическим партиям не удалось получить массовую поддержку. Число активных участников украинских организаций, до революции не превышавшее 250–300 человек, в лучшем случае возросло лишь в полтора раза. С угасанием революционной активности большая часть крестьянства, рассматривавшая программные положения украинофилов в качестве возможности решения аграрного вопроса, перестала проявлять интерес к украинскому национальному движению.

5. С началом эпохи третьеиюньской политической системы украинское национальное движение стало постепенно вырабатывать новые формы

полулегальной работы, сочетавшие в себе культурно-просветительскую и политическую деятельность. В результате это позволило украинофилам значительно увеличить число своих сторонников среди крестьянства, которое достигло несколько тысяч человек. Развитие печати на украинском языке активно способствовало процессу формирования украинского литературного языка, который создавался на основе галицких говоров.

6. Первая мировая война остро поставила перед украинскими национальными организациями Российской империи вопрос о выборе дальнейшего политического вектора. Их представителям так и не удалось сформировать консолидированной позиции в отношении войны. Однако лишь небольшая часть украинофилов Российской империи пошла на прямое сотрудничество с Центральными державами. Тем не менее Первая мировая война способствовала радикализации украинского национального движения и значительному упрочнению его прямых контактов с зарубежными структурами.

Глава 1. Новые вызовы: политическая эволюция украинского движения Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

1.1. Кризис и трансформация украинского национального движения в 90-х гг. XIX в.

Процесс становления украинских общественно-политических организаций в русской общественной жизни на рубеже XIX–XX в. складывался по определенному сценарию, продиктованному логикой адаптации деятельности украинского движения под меняющуюся общественно-политическую реальность России начала XX в. За короткий период с 1900 по 1905 г. были сформированы практически все нелегальные украинские политические партии, а, в свою очередь, формирование остальных политических партий украинского движения, созданных в Российской империи с 1905 по 1917 г. осуществлялось по принципу деления и реструктуризации уже существующих организаций. Так, за указанный период были сформированы РУП (Революционная украинская партия, 1900 г.), УНП (Украинская национальная партия, 1902 г.), УСДРП (Украинская социал-демократическая партия, 1905 г.) УДП (Украинская демократическая партия, 1904 г.), Украинский социал-демократический союз «Спилка» (1904 г.), УРП (Украинская радикальная партия, 1905 г.).

В чем была причина такой резкой структуризации украинского движения в начале нового столетия? Прежде, чем дать ответ на этот вопрос, следует сказать, что данные организационные структуры не возникли «из неоткуда». Они формировались на базе украинских студенческих громад, существовавших в Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове, Екатеринославле, Петербурге, Москве и других городах. Громады существовали с 60-х г. XIX в. и предпочитали неформальную культурно-просветительскую деятельность активной политической борьбе. Примеры разгрома Кирилло–Мефодиевского братства и Польского восстания 1863–1864 гг. отчетливо показали украинофилам, что попытки прямого сопротивления для данной достаточно узкой прослойки интеллигенции обречены на неудачу. Однако в конце XIX в. политическая ситуация в России начала меняться. На фоне подъема и

радикализации революционного движения в стране в 90-е гг. XIX в. к представителям украинского движения начинает приходить осознание насущной необходимости создания политических организаций.

Становление украинского национального движения на момент середины XIX – начала XX в. осуществлялось в первую очередь на базе образовательных организаций Юго-Западного края, преимущественно Киевского и Харьковского университетов, а также гимназий и реальных училищ. В социальном отношении, подавляющее большинство членов украинских организаций составляли представители местной интеллигенции, студенчества, а также учащихся средних образовательных учреждений. Процесс привлечения новых сторонников в состав движения осуществлялся, в первую очередь, за счет образовательной и просветительской работы в среде студенчества, гимназистов и молодежи реальных училищ.

Так, если привести данные о социальном составе первой нелегальной партии украинского движения на территории Российской империи – Революционной украинской партии, основная доля участников которой приходилась на новое молодое поколение украинофилов, формирование политического мировоззрения которых складывалось в период 90-х гг. XIX в., мы увидим, что огромную долю ее участников составляло студенчество. Подробные сведения о численном и социальном составе объединений мы рассмотрим на страницах данной главы несколько позже, для формирования общего представления же сейчас отметим, что, по агентурным сведениям Департамента полиции на 1903 г., в социальном отношении порядка 85 % состава участников Революционной украинской партии приходились на студенчество и представителей местной интеллигенции, они же составляли большую часть ядра партии. Остальная доля членов партии приходилась на крестьянство, которое представителям украинского движения удалось привлечь в свои ряды⁷². Бесспорно, ключевыми центрами здесь выступали, в

⁷² ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 3. Л. 15–16; *Там же*. Д. 1555ч. 1. Л. 194–198; *Там же*. Д. 1555ч. 2. Л. 24–27.

первую очередь, Харьковский и Киевский университеты. Однако устойчивые студенческие группы, увлекающиеся украинскими национально-политическими идеями, имелись и в Харьковском ветеринарном институте, и в Харьковском технологическом институте. Ядро, а во многом даже подавляющее большинство участников украинских организаций составляла местная интеллигенция, так или иначе связанная с средой малороссийского села, получившая определенный уровень образования и активным образом стремящаяся отстаивать свои провинциальные культурные отличия. Она занимала определенную нишу в экономической системе региона, в первую очередь, представляя ряд профессий необходимых для жизнеобеспечения Юго-Западного края, связанных как раз со сферами труда, где необходимо было наличие образования – учителя, фельдшеры, местные служащие, инженеры, были представлены в движении также и местные землевладельцы края.

Об отчетливой привязке к местным центрам образования говорит даже территориальный ареал наибольшего распространения активности украинского движения на период рубежа XIX–XX в. Три наиболее активными центрами распространения политического украинства являлись Киев, Харьков и Полтава, в соответствии с наличием в первых двух из них высших учебных заведений и географическому расположению последнего между двумя образовательными центрами. Полтавская губерния являлась местом, откуда была родом весомая часть представителей украинского движения, обучающихся в Киевском и Харьковском университетах. К этому можно прибавить и то, что в Полтавской губернии достаточно развита была сеть учреждений среднего образования, что сильно способствовало развитию идей политического украинства в данном регионе. Вся основная масса малороссийской молодежи, имевшая возможность обучаться, перейдя на этап получения высшего образования, поступала по большей своей части в Киевский и Харьковский университеты, где в студенческих громадах их

гимназические, семинаристские воззрения находили уже окончательное воплощение.

Специфика социальной базы украинского движения, безусловно, не ограничивалась лишь одной замкнутостью на представителей местной интеллигенции. Крайне серьезное отношение к процессу формирования как самого украинского движения, так и его программных политических требований, имело малороссийское крестьянство. Культурные и психологические особенности малороссийского крестьянина, преобладание среди малороссийского крестьянства мелких хуторских индивидуальных хозяйств над общинным землевладением, имели самое прямое отношение к формированию социально-политических установок украинского движения. Это было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, сами представители украинского национального движения преимущественно являлись выходцами из села. Как правило это были представители тех социальных категорий, которые были в состоянии предоставить детям возможность получения образования. В их числе нам встречаются и обедневшие дворяне, и семьи священников, и зажиточные хуторские собственники.

Отдельно следует отметить, что доля выходцев из семей духовенства в целом составляла достаточно большой процент в общей массе представителей украинского национального движения. В их числе мы встречаем таких известных членов украинских организаций как М.С. Грушевский, С.В. Петлюра, С.А. Ефремов, Н.И. Михновский и др. В отношении тех украинофилов, что имели дворянское происхождение, следует отметить, что безусловно большая часть из них имела шляхетское происхождение, и являлись, как их называли между собой сами представители украинского движения «украинцами польской культуры». В их числе такие имена как Маркиан Меленевский, Богдан Ярошевский, и многие другие. По большей части все данные категории не утрачивали связи с малороссийским селом и стремились в первую очередь развивать «национальную сознательность» в

крестьянской среде. Само же крестьянство, в свою очередь, рассматривалось членами украинских организаций в качестве ведущей социальной категории, в среде которой и должна была самым активным образом проводиться работа по формированию представлений об украинской национальной идентичности. Собственно, основная масса малороссийского крестьянства и рассматривалась украинствующей интеллигенцией как прямое непосредственное воплощение «украинского народа», в котором необходимо было лишь «пробудить» задремавшие в результате длительной русификации и полонизации национальные силы.

Отношение же самого малороссийского крестьянства к украинской национальной идентичности на период XX в. представляет из себя отдельную проблему. Мировоззрение малороссийского крестьянства не укладывалось в догматические рамки идейных представлений участников украинского движения. В среде малороссийского крестьянства популярность имели самые разные политические взгляды, в том числе достаточно сильно развиты были и монархические пристрастия. Таким образом, участники украинских организаций на период рубежа XIX–XX в. имели крайне узкую социальную базу, представленную по большей части местной интеллигенцией, занимающей определенную нишу в сложившейся системе экономических взаимоотношений. Весьма широко представители украинского движения были представлены и в образовательной среде Малороссии. В силу особого положения данной социальной категории в регионе взаимодействие украинофилов с крестьянством на общественно-практическом поле во многом складывалось в весьма противоречивом ключе. Принадлежа к местному образованному слою, представители украинского движения, с одной стороны, переходя в другую социальную общность, утрачивали свою органическую связь с миром крестьянства, с другой, их провинциальная обособленность во многом была связана с социальными и культурно-психологическими особенностями малороссийского крестьянства.

Можно ли в таком случае сформировать некий наглядный собирательный социальный портрет представителя нового молодого поколения украинского национального движения, чье становление пришлось на период рубежа XIX–XX вв и привести на страницах нашего исследования некую характерную усредненную модель пути, по которому шел процесс личностного и мировоззренческого формирования украинофила в Российской империи на рубеже веков? Представляется, что можно. Более того, это сможет дать более глубокое понимание внутренней личностной мотивации представителей украинских организаций, а также получить более детальное представление о социальной природе, причинах и корнях формирования исследуемого нами идейно-политического течения. Так, в качестве основы для составления подобного показательного портрета нами будет предложено рассмотреть путь становления одного из представителей украинского движения, члена Революционной украинской партии, Украинской народной партии, писателя и публициста Виктора Никаноровича Андриевского. Виктор Андриевский оставил ряд мемуарных работ, из которых наиболее известным является его труд «С прошлого», посвященный истории Гражданской войны и включающий два тома – «1917 год на Полтавщине» и «От Гетмана к Директории». Однако для нас особое внимание представляет менее заметная работа под названием «Три громады: Воспоминания с 1885–1917 гг.», представляющая собой его воспоминания, посвященные периоду детско-юношеского становления, где подробным образом описаны его ранние годы, проведенные в селе на Полтавщине, годы обучения в полтавской гимназии и первые попытки участия в различных украинофильских кружках и их работе, а также в качестве закономерного итога – последующее вступление в Революционную украинскую партию.

Впоследствии В.Н. Андриевский станет достаточно авторитетным представителем украинского движения рубежа XIX–XX вв. После окончания Киевского университета в 1907 г., Андриевский становится преподавателем химии и товароведения в Полтавском коммерческом училище, где являлся

весьма активным участником полтавской украинской громады. Также активно принимает участие В.Н. Андриевский и в работе местного земства, неоднократно он избирался гласным от Полтавского губернского земства и Полтавской городской думы. При этом сам Андриевский, в политическом отношении весьма близко стоящий к радикальному националистическому мировоззрению, параллельно с этим весьма активно принимал участие в деятельности Украинской народной партии Н.И. Михновского, печатаясь на страницах журналов «Сноп», «Родной край», содержательную редакторскую линию которого также определяло радикальное крыло украинского национального движения. Впоследствии Андриевский даже напишет очерк «К характеристике украинских правых партий», а также станет автором одной из первых биографических работ о Н.И. Михновском⁷³. В годы революции и Гражданской войны Андриевский имел прямое отношение к созданию Украинской хлеборобско-демократической партии, затем в 1917–1918 г. был полтавским губернским комиссаром народного образования, где принимал непосредственное участие в украинизации начального образования, а после утверждения советской власти на Украине руководил проддепартаментом уже в Госсекретариате ЗУНР. В годы Великой Отечественной войны оказался вторым заместителем председателя Украинского национального комитета в Кракове, созданном под эгидой ОУН (б). Столь подробный послужной список служит явным свидетельством того, что В.Н. Андриевский в украинском движении являлся фигурой далеко не «третьего плана», а занимал достаточно важное место в общем процессе развития украинских организаций на период начала XX в. Тем важнее для нас будет рассмотреть первоначальный этап формирования и становления Андриевского как личности и общественно-политического деятеля.

Так, семья Виктора Андриевского вела свое происхождение от старинного малороссийского священнического рода с Полтавщины, отец

⁷³ *Андрієвський В.Н.* М. Міхновський: Нарис суспільно-політичної біографії. Мюнхен, 1950; *Он же.* До характеристики українських правих партій. Берлін, 1921.

сначала был мелким служащим при полтавской казенной палате. После смерти старшего брата Андриевский получил в наследство отцовский хутор в уездном городе Кобеляки, находящемся там же на Полтавщине, и стал развивать там свое хозяйство. Мать Андриевского происходила из рода Маковских – ее отец приходился родственником знаменитым художникам. Сама же семья Андриевских была весьма зажиточной, достаток семьи позволял иметь в доме прислугу, горничных, кухарок. Сам В. Андриевский вспоминает «Я не знал ни бонн, ни гувернанток, позднее имели мои сестры, а воспитывали меня, помимо родителей еще и няньки – моя и моих сестер, горничные и кухарки – все селяне с кобеляцкого уезда и извозчик, также наш хуторской парубок»⁷⁴. Это весьма крепкое финансовое положение стало тем основополагающим фактором, который позволил в дальнейшем отправить молодого Виктора на обучение в Полтавскую гимназию.

Пройдя путь своего первоначального становления на родительском хуторе, В.Н. Андриевский на протяжении всего периода своего детства практически каждый день сталкивался с различными многообразными проявлениями жизни малороссийского крестьянства. При этом будущий участник украинского национального движения с самих крестьян взаимодействовало посредовано, будучи еще ребенком огражден от прямого участия в сельском труде в силу социального и имущественного положения. Это весьма сильно способствовало идеализации крестьянской жизни, воспринятой преимущественно в ее культурных и этнографических формах, вне прямой связи с тяжелым трудом крестьянина на земле. Тем не менее, взаимодействие осуществлялось крайне активно, так как с домашней прислугой контакт происходил часто и ежедневно. Как вспоминал В.Н. Андриевский: «Первой настоящей школой украинского языка для меня была в селе по большей части кухня, а на хуторе, куда наша семья выезжала на лето – выгон, стерня, толока, где пасли скот мои приятели и все наши

⁷⁴ *Андрієвський В.Н.* Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. Львів, 1938. С. 8.

хуторские люди вместе, которые другого языка не употребляли»⁷⁵. Чувство родства и одновременно с этим чувство отчужденности от народной культуры и народной жизни создавали в минуты соприкосновения с народной стихией образы, которые резко врезались в память на всю жизнь и устанавливали тонкую, оборвавшуюся в семье в свое время на каком-то из жизненных этапов связь с народным бытом и культурой, все это в конце концов увязывалось с идиллическим образом украинского села с его песнями, праздниками, традициями.

Роль малороссийских песен и влияние их на формирование в юношеский период страстного увлечения всей малороссийской этнической атрибутикой отмечалась многими членами украинских национальных организаций. В.Н. Андриевский в описании своего детско-юношеского становления будет придавать значение влиянию малороссийских народных песен: «В эти часы произвела наибольшее впечатление и оставила наибольший значимый отпечаток в моей душе украинская песня. Мой отец участвовал в пениях разного рода. Знал много песен московских, церковных, оперных мелодий и опереток, но более всего – украинских песен»⁷⁶; «Слушая такие песни я сокрушался и плакал над несчастным чумаком, которого я рисовал себе таким, каким не раз представлял его отец в своих рассказах»⁷⁷; «Затрагивали меня эти украинские песни своими образами, не говорю уже по мелодии, которые так сразу припали мне к сердцу, что больше никакие другие, что слышал я жизни не затрагивали и сильно и трогали моих чувств как эти мелодии нашего народа»⁷⁸. Украинская песня у ребенка традиционно ассоциировалась с вечерним временем, выходным или праздничным днем, когда, отвлекаясь от тяжелых трудовых будней, наступало время общего сбора, и на несколько часов юный Андриевский погружался в мир несметного багажа малороссийской крестьянской культуры, формировавшейся на

⁷⁵ *Андрієвський В.Н.* Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 9.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С.10.

⁷⁸ Там же.

протяжении столетий в толще живой народной жизни: «Когда вечером случалось, что отец вместе с матерью где-нибудь выберутся из хаты, то тогда для меня наступал настоящий праздник! Все население нашего дома со мной во главе сейчас же перебирается на кухню. Кухарка и горничная поют смеются и рассказывают мне сказки аж пока не подойдет извозчик Илья, справившись со своей работой. Вечером начинается главная забава: Илько и Сохвия (наша кухарка) шутят, девчата поют, а потом мы танцуем все вместе под общее пение и смех»⁷⁹.

Чувство причастности к сакральности народной праздничной жизни, в которой оставалось еще очень многое от пережитков языческой культуры, погружала в мир фольклора, колядок, казацких дум, чумацких песен, создавало совершенно особые минуты, когда в сознании менялось даже восприятие времени, стирался разрывающий череду поколений промежуток в несколько веков и открывалась прямая дорога в мир малороссийской старины. Это закономерно воздействовало на юношеский ум и вело к идеализации народности, крестьянского уклада. Образы, что транслировались в столь любившихся песнях, сказках, пословицах и поговорках, прочно усваивались в качестве идеальных моделей социальных взаимоотношений, порождая романтизацию малороссийского крестьянства, казачества, способствуя утопическому восприятию малороссийской истории, формировали в сознании социальный идеал, опирающийся на исторические общественные модели периода XVI–XVII вв. – Запорожскую Сечь, казацкую вольницу, сельский крестьянский уклад. Все это становилось культурной и социально-политической ценностью для членов украинских организаций, свойственной чертой их мировоззрения.

Столь отчетливо выраженная привязанность к сельской среде, ее нормам и особенностям, порождала весьма серьезные проблемы адаптации в городском мире для получающего образование выходца из сельской среды. Это

⁷⁹ Андрієвський В.Н. Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 12.

формировало в среде представителей украинского национального движения начала XX в. характерный индифферентизм по отношению к идеям индустриального развития и научно-технического прогресса, настороженное отношение к рабочему классу как ко враждебному носителю русской культуры. Социально-политический идеал украинофилов продолжал оставаться по большому счету аграрным, а предлагаемые модели общественного устройства по большей части продолжали ориентироваться на крестьянские нужды и интересы, соответствующие запросам и чаяниям подавляющего большинства малороссийского населения. Комплекс насущных социально-политических проблем воспринимался через личный опыт, имеющий характерную провинциальную специфику, постоянное будничное взаимодействие с крестьянством, восприятие общероссийских проблем через собственные локальные нужды сельской среды способствовало трактовке социальной борьбы и восприятию ее в целом как составной части борьбы национальной. Дальнейший закономерный этап – избрание в качестве основной цели своего жизненного пути преданное служение данным идеальным представлениям, воплощенным в идее преданности «украинскому народу» и в устойчивом представлении о том, что украинское движение, его теоретическая программа и практическая деятельность отражает действительные запросы «украинского народа» и берет на себя высокую миссию по борьбе за них и их осуществление. Согласно воспоминаниям В.Н. Андриевского «Такое отношение ко мне нашей прислуги, наших «соседей» и всех «простых» на хуторе дало моей душе первые ростки благодарности и любви к нашим людям. Далее, в более осознанном моем возрасте эти чувства окрепли и переросли у меня в осознание моих обязанностей и моей кровной принадлежности ни к кому другому, как к благородному по своему нраву украинскому мужику, что назывался как я узнал позднее – украинским народом»⁸⁰. «Украинский мужик», борьба за его

⁸⁰ *Андрієвський В.Н.* Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 12.

запросы и нужды, декларативно ставилась в главу угла общественно-политической практики украинских организаций. Правда воспринимались данная практика по большей части в рамках принятого за основу украинофилами национально-политического контекста, как борьба за права «угнетаемого народа».

Безусловно, украинствующая интеллигенция понимала крестьянина по-своему, но в силу весьма частого взаимодействия с представителями украинского движения многие его культурно-психологические особенности одновременно становились неотъемлемой частью мировоззрения украинофилов, что порождало и специфическую политическую ограниченность движения. Провинциализм, укорененность в крестьянской среде неизбежно имели и свою обратную сторону. Замкнутое по большей части исключительно на свою будничную рутинную хозяйственно-экономическую деятельность, воспринимавшее мир сквозь призму своих хозяйственных интересов, крестьянство во многом и определяло тот самый провинциализм местной интеллигенции, воплощенный в общественно-политической деятельности украинского национального движения. На поле общественной практики это проявлялось в том, что социально-экономические представления крестьянства клались в основу экономической программы украинских организаций. В свою очередь, в мемуарах Андриевского это также весьма наглядно проявляется: «Иногда же вместо музыки отец в это время ведет деловые разговоры с соседями селянами. По дневной работе часто приходят к нему соседи договориться про жнивну, или про молотьбу, одолжить волов, машины или денег. С этих разговоров я много чему научился. А более всего – узнал про наших людей и экономические условия их жизни»⁸¹; «Все то, что я слушаю и вижу, что все эти разговоры только и оборачиваются вокруг того «хлеба»: или еще зеленого, или зрелого, сеяного, веяного, а мерилom людского уважения и богатства, общественного уважения человека в

⁸¹ *Андрієвський В.Н.* Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 28.

принципе – есть ее «хлеб» та земля, на которой он растет. Я вижу, что за хлеб человек все сделает»⁸².

Вывод из этих наблюдений за непосредственными условиями экономической жизни оказывался у В.Н. Андриевского весьма закономерен: «Этого уважения к хозяевам и к хозяйским сынам набрался, и я от наших людей уже с тех пор, и никогда никакие теории, и идеологии, которые развивали позднее передо мной сторонники пролетарского мировоззрения, не могли у меня того уважения поколебать, или вызвать любовь к так называемым «пролетариям» только за то, что они пролетарии»⁸³. Чувство отчужденности, или, по крайней мере, индифферентности по отношению к индустриальному миру, миру промышленности, было свойственно большей части представителям украинских политических и культурных организаций, в особенности тех украинофилов, которые придерживались более радикальных националистических воззрений. Отношение же к рабочему классу и рабочему движению со стороны представителей украинских организаций, тяготеющих к социал-демократическим воззрениям несмотря на их единодушные декларативные заявления о преданности делу борьбы за интересы украинского пролетариата в действительности же, было гораздо более двойственно и неоднозначно на практике, что мы детально постараемся раскрыть в ходе дальнейшего нашего исследования.

Таким образом, на примере пути, пройденного В.Н. Андриевским наглядно раскрываются перед нами отличительные черты социальных особенностей и специфики формирования участника украинского национального движения периода рубежа XIX–XX вв. Подобная В.Н. Андриевскому молодежь уже как правило на момент периода обучения в среднем образовательном учреждении приобщалась к деятельности украинофильских кружков в силу особенностей своего мировоззрения, сформированного окружающей социальной средой в раннем возрасте, а затем,

⁸² *Андрієвський В.Н.* Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 29.

⁸³ Там же. С. 30.

уже поступая в университет, наконец находила завершающее воплощение своим идеям и принципам в деятельности украинских студенческих громад. Это был во многом типичный путь становления для значительного большинства представителей украинских организаций на период начала XX в. Весь дальнейший вектор развития их общественно-политической деятельности в Российской империи будет непосредственным образом в первую очередь связан с процессом дальнейшей политической трансформации украинских студенческих громад в сторону создания партий и иных неформальных политических объединений, ставящих перед собой цели автономизации края и обособления дальнейшего исторического пути развития украинского народа.

На всем протяжении 90-х гг. XIX в. лейтмотивом всей истории развития украинских организаций на территории Российской империи являлось все более интенсивным образом нарастающее противостояние между двумя поколениями «культурников» и «драгомановцев», продиктованное адаптации украинского движения под меняющиеся вызовы времени. Именно данное десятилетие знаменует собой период, когда впервые после общественно-политической деятельности Кирилло-Мефодиевского братства в 1846–1847 гг. на территории Российской империи начинает активно происходить процесс формирования неформальных украинских организаций, открыто ставящих перед собой политические задачи. Данная тенденция проявилась далеко не в единичных эпизодах создания политических объединений. Общий процесс формализации и создания сетевой структуры нелегальных политических партий и иных организаций на территории Российской империи охватил подавляющее большинство представителей молодого поколения украинского движения и часть старших его представителей – на рубеже столетий были созданы такие партии и объединения как Братство тарасовцев, Всеукраинская беспартийная организация (впоследствии в 1904–1905 гг. объединение дало начало двум партиям украинского движения – УДП и УРП) «Украинская социал-демократия», «Харьковская студенческая украинская

громада», Революционная украинская партия (УСДРП), Украинская народная партия, Украинский социал-демократический союз («Спилка») и т.д.

В этом наглядно проявлялась потребность молодого подрастающего поколения выйти на арену политической борьбы, чтобы вступить в схватку за построение украинской нации, что представляло собой один из ключевых факторов роста политической активности украинофилов в 90-е гг. XIX в. Известный исследователь украинского движения, библиограф, один из ключевых представителей поколения украинофилов рубежа XIX–XX вв., В. Дорошенко о своем историческом очерке о деятельности «Революционной украинской партии»: «молодежь не могла удовлетвориться «Киевской стариной», бабочками и этнографическими записями, ей хотелось стать к открытой борьбе с московским правительством за права украинского народа, выйти из душных кабинетов старых украинофилов на широкую улицу. Как результат этого порыва к живейшей деятельности, протесту против мертвечины стариков и восстала РУП, которая притягивала к себе все живые, активнейшие радикально настроенные элементы тогдашней украинской молодежи»⁸⁴

Путь политизации украинского движения в 90-е гг. XIX в. начинался с череды внутренних конфликтов, складывающихся непосредственным образом внутри украинских громад. Молодежь стремилась в наиболее остром и провокативном ключе поставить вопрос перед застывшими на предшествующем этапе, инертными и аполитичными старшими представителями «культурничества». Характерен в этом отношении эпизод, который приводит О. Гермайзе, когда сын одного из ключевых деятелей украинского национального движения предшествующего периода В.Б. Антоновича – Дмитрий Антонович устроил провокацию на одном из студенческих вечеров, организованных представителями Киевской громады: «Молодые семинаристы и студенты были приглашены на традиционный

⁸⁴ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. Львів, К. 1921. С.4.

студенческий вечер. И тут неожиданно с пылкой речью выступил Дмитрий Антонович, остро критикующий культурничество и призывающий к революции: «нам необходимо за ножи браться, а не издавать книжки в красивых переплетах». Эти слова имели в виду трехтомное издание «Век», что вышло в 1898 г. и считалось за великое национально-общественное достижение. Пылкая речь молодого юноши представилась страшной «старшим» и вызвала энтузиазм среди молодежи»⁸⁵.

Подобные провокации, обусловленные отсутствием какой-либо реальной ощутимой практической деятельности, были не редким явлением в тот период. Однако со стороны старшего поколения украинского движения подобные выступления по большей части не вызывали ничего кроме раздражения и насмешек. Только отдельные весьма прозорливые представители украинского национального движения, которые в состоянии просчитать ситуацию «наперед», как, к примеру В.Б. Антонович или С. Русов, осознавали, чем мог обернуться в дальнейшем на практике для старших украинофилов и всего украинского движения в целом столь ощутимый раскол. Они стремились преодолеть проблематику раскола путем попыток сближения с молодыми единомышленными путем создания организаций допускающий отдельные формы осуществления публичной политической работы. Однако это была «капля в море», да и большую часть активного украинствующего студенчества уже явным образом не устраивали различные паллиативные сценарии.

Выход напрашивался сам собой – представители молодежи начинают постепенно выходить из состава украинских громад и переходить к созданию собственных политических организаций или же своих отдельных громад, которые отражали бы своей деятельностью их стремления к открытой политической борьбе за построение украинской нации всеми возможными средствами. Так, Д.В. Антонович на страницах своего очерка, посвященного

⁸⁵ Гермайзе О. Нариси з історії революційного руху на Україні. Т. 1: Революційна Українська Партія (РУП). К., 1926. С. 46.

истории развития украинского национального движения в 90-е гг. XIX в. отмечает, что в Киеве к данному периоду уже существовали как минимум три украинские громады, созданные студентами⁸⁶. Однако по началу деятельность данных объединений не принесла каких-либо значительных результатов на практике. В истории украинского движения данные громады запомнились по большей части лишь тем, что при каждом удобном случае они конфликтовали между собой и критиковали друг друга по самым разным поводам⁸⁷.

Отметим на полях, что данное качество было свойственно подавляющему большинству объединений украинского национального движения начала XX в., причина же заключалась в социальном составе движения, по преимуществу состоящего из представителей интеллигенции. В отношении данного аспекта несколько позднее не без иронии заметит отметит Б. Гринченко: «наше украинское неумение объединяться, консолидироваться давно уже известно» ведь «у нас что ни город, то и партия, и уже или сделала что-либо эта «партия», а несколько программ наверняка переменила и в каждый момент своего существования тревожится о новых изменениях в программе. И ко всему добавляется огромное пренебрежение ко всякому такому труду, который не выходит из моего кружка, из моего угла, из моей программы»⁸⁸. Во многом высокая степень конфликтности в среде украинских студенческих громад в 90-е гг. ярко показала – данная проблематика будет сопровождать украинское движение на протяжении всего периода начала XX в., станет камнем преткновения для всего политического украинства исследуемой эпохи, и впоследствии приведет к обрушению не одного десятка планов и начинаний украинских объединений на рубеже XIX–XX вв.

⁸⁶ Антонович Д.В. Сторінка з історії української політичної думки дев'ятидесятих років XIX в. // Вістник політики, літератури й життя. Відень. 1918, ч. 34. С. 490.

⁸⁷ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 4; Коллард Ю. Спогади юнацьких років. Торонто, 1972. С. 26.

⁸⁸ Чмырь С.Г. Радикальные демократы // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993. С. 155.

Украинские организации, несмотря на свое отчетливо выраженное стремление к автономизации и провинциальному обособлению, так или иначе, все равно являли собой один из политических феноменов русской общественной жизни, а значит являлись ее непосредственной составной частью, поэтому вполне закономерно, что складывающиеся между ними конфликты, программные расхождения в первую очередь были тесно связаны с вопросами о необходимости взаимодействия с общероссийскими политическими движениями – социал-демократическими партиями, эсерами, кадетами. Забегая несколько вперед, следует отметить, что вопрос консолидации сил с общероссийскими политическими партиями для организации совместной борьбы против государственного строя Российской империи станет причиной дальнейшей партикуляции большего числа украинских организаций на протяжении начала XX в., когда расхождения по вопросам взаимодействия с «неукраинскими» объединениями приведут к созданию таких организаций как Украинская народная партия, Украинская социал-демократическая рабочая партия, Украинский социал-демократический союз («Спилка»), члены каждой из которых будут иметь свое представление о целесообразности движения навстречу общероссийским общественно-политическим течениям.

Среди течений русской общественной жизни, к которым тяготели представители украинского движения, наиболее сильно ощущалось влияние народничества и социал-демократии. И если высокая степень интереса участников украинского движения к идеям народничества была достаточно очевидна и вполне объяснима в силу подавляющего преобладания крестьянского сословия в общей массе малороссийского населения края, то процесс интенсивного формирования на рубеже столетий в среде украинского движения объединений, публично позиционирующих себя в качестве организаций украинской социал-демократии в действительности содержал в себе определенную неоднозначность и двойственность, базирующуюся на целом комплексе аспектов, связанных с внутренней сущностной природой

данного явления. В именно в период 90-х гг. XIX в. зарождался крайне характерный для всего украинского движения рубежа XIX–XX в. тип представителя украинского движения, который, по меткому выражению И.П. Лысяка-Рудницкого представлял из себя «тип революционного юноши с Коммунистическим манифестом» в одном кармане и «Кобзарем» в другом»⁸⁹.

Так, прежде чем подробным образом начать рассмотрение причин возникновения и активного роста социал-демократических кружков, групп, партий в среде представителей национального движения, следует задаться вопросом, а существовал ли вообще на тот момент в новороссийский и малороссийский пролетариат и какова были в таком случае была его численность, территориальное его распределение, а также соотношение труда в рамках тех непосредственных отраслей производства, в которых он был задействован? Для рассмотрения данного вопроса мы воспользуемся статистическими данными, приведенными известным исследователем статистики фабричного труда и фабричной гигиены А.В. Погожевым на страницах его труда «Учет численности и состава рабочих в России», изданного в 1912 г.⁹⁰, а также данные переписи населения Российской империи 1897 г., систематизированные в отношении рабочего класса Малороссии на страницах труда О. Гермайзе⁹¹. Значимым подспорьем для нас также станут статистические исследования известного представителя украинского движения Н.В. Порша, который, интересуясь темой состояния пролетариата в Малороссии, опубликовал несколько достаточно информативных очерков по статистике рабочего труда в малороссийских губерниях Российской империи на страницах «Записки Украинского научного товарищества в Киеве».

Так, согласно данным переписи населения 1897 г. общая численность представителей пролетариата на Украине составляла 1 480 169 человек⁹².

⁸⁹ Rudnytsky, I.L., Rudnytsky, P.L. Essays in Modern Ukrainian History. Cambridge, P. 139.

⁹⁰ Погожев А.В. Учет численности и состава рабочих в России, СПб, 1906. 224 с.

⁹¹ Гермайзе О. Указ. соч. С. 6–7.

⁹² Там же.

Однако данный пролетариат имел весьма своеобразную региональную специфику, на основании которой большая часть из приведенного количества вообще могла быть совершенно спокойным образом вычтена из указанного числа на основании несоответствия указанной социальной категории, в зависимости от того, как именно трактовалось понятие «пролетариат», и какие социально-экономические слои были включены в его состав. Так, 71,2 % от приведённой в переписи численности приходилось на так называемый неиндустриальный пролетариат. В его состав входили наемные рабочие на помещичьих господских землях (28,6 % от общего числа рабочих), неквалифицированная рабочая сила в лице подёнщиков (29,1 %) и чернорабочих (13,5 %) ⁹³. Остальные 28,8 % составляли те категории наемных рабочих, которые также не в полной степени могли быть причислены к индустриальному пролетариату. Так, помимо, собственно говоря, городских рабочих промышленных предприятий в состав данного числа были включены также достаточное количество рабочих транспорта (стрелочники, смазчики, сцепщики и т.д.) и рабочих торговли ⁹⁴. Таким образом, если брать во внимание, что общая численность населения малороссийских и новороссийских губерний составляла, согласно данным той же переписи на период конца XIX века 23 430 407 человек, то очевидным образом видно, что индустриальный пролетариат даже близко не находился в числе доминирующих социальных групп в регионе. Добавим к этому, согласно данным по губерниям, приведённым в исследовании Погожева, доля заводского пролетариата на Волыни, Черниговщине, Полтавщине, Подолье и Херсонщине составляла 1 % от общего числа населения, на Киевщине и Харьковщине до 1–2 %, на Екатеринославщине до 5–12 % ⁹⁵. При этом в числе особенностей пролетариата малороссийских и новороссийских губерний можно также было выделить и то обстоятельство, что большая его часть была

⁹³ Гермайзе О. Указ. соч. С. 6.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Погожев А.В. Указ. соч. Таб. № 2.

связана с добывающей отраслью, что в свою очередь определяло то, что подавляющая часть предприятий была вынесена за территории городов. Так, на две трети от общего числа фабрик и заводов вышеназванных губерний приходилось на каменноугольную и металлообрабатывающую отрасль – 44 предприятия от общего количества в 69⁹⁶.

Из рассматриваемых нами губерний только на Херсонщине и Екатеринославщине преобладавшее количество предприятий и рабочей силы концентрировалось в городском губернском центре (по процентному соотношению – 58,8 % предприятий и 52,0 % рабочих от общего числа в крае приходилось на городскую среду), в остальных же губерниях заводы по большей части располагались вне городских территорий – 55 из 69 производств в крае располагались на территории сельской местности⁹⁷. Такие центры украинского национального движения как Киев, Харьков, Полтава, оставались административными центрами торговли и культуры, но пока их еще представлялось крайним образом проблематично идентифицировать в качестве крупных центров индустриальной жизни. Екатеринослав и Херсон являлись единственными крупными городскими центрами, в которых присутствовал индустриальный пролетариат. Однако и украинское национальное движение в данных городах было представлено весьма органично, по крайней мере крупными центрами общественно-политической деятельности украинофилов они однозначным образом не являлись. А из оставшегося числа еще четверть (пятнадцать заводов) приходилась на сферу производства товаров потребления, по большей части представленную предприятиями сахародобычи на Правобережье⁹⁸. На всех остальных территориях Малороссии и Новороссии соотношение концентрации предприятий и рабочей силы между городом и деревней выглядело совершенно иначе – так, к примеру, на Правобережье, традиционно

⁹⁶ *Погожев А.В.* Указ. соч. Таб. № 1.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

являющимся центром сахарной промышленности количество рабочих в городах составляло 14,8 %, а общая доля предприятий едва пересекала порог в 20 %⁹⁹.

Поэтому, фактически, каких-либо крупных центров городской промышленной жизни, которые бы теоретически могли стать центрами формирования украинского пролетариата и куда могло бы происходить стягивание пролетарских масс, как это было в центральной части России, в Малороссии и Новороссии просто не существовало. Достаточно наглядно это прослеживается на примере рассмотрения численности предприятий в крае. Из имеющихся на территории Малороссии и Новороссии 69 фабрично-заводских только лишь на 8 из них число работников достигало общего количества от пяти до десяти тысяч человек¹⁰⁰. К тому же, малороссийский наемный рабочий, даже осуществляя свой труд в городе на предприятии, в итоге не утрачивал связь с хуторским хозяйством. Большей частью своих заработанных на предприятии средств он распоряжался уже возвращаясь в село, да и сам замысел заработка средств в городе в рамках наёмного труда в большинстве случаев предполагал своей целью не переезд в город, а возвращение с накопленным капиталом обратно в село. Развитие промышленности в малороссийских и новороссийских губерниях было таково, что фабрично-заводские предприятия на их территории представляли сравнительно небольшие островки промышленности в обширном море аграрных крестьянских хозяйств. Все это придавало пролетариату Юга России свойственную специфику, заключающуюся в том, что он еще в большей степени чем пролетариат центральных губерний был взаимосвязан с социальной средой села. В своих «Очерках по истории рабочего класса в России» историк рабочего движения М.С. Балабанов, давая характеристику положению рабочего класса в Донецком угольном бассейне, отмечал, что

⁹⁹ *Порш М.* Робітництво України. (Напис по статистиці праці) // Записки Українського наукового товариства в Києві. К., 1913. кн. XI, С. 161.

¹⁰⁰ Там же.

процент пришлого населения среди рабочих преобладал, а для местного населения характерно сохранение связи с землей и сезонный характер труда. Здесь мы последовательно выходим на еще одну характерную специфику пролетариата в регионе – достаточно значительную его часть составляли жители других, преимущественно центральных, губерний Российской империи, прибывшие на Юг России в поисках заработка. Н.В. Порш в тексте своего исследования отмечал, что «пришлых» рабочих на территории малороссийских и новороссийских губерний составляла порядка 25 %, отмечая, что регион представлял из себя огромный рабочий рынок для выходцев многих краев российской державы ¹⁰¹ . Безусловно, данная обстоятельство явным образом не способствовало росту популярности и влияния представителей украинского национального движения среди рабочих.

Для немногочисленного пролетариата малороссийских и новороссийских губерний было характерно преобладание переходных форм неиндустриального наемного труда, во многом подённый и кустарный его характер, частые перемещения из села в город и из города в село, разбросанность по обширной территории и отсутствие крупных выраженных индустриальных центров, и наконец, преобладающее количество предприятий мелкого и среднего размера. Тот же Н.В. Порш в указанном очерке отмечал: «Рабочие Украины, занятые по большей части в горном деле, пищевом строительном, металлообрабатывающем производстве и в транспорте, ни с технической, ни с гражданской, ни с культурной стороны не являлись высоко значимым социальным слоем. Работая в значительной степени в отраслях сезонных, таких, которые не требуют науки и знания, рабочие наши – это, по большей части, представители неквалифицированного труда»¹⁰². Б.Ф. Брандт на страницах второй части своего труда, посвященного развитию иностранных капиталов в России, отметит: «У нас нет профессионального класса, в

¹⁰¹ Порш М. Робітництво України. (Напис по статистиці праці). С. 126.

¹⁰² Там же. С. 123.

большинстве случаев рабочих нужно только создавать, привлекать из других мест. Это последнее обстоятельство особенно имеет место у нас на юге России, где местное население даже за высокую рабочую плату не соглашалось вступать в ряды рабочих, предпочитая заниматься земледельческим трудом и тому подобными промыслами, которые вызывались существованием в крае металлургической промышленности – извозом, добыванием флюсов, обработкой металлов и пр., где рабочих, в общепринятом смысле для надобности самих заводов и каменно-угольных приходится привлекать извне, из центральных губерний и из других районов»¹⁰³.

Вполне очевидно, что при таком положении дел ни о каком действительно полноценным образом сложившемся, консолидированном социальном слое индустриального пролетариата, осознающего себя как класс и имеющего выстроенную систему своих представлений о собственных интересах, видения своих целей и задач в обозримой перспективе говорить далеко не приходится. К времени начала XX в. на Юго-Западе Российской империи, он, по большому счету, создан не был, не имея никаких материальных предпосылок для своего формирования. Молодым представителям украинского национального движения начала XX в., избравшим в качестве основной своей задачи борьбу за освобождение украинского пролетариата, объективная реальность оставляла только возможность борьбы за интересы сельского кустарного рабочего, которых в своем мировоззрении еще мало чем отличался от того же малороссийского крестьянина. Небольшому же числу индустриальных городских рабочих, которые в отличие от малороссийского крестьянства не являлись носителями выраженной национальной компоненты, а в подавляющем большинстве своей являлись носителями русской индустриальной культуры, ценности и установки украинского национального движения явным образом были чужды.

¹⁰³ *Порш М. Робітництво України. (Напис по статистиці праці). С. 116.*

К ним они равным счетом, не проявляли никакого выраженного интереса. Поэтому, декларативно позиционируя себя в публичном пространстве Российской империи в качестве «авангарда» украинского пролетариата, в представители социал-демократических украинских партий были катастрофически далеки от данной цели.

На практике ситуация «на земле» складывалась таким образом, что крайне малочисленному индустриальному городскому пролетариату они, по существу, не были интересны, и вынуждены были работать преимущественно в среде сельских либо же неквалифицированных кустарных рабочих. Эту характерную черту украинских социал-демократических организаций отметит на страницах своих работ известный исследователь украинского движения О. Гермайзе: «Социал-демократической интеллигенции, которая хотела на местный пролетариат опираться, не требовала украинства, но по-другому стоял вопрос, когда внимание концентрировалось на сельско-городском пролетариате. Эта часть украинского пролетариата, также как позднее сезонный пролетариат – заробитчане, были той социальной группой, опираясь на которую можно было соединить постулат культурного украинского возрождения с пролетарской борьбой или иначе, не отрываясь от национальной почвы, осуществлять национальную борьбу пролетариата»¹⁰⁴.

Таким образом, само дальнейшее развитие социал-демократических организаций украинского движения во многих отношениях было весьма проблематизировано. Суть же уже изначально заложенного противоречия заключалась в том, что украинофилы, испытывающие на себе влияние социал-демократических идей, в силу самой логики своих программных наработок, либо должны были, идя вслед за самим местным индустриальным пролетариатом и его интересами, последовательно отказываться от своей узкой замкнутости на односторонний приоритет национальной, языковой, политической автономизации, федерализма, и, следуя по пути дальнейшей

¹⁰⁴ Гермайзе О. Указ. соч. С. 50.

взаимной интеграции с русской социал-демократией, входить в состав РСДРП, все более лишаясь своих автономистских черт (что на практике удалось из всех украинских социал-демократических организаций только «Спилке» – В.Е.), либо должны были на определенном этапе уже открыто прийти к отказу от социал-демократической идеологии, осуществляя возврат к последовательному украинскому национальному автономизму, вновь смещая центр приложения своих агитационно-пропагандистской устремлений от рабочих в сторону малороссийского крестьянина. Следует отметить, что второй сценарий по итогу стал свойственен весьма многим объединениям украинского национального движения. Во многом эта противоречивость, паллиативность социал-демократии в своих действиях и предопределила по общему итогу крах данной идейно-политической линии в ее конкуренции с радикально-националистическим крылом движения.

Как уже стало ясно, носители более радикальных настроений в среде политического украинства по большому счету никаких симпатий в отношении пролетариата не испытывали. С большой настороженностью они относились как к самому индустриальному пролетариату, который воспринимался по большей части как враждебный социальный элемент, носитель русской городской индустриальной культуры, весьма эффективно к тому же способный приобщать к данной культуре представителей самых разных народов, в том числе малороссийского. Здесь, безусловным образом, также сказывалось и продолжающее оказывать достаточно серьезное воздействие на психологию и способ мышления представителей украинского движения влияние сельской малороссийской среды. Для сельского жителя индустриальный мир города зачастую воспринимался как враждебная, агрессивная, чуждая его социальному укладу среда. И если средневековый город как центр ремесла и торговли был еще понятен для крестьянина, то индустриальный мир и населяющие его социальные слои уже явным образом не укладывались в его миропонимание.

Торжество индустриального мира и сопровождающие его первые проявления капитализации малороссийского села, разрушения его патриархального уклада и пролетаризации обедневшего крестьянства, порождали в сознании крестьянина образы крушения старого привычного миропорядка, краха мира патриархальной сельской идиллии, что в свою очередь, активно транслировалось и в идейном пространстве украинского национального движения. Вслед за крестьянином украинофилы воспринимали вторжение в малороссийское село индустриального капиталистического мира как трагедию, разрушающую стремительно уходящую с исторической сцены малороссийскую национальную идентичность, замкнутую внутри идиллического крестьянского жизненного уклада. Большая часть умеренных и радикальных представителей украинского движения усматривала свою непосредственную историческую миссию именно в сохранении и поддержке «крестьянина-хлебороба», создания условий, обеспечивающих проведение в жизнь его социально-экономических интересов. В сохранении и упрочении социально-экономических условий малороссийского крестьянского села и умеренная, и радикальная часть членов украинских организаций видели один из наиболее эффективных способов по противодействию процессам «русификации» края, сохранения провинциальных особенностей региона и украинской национальной идентичности как таковой. В этом отношении следует признать, что их социально-политические воззрения стояли гораздо ближе к эсерам, народничеству. Таким образом, влияние малороссийской крестьянской среды становится крайне весомым фактором формирования отношения большей части представителей политического украинства, в особенности радикальной его части, к пролетариату, активно способствуя складыванию негативного образа представителя рабочего класса в сознании украинофилов.

Крайне наглядной демонстрацией данной специфики отношении к рабочим со стороны умеренных и радикальных сил представителей украинских организаций может стать эпизод, приведенный на страницах уже

хорошо знакомых нам воспоминаний Виктора Андриевского, где автор, рассказывает о своих впечатлениях молодости о встречи с представителями рабочего класса на Полтавщине: «Фабричных рабочих я не знал совсем, не знал и условий их жизни. Как-то раз в Кобеляках на мосту я увидел парней в «пиджаках», блестящих ботинках и глубоких резиновых калошах. Они играли на гармонии, курили сигареты и задевали прохожих, насмехались над ними, лая поганой московским языком. Кто-то из наших хуторских парней объяснил мне, что это «рабочие» с Екатеринослава. Местные кобеляцкие парни должны были пойти туда на фабрику, а теперь прибыли «на побывку». По словам моего спутника, им жилось очень хорошо — настолько, что они могли по-пански наряжаться, даже носили серебряные часы, а что же касается горилки, то Святая Богоматерь! «...» Такая рекомендация «рабочих» не могла вызвать меня в них ни уважения, ни любви — скорее разве что чувство отторжения и страха. Но я допускал, что это могли быть случайные типы, а в вообще с работниками на фабриках могли обращаться и хуже»¹⁰⁵. Для молодого выходца из сельской хуторской среды Андриевского рабочие представляли опасную инородную социальную группу, которая создавала угрозу привычной для него системы социальных взаимоотношений. Достаточно подробно удалось осветить характер складывающегося конфликта между молодыми украинофилами, тяготевшими к марксизму и большей части остальных сторонников украинского движения Ю.Ж. Колларду, когда он в своих воспоминаниях рассматривал причины выхода в 1902 г. сторонников радикального украинства из состава Революционной украинской партии и последующего за этим создания Украинской народной партии: «До острейшего конфликта дошло у нас в Харькове, так сказать, в месте зарождения РУП. Одна, большая, группа, приближенная к социалистическим российским партиям, имела надежду, как говорил я раньше, отвоевать их позиции среди городского пролетариата Украины. «...» они считали своей

¹⁰⁵ *Андрієвський В.Н.* Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 100.

задачей сделаться массовой политической организацией, хоть и ценой пренебрежения к национальному вопросу»¹⁰⁶, «другая, меньшая часть руководствовалась в своих теоретических размышлениях вот чем: как говорят статистические данные, пролетариата в полном значении этого слова у нас в Приднепровской Украине было в сравнении с со всем населением не больше 1 % «...» Селянство составляло 74 % всего населения, от которого безземельного было около 10 % всего населения, а остальные 64 % малоземельного. Поэтому материал, на который могло опереться революционное движение, это безземельная и малоземельная селянская масса, а местный пролетариат может быть разве что авангардом революции. Масса селянская была украинская и нету никакой логики в том, чтобы так несправедливо игнорировать национальный вопрос ради 1 % чужого национального или денационализированного пролетариата. Когда пролетариат заинтересован в революции и хочет поддержки крестьянства, пусть сам украинизируется»¹⁰⁷. На деле же подобного мнения придерживалась не меньшая, а большая часть украинского национального движения, так как, в первую очередь, сама РУП не являлась единственным политическим объединением украинского национального движения на тот момент – существовали и другие организации как, к примеру, ВУБДО, где симпатии к социализму были не столь развиты, да и описанное выше Коллардом большинство Революционной украинской партии, как выяснилось, по прошествии определенного времени, на деле оказалось не столь однозначно и консолидировано в отношении своих воззрений, к тому в период рассматриваемых Коллардом событий эпохи преддверия и событий Первой русской революции 1905-1907 гг. приходился как пик роста социалистических симпатий в среде украинского движения.

Однако также это не отменяет и того, что в среде украинских организаций на момент начала XX в. социал-демократические объединения

¹⁰⁶ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 114–115

¹⁰⁷ Там же.

играли достаточно значимую роль, внося серьезный вклад в дальнейшую историю становления украинского движения, пусть, даже далеко не соответствуя в действительности своей политической самоидентификации в силу своей ориентации на сельский и сезонный неквалифицированный пролетариат. Поэтому мы достаточно однозначно можем отметить, что одной из определяющих характеристик политического развития украинского движения рубежа XIX–XX вв. станет высокий уровень конфликтности внутри самой среды украинских организаций, острые столкновения и программные споры между членами объединений, одним из ключевых тем для которых станет проблема необходимости поддержки социал-демократической платформы, складывающегося выбора между крестьянином и пролетариатом в вопросе о том, на кого же следует опереться украинофилам в своей общественно-политической практике.

Причины столь высокой степени популярности социал-демократических воззрений среди представителей украинского национального движения, несмотря на существенную удаленность их от самого пролетариата, крылась в целом комплексе факторов. Ключевым из них безусловно являлся интенсивный рост популярности идей марксизма в интеллектуальном пространстве России и мире на рубеже XIX–XX вв. в связи с разворачивающейся на фоне активного развития капиталистических отношений и промышленности, усиления роли рабочего класса в общественно-политической борьбе. Отличительная черта украинских организаций здесь проявиться в том, что данное влияние на движение осуществлялось сразу по двум линиям – через русскую и через польскую революционно-демократическую среду, каждая из которых имела свои особенности, что, безусловно, влияло и на украинское движение.

Подробно вопрос о влиянии на процесс политической эволюции украинского движения на рубеже XIX–XX вв. польской социал-демократических кругов освещает на страницах своей исследования О. Гермайзе. Гермайзе отмечает, что вклад польских революционных сил в

распространение идей марксизма среди представителей украинского движения Российской империи оказался крайне значителен, при этом само влияние осуществлялось даже не столько напрямую, сколько опосредовано в рамках контакта российских украинофилов с соратниками по движению из Галиции. Польские революционные круги действительно на протяжении всего XIX в. внесли крайне серьезный вклад в процесс формирования украинского национального движения — здесь можно привести в качестве примера и деятельность панславистской декабристской организации «Общество соединенных славян», и культурный вклад таких деятелей как Т. Падура и М. Чайковский, и общественную практику «хлопоманов», а также десятки других проявлений общественно-политической жизни в регионе. Во многом становление украинских движения, как было отмечено в самом начале, нельзя себе в принципе представить вне влияния на его формирования со стороны польской общественно-политической жизни. Далеко не исключением в данном отношении стало и влияние польско-украинских социал-демократических сил из Галиции на малороссийских украинофилов.

Так, первые политические организации украинского движения с социал-демократическими программными требованиями действительно изначально возникли на территории Галиции. Здесь следует отметить, что фактически осуществился некий «замкнутый круг», так как до этого изначально социалистические идеи, в свою очередь, получили в Галиции в 70–80-е гг. XX в. распространение под большим влиянием общественно-политической и научной деятельности М.П. Драгоманова, который спешно покинул Российскую империю после появления первых слухов о надвигающейся высылке в отдаленные губернии Российской империи в преддверии опубликования Эмского указа 1876 г.¹⁰⁸ Драгомановская теория народничества нашла благодатную почву среди молодых представителей украинского движения, остро ощущающих на себе сложную социально-

¹⁰⁸ *Миллер А.И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000. С. 182.

экономическую проблематику отсталого региона. Таким образом, социалистические идеи галицийской молодёжи были привиты украинским движением Российской империи, в конечном итоге восприняли они их через русскую традицию общественно-политической мысли, так как драгомановские социалистические концепции также являлись прямым продуктом русской общественно-политической жизни, и Россия в конечном итоге оказалась тем местом, откуда в Галицию пришел социализм.

Что же касается марксизма, то и тут все также выглядит далеко неоднозначно. Под влиянием М.П. Драгоманова и его воззрений писатель Иваном Франко и его близкий соратник Михаил Павлик создают первую нелегальную политическую партию украинского движения - «Русско-украинскую радикальную партию» или же «Украинскую радикальную партию». Постепенно уже к концу 80-х гг. XIX в. большая часть львовских «драгомановцев» пойдет по пути политической эволюции в сторону марксизма. Николай Ганкевич на страницах своих воспоминаний следующим образом охарактеризует ситуацию, складывающуюся в среде галицкой радикальной молодежи: «на конец 80-х гг. XIX в. украинская молодежь, что группировалась вокруг радикальной партии, интенсивно знакомиться «с материалистической философией Маркса и Энгельса, читая труды выдающихся теоретиков марксизма: Каутского, Плеханова, Кшивицкого наконец труды Маркса, Энгельса и Лассаля и, таким образом, радикальная молодежь выходила в идейный мир тогдашней социалистической Европы»¹⁰⁹. Первым студенческим социал-демократическим объединением во Львове станет созданный в 80-х гг. XIX в. так называемый кружок «молодых», в котором состояли Евгений Левицкий, уже упомянутые Николай Ганкевич и Иван Франко, Владимир Охримович, Вячеслав Будзиновский, Юлиан Бачинский, Семен Витык и др. деятели, многие из которых чуть позже, ближе к периоду Первой мировой войны, внесут весьма значительный вклад и в

¹⁰⁹ Ганкевич Н. З перед двайцяти літ: початки української соціал-демократії в Галичині // Календар «Впереду»: 1920. Львів, 1920. С. 74.

развитие украинского движения на территории Российской империи. Деятельность кружка, как и многих подобных ему объединений, на практике ничем значимым не отделилась, и в большинстве случаев сводилась к обсуждению трудов классиков марксизма, теоретических споров и прений в отношении тех или иных положений марксистской идеологии, а также публикации статей, посвященных обзору аграрного вопроса, женского труда, рабочего вопроса в Галиции на страницах печатного органа РУРП под названием «Народ»¹¹⁰. В сущности, в своем социальном отношении это было такое же объединение местной интеллигенции, студенчества, как и те, что спустя некоторое время активно начнут формироваться на территории Российской империи.

Достаточно быстро многие из ревностных сторонников социал-демократии в составе кружка впоследствии сменяют свою идейно-политическую ориентацию, и уже через несколько лет в 1899 г. таких бывших членов кружка как Е. Левицкий, В. Охримович, И. Франко и В. Будзиловский в числе основателей вполне уже националистической по своему программному содержанию Украинской национально-демократической партии (УНДП). По-видимому, весьма немаловажную роль в этом сыграло то обстоятельство, что в союзе польско-украинской социал-демократии Галиции достаточно отчетливо выражено было организационное и идейное первенство и преобладание польского национального элемента. Так Н. Ганкевич и С. Витык, являясь сооснователями УСДП одновременно с этим являлись и действующими членами Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии¹¹¹. Именно это, по-видимому, и оттолкнуло от социал-демократии многих представителей галицкого украинства ровно по тому же принципу, что был описан нами выше. Этническое и социально-политическое противостояние русинов и поляков, выраженное в первую

¹¹⁰ Ганкевич Н. З перед двайцати літ: початки української соціал-демократії в Галичині // Календар «Впереду»: 1920. Львів, 1920. С. 74.

¹¹¹ Українська соціал-демократична партія // Українська мала енциклопедія. Т. 8, кн. XV. Буенос-Айрес. С. 1955–1956.

очередь в конфликте с местными представителями польской элиты, занимавшей ведущие позиции в регионе, накладывающийся при этом на узконациональный автономизм представителей украинских организаций Галиции привели в общем итоге к тому, что социал-демократические воззрения многих галицийских украинофилов разбились об первый же практический вопрос о необходимости дальнейшего объединения с польским социал-демократическим движением. Социально-экономическая, культурная отсталость региона, устойчиво сложившийся на протяжении нескольких веков польско-русинский антагонизм всеми силами способствовали тому, чтобы идея межнационального социал-демократического союза в Галиции в начале XX в. не смогла реализоваться надлежащим образом.

Тем не менее, постепенно все больше среди оставшихся членов кружка разгоралась и подпитывалась идея создания в Галиции социал-демократической рабочей партии. Постепенно участниками кружка «молодых» начинают совершаться первые практические шаги на пути создания новой партии. Так, в 1896 г. члены кружка собрали во Львове тайное собрание, на котором объявили о своем намерении создать партию и издавать газету на латинском языке¹¹². Через год было основано печатное издание галицкой социал-демократии «Robitnyk» под редакцией того же Н. Ганкевича, где, как и было объявлено, статьи стали выходить на «украинском», но в латинской транскрипции. Однако в действительности сама партия еще не была основана, на страницах было объявлено, пусть и весьма конкретно, лишь о намерении. Непосредственно сама же партия была основана членами кружка уже только спустя два года, датой ее основания стало 18 сентября 1899 г.

Тем не менее каких-либо крупных успехов члены УСДП по началу не добились, а также прямо вытекающим из этого немногочисленном количественном составе партии, фактически представляющем из себя узкую группу местной интеллигенции. В конечном итоге «Robitnyk» был закрыт по

¹¹² Pokłyk do robitnykiw Rusyniów / zachodom i kosztem Iwana Hłynczaka i Mychajła Pawłyka. Lwów, 1896. S. 2.

причине внутренних межпартийных разногласий и свет увидело лишь шесть номеров журнала. Однако в складывающихся непростых условиях ядру УСДП удалось выстоять и по итогу наладить партийную работу на таком уровне, чтобы стать самой крупной и авторитетной украинской социал-демократической организацией в Галиции. При этом представителям УСДП смогли выстроить взаимодействие с польскими социал-демократами. Однако оставим дальнейшую историю развития УСДП в стороне. Для нас важно будет сделать соответствующие выводы — польско-украинская социал-демократическая интеллигенция Галиции во многом действительно гораздо раньше осуществила этап организационного оформления и выхода на поле практической работы, чем это произошло в Российской империи. Правомерным также будет отметить и то, что члены УСДП весьма глубоко было интегрировано в состав Польской социал-демократической партии Галиции и Силезии (ППСДГС), что фактически говорит о том, что украинские социал-демократические организации занимали в регионе вторичное и подчинённое положение по отношению к польским социал-демократическим силам. При этом УДРП также активно взаимодействовала с украинофилами Российской империи, в особенности с молодой радикальной студенческой ее частью, в первую очередь через привлечение приднепровской молодежи к публикации статей и материалов в сборнике «Век». Все эти факторы, взятые в совокупности и дали повод О. Гермайзе утверждать, что польское социал-демократические организации оказали решающее влияние на формирование интереса малороссийских украинофилов к социал-демократии. Отмечает исследователь, что среди основателей первых украинских социал-демократических кружков и объединений мы также встречаем поляков — Юлиана Меленевского и Костя Мациевича.

Однако нам отчетливо представляется, что сформулированная О. Гермайзе точка зрения о первостепенности вклада польской социал-демократии в процесс формирования интереса к марксизму в среде молодого поколения представителей украинских организаций на территории

Российской империи является тем не менее весьма натянутой, упрощая и создавая однобокое восприятие реальной картины дел. Так, общеизвестно, что марксизм в России к началу 90-х гг. XIX в. получил уже достаточно серьезное распространение в революционной среде и стал весьма заметным явлением в русской общественной жизни. Происходил рост интереса к марксизму и в среде украинских студенческих громад. Подходящей почвой для усвоения данных идей стали драгомановские социалистические воззрения, составляющую основу большей части молодых украинофилов русской общественной мысли, восходящих к вышеупомянутому М.П. Драгоманову. Один из украинских «социал-демократов», Михаил Могилянский, на страницах очерка своих воспоминаний, посвященных поре студенческого становления, в следующем ключе охарактеризует путь формирования своего мировоззрения: «От увлечения распространенным тогда этнографическим национализмом меня предохранил Драгоманов, являющийся надежным проводником между Сциллой доктринёрского, отвлеченного космополитизма, закрывающего глаза на реальную действительность и Харибдой узкого национализма, преклонения перед национальными святынями в ущерб общечеловеческому содержанию. Еще в последних классах я прочел его книгу «Историческая Польша и великорусская демократия, в которой дан чрезвычайно обстоятельный и содержательный обзор течения русского революционного движения с точки зрения критики централистических стремлений, вытекающих из неправильного взгляда на самое существо необходимого для разнонациональной России государственного строя. А статьи Драгоманова по украинскому вопросу, печатавшиеся в газете «Народ» под заглавием «Чудацьки думки» - я прочел и перечел их несколько раз – долго и страстно обсуждались в историческом кружке»¹¹³. Подобный путь являлся по большому счету типичным для большинства представителей молодых украинских студенческих объединений Малороссии 90-х гг. XIX в.

¹¹³ *Могилянський М.* Дев'яності роки. Воспоминания // Былое. 1924. № 23 С. 131.

Как мы видим, к марксизму молодежь малороссийского украинского движения приходила в первую очередь через Драгоманова, это еще в большей степени характерно для украинофилов Российской империи, чем для их единомышленников из Галиции, влияние же со стороны польской общественной мысли здесь оказывалось далеко не определяющим, а лишь одним из нескольких. Развитию интереса к социал-демократии способствовала также интеллектуальная среда университетов, гимназий, реальных училищ, где среди учащихся революционные настроения и также вся сопутствующая им литература распространялись крайне активно. То обстоятельство, что на период 90-х гг. XIX в. в Российской империи не было создано еще ни одной социал-демократической партии подобной УСДП во многом можно объяснить тем, что в Австро-Венгерской монархии на тот момент имелось гораздо больше возможностей для создания легальных политических организаций, сам факт более раннего создания партии не может еще свидетельствовать о большей степени развитости социал-демократических убеждений. К тому же первенство сохранялось по итогу только в создании политических партий, если же мы будем рассматривать только различные непартийные неформальные социал-демократические объединения – различные кружки, группы и т.д., то в Российской империи они появляются фактически одновременно с аналогичными объединениями в Галиции. К примеру, в 1898 г., драгомановец Павел Лукич Тучапский становится одним из 9 делегатов I съезда РСДРП. Поэтому в качестве итоговых выводов нам следует выделить, что процесс формирования интереса к социал-демократическим идеям в среде украинского движения, а также дальнейший путь становления украинских социал-демократических объединений и партий исторически складывался в рамках обоюдного влияния со стороны двух политических векторов – деятельности украино-польских социал-демократов Галиции, ведущей площадкой для деятельности которых являлась УДРП, а также активному влиянию русской социал-демократических сил, которое в первую очередь осуществлялось на базе образовательных

учреждений Малороссии – университетов, гимназий, реальный училищ.

Университетская среда в особенности способствовала распространению социал-демократических идей в среде молодых представителей украинского национального движения. Ведущим же центром распространения данного влияния стал Киев и непосредственно Киевский университет. Здесь важным будет отметить то обстоятельство, что своей отдельной выраженной спецификой развития в нем украинского движения обладал каждый из трех наиболее крупных центров политического украинства – Киев, Харьков и Полтава. Эти особенности в первую очередь определялись отличительными чертами той общественно-политической жизни, что складывалась внутри каждого из университетов или же средних образовательных учреждений города и близлежащий к нему территорий. Во многом именно они определяли те политические традиции, которые складывались непосредственно в среде украинских организаций. Особенности Харькова и Полтавы как крупных центров политического украинства мы рассмотрим в рамках исследования несколько позже. В отношении же Киева и его специфики следует отметить, что сам город, в первую очередь, являлся центром сосредоточения работы старшего поколения «культурников», где в свою очередь был сконцентрирован основной объем культурно-просветительской деятельности «Старой громады», где с 60-70-х осуществляли большой объем и большую часть своей деятельности «корифеи» предыдущего поколения представители украинского движения – В.Б. Антонович, П.И. Житецкий, М.П. Старицкий, Н.В. Лысенко, В.П. Науменко и другие, продолжал издаваться журнал историко-этнографических и литературных исследований «Киевская старина», на страницах которого с печатались статьи, освещающие местную этнографическую, историческую, литературную тематику.

С другой же стороны – именно в Киев, как уже упоминалось, стал местом, где осуществлялось формирование большинства социал-демократических организаций украинского движения Российской империи. С нашей точки зрения, в основе объяснения данной специфики развития

украинского движения в Российской империи лежали две причины. Первая заключалась в том, что в кругах студенчества Киевского императорского университета имени Святого Владимира на период рубежа XIX–XX вв. народнические и социал-демократические идеи в целом имели крайне высокую степень популярности, при этом достаточно значимую роль играла деятельность широко представленных в среде университета польских национальных землячеств и ячеек «Бунда», со стороны которых был внесен весомый вклад в процесс распространения в Киеве эклектичного марксизма с вкраплениями национально-автономистских черт. Вторая же причина была менее очевидна, суть ее заключалась в том, что за полтора десятилетия до этого именно Киев стал сосредоточением общественно-политической работы М.П. Драгоманова и, соответственно, по этой же причине, именно здесь по большей части свою деятельность впоследствии осуществляли его ключевые сторонники, существенным образом повлиявшие на рост социал-демократических симпатий внутри украинофилов. По итогу Киев становится сосредоточением деятельности нового направления в истории развития украинских организаций. Достаточно характерно описывает состояние украинского движения в Киеве на период 90-е гг. XIX в. н Ю.Ж. Коллард на страницах своих воспоминаний: «Украинское движение в Киеве между молодёжью никак не могло встать на твердые ноги. Молодежь эта вся разбивалась на кружки разных политических направлений. Некоторые кружки копировали российское социал-демократическое движение и программы социалистических партий; свою же создать не смогли. От национального радикализма быстренько перескакивали к Драгоманову, дальше к Марксу и умирали преждевременной смертью без никакого нашествия для «будущих поколений»; как от кружка И. Стешенко. Было несколько кружков, которые только враждовали между собой, а не до чего путного договориться не сумели. Оставалась же постоянной только «Старая громада»¹¹⁴. В данном случае

¹¹⁴ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 26.

Коллард, выступая как прямой противник и критик увлечения участников украинского движения марксизмом и дальнейшего сближения их с общероссийскими партиями, безусловно в негативном контексте представляет картину развития молодежных объединений Киева. Однако важна его констатация преобладающих в Киеве социал-демократических настроений среди молодежи в 90-е гг. XIX в., пусть и при довольно слабо поставленной практической работе подобных объединений. Пройдет пять-десять лет, и они станут основой для формирования будущих социал-демократических партий украинского движения.

Таким образом, мы можем отчетливо выделить, что на рубеже XIX–XX вв. украинское движение на территории Российской империи имело характерную отличительную специфику. Она выразилась в ряде аспектов, без которых дальнейшее представления о процессе развития украинских организаций будет крайне затруднительно. Так, во многом процесс формирования политических организаций украинского движения осуществлялся на базе образовательных учреждений Юго-Западного края, среди которых ведущую роль играли Киевский и Харьковский университеты. Отсюда последовали и особенности локализации движения: большая часть деятельности представителей украинских организаций концентрировалась на территории трех губерний – Киевской, Харьковской и Полтавской, в соответствии с наличием университетских центров в двух из них и связующему промежуточному территориальному расположению последней.

Формирование украинского движения, в особенности в контексте складывания отличительных особенностей мировоззрения представителей украинских организаций, было тесным образом с малороссийской крестьянской средой. Социально-политические воззрения крестьянства, провинциальные особенности местной культуры языка, национально-психологические особенности, связанные с исторически сформированной характерной особенностью развития малороссийского крестьянства,

выраженной в преобладании индивидуального хуторского хозяйства над коллективным, напрямую влияли на содержание социально-экономических программных требований и ключевых черт политического мировоззрения украинофилов.

Важным фактором развития украинского движения на рубеже XIX–XX вв. становится возникновение пролетариата в Малороссии и связанные с ним процессы пролетаризации села. Тем не менее развитие пролетариата в преимущественно аграрном регионе на рубеже XIX–XX вв. происходило крайне медленными темпами и в значительной степени характеризовалось поденным, неквалифицированным характером труда, что определяло такую отличительную черту молодежных студенческих организаций как преимущественный характер их работы в среде сельского пролетариата и неиндустриальных неквалифицированных городских наемных рабочих.

1.2. . Зарождение новых тенденций в среде украинских студенческих организаций на рубеже XIX–XX вв.

Студенческие неформальные объединения сыграли ведущую роль в процессе возникновения и развития новых тенденций внутри украинского движения на рубеже XIX–XX столетия. Из числа охарактеризованных в предыдущем пункте киевских студенческих объединений 1890-х гг. наибольшее внимание своей работой привлек к себе социал-демократический кружок И.М. Стешенко. Многие украинофилы, в частности, В. Дорошенко, Д.В. Антонович, характеризовали кружок Стешенко как первую марксистскую организацию украинского движения на территории Российской империи. Сам И.М. Стешенко стал одним из первых, кто открыто вступил в конфликт с «культурниками», противопоставляя их выраженной аполитичности социал-демократическую программу.

Видный представитель украинского движения Е. Чикаленко, к примеру, приводит следующую характеристику Стешенко: «на собрания Громады (Стешенко был одним из самых молодых членов киевской Старой громады) он приходил регулярно, но с такой презрительной миной, как будто он выше всех этих «буржуев» и «украинофилов», но вместе с тем он был человек не злобный и благодушный!»¹¹⁵. Закономерно, что основной состав кружка по большей части включал в себя молодых «драгомановцев». К данному кружку, к примеру, принадлежала, племянница М.П. Драгоманова, писательница Леся Украинка¹¹⁶. Члены вышеозначенного кружка И.М. Стешенко практически сразу вошли в острый конфликт с «культурниками» из «Старой громады» и всеми остальными украинскими организациями Киева, придерживающихся более резкого национального уклона. В этом отношении достаточно подробно и весьма исчерпывающее охарактеризовал деятельность кружка Стешенко Д.В. Антонович на страницах своего очерка: «Страница истории украинской

¹¹⁵ Чикаленко Є. Уривок із споминів // Літературно-науковий вістник. кн. VII–IX., Львів. 1924. С. 112.

¹¹⁶ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С 6.

политической мысли» Д.В. Антонович, опубликованного уже после революции в 1918 г. на страницах «Робитничей газеты» в Киеве: «Целая студенческая украинская громада в Киеве в 1893-4 году под руководством Стешенко настроилась против исключительного культурничества и аполитичности украинского движения и приобщения к украинскому политическому радикализму. Правда скоро в кругах той же молодежи появилось противоположное течение, течение, которое боролось против драгомановского радикализма и предпочитала стоять при старом национальном украинском культурничестве. Теперь трудно, а может и смешно разобраться в тогдашних отношениях. Но в 1895-96 годах в Киеве было две, даже три студенческие враждующие между собой украинские громады, и две враждовали против радикальной громады Стешенко, не за радикализм, но, смешно сейчас сказать, подозревая в москвофильстве «...» Примирение стало тем невозможным, острее настраивался, кружок Стешенко махнул рукой на шовинизм других украинских кружков и отдался процессу собственной эволюции. А эволюция пошла достаточно оживленным шагом и прошло не столь много времени, как Стешенко, а вместе с ним и почти весь кружок, что стоял под его руководством, совершили шаг от Драгоманова к Марксу.

Правда они, делая этот шаг, растеряли кое-кого из своего круга. Протягивая руку российской марксисткой молодежи некоторые и правда действительно перешли навсегда в российские круги, и среди тех кругов и сейчас являясь злейшим врагом украинской самостоятельной революционной борьбы. Для них является святым лозунгом единый фронт и единая неделимая культура и держава. Но Стешенко очевидно не мог долго идти вместе с этими своими товарищами, когда он остановился, то остался во многом одиноким. Был один человек, который также пережил эволюцию от Драгоманова до Маркса, и этот человек также в эту трудную минуту оказал крепкую поддержку Стешенко; это была Леся Украинка. Не пойдя в московский лагерь,

они заложили в Киеве самостоятельную украинскую социал-демократическую группу»¹¹⁷.

Согласно данным, приведенным В. Дорошенко, к группе И.М. Стешенко принадлежали П.Л. Тучапский; будущий классик украинской литературы М.М. Коцюбинский; М. Кривинюк; Б. Ратнер ¹¹⁸, а также малоизвестный деятель по фамилии Кавун, которого по созвучию исследователи украинского движения зачастую путали с другим известным участником украинского движения Петром Канивцом, носившем идентичный партийный псевдоним¹¹⁹.

Во многом объединение являлось достаточно узкой группой интеллигенции, которая ничем существенным себя не проявила на поле общественно-политической практики. Однако значение данной организации во многом заключалось в том, что она выступала как отражение новой тенденции, иллюстрирующей уже следующий этап развития украинских организаций. Речь идет о существенном росте социал-демократических настроений в движении. Однако в действительности социал-демократический характер объединений украинского движения был во многом весьма условен, как в силу приоритета национально-политических требований в ценностно-идеологической системе украинофилов, так и по причине вышеупомянутой концентрации агитационно-пропагандисткой работы представителей украинского движения в среде сельского пролетариата. Показательным примером этого может служить сам И.М. Стешенко, который, позиционируя себя в качестве одного из наиболее ревностных сторонников пролетариата, за несколько лет до этого посвящал восторженные стихотворения основателям «Братства тарасовцев» – первой радикальной националистической политической организации украинского движения на территории Российской империи. В 1890-е гг. И.М. Стешенко выступил активным сторонником

¹¹⁷ Антонович Д.В. Указ. соч. С. 32

¹¹⁸ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 45.

¹¹⁹ Гермайзе О. Указ. соч. С. 46.

последовательной галицизации складывающегося украинского литературного языка.

Несмотря на выраженное отсутствие проявлений практической деятельности, группа, тем не менее, просуществовала достаточно долго. Свидетельства о ее деятельности и существовании сохраняются до 1903 г. Взяв себе на вооружение название «Украинская социал-демократия», члены кружка издают в Женеве две брошюры под названием «Оценка программы украинской социал-демократической партии» и «Цари, паны и люди»¹²⁰. Помимо издания данных брошюр «Украинская социал-демократия» фактически ничем более на общественно-политическом поле более не отметилась. Организация являлась достаточно рыхлым образованием, о чем свидетельствует, к примеру, то, что большая часть членов кружка Стешенко при этом также параллельно активно принимали участие в деятельности Революционной украинской партии, а также Всеукраинской беспартийной организации (ВУБДО).

В числе социал-демократических объединений Киева 90-х гг. XIX в., помимо кружка И.М. Стешенко, отдельно следует выделить также созданную Ю.М Меленевским организацию под названием «Группа сельских работников социал-демократов Киевской губернии». Ю.М Меленевский был одним из той категории деятелей который О. Гермайзе удачно классифицировал как «новых хлопоманов», увлеченных социал-демократическими идеями¹²¹. Поляк по национальности, выходец из шляхетского рода с Киевщины, Меленевский впоследствии сыграет немаловажную роль в дальнейшем развитии политических организаций украинского национального движения – он создаст Украинский социал-демократический Союз («Спилку»), одну из самых массовых нелегальных партий украинского движения, затем станет одним из создателей подконтрольного Австро-Венгрии и Германии «Союза освобождения Украины» в годы Первой мировой войны. «Группа сельских

¹²⁰ Гермайзе О. Указ. соч. С. 45.

¹²¹ Там же. С. 51.

работников социал-демократов Киевской губернии» станет же первым опытом Ю.М. Меленевского, связанным с созданием и организацией работы украинствующего социал-демократического кружка. Данный опыт закономерно оказался не вполне удачным как по причине неопытности и молодости главного организатора объединения, так и в силу уже рассмотренного нами выше труда фактора малочисленности пролетариата в Малороссии. Сельские работники социал-демократы Киевской губернии, по существу, были представлены самим Меленевским, несколькими представителями студенчества, а также небольшой группой сельских наемных работников, которых, как считает тот же Гермайзе, Меленевскому удалось привлечь в организацию в имени собственных родителей¹²².

Здесь уже в значительной степени проявились организаторские способности юноши, однако в то же время наглядной становится и узость социальной базы движения в 1890-х гг. Группа сельских работников социал-демократов Киевской губернии» наладила контакт с кружком И.М. Стешенко, но это никак не помогло им укрепить свои позиции как организации на практическом поле, и вскоре объединение завершило свою общественно-политическую деятельность. Политический финал «Группы сельских работников социал-демократов Киевской губернии» оказался закономерен, до определенной степени комичен, и обошелся с минимальными последствиями для самого организатора. После того, как Меленевский проезжал по окрестным селам в экипаже, запряжённом цугом из четырех коней, и разбрасывал во дворы местным крестьянам отпечатанные и составленные собственноручно прокламации с характерным названием «Пролетарии всех стран соединяйтесь, сила рабочих в них самих», он через некоторое время в марте 1899 г. был доставлен в полицейский участок, где вел себя дерзко, выражался нецензурной лексикой, грубил и в итоге был отправлен под арест, пока не был от данного ареста освобождён вместе со всеми студентами по

¹²² Гермайзе О. Указ. соч. С. 50.

распоряжению генерал-губернатора 31 марта 1899 г.¹²³, на чем революционная работа объединения была завершена. Однако не стоит воспринимать опыт практической деятельности данной организации исключительно как очередной курьезный случай из практики создания политических студенческих кружков. Посредством подобных ошибок новое поколение украинской интеллигенции получало необходимый опыт, который впоследствии даст им соответствующий ресурс, позволивший создавать объединения, которым суждено будет сыграть уже весьма серьезную роль в последующей политической и исторической судьбе России.

Однако процесс развития украинских студенческих объединений в 90-х гг. XIX в. не будет сводиться только к становлению социал-демократических объединений, противостоянию «драгомановцев» и «культурников». Внутри общественно-политической деятельности студенческих громад будут происходить процессы и более радикальные, которые уже в свою очередь никак не связаны будут с русским революционно-демократическим движением и популярностью марксистских идей в среде студенчества.

Данные процессы имели непосредственное отношение к генезису украинского политического национализма. Настойчивые требования молодого украинствующего студенчества к осуществлению активной борьбы на общественно-политическом поле исходили не только от сторонников драгомановской политической программы, ориентирующихся на общереволюционные демократические идеалы, всецело поощряющих интеграцию молодых увлекающихся социалистическими и либерально-демократическими идеями украинофилов с общероссийскими революционными силами. Существовала и другая линия студенчества, менее заметная, но при этом гораздо более конкретная в своих намерениях и по характеру поставленных целей и задач, – она грезилась о построении одной

¹²³ Гермайзе О. Указ. соч. С. 50.

единой и независимой украинской государственности «От Карпат до Кавказа».

Сама идея построения независимой государственности в украинском движении была не нова и существовала с самого возникновения. Зачастую облекалась она, в силу нахождения украинского движения во второй половине XIX века на стадии своего становления, а также малочисленности сторонников поддержки украинофильства, в единственную возможную на тот момент, наследующую традиции польского революционного движения, форму идеи общеславянской федерации, где украинский народ должен был играть ведущую роль. Большое значение в данном контексте приобретает «Книга бытия украинского народа» Н.И. Костомарова. Весь последующий период идея самостоятельного политического формирования украинского народа подспудно, зачастую неявно, разделялась многими представителями украинофильства, в особенности – наиболее радикально настроенным. На рубеже же конца 80-х – начала 90-х гг. XIX в. в среде студенческих громад Киевского и Харьковского университета, а также средних учебных заведений Киевской, Полтавской и Харьковской губернии формировалось определенное молодежное ядро, которое резко негативно относилось к старшему поколению «культурников», и которому при этом не были близки ни социал-демократические воззрения, ни идеи и ценности социальной справедливости. В данной среде молодых интеллигентов идеи создания самостоятельной независимой украинской государственности получают новое воплощение. Фактически аграрный и рабочий вопросы оставались для них глубоко второстепенны по отношению к идее построения самостоятельного украинского государства и политической нации. Кризис старого украинофильства, павшего позади современной ему русской общественно-политической жизни рубежа 80–90-х гг. XIX в., не успевающего за динамичными изменениями внутривнутриполитической жизни Российской империи, где уже стремительным образом происходил бурный рост капиталистических отношений, только способствовал росту данных

настроений. Острее на практике ощущались социально-политические реалии «настоящего, не календарного» двадцатого века», весьма ощутимым образом отразившиеся в стремительно радикализировавшейся среде молодых представителей украинского движения.

Отмеченные выше тенденции нашли свое проявление в создании в 1891 г. организации под названием «Братство тарасовцев», ставшей первым объединением на территории Российской империи, открыто выступившим с радикального политического украинского национализма. Данная организация зачастую не столь заметна в контексте общей истории развития украинских политических партий и движений, в связи с чем остается не столь пристально изученной, хотя само объединение вполне однозначным образом заслуживает более детального рассмотрения в силу ряда причин.

В «Братстве тарасовцев» представители украинских студенческих громад попытались создать политическую структуру нового типа, которую должна была отличать ожесточенная накаленность и бескомпромиссность в воззрениях. Сама идейно-политическая платформа объединения уже во многом вполне подходила под определение этапа в истории движения, который исследователь Н.И. Ульянов определил как «формальный национализм»: «Лучшая часть «Громады» продолжала заниматься учеными трудами, писала стихи и романы, но огня, оживлявшего деятельность первых украинофилов от Рылеева и кирилло-мефодиевцев до Драгоманова, не было. Зато возник угарный чад, какой исходит от тлеющих углей после того, как пламя потухнет. Начался безыдейный украинизм, не ищущий себе смысла и оправдания. В отличие от своего предшественника он не задавался вопросом: зачем надо было внушать малороссийскому крестьянину, что он – «окрема» национальность, зачем надо было обучать его в школе не на общерусском письменном языке, а на разговорной мове? Костомаров и Драгоманов имели на этот счет обоснованное суждение, исходившее из соображений социального и политического прогресса. Никаких таких соображений у последующих украинофилов не было. Их логика проста: раз нас «пробудили»

и называли украинцами, особой национальностью, так надо и быть ею, надо, как все порядочные нации, обладать своей территорией, своими государством, языком, национальным флагом и своими послами при иностранных дворах. Народился тип националиста, готового мириться с любым положением вещей, с любым режимом, лишь бы он был «свой» национальный»¹²⁴.

Определение Н.И. Ульянова в данном представляется лишь отчасти удачным. В вопросе о характеристике политических взглядов радикального крыла украинства он дает верную характеристику – тяга к внешней форме, стремление к обладанию формальными признаками государственности, а также признания себя на соответствующем уровне с уже сформировавшимися и народами и нациями, территориальные требования, борьба за обособление культуры и языка, стремление все более абстрагироваться от каких-бы то не было сдерживающих факторов и идейной привязки к русскому народничеству, социал-демократии, либерализму и т.д.

Однако позиция Н.И. Ульянова способствовала формированию несколько упрощенной картины, поскольку он отмечал, что «формальный национализм» был свойственен для всех объединений украинского движения. На протяжении всего периода 80-х – 90-х гг. XIX века большей части представителей украинского национального движения была свойственна мировоззренческая эклектика. Процесс формирования системы украинской партийно-политической жизни в действительности являлся гораздо более сложным и многогранным, и не мог быть сведен исключительно только к складыванию радикальных формирований украинского движения. Однако какой же в таком случае был вклад непосредственно «Братства тарасовцев» в процесс формирования общей системы объединений украинского движения на рубеже XIX–XX вв.?

Так как процесс изучения деятельности «Братства тарасовцев» одновременно выводит нас на отдельный вопрос, представляющий достаточно

¹²⁴ *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 236.

высокую значимость в контексте общего осмысления закономерностей развития украинских организаций на рубеже XIX–XX вв., нам предоставляется необходимым начать освещение деятельности объединения именно с него. При освещении деятельности последующих объединений «Братство» наглядно демонстрирует собой тенденцию исторического и политического развития политического украинства.

Речь идет о специфике Харькова как центра украинского движения. Ядро организационного состава «Братства тарасовцев» во многом составляло харьковское студенчество. Харьков стал ключевым центром нового этапа радикализации украинского национального движения, зарождения украинского политического национализма на территории Российской империи. «Братство тарасовцев», его прямое продолжение – «Харьковская украинская студенческая громада», возникшая на ее основе Революционной украинской партии и затем отколовшаяся от последней в 1902 г. Украинская национальная партия Н.И. Михновского – организационное ядро данных организаций преимущественно составляло харьковское студенчество. Почему именно в Харькове молодое националистическое крыло движения нашло столь благосклонную почву для осуществления своего дальнейшего организационного и идейно-политического развития?

Харьковский университет еще со времен активной деятельности Н.И. Костомарова и других украинофилов в период середины – второй половины XIX традиционно являлся центром украинского движения. Впоследствии город становится центром сосредоточения политических запросов и нужд нового поколения молодых украинофилов, недовольных «культурничеством». Как отметит в 1918 г. Д.В. Антонович в своем небольшом очерке памяти И.М. Стешенко, «только на свежем воздухе в Харькове, в стороне от культурнишко-аполитичных и консервативных украинских кругов, с одной стороны, без традиции конечного соединения под Драгомановским влиянием с русской молодежью в политической работе могла зародиться и действительно появилась первая украинская политическая

партия нашего времени – РУП. Основатели ее пережили в Киеве процесс девяностых годов (имеется в виду противостояние членов «Старой громады» и молодежи украинских организаций – В.Е), эмигрировали от него на безтрадиционное на тот момент поле в Харькове, заложили там Революционную украинскую партию (РУП), к которой потянулись мысли и симпатии украинской молодежи из Киева. За короткий срок вся Киевская студенческая громада присоединилась к РУП»¹²⁵. Данная характеристика вполне уместна и в отношении «Братства тарасовцев»

Специфика Харькова позволила ему стать наиболее благоприятным местом для развития наиболее дерзких по замыслу и своему воплощению политических организационных форм, которые на протяжении всего периода начала XX в. стояли в авангарде политической «эволюции» украинских организаций. Город стал крупным центром, куда радикально настроенные представители молодежной среды украинского движения банальным образом сбегали от слишком, по их мнению, умеренной и конформистской среды украинских общественно-политических организаций Киева, активно используя данное свободное поле для реализации собственных идейно-политических представлений.

В 1890-х гг. в Киеве, как уже упоминалось, по большей части действовало старшее поколение украинофильской интеллигенции. К тому же среди молодых киевских украинофилов находился большой процент сторонников социал-демократических воззрений, что также являлось достаточно серьезным препятствием для радикального крыла украинствующей молодежи. Специфика же Полтавы, где также было достаточно серьезно развито украинское движение, заключалась в том, что она являлась своего рода периферией между двумя крупными университетскими центрами – Киевом и Харьковом. Однако в Полтаве – местности, представляющей в сознании обывателя некий классическим эталон

¹²⁵ Антонович Д.В. Указ. соч. С. 490

«малороссийскости», своего университета не было. Соответственно, не было того центра, на базе которого могла аккумулироваться радикальная энергия молодежи студенческих украинских объединений в рамках какого-либо единого координирующего объединения или кружка. Зато в Полтаве крайне широко было представлены средние образовательные учреждения – Полтавская гимназия, Лубенская гимназия, Полтавская духовная семинария, Александровское реальное училище, Полтавский кадетский корпус. Поэтому в Полтаве украинские организации по большей части были представлены семинаристами, преподавателями и учениками реальных училищ, которые зачастую не имели между собой координации и были разбросаны по различным городам губернии – Лубны, Кременчуг, Кобеляки и т.д. Также Полтавская губерния выступала центром проживания многих молодых украинофилов, чей основной объем деятельности был сконцентрирован на базе Харьковского и Киевского университетов, однако в каникулярное время активно принимающих участие и в общественно-политической жизни Полтавы. Во многом украинские организации Полтавской губернии характеризовались разобщенностью, локальностью, порой даже замкнутостью, и не имели должного потенциала для того, чтобы выйти в своей деятельности на новый политический уровень.

Таким образом, вполне закономерно оставался только Харьков, где украинствующее студенчество было достаточно активно представлено, структурировано и готово к дальнейшему осуществлению самых радикальных сценариев в общественно-политической практике.

События не заставили себя долго ждать и в скором времени проявила себя «первая ласточка» данной тенденции – «Братство тарасовцев». Новые подходы в создании организации заключались не только в специфике содержания программы или же радикальности установок объединения. Сам процесс создания объединения и форма его организации уже разительным образом отличались от всего того, что наличествовало или, по крайней мере, не было столь выражено в предшествующие периоды.

Само название организации – «Братство» уже несет в себе характерные коннотации и отражает суть того содержания, которое старались придать своему объединению радикальное харьковское студенчество. Единственной политической организацией украинского национального движения, которое до этого имело сходное название, являлось «Кирилло-Мефодиевского братство». В данном случае действительно можно выявить некоторые параллели, учитывая, что и сами члены «Братства тарасовцев» связывали себя именно с традиций «кирилло-мефодиевцев» и их общественно-политической практикой, противопоставляя ее периоду «легальной» культурно-просветительской работы второй половины XIX в. Это отчетливо прослеживается на страницах созданной чуть более позднее в 1900 г. широко известной брошюры Н.И. Михновского под названием «Самостийная Украина», который являлся активнейшим участником деятельности «Братства тарасовцев» и самым прямым образом впитал в себя его идеологию и политические установки. На страницах «Самостийной Украине» Михновский отметит: «Таким образом украинофилы остались без потомства и современная молодая Украина себя непосредственным наследником Т.Г. Шевченко, и ее традиции идут к Мазепе, Хмельницкому и королю Даниилу, минуя украинофилов. Между молодой Украиной и украинофилами нет никакой связи – кроме одной страшной и фатальной связи – своей кровью заплатить за ошибки предшественников»¹²⁶.

Однако, при всем стремлении «Братства тарасовцев» продолжить традиции «кирилло-мефодиевцев», следует отметить, что существовало и принципиальное различие между ними. «Кирилло-мефодиевское общество», несмотря на явно выраженный национальный подтекст в своей деятельности, тем не менее все еще принадлежало революционно-демократической традиции XIX в., в то время как «Братство тарасовцев» по большому счету являлось организацией уже сугубо националистического характера. И если

¹²⁶ Михновский Н.И. Самостійна Україна. Лондон, 1967. С. 26.

Н.И. Костомаров на страницах своей «Книги бытия украинского народа» стремился хоть каким-то образом придать деятельности кирилло-мефодиевцев прогрессивно-гуманистический и общехристианский контекст, пусть и в крайне специфичной национально-мессианской форме, то в ключевом программном документе братства - «Символе веры» молодых украинцев» акценты уже будут расставлены совершенно иначе.

С самого начала создания организации для поддержания соответствующей идейной взвинченности в противовес старому «культурничеству», для подчеркивания того обстоятельства, что новое поколение отныне выступает на путь прямой политической борьбы за украинское национально-политическое дело, участники «Братства тарасовцев» подчеркнуто выстраивали свою организацию по принципу рыцарского ордена идейных борцов за «Вильну и Самостийну Украину от Карпат до Кавказа», изначально вкладывая в цель существования организации определенный метафизический смысл.

Так, создание и деятельность «Братства» началась с клятвы, которая была дана четверью Харьковскими студентами – И.Л. Липой, В.Г. Боровиком, Н.Г. Бордзенко, Н.Н. Базькевичем на могиле Т.Г. Шевченко на Чернечьей горе в Каневе. Клятва должна была скрепить и придать деятельности членов «братства» характер религиозной фанатичной преданности идеи построения самостоятельной украинской государственности и украинской нации

Обстоятельства того, каким образом Липа, Бордзенко, Боровик и Базькевич оказались летом на могиле знаменитого поэта и дали соответствующую клятву и того, как дальнейшим образом протекала деятельность членов «Братства», достаточно полно раскрыты, несмотря на то, что содержаться они в весьма небольшом по объему очерку воспоминаний негласного лидера «тарасовцев» – Ивана Львовича Липы, будущего комиссара Одессы от Центральной Рады УНР, министра здравоохранения при правительстве УНР, министра культуры и вероисповеданий Директории УНР, которые увидели свет в 1922 г. на страницах литературно-просветительского

еженедельника «Письмо из Просвиты». Данный общественно-политический деятель как правил обойден подробным вниманием исследователей, изучающих историю украинского вопроса рубежа XIX–XX вв. По большей части в поле внимания историков находились такие фигуры как, к примеру, М.С. Грушевский, Н.И. Михновский, Е.Х. Чикаленко, Б. Гринченко, В.К. Винниченко и др.

Однако роль Ивана Львовича явно остается недооценена исследователями и ожидает еще дальнейшего более пристального изучения. Так, на сегодняшний день существует только одна монография, посвященная деятельности и творчеству данного общественно-политического деятеля, изданная за авторством украинского историка И.Л. Стамбола¹²⁷. Это отчасти объясняется тем, что после ареста и тринадцатимесячного заключения за участие в «Братстве тарасовцев» И.Л. Липа еще три года находился под надзором полиции в Керчи¹²⁸, затем закончил обучение уже Казанском университете, и впоследствии до революции принимал участие в деятельности украинского движения крайне осторожно – печатал статьи в журналах на украинскую тематику, проживая и занимаясь врачебной практикой в Одессе, где традиционно общественно-политическая деятельность украинских организаций была крайне слабо представлена. Также в Одессе Липа организовал издательство «Одесская литературная спилка», на базе которого вместе с женой издавал альманах «Богатство». После выхода из тюрьмы, по большей части Иван Львович занимался просветительско-образовательной работой, достаточно далекой от каких-либо радикальных революционных шагов.

Фактически, в свое время И.Л. Липа выступил в лице лидера и главного координатора деятельности «Братства тарасовцев». Официально лидера в объединении, безусловно, не существовало. Однако негласно, особенно в

¹²⁷ *Стамбол І.Л.* Іван Львович Липа в українському національному русі: лікар, письменник, тарасівець: монографія. К., Одесса, 2017.

¹²⁸ Там же. С. 43.

самом крупном харьковском в отделении общепризнанным негласным руководителем студенчества являлся именно он. Иногда на роль лидера объединения в литературе ошибочно примеряют Н.И. Михновского, обманчиво руководствуясь той репутацией непримиримого радикала, которую общественно-политический деятель заслужил своими теоретическими изысканиями и практической деятельностью.

Однако в действительности период политической зрелости для Н.И. Михновского, когда он действительно станет крупной фигурой в среде украинского движения, наступит несколько позже, в 90-е XIX в. он будет еще только формироваться как общественно-политический деятель. Так, Н.И. Михновского не было даже в числе четырех человек, непосредственно стоявших у основания организации и совершивших клятву у могилы Т.Г. Шевченко. Да и членом «Братства тарасовцев» Н.И. Михновский стал далеко не сразу. Как отмечает Ю.Ж. Коллард, к киевской ячейке «Братства» Н.И. Михновский присоединился уже впоследствии, после ее создания¹²⁹. Следует можно говорить о влиянии «Братства тарасовцев» на молодого Михновского, чем об обратном. К слову, сам Липа непосредственно отметит прямое отношение «тарасовцев» и их идейных воззрений к созданию «Самостийной Украины»: «Но «святая святых» для «тарасовцев» была Самостийна Украина. Другой Украины никто из «тарасовцев» себе не представлял. Позднее, через несколько лет, один из членов «тарасовцев» прилюдно и открыто претворил это дело в жизнь тем, что поехал за границу в Карпатах, где знал, что за его спиной не стоит российский жандарм, написал брошюру «Самостийна Украина». Это был молодой адвокат Николай Михновский. Эта самостийническая идея для того времени была страшной вещью, страшнейшей чем социалистические лозунги и была первой ласточкой нашей современной весны»¹³⁰.

¹²⁹ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 2.

¹³⁰ Липа І.Л. Тарасовці // Письмо з «Просвіти». 11/22. Львів, 1922. С. 92.

Каким же осуществился процесс клятвы и вообще складывался сам путь создания организации? Молодые студенты оказались в середине лета на Чернечьей горе в Каневе могила Т.Г. Шевченко благодаря одному из самых радикальных представителей украинского движения Александру Александровичу Русову. А.А. Русову, принимавшему участие в 1891–1892 гг. в работе статистического бюро Полтавского губернского земства по описанию крестьянских хозяйств в Лохвицком, Пирятинском и Роменском уездах из-за большого массива работ крайне необходимы были люди для осуществления помощи в сборе данных. Русов решил привлечь к участию в составлении статистических описей харьковских студентов, причем в первую очередь его он стремился привлечь именно студентов-украинофилов. Среди откликнувшихся группы студентов нашлись вышеуказанные четверо, которые проявили не только недюжинный интерес к работе, но и успели выделиться среди остальных прибывших своим выраженным радикализмом в отношении всего, что касалось украинского вопроса.

Как отмечал в своем очерке сам Липа: «И съехалось в Полтаву до 50 человек такой молодежи из разных университетских мест. Работая, молодежь знакомилась между собой, делилась мыслями, разбивалась на соответствующие кружки. Тут же сложился кружок из четырех людей, что стал наконец всецело отдельно. Эти молодые люди не принадлежали ни к украинофилам, ни к другим течениям, а называли себя «свидомыми украинцами». Термин тогда новый и он означал, что они не только украинцы по происхождению, но что они сознательные дети своего народа. Этот кружок из четырех членов всегда был в острых спорах со всеми остальными, а когда члены его объявили, что они не присоединяться ни к украинофильским группам, ни к российским, а создадут новую национальную украинскую группу – мазепинцев, тогда все ее осмеяли, на «узкими националистами», все ее чурались и покинули. Но в этом кружке кипела идейная работа»¹³¹.

¹³¹Липа І.Л. Тарасовці. С. 91.

Непосредственной чертой, напрямую указывающей на то, что наступала уже совершенно новая эпоха, когда полным ходом осуществлялся процесс складывания политического национализма, являлось формирование новой терминологии. Примечательно, что данный настрой не поддержала большая часть харьковского студенчества, прибывшая на практику с целью заниматься статистической работой и не разделявшей украинофильские идеи, однако он горячо был поддержан в семье известного вышеупомянутого «социал-демократа» И.М. Стешенко, у которых будущие «тарасовцы» случайно остановились.

Мысли о несправедливости самодержавного строя, угнетенного положения украинского народа находили восторженный отклик у семьи Стешенко. Сам И.М. Стешенко, в свою очередь, посвятил каждому из юных борцов за украинскую национальную идею свои восторженные стихотворения¹³². Сами же идейные убеждения юных украинофилов, на основе которых они столь тесным образом консолидировались, и которые нашли столь восторженный отклик у И.М. Стешенко и его семьи И.Л. Липа описал следующим образом: «Дело национальное коротко заключалось в чем: Мы, сознательные украинцы, решительно и навсегда порываем с украинофилами. Мы, сознательные украинцы отдаем все наши силы на создание украинской культуры, на национально-политическое освобождение поработенного украинского народа»¹³³.

Таким образом, в 1891 г. в среде студенчества уже отчетливо звучали те идеи, которые затем попадут на страницы «Самостийной України», наглядным образом демонстрируя, в свою очередь, что последующий радикализм таких деятелей как Н.И. Михновский, определялся отнюдь не личными особенностями их характеров, а отражали закономерный этап формирования политического национализма. В стадию такого радикализма украинское движение должно было закономерно войти – проблема

¹³² *Стамбол І.Л.* Указ. соч. С. 143.

¹³³ *Липа І.Л.* Тарасовці. С. 91.

заклучалась в том, что как в силу узости социальной базы движения, так и значительной политической слабости движения, национализм с самого начала принимал самые радикальные и ожесточенные формы.

Помимо поставленной А. Русовым задачи по сбору статистических сведений, четверо молодых студентов-украинофилов в свободное время устраивали поездки в полтавские села, собирая по ним этнографический материал, все более «проникаясь» духом местных традиций и крестьянских обычаев, что еще больше усиливало и вселяло в них уверенность в правоте собственных взглядов и желание сделать великое дело во благо Украины и украинского народа. В скором времени, вдохновленная четверка будущих «тарасовцев» задумывает поездку на могилу Т.Г. Шевченко. Впечатления от общения с крестьянством, окружающая народная среда малороссийского села, поэтичность живописных мест могилы Т.Г. Шевченко на Чернечьей горе усиленным образом воздействовала на воображение молодых студентов. Находясь в состоянии сильного эмоционального накала и даже своего рода экзальтированности, они провели на могиле поэта весь день, читая стихотворения и вдохновенно давая обещания посветить весь свой жизненный путь и все свои душевные силы делу пробуждения национальных сил украинского народа. На страницах другого своего очерка «у Батька Тараса в гостинной» И.Л. Липа подробно опишет, как проходил день молодых тарасовцев на могиле «шапки сами собой оказались у нас в руках, долго мы ходили вокруг ограды, ни говоря ни слова. Кто-то их нас взял Кобзаря и читал. Читали мы даже не так, как все время, но здесь над нами витал дух Тараса, каждое слово Кобзаря поражало нас как-то несказанно глубже, доходило до самого сердца чутче и вызывало оттуда могучую силу духа, будто, будто нас пекло огненное слово живого пророка. На другой день чувствовалось какое-то невидимое присутствие, между нами, великого гения. Нельзя произнести, слова для этого были очень слабы, какое глубокое и вместе с тем необычное впечатление оставил после себя на меня этот день. Что-то очень давнее зашевелилось и плыло из глубокой глубины души то, что таилось там до сего

дня – где-то на самом дне ее. «...» Тут то мы и решили основать тайное украинское политическое товарищество в честь нашего поэта и того места, где возникла эта мысль назвать его «Братство тарасовцев»¹³⁴.

После создания организации и организации сбора статистических данных на Полтавщине, студенты разъехались по разным городам, где перед каждым стояла цель создать в населённом пункте ячейку «Братства». Центральной, естественным образом, стала Харьковская ячейка, в которую вошло восемь человек. Такие же ячейки были открыты в Киеве и в Дерпте. В скором времени ячейки также были открыты в Одессе, Полтаве и Чернигове¹³⁵. «Тарасовцам» запрещалось держать письменную связь между собою, представители «Братства» общались между собою только через личные свидания и съезды и никогда – через переписку.

Более того, конспирация в организации была развита настолько, что внутри самих местных ячеек их членам не доводилось, что в действительности существует тайная организация, которая соединяет воедино и осуществляет между собою общую координацию между отделениями, воспринимавших себя лишь в качестве автономных громад¹³⁶.

«Братство тарасовцев» стало также одной из первых организаций, наряду с социал-демократическими организациями Киева, которые стремились осуществить политическую работу непосредственно внутри сельского крестьянства и малороссийского пролетариата, в очерке Липы читаем: «Тарасовцы первые имели счастье увидеть свидомых национально и политически селян, что принадлежали к этом тайному братству. Это были по большей части полтавцы, рабочие, которые работали в Бессарабии на работах по уничтожению филоксеры»¹³⁷.

В состав «Братства тарасовцев» входили, помимо четырех вышеозначенных основателей также Е. Тимченко, М. Кононенко,

¹³⁴ *Липа І.Л.* У батька Тараса в гостині // Зоря. Львів, 1892. Ч. 5 С. 92.

¹³⁵ *Липа І.Л.* Тарасовці. С. 92.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

А. Черняховский, братья Михновские (у Н.И. Михновского был также родной брат Юрий, который также являлся участником украинского движения – В.Е.), В. Самойленко – они составляли Киевскую ячейку¹³⁸. К Харьковской ячейке пристали также А. Кривко, А. Бурлюк, Н. Дмитриев, Н. Яценко, Г. Чубенко, Д. Дробыш и А. Столбин, В. Степаненко и А. Катрухин¹³⁹. В Одессе был Д. Сигаревич, в Чернигове – М. Коцюбинский. Также к организации имели отношение В. Боржковский, И. Зозуля, чуть позднее присоединились Борис Гринченко, Николай Вороной¹⁴⁰. Итого, по имеющимся у нас сведениям, общая численность участников организации составляла 24 человека. Однако при всей своей малочисленности, «Братство», тем не менее, в ходе своей деятельности успело привнести ряд совершенно новых теоретических положений и идей, связанных с воплощением своих замыслов на общественно-политическом поле, без которых дальнейшее развитие истории украинских организаций на территории Российской империи на рубеже XIX–XX в. представить будет себе уже нельзя.

В определенном смысле новый этап развития украинских национальных организаций предполагал не просто твердую убежденность, а даже непоколебимый фанатизм, граничащий с религиозной верой в осуществление украинского национального проекта. Об этом красноречиво говорит и программный документ организации, вышедший под названием «Profession de foi (Символ веры) молодых украинцев». Само название данного программного реферата уже во многом крайне убедительно демонстрирует предшествующий тезис. Оказалось, что для «украинца» существует собственный «Символ веры», который разительно будет отличаться от христианского. И раз имеется «Символ веры» молодого украинца, значит существует и то, во что этот украинец верит. Что же в таком случае выступало в качестве предмета веры для молодых украинцев?

¹³⁸ *Луца І.Л.* Тарасовці. С. 92.

¹³⁹ *Коллард Ю.* Спогади юнацьких років. С. 2.

¹⁴⁰ *Луца І.Л.* Тарасовці. С. 92.

Сам реферат был представлен в 1893 г. на устроенной «тарасовцами» торжественном праздновании годовщины Т.Г. Шевченко. Автором документа, по-видимому, являлся либо сам И.Л. Липа, либо же авторство носило коллективный характер и к чему причастно было ядро организации. На празднование удалось собрать не только непосредственно членов организации, но и пригласить достаточно много старых украинофилов, а также представителей польского, российского, грузинского революционного движения, причем чтение реферата, резким образом направленного против «культурников», как отмечает И.Л. Липа, у самого старшего поколения не вызвало негативной реакции. У молодежи же «Символ веры» нашел такой отклик, что в скором времени представители киевской ячейки «тарасовцев» запросили передать им реферат, и выслали его во Львов в редакцию украинофильской газеты «Правда», где он и был опубликован в апрельском номере журнала.

Содержание «Символа веры» напрямую призывало к разрушению существующего государственного строя Российской империи, утверждая положение о том, что дальнейшее существование украинской нации невозможно себе представить без широкой децентрализации имперских территорий: «Но мы знаем, что государство, и в особенности Российская держава, это есть поверхностный агрегат сплошь и рядом существующих наций, но ничем не объединённых между собой кроме самодержавия, и поэтому идея господства любого такого абсолютизма есть идея мертвая, нация же есть живое создание «...» Мы стоим за полную автономию всех народов, за мелкую децентрализацию, как у других народов, так и на Украине. «...» Видим же, что Российская держава, захвативши такие большие просторы, так много разнообразного населения сковала и сковывает своей державной идеей, что не может через свой абсолютизм ни сама развиваться вся вместе, а также не дает возможности свободно развиваться отдельным народам, что скованы ее оковами, потому что разнообразные народы в Российской державе не могут вместе кучей, с одним языком и навязанными совместными интересами идти

путем развития»¹⁴¹. Помимо этого, на страницах реферата была дана весьма острая критика старого украинофильства, утверждалась крайне высокая степень значимости распространения культуры использования украинского языка в повседневном обиходе в семьях и в обществе, доказывалось единство малороссийской и галицкой Украины, провозглашались идеи социально-экономического равенства между «национально-свидомых братьев-трудящихся»¹⁴².

Каким же образом новое молодое поколение студенчества рубежа конца XIX–XX вв. приходят к необходимости столь радикальной собственной трансформации, вплоть до клятвы посвящения всей своей жизни и душевных сил «Самостийной Украине» и манифестации собственного «Символа веры»? Представляется, что столь кардинальному пересмотру предшествующего поколения украинофилов-культурников, выраженная в их политической ограниченности, неспособности принять на лицо факт динамично меняющегося исторического процесса, неспособность завлечь и интегрировать молодых представителей украинского национального движения в сферу своего влияния, бесперспективность дальнейшего следования по заданной колее вместо попытки дать альтернативу молодёжи – все это определило серьезнейший надлом, неверие в возможности и силы старшего поколения «культурников» каким-то образом иметь действительный потенциал и возможность образом совершить действительные возможные практические шаги в пользу украинского «национального возрождения».

Молодежь чувствовала бесперспективность старого проекта, и при этом остро ощущала на себе отсутствие интереса, внимания и признания важности собственных взглядов и воззрений со стороны старшего поколения. Как отмечал Ю.Ж. Коллард: «Все эти старые украинофилы и украинцы не искали объединения со студенчеством, держались в стороне, и были

¹⁴¹ Profession de foi молодих українців (читане на Тарасові роковини 1893 року в університетському місті на Україні). Львів, 1893. С. 2.

¹⁴² Там же. С. 7.

«благонадежными малороссиянами»¹⁴³. Данный надлом, усиленный при этом совокупностью вышеозначенных причин, приводил к кризису, осознанию собственной слабости и незначительности, которые, в свою очередь, могли приводить только к накоплению радикальной негативной настроений и их закономерным выходу на поле общественно-политической практике и в теоретических программных документах.

Представляется, что столь подчеркнутое внимание к анализу идейно-политических положений «Братства тарасовцев» в нашем исследовании далеко не чрезмерное. Их идейно-политические представления являлись не просто безобидным абстрактным теоретизированием небольшой группы молодого студенчества. Они были широко восприняты в среде представителей украинского организаций и прочно вошли в багаж идейного наследия украинского движения.

Для того, чтобы понять ту степень значимости идей «тарасовцев», которую представители украинского движения на дальнейших этапах своего развития придавали деятельности «братства», следует привести характеристику братства, данную известным литератором, идеологом украинского неоязычества, членом УПА, В.П. Шаяном в предисловии к Лондонскому изданию «Самостийной Украины» в 1967 г.

Шаян, безусловно, в специфичной, вполне характерной для него поэтико-мистической форме, дает оценку деятельности «Братства тарасовцев», однако это не отменяет важности его оценки для понимания значения деятельности «Братства тарасовцев» в дальнейшей истории развития украинского движения: «Украинская национальная революция началась присягой четырех украинских студентов на могиле Т.Г. Шевченко летом 1891 года. Эта дивная мистерия, или исторический акт первой боевой присяги состоялся на могиле Шевченко, в наисвятейшем месте Украины, в середине украинского лета, над вечношумливым Днепром, в этой Святая Святых

¹⁴³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 28.

Украины где задумчивый Дух Тараса вслушивается в ритм ревучего Отца-Славути ли ждет, когда тот наконец всплывет на хребте его волн вражеская кровь врагов Украины «...» Я не имею не малейшего сомнения в том, что из строго исторического положения правдивой истории – а правдивая история уходит в сферу духа – этот самый момент был настоящим началом украинской национальной революции. Дух этой присяги дал силу для новой жизни этим молодым рыцарям Шевченко и сам их будет полна стоицизма и красоты. «...» В этот день сентиментально-расплывчатые и бесформенные настроения «любителей слова Шевченко» превратились в строгий рыцарский чин посвящения, жертвы и борьбы. Так, это было начало Украинской национальной революции, которая требует от своих рыцарей сплошной жертвы целой жизни на алтаре Священной идеи»¹⁴⁴. Таким образом, видно, что именно с формирования «Братства тарасовцев» сами многие представители украинского движения также связывают начало пути становления украинского национализма на политической арене.

Однако деятельность «Братства тарасовцев» в скором времени прекратилась по причине того, чего так сильно опасались представители ядра организации – работа объединения была пресечена жандармерией, когда та обнаружила литературу «тарасовцев» у профессора Харьковского университета Трутовского. Были арестованы многие участники объединения, в том числе сам И.Л. Липа. Арестованными оказались и ряд не принадлежащих в «Братству» представителей старого украинофильства, причастных к процессу передачи литературы. Как указывал сам Липа, «дело тянулось как обычно очень долго. К слову, организация «Тарасовцев» не была раскрыта жандармами, хоть они и чувствовали, что тут дело серьезнейшее, далеко серьезнейшее, чем студенческие громады. Делали жандармы обыски и в Киеве, и в Одессе, и в провинции, и все же не до чего не докопались. «...» Теперь мы знаем, что это был первый политический процесс Украинцев,

¹⁴⁴ Шаян В.Н. «Братство тарасовцев» и «Самостийна Україна» // Н.И. Михновский. Самостийна Україна. Лондон, 1967. С. 5–6.

собственно Тарасовцев. Одни тарасовцы сидели в тюрьме, а другие постоянно дальше работали. Прошел год или два и в Харькове возникла вторая организация – молодая, свежая, бодрая. Эта была так называемая Украинская революционная партия (РУП). Ей в Харькове досталась в наследство библиотека Тарасовцев, которая принадлежала будто к студенческой громаде»¹⁴⁵.

Однако представляется, что И.Л. Липа в данном случае весьма упрощает реальную картину дел, когда он непосредственно выводит создание Революционной украинской партии из деятельности «Братства тарасовцев». В данном случае, пытаясь придать роли своей организации более значительный контекст, а также в силу своей дальнейшей отстранённости от непосредственного дальнейшего развития процессов, связанных с процессом становления украинских политических организаций на рубеже XIX–XX вв. (по причине ареста и ссылки). Липа во многом попросту опускает определенную часть истории украинского движения, связанную с деятельностью украинских студенческих громад, и в данном случае сильно приуменьшает значение громад в ней.

Так, помимо «Братства тарасовцев», непосредственный и крайне серьезный вклад в процесс создания Революционной украинской партии внесло своей общественно-политической деятельностью объединение под названием «Харьковская украинская студенческая громада». Авангардом качественной политической трансформации украинских организаций снова стало харьковское студенчество.

«Харьковская украинская студенческая громада» стала своеобразным промежуточным звеном между деятельностью «Братства» и «Революционной украинской партией», поэтапное развитие данных объединений представляло из себя единый неразрывный процесс созревания принципиально новых организационных форм политического украинства.

¹⁴⁵ *Липа І.Л.* Тарасовці. С. 92.

«Харьковская студенческая громада являлась непосредственно той организацией, на основе общественно-политической работы которой и была создана Революционная украинская партия, и соответственно, впоследствии произошло дальнейшее развитие большей части основных украинских политических нелегальных партий начала XX в. Основана она в 1897 г. была пятью харьковскими студентами – Ю.Ж. Коллардом, Д.В. Антоновичем, А. Коваленко, И. Кухтой. и Е. Тищенко. Организация имела свою библиотеку, проводила постоянные сборы, численность организации постепенно начинала расти. За год число участников организации выросло до 50 человек¹⁴⁶. Она включала в себя в большинстве своем сборный состав из студентов Харьковского университета, Харьковского ветеринарского института, Харьковского практического технологического университета. Члены читали рефераты национально-политического содержания, к примеру большой интерес среди участников вызвал доклад авторства Д.В. Антоновича под названием «Украинофильство и украинство»¹⁴⁷.

Содержание этого доклада нигде не приводится, но, судя по всему, речь в тексте шла о пресловутом противопоставлении старого украинофильства-культурничества и новой идейной платформы, подразумевающей активную политическую борьбу. «Харьковская украинская студенческая громада» активно принимала участие в общественно-политической жизни харьковского студенчества, к примеру члены громады в 1899 г. принимали участия в ряде студенческих беспорядков в Харькове, поводами для которых становились Ходынская трагедия, а также введение «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков», итогом которых стало убийство министра народного просвещения Н.П. Боголепова бывшем студентом Карповичем. Члены Харьковской громады принимали

¹⁴⁶ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 41.

¹⁴⁷ Там же. С. 38.

участие в так называемых «ветровских демонстрациях»¹⁴⁸. Постепенно численность громады росла. В приведенном Коллардом списке состава и количества участников на 1898 г. численность организации составляла 80 человек, к концу года Коллард отмечает, что общая численность выросла уже количества в 100¹⁴⁹.

У представителей громады был свой вариант проекта программного документа организации, оставшийся без названия, содержание которого как раз отражало некую гибридность идеологии, характеризовала переходный этап от этнографизма к политическому национализму. В нем представители «Харьковской украинской студенческой громады» сразу обозначали, что берут на себя миссию обеспечения национальной воли для своего народа, основной обязанность каждого украинца члены громады видели в необходимости всегда отличать свою нацию от остальных и преподносить национальный вопрос и права украинской нации везде, где только можно¹⁵⁰.

Как справедливо по итогу резюмировал Ю.Ж. Коллард: «Видим, что много точек в это воззвании заимствовано с «Profession de foi» молодых украинцев «Тарасовской громады», нашей, так сказать, предтечи в Харькове»¹⁵¹. Данные программные требования во многом представляется алогичным: если украинский народ уже существует, обладает отдельной самодостаточной культурой и традициями, а также является самым крупным по количеству населения, проживающего на территории малороссийских губерний, то к чему в таком случае украинцам необходимо ставить столь остро вопрос о своей национальной идентификации? Отсюда в действительности следует, что большинство населения, проживающего на территории малороссийских губерний не столь заинтересовано в «украинском национальном вопросе, как было это хотелось членом громады.

¹⁴⁸ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 55.

¹⁴⁹ Там же. С. 41–42, 51.

¹⁵⁰ Там же. С. 38.

¹⁵¹ Там же. С. 40.

Данное противоречие легко разрешается, если принять во внимание, то обстоятельство, что «украинец» на момент начала XX в. — это еще не национальность, а политический конструкт полуискусственного происхождения, с которым большая часть малороссийской народности края в рассматриваемый период знакома весьма слабо. К огорчению членов, украинского национального движения, представления малороссов о собственной национальной идентичности не соответствовали тем ожиданиям, которые на них возлагали украинофилы. Точно такие же украинцы, как и они сами, с полной уверенностью убеждали членов украинских организаций, что они являются составной частью русского народа. Это, безусловно, вызывало волну негодования и раздражения со стороны воинствующих харьковских громадцев.

Малорусское студенчество, наиболее сильно подверженное влиянию украинских организаций, отнюдь не являлось в отношении вопроса о своей национальной идентичности однородным и окончательно определившимся в своих мировоззренческих позициях. Коллард, на страницах своих воспоминаний приводит много эпизодов, связанных с бурными дискуссиями и дебатами, где большое количество студенчества также малороссийского происхождения, отстаивало общерусскую идентичность: «На таких случайных встречах начали обсуждаться задеваться и обговариваться вопросы широкого украинского значения. Доходило до споров очень острого характера, особенно между Антоновичем и некоторыми из наших гостей, которые хоть и были по своему происхождению украинцы, но национальный вопрос украинский им был безразличен, и большая часть из них считала себя «общероссами»¹⁵².

Взгляды среди представителей студенчества многое определяют в том числе и в отношении того, какие идеи, смыслы и ценности будут играть решающую роль в общественно-политической жизни того или иного

¹⁵² Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 30–31.

государства ли же отдельного региона через десять-пятнадцать лет. Естественно, что молодых представителей украинских организаций явно не прельщал тот факт, что большая часть студенчества в Малороссии столь индифферентно подходит к нуждам и проблемам украинской национальной идентичности, и при всей искренней любви к малороссийской песне, культуре, языку, видит свой жизненный путь неразрывно связанным с исторической судьбой России. В данном противоречии, по существу, и заключался источник столь рьяных призывов к украинизации населения и всяческого содействия к распространению украинского языка.

В социальном отношении проект программы «Харьковского украинского студенческого кружка» включал в себя идею межсословного единства «сознательных украинцев, заимствованную из программы «тарасовцев»: «В делах социально-экономических работаем в духе такого строя, в котором нет места ни пану, ни мужику, а есть место все украинской национальной семье, что складывается из равных между собою правом, возможно одинаково обеспеченных национально-сознательных братьев трудящихся»¹⁵³.

При этом социально опорой все-таки закономерно провозглашалось малороссийское крестьянство: «Но обращая внимание на то, что наш край есть в действительности край мужицкий, что этот класс общества, который зовется «народом», и составляет само общество, мы должны заботиться более всего о доле этого угнетенного большинства и через это должны быть в делах социальных в первую очередь демократами»¹⁵⁴.

Далее шла речь о политических требованиях, включающих конституционное устройство, свободу совести, печати и образования, отмены телесных наказаний, свободы ассоциаций и товариществ, а также развитие внутреннего самоуправления¹⁵⁵. Часть мыслей, изложенных на положениях

¹⁵³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 39.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

данной программы, уже вполне очевидно включают в себя идеи, появившиеся впоследствии на страницах «Самостийной Украины» Н.И. Михновского.

Особенно бросается в глаза краткая историческая справка, вернее даже тезис о том, что российское правительство силой собственного государственного принуждения пошло на грубое нарушение подтверждённых историей национально-политических и общественных прав, которые Украина получила, соединившись с Россией на условиях Переяславских статей как «равного с равным и вольного с вольным»¹⁵⁶.

На точно таком же обвинении выстроена большая часть текста «Самостийной Украины», где за счет этого производится попытка обосновать право на политическое отделение от России в рамках самостоятельного украинского государства. Для нас же сейчас следует зафиксировать, что многое в программном документе «Харьковской украинской студенческой громады» было взято не только из идей тарасовцев, но и впоследствии вошло в состав «Самостийной Украины» Н.И. Михновского.

Поэтому важно отметить, что сам весьма одиозный и радикальный по своему содержанию документ – это не продукт воспаленной фантазии отдельного общественно-политического деятеля и не сознательная провокация, инициированная с целью усиления эффекта от остроты постановки вопроса и созданная для привлечения внимания. Это вполне конкретная тенденция, олицетворяющая страстное желание молодого поколения членов украинских политических организаций вступить на поле активной схватки за национальный политический проект.

Все, что под страхом оказаться запрещенным и раздавленным после разгрома кирилло-мефодиевцев; все, что стремилось на протяжении 1860–1880-х гг. уйти под ширму научно-культурных изысканий, просветительской работы, силами молодежных объединений малороссийского студенчества 1890-х г. начинает с таким же усердием выходить на поверхность.

¹⁵⁶ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 41

«Proffesion de foi» молодого украинца», общественно-политическая деятельность «Братства тарасовцев», «Украинская Харьковская студенческая громада» – все рассматриваемые явления стали своеобразными «первыми ласточками», сигналом к тому, что наступает время становления нового радикального украинского национально-политического проекта. Они к качеству первым прямым проявлением той идеологии, чьи постулаты впоследствии уже в полной мере будет развивать на страницах своих трудов идеологи украинского политического национализма 20-30 гг. XX в. Д.И. Донцов, Н.О. Сциборский. Пробил час выхода на политическую арену той социально политической силы, которую Н.И. Михновский назвал «третьей украинской интеллигенцией» и привел для нее соответствующую характеристику: «Третья украинская интеллигенция начинает борьбу за свой народ, борьбу кровавую и беспощадную. <...> Она пишет на своем флаге слова: «Одна, единая, нераздельная, свободная, самостоятельная Украина от Карпат и до Кавказа <...> все, кто на Украине не за нас, те против нас. Украина для украинцев и пока хоть один враг-чужак не остается на нашей территории, мы не имеем права сложить оружие»¹⁵⁷.

Фактически, когда Н.И. Михновский после окончания университета перебрался в Харьков, где он лишь аккумулировал те настроения, что набирали популярность среди молодых представителей движения и придал организационно оформляющимся политическим силам украинского национализма окончательный идеологический толчок для движения в сторону «формального национализма».

Н. И. Михновский не являлся для членов украинского движения некой «белой вороной», экзальтированным радикалом. Нет, Н.И. Михновский становится одним из ключевых идеологических авторитетов для молодежи украинского национального движения конца 1890 гг. Он приобретает весьма высокий статус и политический авторитет в качестве идеолога украинских

¹⁵⁷ Михновский Н.И. Самостійна Україна. С. 28–29.

общественно-политической мысли рубежа XIX–XX вв., его идеи приобретают огромную популярность.

Серьезную роль Н.И. Михновский начинает играть в истории развития украинских движения именно с момента участия его в деятельности «Харьковской украинской студенческой громады», где его фигура благодаря своему энергичности и ораторскому таланту начинает приобретать широкий авторитет. Ю. Коллард отметит: «В этот время в Харьков переселился адвокат Николай Михновский. «...». Михновский стал идеологом украинской национальной мысли в Харькове, очень интересовался молодежью и сделался, так сказать, связным между этой молодежью и старшим украинской обществом. Был он человеком энергичным, ярких политических взглядов, а украинский вопрос ставил резко и ясно: «Украина для украинцев!». Это был один из первых самостийников, открытый и бескомпромиссный. Своих взглядов он держался неотступно аж до самой его трагичной смерти. Его влияние на украинское общество и в особенности на студенчество было колоссальным. Сам Михновский в значительной мере вел до полного отрыва нашей Харьковской молодежи от политичного украинофильства и этнографизма и показал нам конкретные шаги через радикальный демократизм к революционному украинскому национализму»¹⁵⁸. Таким образом, дальнейшее появление Н.И. Михновского на позициях ведущего идеолога РУП и издание эрупистами его брошюры «Самостийная Украина» было заложено его активным вкладом в деятельность «Харьковской украинской студенческой громады».

Роль организационного лидера партии брал на себя Д.В. Антонович, которому также закономерно суждено будет стоять у основания, а затем фактически оказаться во главе Революционной украинской партии. Д.В. Антонович, сын известного представителя украинского движения второй половины XIX в, профессора Киевского университета В.Б. Антоновича, был

¹⁵⁸ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 51.

безусловно, настоящей душой и двигателем «Харьковской украинской студенческой громады». Коллард даст следующую показательную характеристику Антоновичу: «Во второй половине 1897 г. познакомился со мною и моими товарищами по квартире студент университета Дмитрий Владимирович Антонович, который перешел в Харьков из Киевского университета, сын известного нам и тогда украинского патриота, выдающегося общественного деятеля и профессора Киевского университета Владимира Антоновича. Это нам очень импонировало, и к Дмитрию Антоновичу мы сразу же отнеслись с полным уважением и доверием. Сам Дмитрий Антонович, хоть и был наших лет, но держал себя солидно, говорил всегда авторитетно, что нам также импонировало, и сделал себе, между нами, такую репетицию, что все, высказанное им, есть «истина непреложная», с которой не соглашаться нельзя. И действительно, его речи были всегда коротки, но содержательны; там было мало всякого теоретизирования. Но была «существующая и всем очевидная правда», а далее программа минимум – «на завтра»¹⁵⁹.

Д.В. Антоновичу также будет, по всей видимости, принадлежать и инициатива в деле организации мероприятий, ставших прямым стимулом для создания Революционной украинской партии. Речь идет о серии ежегодных съездов студенческих громад – в Киеве в 1898 и 1899 гг., и в Харькове в 1900 г, организованных Харьковской украинской студенческой громадой. Среди громад уже установлена широкая сеть личных связей, знакомств, совместной деятельности на почве украинского национального дела. На первых двух съездах последовательно принимались резолюции, которые должны были отразить основные политические устремления участников студенческих громад, оформить в формате политического программного документа результаты их постоянных дискуссий, споров, рефератов, обсуждений. Каждый последующий съезд принимал новую резолюцию, все больше

¹⁵⁹ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 30.

наращивая радикализм и национально-сепаратистские тенденции в своих программных документах, более отчетливо давал представление об идеологических запросах и требованиях нового поколения представителей украинского движения, что закономерно нашло свое воплощение уже не в принятии очередь резолюции, а в полноценном создании Революционной украинской партии в ходе третьего съезда в Харькове.

Каким же образом происходила идейно-политическая эволюция двух съездов? Ответ на данный вопрос легко получить из текстов Резолюций, принятых по их итогам. Резолюция 1898 г. не содержала себя каких-либо крайних проявлений национальных требований или явного сепаратизма, скорее она была составлена совершенно в духе времени, под большим влиянием либерально-демократических идей. Она была напечатана в Галиции, затем была транспортирована в Украину и распространена между украинской молодежи¹⁶⁰.

В преамбуле декларировалась приверженность идеалам свободы, равенства и братства, далее основные пункты программы включали в себя требования равенства всех перед законом, отмены всех сословных и кастовых привилегий, свободы совести и равенства всех вероисповеданий, права образования на родном языке, создания бесплатной обязательной науки, а также требования политической, конституционной свободы совместно с политической автономией, свободы слова, печати и сборов. Далее следовал своеобразный перечень обязанностей, которым должен следовать неукоснительно следовать молодой студент-украинофил для развития и продолжения украинского дела. Сюда включались следующие требования к молодому адепту украинской идеи: необходимость научного обоснования требований украинского национального движения, и изучение текущего положения и предшествующей истории украинского движения, активные действия по улучшению его положения, знакомство с культурными

¹⁶⁰ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 50.

достижения украинского движения как в сфере науки, так и художественной литературы, пропаганда украинофильских идей в общественно-политической жизни в среде студенчества, использование и активное внедрение в обиход повседневной жизни украинского языка¹⁶¹.

Последнее из требований, на деле достаточно часто встречающееся на страницах брошюр и программных документов украинского национального движения, всегда невольно вызывает вопрос – в случае если украинский язык является родным, а также языком непосредственно ежедневного обихода для украинского народа, зачем же его в таком случае необходимо активно внедрять в употребление и всячески способствовать повышению его роли и значения в Малороссии? Ответ здесь не так сложен – живое малороссийское наречие было языком крестьянства, употреблялось на селе. Украинофилы же стремились искусственно навязать его в качестве основного языка для повседневного использования в городах, что там не было принято, так как основным языком для повседневного общения в крупных городах Малороссии являлся как раз русский язык.

Однако резолюция съезда 1898 г., как и результаты данного съезда, не удовлетворили ощутившее свой организационный потенциал украинское студенчество. Следующий съезд представителей украинского национального движения состоялся в 1899 г. По свидетельству Колларда, официальными представителям на втором студенческом съезде были – от «Харьковской украинской студенческой громады» – Д.В. Антонович, М. Русов и Лев Мациевич, который впоследствии и отпечатал брошюры с приведенным текстом резолюции съезда, от Киевской громады – К. Квитка (будущий муж писательницы Леси Украинки – В.Е.), от Дерптской – Ф.П. Матушевский, а также присутствовал еще неизвестный человек от громады Петербургской¹⁶².

Как видно, представители галицийской «Сечи» на втором съезде мы же не наблюдаем. Однако еще следует учитывать то обстоятельство, что

¹⁶¹ Гермайзе О. Указ. соч. С. 20.

¹⁶² Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 51.

Ю.Ж. Коллард, освободившись от ареста, прибыл уже к окончанию съезда; соответственно, кого-то из делегатов он мог банально и не застать. Причины отсутствия галичан ни в опубликованных, ни в архивных источниках не объясняются, при этом вряд ли у «Сечи» не было возможности послать делегата. Очевидно, организаторам съезда не удалось соответствующим образом выстроить контакт с организацией, поскольку дальнейших свидетельств взаимодействия представителей «Сечи» и членов Революционной украинской партии, мы также, по крайней мере по имеющимся источникам, мы не наблюдаем.

На следующем съезде в 1899 г. была принята уже более радикальная программа, которая вышла под названием «Оповещение 1899 года». Молодое поколение украинофилов уже всю жаждало поднять на щит проблему необходимости становления украинской нации, а не ограничится только либерально-демократическими лозунгами и политической пропагандой украинских идей.

«Оповещение», безусловно, уже несло в себе гораздо более выраженное националистическое содержание, и что характерно, именно «Оповещение 1899 г.», в отличие от Резолюции 1898 г., действительно оставило весомый отпечаток в дальнейшей истории развития украинских организаций. Текст данного документа был впоследствии использован многими украинскими нелегальными политическими партиями в качестве прокламационной, подлежащей для распространения среди крестьянства.

Очевидно, содержание «Оповещения» настолько органично отвечала смысловым константам украинских политических организаций, что даже по прошествии 15 лет, в годы Первой мировой войны, данный текст активно использовался представителями различных нелегальных политических партий – среди изъятых прокламаций, собранных за годы Первой мировой войны в фондах Особого отдела Департамента полиции. «Оповещение» встречается весьма часто наряду с брошюрами уже более поздними.

На страницах «Оповещения» совершенно небольшого, уместяющегося в один лист текста – представители молодых студенческих громад ставили перед собой две основные цели своей общественно-политической работы: остановить вредное для украинской нации «вырождение» студенческой молодёжи на российской Украине (подразумевается приверженность большей части студенчества русской культуре – В.Е.) и повернуть всех студентов-украинцев к служению интересам украинского народа. Под «вырождением», по-видимому, понимается самоидентификация подавляющего большинства малороссийского студенчества, в том числе «украинцев», в качестве носителей русской культуры. В качестве второй цели признавалась необходимость донесения до сведения народных масс и слоев интеллигенции, что лихое и безотрадное положение украинского народа обусловлено его национально-политического рабства – непосредственного наследника российского абсолютизма. Предлагалось всячески поощрять исследования украинской литературы, истории, географии, этнографии и культуры, доносить до сознания «темных масс» сведения о том количестве «несчастий», которые доставляет украинскому народу обучение на русском языке, всячески стремиться оказывать влияние на средние школы, гимназии, семинарии, корпуса и технически, рукодельные, сельскохозяйственные школы в своей окрестности. Важным и необходимым пунктом «Оповещения» было также требование входить в контакт с различными национально-демократическими партиями недержавных наций. Все «недержавные» национально-освободительные движения на окраинах империи объявлялись однозначно дружественными и близкими политическими силами для украинофилов, а русскому же народу в свою очередь, отказывалось в возможности быть также подвергнутым подобного рода социально-экономическому угнетению.

Таким образом, отчетливо проясняются причины популярности «Оповещения» 1899 г. в среде украинского национального движения вплоть до Первой мировой войны. Данная студенческая резолюция действительно кратко и в доступной форме отражала весомую часть основных принципов

украинского национального движения – независимо от межфракционной борьбы и внутрипартийных разногласий. Ключевые лидеры украинства начала XX в. фактически во многих отношениях и являлись теми самыми членами студенческих громад, которые в 1899 г. принимали данную резолюцию. Фактически текст «Оповещения», наряду с «Profession de foi молодых украинцев» можно признать идейным предшественниками всех остальных брошюр и политических программных документов украинских политических организаций начала XX в. Естественно, что после создания подобных объединений и подобного рода брошюр логичным и закономерным последствием могло являться только создание уже полноценной нелегальной политической партии, отражающей запросы и представления молодого поколения украинского движения.

Таким образом, на протяжении 1890-х гг. XIX в. в украинском движении сформировалась новая политическая линия, поставившая во главу угла своей общественно-политической практики вопрос о приоритете создания украинской нации над всеми остальными политическими требованиями. В организационном отношении данная линия велась от «Братства тарасовцев» к «Харьковской студенческой украинской громаде», и затем – к «Революционной украинской партии». Так, на протяжении рассматриваемого периода вплоть до конца первого десятилетия начала XX в. оформился в политическом отношении украинский национализм. «Харьковская украинская студенческая громада» считала себя прямыми продолжателями «Братства тарасовцев». Из приведенных материалов следует, что значительная часть из программного документа «Харьковской украинской студенческой громады» была заимствована ее членами из «Profession de foi молодого украинца» «Братства тарасовцев». «Харьковская украинская студенческая громада» со своим прямым вызовом старому украинофильству стала фактически своеобразным идейным и политическим локомотивом среди всех остальных громад украинского движения в Российской империи. Однако следует отметить, что, тем не менее, не стоит однозначно записывать все

украинствующее революционное студенчество 90-х гг. XIX в. в монолитную политическую группу сторонников радикального украинского национализма и прямыми последователями идей И.Л. Липы, Н.И. Михновского и др. Представители украинствующего студенчества осуществляли свою деятельность в крайне активной политической среде русской общественной жизни рубежа XIX–XX вв.

Под влиянием идей социал-демократии, народничества, русского либерализма молодые украинофилы не могли не колебаться в своем мировоззрении, иметь весьма эклектичные политические взгляды, временно находится под чьим-то влиянием или даже резко менять свои представления. От этого не смогли уберечься даже крупные фигуры украинского движения и руководители партий – к примеру, серьезные мировоззренческие колебания претерпел Д.В. Антонович, что вообще в итоге очень сильно сказалось на последующей деятельности всей «Революционной украинской партии», что мы более подробным образом осветим уже в следующей части работы. Таким образом, процесс политической институционализации украинского движения в общественном в общественно-политической жизни России шел полным ходом, что в конечном итоге привело к созданию в 1899 г. «Революционной украинской партии».

Таким образом, для стремительно политизирующегося украинского движения на период конца XIX – начала XX вв. были характерны две ключевые тенденции дальнейшего политического развития, которые в полной мере проявили себя уже на совершенно новом витке – с одной стороны, уже полным ходом осуществлялся процесс теоретического и организационного становления узкого политического национализма радикального толка, выраженного в линии, идущей от «Братства тарасовцев» к «Харьковской украинской студенческой громаде», а затем к «Революционной украинской партии», с другой стороны, полным ходом шел процесс роста популярности социал-демократических настроений в среде украинского движения. Общим

отличительной чертой двух указанных данных тенденций станет то, что для обоих из них был характерен отказ от концентрации на культурно-просветительских формах работы, доминирующих в предшествующий период. На сцену общественно-политической борьбы в новую историческую эпоху широким шагом на смену старому внешне аполитичному украинофилу-«культурнику» 60–70-х XIX в. выходил теперь «тип революционного юноши с Коммунистическим манифестом» в одной кармане и «Кобзарем» в другом» Обе данные тенденции весьма отчетливо, со всеми вытекающими из этого противоречиями отразились в дальнейшей деятельности Революционной украинской партии, путь развития которой мы рассмотрим на следующем этапе исследования.

1.3. Революционная украинская партия и ее роль в общественно-политической жизни России в начале XX в

Непосредственным поводом к созданию Революционной украинской партии стала череда студенческих демонстраций 1899 г.: «...Первая половина 1899 г. прошла в общероссийских студенческих забастовках и разрухах. Эта пора имела большое воспитательное значение для студенчества, революционизировав его. После лета того года члены «Харьковской студенческой громады» вернулись из Харькова с настроениями уже революционными; радикально-культурно-организационный труд, который проводился по большей части между школьной молодежью и студенчеством, не удовлетворял теперь активнейших членов «Громады». Новые революционные настроения воплотились в форме основания «Революционной украинской партии (РУП)»¹⁶³. В отношении того, что революционные настроения студенчества 1899 г. стали основной причиной и воплотились в создание Революционной украинской партии. Коллард на страницах данного текста, безусловно, упрощает действительную картину и частично уводит от реального понимания тенденции развития украинского движения не в ту в сторону.

Создание «Революционной украинской партии» было обусловлено всей той внутренней логикой развития украинских организаций, которая была столь подробно рассмотрена нами выше. Не случись массовых студенческих демонстраций, активно подтолкнувших участников украинских студенческих громад к созданию собственной нелегальной партии, подобная партия все равно в скором времени была бы создана, потому что к этому толкало молодых украинофилов три причины – понимание со стороны интеллектуальных и организационных сил украинского движения, что наступает уже новое время, новая эпоха, в которой их ждут уже принципиально иные общественно-политические вызовы, отставание от современности предшествующего поколения «культурников», и, наконец, острая жажда открытой политической

¹⁶³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 72.

деятельности со стороны молодых украинофилов. Создание собственной политической структуры для молодых представителей студенческих украинских организаций являлось ключевым вопросом всей актуальной общественно-политической практики, без которого они не могли представить свое развитие в завтрашнем дне. Однако то, что общероссийские студенческие волнения дали необходимый толчок к созданию первой нелегальной украинской партии на территории Российской империи подмечено Коллардом абсолютно верно и сомнению не подлежит.

Сама же история Революционной украинской партии (РУП) – первой политической партии украинского движения на территории Российской империи занимает, пожалуй, одно из центральных мест в истории развития украинского национального движения на период начала XX в. Годы существования и основного периода деятельности «эрупистов», как они сами себя называли, выпадают на небольшой временной промежуток с 1900 по 1905 гг., когда, казалось бы, события сложной и переломной эпохи для исторической судьбы России эпохи начала XX в. только начинали развиваться в полную силу. Окончание Русско-японской войны, начало Первой русской революции 1905–1907 гг., казалось бы, должны были стать периодом, когда наступает время действительных политических свершений для никогда не отличавшегося лояльностью по отношению к государственному строю Российской империи политическому украинству. Однако, в действительности, события Первой русской революции 1905–1907 гг. имели весьма сложный и неоднозначный итог для представителей украинских политических и культурных организаций. А, в свою очередь, деятельность Революционной украинской партии, осуществлявшаяся в преддверии данных событий, играла центральную роль для всего дальнейшего политического развития украинского движения на период начала XX в.

Именно данная партия стала своеобразной «кузницей кадров» для большинства общественно-политических деятелей, из общего числа которых впоследствии был составлен костяк будущей Центральной Рады и Директории

УНР – С.В. Петлюра, В.К. Винниченко, С.А. Ефремов, Е.Х. Чикаленко, Н.И. Михновский, Н.В. Порш и С.А. Ефремов, В. Леонтович и многие другие. Она являлась прямым воплощением консолидированной деятельности украинствующих студенческих громад, говоря иными словами, того самого ядра, из которого складывалось украинское национальное движение на территории Российской империи. Каким же образом складывался и осуществлялся политический путь, пройденный Революционной украинской партией от этапа ее учреждения на третьем съезде украинских студенческих громад в Харькове до ее внутреннего раскола и преобразования в «Украинскую социал-демократическую рабочую партию» (УСДРП) в декабре 1905 г. на втором партийном съезде РУП? На счету РУП к этому времени уже было отделение от нее Украинской народной партии под идейным лидерством Н.И. Михновского (1902 г.), вступление в состав и выход из нее «Украинской социалистической партии» под руководством Б. Ярошевского, один несостоявшийся съезд 24 декабря 1904 г. по итогу деятельности которого от Революционной украинской партии по инициативе М. Меленевского был создан Украинский социал-демократический союз («Спилка»). Таким образом, бурная общественно-политическая деятельность представителей украинской интеллигенции в составе РУП фактически отразила собой весь политический спектр, а также эволюцию партийно-политической жизни и деятельности представителей украинской интеллигенции в период нового этапа политического становления украинских организаций на территории Российской империи. Каким же осуществлялся процесс создания столь значимой в истории украинского движения структуры?

Действительное создание партии осуществилось далеко не на момент III-го съезда украинских студенческих громад, как отмечают в литературе, когда просто произошел окончательный процесс организационного политического оформления РУП. В реальности процесс был инициирован еще раньше, в 1899 г. Первая политическая партия украинского движения первоначально далеко не соответствовала тому виду, который был приобретен

ей впоследствии. Свой политический старт Революционная украинская партия осуществила как локальная студенческая организация, основанная в узком местном кругу нескольких, пусть и весьма активных, представителей студенчества и совершенно не претендующая на нечто серьезное и масштабное с точки зрения политической организации мероприятие. Узкая локальная инициатива местной радикальной харьковской студенческой молодежи – вот как выглядело создание партии, через некоторое время объединившей вокруг себя большую часть всего числа представителей украинского национального движения Российской империи.

Согласно сведениям Ю.М. Колларда идея создания партии принадлежала М. Русову еще в 1899 г. когда в дискуссии процесс создания РУП складывался следующим образом: «Во второй половине 1899 г. Антоновича в Харькове не было: вернулся он в Харьков из Киева в начале 1900 года. Как-то раз он пришел к Бонифатию Каминскому, которому развил намеченный им план основания партии. Б. Каминский очень этим увлекся, и они решили же обдумать его в теснейшем кругу активных членов «Украинской студенческой громады». Наметили они кроме себя для этого еще М. Русова Л. Мациевича О. Коваленко Б. Мартоса и меня. У Каминского Дм. Антонович более широко развил свое мысль о необходимости основания революционной партии. М. Русов (потому что это была его идея) с большим энтузиазмом за эту мысль ухватился; Мациевич немного колебался, но потом согласился принять, говоря, что он хоть в успех мало верит, но всякие инициативные попытки хороши, потому что поднимают энергию и деятельность. Таким образом, решена была необходимость основания революционной партии под лозунгами украинских политических притязаний средствами революционными; эту партию решили назвать Революционная Украинская Партия¹⁶⁴. Первые сборы новоиспеченной партии состоялись 29 января 1900 г., где все четверо вышеуказанных деятелей, а именно

¹⁶⁴ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 73.

Д.В. Антонович, Б. Каминский, М. Каминский и Л. Мациевич, реализовали свое решение о создании политической партии украинской радикальной интеллигенции. В целях конспирации для непосвященных аббревиатура инициалов партии - РУП должна была расшифровываться как «Роман Урбанович Погибко»¹⁶⁵. Далее через неделю были назначены еще одни сборы, на которых к четверем основателям присоединились еще четверо – Александр Коваленко, Юрий Коллард, Борис Мартос, Дмитрий Познанский ¹⁶⁶. Начальный состав объединения, безусловно, не поражал своими масштабами. Создание партии, в недрах которой осуществлялось формирование поголовного большинства радикального политического украинства, начиналось с приятельской инициативы небольшой группы харьковских студентов, тесно общающихся между собой и постоянно взаимодействующих друг с другом на почве общей общественно-политической работы на благо «национального возрождения».

Это с одной стороны наглядно демонстрирует характер социальной базы движения, а с другой говорит о том, насколько не стоит недооценивать ту неформальную общественно-политическую деятельность, что зачастую проводится «на земле» в среде различных образовательных учреждений, какую серьезную роль порой в общественно-политической жизни страны могут сыграть общественные движения студенчества. А сыграла Революционная украинская партия в развитии украинского национального движения весьма значимую роль. В состав РУП вошли Киевская, Харьковская, Черниговская, Полтавская, Лубенская громады, а также громады Одессы, Екатеринослава, Подолии, Волыни, Дона и Кубани¹⁶⁷. Увеличение притока желающих войти в состав Революционной украинской партии шло крайне активными темпами. В скором времени в состав партии присоединяются

¹⁶⁵ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С.7.

¹⁶⁶ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 75.

¹⁶⁷ Чмырь С.Г. Революционная украинская партия // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века Энциклопедия. 1996. М, С. 505.

практически все студенческие украинофильские громады. Революционная украинская партия объединяет под своим крылом большинство молодых представителей украинского национального движения, таких как М. Порш, В. Винниченко, М. Вороной, Е. Голицинский, Д. Донцов, Д. Дорошенко, А. Жук, И. Мазепа, Б. Мартос, М. Меленевский, С.В. Петлюра, М. Чеховский, Л. Юркевич, М. Троцкий, А. Скоропись-Йолтуховский, В. Степанковский, В. Чеховский, М. Коцюбинский, И. Стешенко и др.¹⁶⁸. Фактически все молодое поколение представителей украинской интеллигенции нашло наконец точку приложения своей жажды к открытым наступательным шагам на общественно-политическом поле, крайне быстро осуществляя процесс стягивания в ряды эрупистов.

Как отмечал Д. Дорошенко в своей работе «Из истории украинской политической мысли во времена мировой войны»: «РУП складывалась из представителей младшей украинской интеллигенции, которые хоть и принадлежали к новому поколению конца 1890-х гг., уже захваченного уверенным национальным подъемом, что обозначился в те времена, но все же были воспитаны в духе общероссийских радикальных и социалистических идей и взглядов, что с непреодолимой силой влияло даже найсознательнейших и найактивнейших украинцев. И в этом не было ничего удивительного: в то время, как российские влияния заливали широким потоком все сферы культурной жизни и оборачивались, можно сказать, в стихию, украинская национально-политическая мысль (не говоря уже про другие проявления национальной жизни — на поле науки, литературы и искусства) не имело своих легальных органов, своей собственной трибуны и вынуждена искать себе пристанище за границей, возвращаясь оттуда как запрещенная контрабанда, доступная лишь очень немногим. Российская стихия, не встречая себе

¹⁶⁸ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 3.

противодействия, захватывала большую часть украинской молодежи и отрывала ее от местных украинских интересов»¹⁶⁹.

Столь мощному увеличению потока числа участников крайне способствовали выступления с программными речами и совершившееся по итогам данных выступлений издание на правах официального программного документа партии в формате отдельной брошюры публицистического текста Н.И. Михновского «Самостийна Украина». Мы уже упоминали в предыдущей главе о Н.И. Михновском и далеко не второстепенной роли идей и личности данного деятеля в организации и осуществлении общественно-политической деятельности таких организаций как «Братство тарасовцев» и «Харьковская украинская студенческая громада», также вскользь упоминали и о «Самостийной Украине». Данная брошюра действительно оставила весьма значимый след в истории становления украинского движения. «Самостийна Украина» Н.И. Михновского – это первый публичный сигнал, манифест новой генерации украинского движения, первый провозвестник того, что процесс дальнейшего политического развития украинства перешел на качественно иной уровень, что внутри него происходят достаточно резкие и серьезные изменения, которые теперь в той или иной степени будут затрагивать всю русскую общественно-политическую жизнь.

Такие программные тексты как «Profession de foi молодого украинца», проект программы «Харьковской украинской студенческой громады», «Оповещение 1899 года» представляли собой поэтапные первые шаги к осуществлению перехода к открытому политическому национализму. «Самостийна Украина» же в ходе развития данного идейного процесса как бы ставила точку, фиксировала – украинский национализм сформировался, его требования, взращенные в среде студенческих громад, уже напрямую стремятся быть реализованы не только на бумаге, но и в политическом пространстве России. Каково было в таком случае содержание текста

¹⁶⁹ Дорошенко Д. З історії української політичної думки за часів світової війни / Д. Дорошенко. Прага, 1936. С. 10.

брошюры и каким образом оно повлияло на дальнейшее развитие украинского национального движения?

Для подробного анализа непосредственного содержания самой брошюры немаловажным будет проследить каким образом складывался сам процесс возникновения текста документа, каким образом Михновский приходил к итоговому варианту текста программы и каким его образом его создание привело к консолидации и стягиванию молодых представителей украинской интеллигенции в единое радикальное крыло, объединенное на почве служения единому «идеалу построения самостоятельной украинской нации и самостоятельного украинского государства, где всех членов партии объединяет «одна мысль и одна воля». Так, рождение окончательного варианта текста брошюры осуществилось далеко не сразу. Изначально конкретного видения наполнения программы партии среди четырех ее основателей не существовало. Имело место просто некое общее представление на основании того консенсуса, что сама программа необходима острая, злободневная, в наиболее радикальной форме отстаивающая право прямой политической борьбы за украинскую национальную идею. Большинство было принято решение, что никто лучшим образом не справится с этой задачей чем Н.И. Михновский.

Антонович взял на себя задачу переговоров с Михновским для приглашения его в партию. Как отметил Коллард: «Первой книжкой решено было выпустить что-то программное и обратились за этим к Николаю Михновскому, который потом согласился написать ее в форме речи»¹⁷⁰. Авторитет и экспрессивность Михновского, таким образом, накопленные за предшествующий период его общественно-политической деятельности в «Братстве тарасовцев» и «Харьковской украинской студенческой громаде», обеспечили ему возможность встать во главе идеологической работы партии и реализовать его идеологические чаяния в полном объеме. Эволюция

¹⁷⁰ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 74.

содержания речи Н.И. Михновского, которая впоследствии трансформировалась в текст «Самостийной Украины» складывалась следующим образом – Н.И. Михновскому было предложено выступить с содержанием своих программных речей на «Шевченковских торжествах». Хронологически первым являлось выступление на «Шевченковских торжествах» в Полтаве 19 февраля 1900 г., когда с подачи харьковского студенчества Николай Михновский огласил свою первую историческую речь, которая пока еще только частично совпадала с содержанием «Самостийной Украины». Коллард на страницах воспоминаний следующим образом дает описание выступления Н.И. Михновского: «На этот праздник поехали некоторые из наших громадян и Николай Михновский, который провозгласил там первую свою историческую речь на тему необходимости вооружённой, революционной борьбы за права украинского народа. Он с таким большим запалом говорил про потребность террористической акции и про бомбы, что старый Александр Русов, что был на сборах, иронично спросил, что это за артиллерийский офицер? Речь имела огромнейший успех»¹⁷¹. Несмотря на неудовольствие и ироничное отношение со стороны старых украинофилов, большая часть молодой публики, уже без пяти минут «эрупистов» высоко оценивали общественно-политическую деятельность Михновского. Его риторика все больше приобретала сторонников и популярность в среде украинского движения. Н.И. Михновский не преминул сделать из этого соответствующие выводы, увидев, что радикальное идейное наполнение, которым он стремился воздействовать на студенческую среду, с жадностью впитывающую его идейную накаленность и экзальтированность в подаче.

К следующему выступлению на Харьковском «Шевченковском праздновании» 26 февраля 1900 г. Михновский уже решил пойти по пути дальнейшей интенсификации накала и радикализации содержания - так фактически и было рождено основное ядро текста, помещенного в основу

¹⁷¹ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 74.

содержания «Самостийной Украины». Харьковские празднования действительно оказались весьма масштабными по меркам численности украинского движения – мероприятие собрало порядка 100 участников (это, к примеру, примерно половина от численного состава будущей Революционной украинской партии - В.Е.). На праздновании читали доклады, рефераты, речи, декламации, громадский хор пел «Ще не вмерлу». На праздновании присутствовали, помимо представителей украинского национального движения, представители от польского революционного движения – Данилович, и от грузин – революционер Дженаридзе¹⁷². Речь Михновского оставили под конец. Она должна была стать своеобразным идеологическим завершением, финальным аккордом программы, который должен был усилить восприятие аудитории, дабы сподвигнуть пришедшее студенчество, напитавшегося через песни, рефераты, речи, пафосом украинской национально-политической борьбы к восприятию текста будущей программы революционной украинской партии в качестве прямого призыва к действию, к осуществлению радикальной политической борьбы за украинское дело.

Таким образом, по-видимому, выступающий в качестве непосредственного организатора харьковских «Шевченковских торжеств» создатель и идейный вдохновитель РУП Дмитрий Владимирович Антонович, изначально задумывал и выстраивал программу данного мероприятия так, чтобы сама данная встреча и то, каким образом она была выстроена, уже являлось анонсом «Самостийной Украины» как основного партийного программного документа и эффективным способом для массового привлечения новых близких по духу сторонников в ряды «Революционной украинской партии». Инерция избегающего политизации старшего поколения культурников еще в полной мере не была преодолена, да и инициатива на молодых членов «Харьковской украинской студенческой громады» могла в глазах остальных представителей украинского движения оказаться

¹⁷² Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 74–75.

маниловщиной, еще несерьезным и даже ветреным занятием, отнимающим время, силы и средства для серьезной реальной общественно-политической работы. Поэтому необходимым был некий толчок, идейный импульс, сопряженный с предварительной подготовкой публики для того, чтобы «вдохновить» представителей украинского движения на серьезное организационное предприятие. И стоит отметить, что это Д.В. Антоновичу по-настоящему удалось. Общий эффект от речи Н.И. Михновского оказался колоссальным. Коллард вспоминал: «Молнией ударила по нам эта речь. Все были как будто испуганы неожиданностью, и на две-три секунды в комнате наступила мертвая тишина, но скоро раздались громкие рукоплескания. Все были в каком-то экстазе»¹⁷³. Как отмечал В. Андриевский: «Самостийна Украина» разжигала мозг, от нее у меня кипела кровь»¹⁷⁴. После снискания всеобщего успеха Н.И. Михновский инициировал издание текста брошюры «Самостийной Украины», изданной во Львове в количестве 1000 экземпляров под изданием В. Старосольского и Е. Косиевича. Какого же было итоговое содержание брошюры?

Н.И. Михновский начинает с краткого исторического экскурса, ставящего целью объяснить причины сложившегося к концу XIX в. положения «украинского народа» в специфичной интерпретации идейного лидера представителей молодого поколения украинского движения: «Конец XIX века охарактеризовался явлениями, которые характеризуют новый поворот в истории человечности. Эти явления свидетельствуют о том, что пятый акт великой исторической трагедии, названной «борьбой наций», уже начался и окончание приближается. Эти явления – это вооруженные восстания наций–гнобителей. На наших глазах начались кровавые восстания армян, критян-греков, кубанцев и наконец, боэров. Когда еще взглянуть на ту более или менее острую борьбу в ее первых фазах, которую проводят ограбленные народы Австрии, России и Турции против наций-господ, на тот смертельный

¹⁷³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 75.

¹⁷⁴ Андрієвський В.Н. Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 120.

антагонизм который существует между немцами и французами, англичанами и россиянами, когда представить, какую страшную массу регулярного войска содержат враждующие между собой нации, то станет совсем очевидным, что весь мировой национальный вопрос уже совсем достигло, хоть и далеко стоит до необходимого, действительного и справедливого развязывания. «...» Мы признаем, что наш народ также пребывает в положении угнетенной нации»¹⁷⁵, «украинец играет роль еще более худшую чем илот, потому что от илота по крайней мере не требовали интеллектуальной «дани», потому что от илота не требовали любви и признательности к своим угнетателям, потому что илот понимал свой гнет, украинец же только ощущает его»¹⁷⁶.

В тексте Н.И. Михновский большое внимание уделяет юридической составляющей, что далеко не случайно, так как сам Михновский, помимо своего активнейшего участия в общественно-политической жизни России, обучался на юридическом факультете Киевского университета, а затем в 1898 г. в Харькове открыл свою собственную адвокатскую контору, и в своей будничной деятельности был юристом, занимался адвокатской практикой. Профессиональная юридическая практика не могла не повлиять как на его способ мышления, так и на то, к какой аргументации ему приходилось прибегать для доказательства тех или иных постулатов собственных идеологических воззрений. Так, Н.И. Михновский стремится подкрепить свои весьма дискуссионные тезисы о вековом «угнетении» украинцев анализом положений Переяславского договора 1654 г. На страницах «Самостийной Украины» Михновский обвиняет Российское правительство в открытом нарушении и предательстве договоренностей, достигнутых в результате Переяславского договора 1654 г., а саму малороссийскую интеллигенцию, в свою очередь, в прямом предательстве и пособничестве действиям имперских властей, а также в уничтожении сил духовного потенциала украинского народа посредством своего тяготения к пространству общерусской

¹⁷⁵ Михновский Н.И. Самостійна Україна. С. 13.

¹⁷⁶ Там же. С. 22.

культуры¹⁷⁷. В тексте брошюры Н.И. Михновский отмечает, что украинская держава в 1654 г. соединилась с Российским государством «как равный с равным», «как свободный со свободным», а также характеризует договорённость запорожских казаков Хмельницкого с российским правительством как полноценный международный договор. Далее идеолог украинского движения напишет: «Возникает вопрос по соединению ли обеих этих держав они возникли, а на их месте начала возникать третья держава, наследница этих двух? Или, напротив, не смотря на соединение обе державы существуют рядом друг с другом? И когда так, то какое влияние имело соединение обеих держав с точки зрения международного права?»¹⁷⁸. Михновский таким образом стремится всю сложность и неоднозначность специфики развития исторического процесса перевести в плоскость сугубо юридическую.

Более того, сам Н.И. Михновский в силу ограниченности своего мировосприятия и узкой ориентации исключительно на задачу формирования проблемного и концептуального поля политических и экономических притязаний украинского движения начала XX в., для которого необходимо было создать миф о максимальной угнетенности, исторической несправедливости, совершенной в отношении украинской народа близлежащими более крупными соседними странами, в первую очередь Российской империи, не мог даже допустить в своих представлениях такого варианта развития событий, как добровольное присоединение запорожских казаков к более крупному и сильному соседу в силу необходимости получения военной помощи в противостоянии с Речью Посполитой, стремления к приобретению верхушкой казацкой старшины политических и социально-экономических привилегий от русского царя, а также по причине культурного и этноконфессионального единства русского народа и малороссийской народности.

¹⁷⁷ Михновский Н.И. Самостійна Україна. С. 21–23.

¹⁷⁸ Там же. С. 15–16.

Романтизм, унаследованный представителями радикального национализма, начала XX в. от своего предшественника – романтического национализма века XIX – во всей своей полноте проявляется на страницах идеологических произведений Н.И. Михновского. В тексте «Самостийной Украины» Михновского он встречается повсеместно: «Такая есть логика событий и ее последствия, посреди таких лихих обстоятельств мы сошлись воедино, мы собрались в одну семью, переполненные большой болью и жалостью к этим страданиям, что до краев наполнили народную душу, и пусть наперекор логике событий мы написали на своем флаге "Одна единая неделимая, вольная, самостоятельная Украина от гор Карпатских аж по Кавказские". Не увлекаемся ли мы?»¹⁷⁹ Высокая степень эксцентричности, романтизации, оторванности от действительности в «Самостийной Украине» Н.И. Михновского – это самый настоящий посильный вклад в создание того самого конструкта, чьей глобальной исторической задачей в ближайшем обозримом будущем, по видению самих представителей украинского движения, должно стать не просто создание отдельного украинского независимого государства, но и крушение лидерства Российской империи в Восточной Европе, отторжение от нее всех западных и южных губерний, тем самым осуществление ее прямого отката к территориальным границам Русского государства XV–XVI века и последующее осуществление перехода политической, экономической и культурной пальмы первенства на территории всего восточноевропейского региона к молодой, динамичной, стремящейся к прорыву и развитию украинской нации: «мы существуем, мы чувствуем свое индивидуальное национальное «я». Наша нация в своем историческом процессе часто была не солидарна между отдельными своими частями, но весь цвет украинской интеллигенции живёт *одной мыслью, одной мечтой одной нацией*: «одна единая, вольная, нераздельная вольная, самостоятельная Украина от Карпат до Кавказа»¹⁸⁰. Ныне мы все солидарны,

¹⁷⁹ Михновский Н.И. Самостійна Україна. С. 22.

¹⁸⁰ Там же. С. 27

потому что поняли, почему были у нас Берестечки и Полтавы. Мы возродились с грунту, насквозь напоенного кровью наших предков, что легли в борьбе за волю Украины, мы всосали с молоком наших матерей старинную любовь нашей нации к Отечеству и ее свободе и ненависть к насилию над нами»¹⁸¹.

Столь мощный пафос присутствует в тексте программы Революционной украинской партии закономерно – для малочисленного, но идеологически накаленного политического украинофильства начала XX в. жизненно важно было сформировать определённый градус необходимой иррациональной идейной взвинченности и мифологию бескомпромиссной национальной борьбы, с целью снятия барьера для столкновения и разрыва исторического и культурного единства русских и малороссов, без которого не могло состояться построение отдельного национального украинского государства в рамках той парадигмы национального строительства, что была избрана представителями украинских организаций Российской империи в начале XX в. Необходимо было привлечь на свою сторону весь разноплановый, зачастую весьма противоречивый и неоднозначный в отношении мировоззрения социальный контингент широких масс сельского и городского населения малороссийских и новороссийских губерний Российской империи. Н.И. Михновский, как и все ключевые фигуры политического украинского движения, прекрасно отдавал себе отчет в том, что в исторических реалиях России рубежа XIX–XX вв., где национальная идентичность малороссийского народа пребывала в становлении и имела неявно выраженный и неакцентированный характер, , необходима была тесная идеологическая консолидация сторонников украинского национального движения и мобилизация всех сравнительно небольших ресурсов, имеющихся в руках у представителей украинского движения. Для этого необходимы были столь радикальные формы. Радикально настроенные представители украинских организаций прекрасно

¹⁸¹ *Михновский Н.И.* Самостійна Україна. С. 27

отдавали себе отчет в этой сложной и неоднозначной исторической специфике формирования национальной идентичности малороссов, однако в основе их политических убеждений лежал последовательный отказ в признании сложившейся данности за необходимое условие дальнейшего национального политического строительства в будущем. Напротив, по мнению радикальных представителей украинских организаций органическая историческая, политическая, культурная, этническая связь русских и малороссов, имеющая, в действительности, по большому счету, экзистенциальный характер, для дальнейшего победного утверждения первейших ролей молодой украинской нации и украинской культуры на политической карте Восточной Европы наступающего XX в., должна быть полностью отсечена, дабы не стать фактором, сковывающим силы и потенциал для дальнейшего самостоятельного развития нации.

Тем не менее, представляется, что на деле же, если бы Д.В. Антонович не обратился к Н.И. Михновскому с просьбой создания текста программы для РУП, так или иначе появление документа подобного «Самостийной Украине» было предопределено всей логикой развития украинского движения в новых стремительно меняющихся общественно-исторических условиях начала XX в. Н.И. Михновский в данном случае оказался лишь наиболее востребованной и подходящей кандидатурой как человек, способный в острой полемической форме на страницах публицистики отразить те мысли и идейные положения, которые уже к тому времени активно обсуждались и развивались в среде представителей украинских организаций. Поэтому «Самостийна Украина» Н.И. Михновского это лишь наиболее удачная форма воплощения нового этапа развития украинского движения, активными шагами выходящего на историческую сцену, и не прояви Д.В. Антонович инициативы в 1900 г., а Н.И. Михновский, в свою очередь, движения навстречу, то через некоторое время вполне естественно возник бы другой общественно-политический деятель и другой программный документ или брошюра, и нет никаких

гарантий, что она, в свою очередь, была бы менее одиозна, чем «Самостийна Украина».

В итоге брошюра стала первым печатным изданием Революционной украинской партии и была принята в качестве негласной программы РУП. Возникает вопрос, при каких обстоятельствах тогда в принципе произошло принятие документа и как выглядел процесс его принятия. Были ли какие-то прения или дискуссии в партии по данному вопросу или же «Самостийна Украина» была одобрена представителями украинского движения без каких-либо возражений. Среди доступных нам источников фактически никаких прений или каких-либо обсуждений программного документа мы не наблюдаем. Единственной организацией украинского движения, которая на момент публикации брошюры и подъема волны радикальных настроений в 1900 г. выступила с критикой «Самостийной Украины» была галицийская «Молодая Украина», близкая к Украинской социал-демократической партии. В силу своего пестрого польско-украинского состава и социал-демократических программных установок узкий национализм Н.И. Михновского был не приемлем для членов объединения, поэтому сразу же после опубликования брошюры харьковского адвоката была напечатана критическая рецензия под авторством С.Т. Томашевского, где автор отмечал «Мы можем заверить автора, что так поставленной «Самостийной Украиной» не загорится ни один селянин»¹⁸².

В среде РУП же «Самостийна Украина» Н.И. Михновского поголовно был принят всеми участниками партии, даже социалистическое крыло партии не высказало публично по поводу программы каких-либо критических соображений, хотя составляло преобладающее число членов. Это говорит о том, что текст программы, отражающий радикальный националистический вариант развития украинского национального проекта к рубежу XIX–XX вв. имел крайне высокий уровень популярности даже среди сторонников

¹⁸² *Томашевський С. Самостійна Україна. Виданє Р.У.П. // Молода Україна. г. І ч. 6. Львів, 1900. С. 241.*

украинских организаций, близких к социал-демократическим воззрениям. Определенного рода экзальтированность и эмоциональный накал «Самостийной Украины» сыграл свою искомую роль – существенная часть молодежи украинских организаций была подвержена сильному идейно-политическому влиянию брошюры.

Н.И. Михновский, в свою очередь, не останавливается на тексте «Самостийной Украины». В этом же году он напишет воззвание «Открытый лист к министру Сипягину» по поводу разрешения поместить на находящемся в стадии проектирования памятнике Котляревскому надпись на украинском языке. Воззвание напечатали от имени РУП во Львовской «Молодой Украине». Несмотря на то, что «Молодая Украина» не придерживалась линии Н.И. Михновского, тем не менее в организации и в редакции издания нашлись люди, равнодушные к его идейным постулатам. Казалось бы, теперь Н.И. Михновский и его авторитет в партии является непререкаемым. Теперь наконец наступает время, когда движимые им идеи, ценности, смыслы обрели свою аудиторию, жаждущую настоящего общественно-политического дела. Время, когда и он сам наконец будет признан как идеолог национального строительства и активно транслируемая из его уст идея создания отдельной нации и государственности любыми силами и средствами начнет постепенно переходить в область общественно-политической практики. Ведь в его руках теперь находятся умы активного большинства молодой поросли украинского движения, страстно жаждущие, как и он сам, активной политической борьбы. В отношении своей правоты они не испытывают сомнений, напротив, запал их идет так далеко, что осуществить свои лозунги они жадно требуют «здесь и сейчас». Н.И. Михновский, находясь на серьезном подъеме, видел в 1900 г. за ними будущее украинской национально-политической жизни. Ю.Ж. Коллард в своей работе даже характеризует РУП периода начального этапа своего становления не иначе как «рыцарским орденом»: «В первое время существования РУП у нас не было «смешанного характера», или «смешанного

состава» членов. Это была лига, рыцарский орден молодых энтузиастов, которые чувствовали потребность и время выйти на борьбу с царизмом за свой народ. Выйти на борьбу неравную, но полную уважения. Не было у нас скованных в одну могучую скалу, «смешанного характера» и «смешанного состава», а была «одна мысль и одна воля»¹⁸³. Приведённый отрывок как нельзя лучше характеризует степень сплочённости «эрупистов» вокруг идейных принципов «Самостийной Украины».

Но реалии русской общественно-политической жизни начала XX века вносили свои коррективы. И в скором времени они приведут Н.И. Михновского, вообще никогда не отличавшегося хладнокровием, спокойствием, а также умением уживаться с людьми, к выходу из рядов «Революционной украинской партии» в 1902 г. вместе со своими преданными сторонниками, представляющими радикальное крыло РУП, что приводит к созданию в 1902 г. «Украинской народной партии» (УНП), стремившейся как своими теоретическими изысканиями, так и деятельностью на поле общественно-политической практики продолжать воплощать в жизнь представление Н.И. Михновского о том, по какому пути должно осуществляться дальнейшее развитие украинских организаций.

Революционная украинская партия продолжит идти другой дорогой. Популярность социал-демократических и народнических идей среди представителей украинствующего студенчества постепенно одержит вверх над первоначальной сугубо радикальной национально-ориентированной линией. Социал-демократическая линия, идущая в РУП от социал-демократического кружков Киева 1890-х гг., подробно рассмотренная нами выше, в годы деятельности «Революционной украинской партии» тесным образом связана с деятельностью и фигурой негласного лидера партии Д.В. Антоновича. Здесь следует остановиться на его вкладе в основание и деятельность Революционной украинской партии чуть более подробно.

¹⁸³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 81.

В лице непосредственного создателя и организационного локомотива партии несмотря на то, что сама идея была высказана Михаилом Русовым, безусловно выступает Дмитрий Владимирович Антонович (партийная кличка – «Муха»). В.Б. Антонович, общая характеристика которого была частично дана нами выше, в годы деятельности РУП в полной мере проявил себя как талантливый организатор и человек стремящийся активно проявить себя как лидер и видный идейных авторитет в среде представителей украинских организаций. Д.В. Антонович с самого начала приобрел крайне высокую степень общественно-политического авторитета в молодёжной среде за счет того, что был одним из первых, кто радикальным образом открыто выступил против старого культурничества, находился в этом отношении, безусловно, в числе лидеров мнений украинствующей молодежи.

Крайне любопытным будет являться и то, что в каком-то смысле, призывая к революции, молодой Антонович во многом призывал выступить против линии своего отца, фактически мы наблюдаем и определенные проявления конфликта поколений между старшими и младшими украинофилами. Хотя при этом и сам В.Б. Антонович во многом в рамках своей общественно-политической деятельности вел себя гораздо более гибким образом, чем большая часть представителей старших, не желающих воспринимать новые формы «культурников». В какой-то степени безусловно имело место и определенного рода символизм в том, что Дмитрий Антонович, сын человека, наряду с М.П. Драгомановым, являющегося негласным политическим лидером украинского национального движения предшествующей эпохи, становится во главе ключевой нелегальной партии нового поколения украинского национального движения Российской империи на момент начала XX в. Как бы то ни было, авторитет Д.В. Антоновича в партии оказался крайне велик. Так, к примеру, В. Андриевский приводит следующий портрет Д.В. Антоновича, которого он увидел впервые еще будучи студентом, на одном из нелегальных съездов РУП в Полтаве: «После короткого разговора в котором пан студент пояснил, что приехал товарищ

«Муха», который и будет сегодня держать доклад, мы все трое промаршировали темными улицами в пригород, где в помещении знакомого мне с Кобеляцких театральных выставок Осмоловского, что служил статистом в полтавском земстве, собралось уже много незнакомых мне людей. Между ними и моих знакомых было двое: Понятенко и Кучерявенко. Это были, скорее всего, сборы полтавской организации РУП. В скором времени низенький господин с острой бородкой и в серой студенческой «тужурке» начал и свой доклад. Говорил он достаточно гладко, но с такой манерой, будто что-то в горле мешает ему говорить. Мне пояснили, что это известный украинский деятель, сын уважаемого украинца профессора Антонович, а «Муха» – это просто конспиративная его кличка. Не вспомню уже точно сути доклада – кажется это был информационный доклад от РУП. Большого впечатления на меня не сделал ни доклад, ни сам докладчик, но до его особы я ощущал должное уважение, потому что это был настоящий украинский деятель, а к тому же еще и сын славного украинца!»¹⁸⁴.

Дмитрий Антонович обладал и организаторскими способностям, и талантом привлекать людей, необходимых для дела. Эту черту, видимо подчерпнул от отца, который на протяжении всего периода своей общественно-политической деятельности отличался своим весьма неординарным качеством – умением сплотить вокруг себя самых разных людей, найти подход для того, чтобы привлечь того или иного человека в свой близкий круг для нужд украинского дела. Д. Дорошенко отмечал, что со своего дома на Жилянской в Киеве Владимир Антонович «руководил фактически целым украинским движением на протяжении последних десятилетий XIX века, и его влияния шли далеко за границы Украины Поднепровской, аж до Львова и Черновцов»¹⁸⁵. В.Б. Антонович, будучи сыном венгерского революционера и польской шляхтянки, в студенческие годы активно проявлявший себя как «хлопоман» и активный член украинской и польской

¹⁸⁴ Андрієвський В.Н. Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 120.

¹⁸⁵ Дорошенко Д. Мої спомини про давнє-минуле (1901–1914 роки). С. 98.

студенческой громады, сумел при этом стать одним из неформальных лидеров украинофильства, будучи штатным доцентом и профессором Киевского университета, имея титул коллежского советника и тесные контакты с местной научной, административной и полицейской элитой Малороссии. По этому поводу Н. Могиянский впоследствии написал: «Антонович – двуликий Янус, который с кафедры университета проповедовал одно и был в дружбе даже с Новицким (жандармский генерал – В.Е.), а у себя дома, в кругу избранной молодёжи проповедовал другое: ненависть к России»¹⁸⁶. Однако Дмитрий Антонович, возможно, в силу отсутствия столь мощной научной базы, или же, по причинам отсутствия опыта, взял на вооружение отцовское умение привлечь лишь отчасти, оказавшись способным активно привлечь на свою сторону людей, но не сумев должным образом реализовать имеющийся в руках политический потенциал.

Так, будучи сам человеком, мировоззрение которого характеризовалось метаниями, неопределённостью, увлеченным при этом социал-демократическими воззрениями, Антонович прекрасно отдавал себе отчет в том, что украинское движение на момент начала XX в. было еще слишком слабым, малочисленным и разобщенным для того иметь возможность активно влиять на русскую общественно-политическую жизнь и добиваться своим трудом на данном поле значимых практических результатов. Поэтому необходима была консолидация молодых представителей украинского движения со взглядами разного политического спектра – и тех, кто стремился пойти по пути узкого национализма, культивируя полный отказ от сотрудничества с какими-то ни было общероссийскими силами, и тех, кто, напротив, активно взаимодействовал с народничеством, социал-демократией, кадетами. Особенно в число непосредственных заслуг Д.В. Антоновича следует внести привлечение в РУП большого числа малороссийского студенчества, которое было близко к украинофильству, но среди которых

¹⁸⁶ Могиянский Н. М. Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 74–105.

также велика была тяга к российской социал-демократии. Данную категорию студенчества отталкивал узконаправленный, непримиримый национализм многих членов партии и их в свою очередь предстояло еще склонить в сторону Революционной украинской партии. Так, Гермайзе, ссылаясь на материалы воспоминаний одного из активнейших представителей РУП Василия Мазуренко, хранящихся в личном архиве представителя украинского движения, отмечал: «Я вступил в РУП в 1901. во время административной высылки в Полтаву за студенческую манифестацию в Петербурге на Казанской площади 4 апреля 1901 года. В Петербурге тогда уже меньше было эклектизма, и в нашей студенческой громаде была небольшая кучка ярких социал-демократов, в том числе и особенно заядлым социал-демократом был тов. Скрипник Николай Александрович – теперешний нарком юстиции, и его покойный младший брат с невероятно чуткой душой. Таким образом, когда мне предложили сначала вступить в невнятную РУП Михаил Русов, я отнесся достаточно скептически к этому. Но потом на мои упреки против народничества РУП Дмитрий Антонович определил сам себя марксистом и уговаривал вступить в РУП, чтобы подтолкнуть ее на путь пролетарской социал-демократической партии; этим он присоединил к РУП марксистское большинство, хоть и сам был сначала великим эклектиком»¹⁸⁷.

Таким образом, в ряды Революционной украинской партии постепенно вливалось много колеблющихся в сторону полноценного вступления в ряды русской социал-демократии представителей малороссийского студенчества, как отмечал выше В. Мазуренко «марксистского большинства». Безусловно, здесь сам Мазуренко применил термин далеко не удачный, так как в полной мере марксистами эта бесформенная, находящаяся в постоянном брожении, идейно-политическая масса украинского студенчества, естественным образом, не являлась, однако то что, по-видимому, большое, по меркам украинского движения, количество малороссийского студенчества удалось

¹⁸⁷ Гермайзе О. Указ. соч. С. 71.

склонить от российской социал-демократии на свою сторону являлось большим организационным достижением Революционной украинской партии на первом этапе ее становления. Однако данную «социал-демократическую» молодёжь необходимо было еще каким-то образом интегрировать в состав партии, продумать каким образом собрать в единую линию деятелей, тяготевших к социал-демократии и радикальным настроениям. Данная интеграция не была надлежащим образом проведена, о ней, в сущности, даже и не задумывались. Революционная украинская партия сохраняла характер первого объединения украинствующей интеллигенции, в котором не имелось единого согласия на предмет политической программы, лишь общий негласный идейный консенсус о приоритете политической сепаратизации украинской национальности, языка, культуры над всеми иными идейно-политическими установками.

В течение всего времени партия находилась в постоянном идейно-политическом поиске, за пять лет существования партии было попеременно принято несколько различных по своему содержанию программных документов, по каждому из которых шли активные прения и большое количество несогласных с разных сторон. Единой магистральной линии партия, состоящая в большинстве своем из украинофилов-интеллигентов, так и не выработала, что имело в дальнейшей перспективе свои весьма конкретные последствия. Состав РУП включил в себя практически весь существующий на тот момент сегмент украинофильской интеллигенции, как впоследствии отмечал Владимир Дорошенко: «вокруг нашей партии собрался цвет младшей украинской интеллигенции. И это не удивительно. Р.У.П. тесно связана с этим поколением сознательных украинских граждан, которые двадцать лет назад начали искать новые дороги для украинского движения, не удовлетворяясь окружающими страданиями»¹⁸⁸. Уже в 1901 г. сочувствующая социал-демократическим идеям группа членов РУП инициировала выпуск

¹⁸⁸ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 4.

нескольких периодических изданий первой нелегальной украинской политической партии на территории Российской империй - журналов «Труд», «Селянин», «Гасло» и «Добра новина». Так хронологически первым партийным изданием стала газета «Гасло», отчет издания которой можно начинать с марта 1902 г. Инициатором создания данной партийной газеты стал сам Д.В. Антонович. В состав первой редакции издания вошли Д. В. Антонович, В. Козиненко, Е. Голицинский и П. Канивец, редакция располагалась в Киеве, а типография, где непосредственно печатались выпуски располагалась в Черновцах, где печатью изданий занимались Василь Симович и Лев Когут ¹⁸⁹. Газета постепенно становилась рупором сторонников социал-демократических идей партии.

Безусловно, национальные настроения весьма специфическим образом смыкались с идеями социальной справедливости и социальной борьбы рабочего класса с классовым неравенством. Даже настроенные самым положительным образом по отношению к социалистическим воззрениям украинофилы отдавали пальму первенства и поступались многими постулатами социал-демократии, признавая первичность национально-территориальных, автономистских лозунгов над положениями социально-экономическими. Собственно говоря, именно в приоритете украинской национальной проблематики над всем остальным и заключался основополагающий принцип формирования идеологии и самоидентификации украинских политических и культурных организаций, он становился центральным элементом внутрипартийной дискуссии в среде Революционной украинской партии. Крайне показательным в этом отношении, что не прошло и года, как в конце 1900 г. данное противоречие закономерным образом подталкивало зарождающийся внутрипартийный кризис, выраженный во все более открыто проявляющемся антагонизме между сторонниками марксистских воззрений и представителями более радикального

¹⁸⁹ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 9.

националистического крыла. Одной из ключевых точек данного противостояния стало издание брошюры Д.В. Антоновича под названием «Дядько Дмитро». Тираж «Дядько Дмитро» превышал тираж «Самостийной Украины» в 10 раз. Так, тираж «Самостийной Украины» составлял 1000 экз., а тираж «Дядько Дмитро» насчитывал 10000 экз.¹⁹⁰. Идея брошюры была далеко не нова. В ней прослеживается традиционная связь украинских политических и культурных организаций с польским революционным движением – «Дядько Дмитро» фактически оказалась переработкой польской революционной брошюры «Отец Симон»¹⁹¹. На страницах самой брошюры Д.В. Антонович не ставил вопрос о создании самостоятельного единого и неделимого Украинского государства от Карпат до Кавказа, не призывал к бескомпромиссной и решительной борьбе с вековыми национальными угнетателями, не говорил о необходимости вооруженной борьбы и террора, а всего лишь призывал к необходимости облегчить социально-экономическое положение украинцев, и в первую очередь – украинского крестьянства.

Постепенно те члены Революционной украинской партии, которые тяготели к социал-демократическим воззрениям, число которых явным образом было усилено за счет привлеченных В.Б. Антоновичем деятелей, естественным образом начинают ставить вопрос о необходимости перехода партии на социал-демократические рельсы, а также качественного расширения социальной базы движения посредством идей о необходимости проведения агитационно-пропагандистской работы не только среди крестьянства, но и в среде городского пролетариата. Такие идеи явным образом были не по душе радикальному крылу партии, начинающему сразу резко проявлять свое недовольство новым направлением партийной линии. Относящийся к сторонникам Н.И. Михновского В.Н. Андриевский отметит: «В это же время мне удалось прочитать первую нелегальную книжку – этого

¹⁹⁰ Гермайзе О. Указ. соч. С. 145.

¹⁹¹ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 9.

«Дядько Дмитро». Приступая к ней с наибольшим интересом и своего рода набожностью какое же было мое разочарование, когда я ее читал! Вместо высоких мыслей, чего-то такого что должно поднять мой настрой, вместо основного протеста-призыва до высших людских чувств, что я надеялся там найти, я встретил нудную болтовню про каких-то рабочих, про забастовки, про то, как рабочие должны делать разные пакости и ущербы фабрикантам и помощникам и т.д. После прочтения данной брошюры у меня сложилось ощущение непонимания, неловкости и даже стыда: мне неловко было передавать ее дальше для прочтения моим товарищам, что я должен был сделать по нашей предыдущей договоренности. Те самые чувства пробуждались во мне и дальше, когда я знакомился с агитационной английской или московской литературной. «Читая такие брошюры как «Страйк и бойкот», «Есть ли теперь панщина?», «Пауки и мухи» и другие им подобные я видел, что они призывают к уничтожению людского имущества, к созданию беспорядков. Чего-то позитивно-созидательного я не прочитал у них, а подобного рода разрушительные мысли мне, хозяйскому сыну, что вырос среди таких же, восторжествовать не могли. Кроме того, я видел злобу, которая управляла авторами при написании и которую они всяческим способом хотели взывать у читателя. Все это было для меня неприемлемо. Что же по поводу самой сути брошюр, то какой-то небольшой смысл, я мог за ними признать, но и то с большими оговорками. В них не раз говорилось про бедных людей – фабричных и сельских рабочих. Подчеркивалось, что им очень тяжело живётся и советовалось, чтобы они делали забастовки и уничтожали имущество ненавистных фабрикантов и помещиков»¹⁹².

Будучи людьми, последовательности которым явно было не занимать, они не стали «колебаться вместе с линией партии», а сразу же вступили во внутрипартийные споры и разногласия. Ю.Ж. Коллард, также тяготеющий к радикальным национально-политическим идеям, дал следующую критику

¹⁹² Андрієвський В.Н. Три громади: Спогади з 1885–1917 рр. С. 100.

своих сопартийцев, тяготеющих к общероссийской социал-демократии: «Чувствовалось в этом влияние российских революционных партий, а также желание некоторых наших товарищей захватить позиции тех партий в рядах городских работников, между которыми революционная работа была легче и давала будто бы более быстрые результаты. Труд только на селе уже не удовлетворял этих украинских революционеров, не обращая внимание на то, что последствия его, как это показали сельские бунты 1902 г. были просто огромны. «...» Дальше начали говорить, не проще ли использовать уже готовое и скоординировать свою работу с работой российских «товарищей»; что там уже есть, мол, готовые социалистические программы и тактика, а мы должны это все еще создавать, да и зачем принципиальным вопросом «Самостийной Украины», так сказать, «дразнить гусей» и ставить ненужные препятствия для этого сближения и т.д. Российское воспитание этих товарищей и их прирождённое москвофильство дало себя знать, а «Самостийная Украина» их уже понемногу мучала»¹⁹³.

Часть представителей украинствующего студенчества Революционной украинской партии, концентрирующаяся в партии на тот момент вокруг Антоновича, которая, при всем своем украинофильстве, в силу того, что являлась все-таки непосредственной частью, «плоть от плоти» русской общественной жизни, в своей общественно-политической деятельности окончательно разрывать ни с общероссийской, ни с западноевропейской революционно-демократической традицией не желали. После своеобразной «эйфории» от обнародования «Самостийной Украины», постепенно приходило осознание собственной политической изоляции на поле русской общественной жизни, понимание, что, при дальнейшем движении в русле «Самостийной Украины» впереди вырисовывалась отчетливая перспектива сворачивания движения внутрь, отключения партии от возможности выстраивания какого-либо взаимодействия с различными российскими

¹⁹³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 113.

общественно-политическими партиями, переход в состояние дальнейшего тупика и обреченности глухого провинциализма. Подобная перспектива так и остаться небольшой группой местной интеллигенции, тревожащейся за судьбу украинского национального дела, естественно, далеко не привлекала молодых общественно-политических деятелей. Они стремились стать серьезной политической организацией, представительным органом украинского крестьянства и рабочих в публичном пространстве русской общественной жизни. Всем же сторонникам дальнейшего еще более энергичного усиления украинского национального вектора в партии такое «переосмысление» программных и тактических установок в партии явно было не по душе. В истории украинского движения 1902 г. охарактеризовался первыми серьезными внутрипартийными конфликтами между сторонниками дальнейшего трансформации РУП в русле социал-демократическом и представителями студенчества, выступающими за радикально-национальный вариант дальнейшего развития партии.

Для дальнейшего поиска путей по разрешению данного конфликта Д.В. Антонович созывает съезд «вольных громад». Под предлогом необходимости разрешения конфликта между двумя противоборствующими проектами дальнейшего развития партии и необходимости решения внутрипартийного конфликта на местах, на съезде было принято решение созвать так называемый «Центральный комитет партии» в составе Д.В. Антоновича («Харьковская громада»), Е. Голицынского («Киевская громада») и В. Козиенко («Редакционный комитет партии»), в задачи которого входила «необходимость следить за тем, чтобы в деятельности целой партии было определенное единство и единообразие, чтобы сочетание всех революционных и социалистических групп в Революционной украинской партии представляла собой справедливое внутреннее единство групп и особ, одушевленных одними идеями, одинаковыми задачами и согласными на

единодушное движение»¹⁹⁴. На деле же Антонович и его сторонники в большей степени стремились выиграть внутрипартийное противостояние и зафиксировать лидирующие позиции социал-демократического направления в партии. Естественно, что никакого сближения не произошло. I-й «Съезд вольных громад», одобрение и выраженная поддержка на нем социал-демократической линии «Гасла», создание «Центрального комитета партии» только закономерно стали новым витком конфликта, укрепившим позиции «социал-демократов». Как впоследствии отметил Ю. Коллард: «чем больше «Гасло» становится на почву социалистическую, тем больше на местах обострялись споры»¹⁹⁵.

Различия в расстановке политических приоритетов между двумя неформальными крыльями РУП выливались в эскалацию политического кризиса в партии. Закономерным следствием стало то, что Н.И. Михновского и близких к нему представителей радикального крыла украинской интеллигенции данный оборот дела совершенно не устроил, и по итогу Дмитрию Антоновичу пришлось выслушать в свой адрес критику с двух сторон. Близкие к марксизму представители украинского движения считали его позицию робкой, а Михновский и его сторонники объявили одного из основных лидеров РУП в предательстве национальной идеи¹⁹⁶, что привело по общему итогу к описанному ими выше выходу из партии.

Центральный комитет «Гасла» осуществлял свою издательскую деятельность во Львове, где влияние Д.В. Антоновича на редакционную политику стало играть еще большую роль. Безусловно, само издание в своей редакционной политике отражало социал-демократическое направление в среде членов «Революционной украинской партии». В. Дорошенко следующим образом описывает свои впечатления от наблюдения за деятельностью «Заграничного комитета» партии: «Будучи летом 1904 г. на

¹⁹⁴ Повідомлення «Гасла»// Гасло. ч. 1., Львів, 1903 С. 3.

¹⁹⁵ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 114.

¹⁹⁶ Голобуцький О. Український політичний рух на Наддніпрянщині кінця XIX – початку XX століття. С. 28.

украинских научных курсах во Львове я близко нашелся со своими партийными товарищами и во время курсов прожил с ними целый месяц в Верхнем Синевидном, помогая в редактировании «Праци». Вспоминаю себе до сих пор какими завзятыми искровцами были они, как нетерпеливо ожидали очередного числа «Искры» как следили, чтобы в изданиях не проскочило что-то, что могли бы российские товарищи взять за «ересь», как беспардонно конфисковывали статьи, которые хоть немного отходили от искровского канона или расходились с рекомендованною «Искрой» тактикой «...» Меня, свежего человека, непривычного к эмигрантским отношениям поразила узкая групповщина и какое-то, так сказать партийное «буквоедство» товарищей и их увлеченность российской эмигрантской литературой, которая своей нетерпимостью, доктринёрством, склочностью напоминает мне теперь сегодняшнюю нашу венскую прессу. Поведение наших зарубежных казалось мне в принципе беспредметным и неоправданным выискиванием ласки у российских товарищей, минуя даже всероссийский централизм и пренебрежение украинства со стороны последних»¹⁹⁷.

Сам Антонович пытался представить себя в качестве идейного лидера социал-демократической группы в РУП – из-под его пера публиковался большой объем статей на страницах «Гасла» под псевдонимом С. Войнилович широко отметился своей публицистической активностью также М. Русов. Основной задачей журнала являлось завоевание социалистического направления ведущего положения во внутривнутрипартийной борьбе «эрупистов», увеличение числа сторонников внутри партии, а также широкая пропаганда украинского вопроса и социалистических идей среди малороссийского крестьянства. Однако само содержание статей «Гасла» фактически сразу выявило не системность и идеологические метания, идейно-политическую незрелость самих представителей украинской интеллигенции начала XX в., характерные метания между различными направлениями революционной

¹⁹⁷ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 26

общественно-политической жизни России начала XX в. Так, типичный номер «Гасла» представлял из себя сборник статей на страницах которого можно было одновременно встретить как социал-демократические, так и эсеровские программные положения. Так, к примеру, в тексте одной из статей говорилось о том, что мечта об овладении умами общества «для нас, идя за Бернштейном, есть ничто, движение все», «под словами движение мы пониманием и общее развитие общества, то есть социальный прогресс, и политическую и экономическую агитацию и организацию для совершения этого прогресса»¹⁹⁸. А ниже в следующей статье под характерным названием «Путь борьбы» представители Революционной украинской партии выступают уже под лозунгом социал-революционеров «В борьбе обрешь ты право свое», определяя главную свою цель как «достижение политической свободы», параллельно при этом отмечая, что «украинский социализм должен стать социализмом революционным»¹⁹⁹, для достижения которого главными способами должны стать массовая классовая организация рабочих масс Украины и систематический политический террор, применяемые в единой связке: «Соединенные в единой обоюдной системе обе эти наивысшие формы борьбы повалят царизм»²⁰⁰.

Таким образом, популярность эсеровской политической программы в среде эрупистов была крайне высока. В. Дорошенко в принципе отмечает характерный для большинства представителей самой массовой партии украинского национального движения дуализм партийно-политических программных установок в партии²⁰¹. Такое наблюдение Дорошенко представляется весьма обоснованным и во многом отвечающим действительному положению дел, складывающемуся в украинском политическом лагере. Единственное, с чем можно в тезисе В. Дорошенко

¹⁹⁸ Від редакції // Гасло. ч. 1., Львів, 1903 С. 1

¹⁹⁹ Шлях боротьби // Гасло. ч. 1., Львів, 1903 С. 3

²⁰⁰ Там же. С. 5

²⁰¹ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 11

действительно не согласится, так это с тем, что данная эклектика воззрений была характерна для большинства членов «Революционной украинской партии» лишь в начале ее общественно-политической практики. Попытки представить себя последовательными сторонниками социал-демократии и включить в себя ряд общероссийских и общеевропейских социал-демократических партий действительно являлись значимой частью политической практики эрупистов и представителей украинского национального движения рубежа XIX–XX вв. на протяжении всего периода их политического развития. Даже в рассмотренной выше статье «Путь борьбы», составленной полностью в русле эсеровской программы, тем не менее, в определенном фрагменте вдруг приводится тезис о том «наивысшей, найпрогрессивнейшей тактикой борьбы есть тактика социал-демократии тактика классовой организации»²⁰².

Дорошенко в своем утверждении исходит из своих собственных наблюдений за тем, каким образом на его глазах происходила дальнейшая эволюция нелегальных украинских политических партий в Российской империи. Так, исследователь украинского движения отметит: «Позднее, когда социал-демократическая линия РУП выяснилась полностью, отскочили от партии и те из ее членов, что сочувствовали революционному народничеству. Они по большей части пристали к местным организациям российских эсеров и только уже значительно позднее сумели основать украинскую социал-революционную партию. Часть, что мыслями приближалась к российским трудовикам или народным социалистам, присоединилась к украинским радикалам с лагеря Гринченко. По слиянию радикалов с демократами в одну кадетскую партию «радикально-демократическую», из нее потом позднее вышли эсефы (украинская партия социал-федералистов, созданная в июне 1917 г. – В.Е.), некоторые из них вступили в украинские эсеры»²⁰³. В.

²⁰² Шлях боротьби // Гасло. ч. 1., Львів, 1903 С. 3.

²⁰³ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 12.

Дорошенко определяет общественно-политический вектор РУП как социал-демократический исходя из собственных, вернее, общих коллективных представлений, сформировавшихся внутри самой среды украинских взглядов на политико-партийное устройство внутри украинского национального движения. Действительно, если рассматривать складывающуюся на момент 1902–1903 гг. расстановку сил внутри украинского «изнутри», глазами представителя украинского движения, то, с данной стороны общая картина процесса развития украинских нелегальных политических партий действительно приобретает схожие черты. Однако, если рассматривать данный вопрос с точки зрения логики развития общероссийской общественно-политической жизни, специфика развития украинских политических организаций накладывала свой отпечаток и на социал-демократические воззрения даже самых последовательных украинофилов, не давая им возможности выйти за созданные движением, выстроенные идеологические рамки, определяемые диктатом национально-территориальных требований над всеми остальными – социальными, экономическими и культурными.

Однако на период 1902–1903 гг., несмотря на обозначившиеся внутрипартийные столкновения, приходится пик общественно-политической деятельности «Революционной украинской партии». В этот период происходит активнейшая работа представителей местных громад и отделений РУП непосредственно «на земле», в среде малороссийского крестьянства. Среди ключевых методов работы представителей «Революционной украинской партии» с местным крестьянством в первую очередь следует назвать распространение прокламаций и агитационно-пропагандистскую работу внутри местных комитетов. Ю.Ж. Коллард укажет: «Революционная украинская партия – первая из всех партий в России с такой огромной энергией и пылом, словом и многочисленной литературой на языке понятном, родном понесла в деревню революционный клич к массовому восстанию против существующего режима «за волю и за землю». Российское народничество, так называемое «хождение в народ», носило, по сравнению с деятельностью РУП,

детский характер. «...» Это были интеллигентские «хождения». Народ тех людей не понимал и часто своими руками отдавал полиции революционеров. Работа РУП в селе таких случаев не знает. Крестьяне хоронили нас, а литературу, которую от нас доставали, читали и хранили, как «Святое Писание»²⁰⁴. Центрами работы закономерно являлись Киевская, Полтавская и Харьковская губернии. Прокламации печатались в различных подпольных типографиях. Развита была практика печати изданий заграницей. Так, достаточно большое количество прокламационных брошюр печаталось во Львове и в Черновцах, а затем нелегально транспортировалась членами партии через границу.

Ряд типографий действовал и на территории Российской империи, так, к примеру, одна из типографий РУП была в Нежине²⁰⁵. Так, известен был случай задержания будущего председателя Директории Украинской народной республики В.К. Винниченко сотрудниками Департамента полиции при пересечении с нелегальной литературой границы между Австро-Венгрией и Российской империей, сохранившей в делопроизводственных архивных материалах Департамента. Департаменту полиции сообщали, что в 1903 г. «25 июля, вблизи пограничного пункта Волочинск жандармскими властями совместно с чинами пограничной стражи задержан при тайном переходе студент Львовского университета Ярослав Долинский, при котором оказалось три пуда политической контрабанды, заключавшей в себе преимущественно издания Революционной украинской партии»²⁰⁶. В ходе допроса и выяснения личности оказалось, что под именем студента Львовского университета Ярослава Долинского скрывался не кто иной, как дезертировавший вольноопределяющийся 5-го саперного батальона Владимир Кириллович Винниченко²⁰⁷. Финансирование Революционной украинской партии и печать изданий осуществлялась в первую очередь посредством общих сборов

²⁰⁴ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 79–80.

²⁰⁵ ГА РФ Ф. 102 Оп. 226 Д. 150т. Л. 1.

²⁰⁶ Там же. Оп. 231 Д. 1243 Л. 6.

²⁰⁷ Там же. Л. 8.

денежных средств с участников студенческих громад, входящих в состав партии. Других отдельных источников финансирования партия не имела. Существенная финансовая поддержка партии шла по линии добровольных пожертвований состоятельных членов партии, которые по социальной своей принадлежности являлись помещиками или являлись выходцами из помещичьих семей. Так, на нужды партии жертвовали достаточно крупные суммы: М. Русов – 500 рублей. М. Меленевский – 15000 рублей, Е. Чикаленко – 1 000 рублей, Д.В. Антонович – 2500 рублей (деньги, полученные в качестве наследства после смерти матери). Как отмечает Коллард, весь накопленный объем средств с громадских сборов и личных пожертвований позволил за наиболее активный период деятельности «Революционной украинской партии» с 1900 до 1904 г. напечатать и гектографировать журналов, брошюр, прокламаций, воззваний и объявлений общим объемом порядка 100 тыс. экземпляров ²⁰⁸. Эти сведения вполне подтверждаются данными делопроизводственных материалов Департамента полиции, где приводятся сведения о деятельности партийных ячеек «на местах».

Так, по данным Департамента полиции в Лубнах были разбросаны прокламации под названием «До запасных» в количестве 106 экземпляров²⁰⁹. А в тех же Лубнах у простого учителя Ивана Яковлевича Сидоренко было конфисковано 1955 экземпляров прокламаций РУП различного содержания!²¹⁰. Учитель Лубенской сельскохозяйственной школы Сидоренко активно распространял данные прокламации среди учеников, в чем видел свою «просветительскую» миссию. Но это же и итоге стало и причиной, почему локальный агент влияния украинского движения был пойман, так как около десяти прокламаций обнаружилось в оставленном на ст. Ромодан чемодане, принадлежащем ученику той самой Лубенской сельскохозяйственной школы Тихону Белошапко, в ходе разбирательств

²⁰⁸ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 79–80.

²⁰⁹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 2. Л. 107.

²¹⁰ Там же. Л. 7.

который затем и указал на своего учителя²¹¹. Также Департамент полиции сообщает, что из поезда, следующего из Харькова в Киев 19 января 1905 г. было конфисковано 2338 экземпляров различных прокламаций РУП²¹². Что касается самих текстов прокламаций, то, как правило в делопроизводствах Департамента полиции тексты большей части прокламаций не приводятся. Однако, некоторые из прокламаций в отчетах все-таки сохранились. Так любопытен текст прокламации «Селянам вийны не треба» («Крестьянам войны не нужно»), найденный в Полтаве 25 июня 1904 г., где Революционная украинская партия призывает крестьян выступить против участия России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Упор в пропаганде прокламации делается на то, что война сельскому населению в Малороссии на земле никаких изменений в аграрном вопросе не сулит, что война ведётся только лишь в угоду помещикам и царю²¹³.

Таким образом, работа по изданию прокламаций в партии была поставлена весьма широко. С 1900 по 1905 гг. партия отметилась на поле русской общественной жизни и рядом других направлений своей деятельности. Так, имела непосредственное отношение Революционная украинская партия к организации крестьянских бунтов в Полтавской губернии²¹⁴. Также с инициативы РУП проводились студенческие съезды украинских организаций. К примеру, 18 декабря 1904 г. был организован студенческий съезд украинских партий в Киеве, приглашения высылались конспиративно под видом «приглашения на свадьбу»²¹⁵. Весьма примечательно, какую представители украинского движения просили друг друга выслать литературу. Это иллюстрирует общественно-политические предпочтения представителей украинских организаций – так, в основном, деятели украинского движения просили привезти соратников по украинскому

²¹¹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 2. Л. 15–16.

²¹² Там же. Д. 1555ч. 1. Л. 141.

²¹³ Там же. Д. 1555ч. 2 Л. 75.

²¹⁴ *Гермайзе О.* Указ. соч. С. 98.

²¹⁵ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 3. Л. 126.

движению из Львова работы Маркса, Энгельса Лассаля, выпуски журнала «Освобождение»²¹⁶. Отметилась РУП и весьма провокативными действиями.

Так, весьма показательная была история, произошедшая на открытии памятника И.П. Котляревскому в Полтаве 30 августа 1903 г. На открытие данного памятника прибыла весьма солидная делегация, состоящая из членов «Революционной украинской партии» и «Украинской народной партии». Безусловно, само прилагательное «солидное» в отношении объема членов делегации необходимо воспринимать в масштабах украинского движения. Участник данной акции и известный представитель украинского национального движения Е.Х. Чикаленко упоминает, что большинство активистов занимало два вагона поезда, шедшего из Киева в Полтаву, и, если бы поезд сошел с рельсов, украинскому движению был бы нанесен тяжелый удар, на годы, если не на десятилетия задержавший бы развитие украинского дела ²¹⁷. Представляется, для того чтобы суметь подобным образом мобилизовать фактически большую часть своего актива, подготовка данного мероприятия в рядах революционной украинской партии проводилась заблаговременно и заранее. Какова тогда была цель приезда на данное мероприятие со стороны украинских организаций? На деле почтение памяти малороссийского поэта и являлось лишь определенным предлогом, само мероприятие носило характер заранее продуманной и спланированной провокации. Это отчетливо просматривается по отчетам Департамента полиции Российской империи. Так в материалах делопроизводства приведен подробный отчет о вечернем торжественном заседании 30 августа в честь открытия памятника. Заседание началось с речи городского головы В.П. Трегубова, затем на малороссийском языке выступили приглашённые гости из Галиции. После этого начались выступления от делегации РУП: «на сцену вошел представитель Черниговского музыкального драматического кружка присяжный поверенный Коцюбинский, который начал речь на

²¹⁶ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 3. Л. 96.

²¹⁷ Чикаленко Е. Спогади (1861–1907). К., 2003. С. 238.

русском языке, затем перешел на малороссийский, и закончил по-малороссийски, чем вызвал бурные аплодисменты публики, затем выступала представительница Черниговского украинского театрального товарищества Андриевская-Недоля, которая начала свою речь на малороссийском языке. Городской голова прервал ее, заявил, что чтение адресов на малороссийском языке в заседании Думы разрешить не может. Андриевская сошла с кафедры и передала адрес городскому голове. В публике стали слышаться замечания, «шо це за закон, шо чествование памяти малороссийского поэта не разрешается на родному языку». Вслед за Андриевской взошел на кафедру представитель колонии украинцев присяжный поверенный Михновский, который начал свою речь приблизительно: «господин городской голова, я тоже привез с собою адрес, составленный на малороссийском языке, но так как вы не разрешили читать адресов на малороссийском, то я прошу вручить мне копию для обжалования данного постановления в Сенате, а так как адреса читать нельзя, то я его оставляю их себе, а пустую папку от него вручаю вам». Выходка Михновского вызвала у одной части публики одобрение, у другой отрицание, стали слышаться возгласы «до дому», «что за странный закон» и публика стала мало-помалу оставлять зал, остальная часть начала подходить к городскому голове, и передавать приветственные адреса»²¹⁸.

Таким образом, мероприятие было сорвано. Затем, в ходе последующего разбирательства выяснилась, что таких организаций, как «Харьковская колония украинцев» и «Украинцы черноморья», от которой представился другой член РУП – Хоткевич, попросту не существует²¹⁹. Выяснялось, что многие члены РУП, зарегистрировавшись, таким образом, от фиктивных организаций, просто создали себе численность состава выступающих на торжественном вечере. Одной публичной провокацией в этот день вечер не ограничился. Так, в отчете Департамента полиции указано, что в зале среди слушателей распространялось стихотворение «Московский кумач»,

²¹⁸ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1445. Л. 4.

²¹⁹ Там же.

содержание которого весьма репрезентативно отражает идеологию украинского национализма начала XX столетия. По-видимому, стихотворение было написано для сочувствующих украинскому движению гостей и товарищей по украинскому делу из Галиции. Текст стихотворения в полном объеме также был представлен в отчете Департамента полиции. Объем всего стихотворение достаточно большой – оно насчитывает сорок четверостиший. Для того, чтобы не приводить все стихотворение целиком, на страницах данной диссертации мы приведем лишь несколько из них, которые крайне показательно передают нам идеологию «Революционной украинской партии» (перевод с малороссийского – В.Е.):

«Напрасный братья, маскарад
 Не поможет и фиговый лист
 Хоть за ним был бы и рад
 спрятаться
 Российский социалист
 Пусть россияне этот лист
 Себе цепляют – дива мало!
 Практически во всех них сидит
 централист
 Нам же, панове Не пристало!
 <...>
 Так приглядитесь же вы
 пристальной
 Гляньте, сколько централистов!
 Увидите вы их много
 Среди российских социалистов!
 <...>
 Под влиянием этих партий
 российских,
 До того дошли землячки:
 Национальных, говорят,
 притеснений
 Нету, и это все – «пустячки»
 Национальных, говорят, нету
 Интересов и вопроса
 Самого, таким образом, нету,
 Это не заслуживает и внимания!
 Но всем вам нужно угодить

Еще и полностью скрутиться
 калачом
 Кого-то чтобы не разгневать
 «Скрываемся московским
 кумачем»! <...>
 Да всем уже вороженькам милым
 Еще можно сказать одно:
 Напрасно! Не тратьте, кум, силы
 Пускайтесь первый вы на дно!
 Пусть живет Русь – Украина!
 От Карпат до Кавказа
 Пусть цветет родная страна
 Поборем силу мы вражу!!²²⁰

²²⁰ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1445. Л. 8а, 8б.

Стихотворение неизвестного авторства отчетливо иллюстрирует нам пример идеологии «Революционной украинской партии». Так, общероссийским партиям предъявляется обвинение в централизме, сами «россияне» в стихотворении названы централистами по своей природе. Земляки, не считающие, что существует национальные притеснения малороссийского народа, сформировали эту точку зрения под российским влиянием и объявляются врагами украинского народа. Таким образом, срыв торжественного мероприятия, посвященного установке памятника и памяти Котляревского, также можно во многом отнести к деятельности РУП в период 1900–1905 гг., на данное мероприятие украинское движение смогло мобилизовать большую часть своего актива.

Подобные мероприятия, а также в целом вдумчивое и глубокое рассмотрение деятельности украинских политических организаций на рубеже XIX – начала XX вв. заставляют нас закономерно поставить вопрос о численности участников Революционной украинской партии. Следует отметить, что по указанной проблеме в источниках имеются достаточно репрезентативные данные, которые позволяют подробным образом рассмотреть вопрос о численном составе партии. Так, за 1903 г. Департамент полиции провел активную работу по сбору данных о деятельности РУП. Были составлены три делопроизводства по деятельности РУП в трех городах, где численность и общественно-политическая работа представителей украинского движения разворачивалась наиболее активно: Киев, Харьков и Полтава.

Если, основываясь на данных Департамента полиции, проанализировать численный состав партии по трем основным центрам, то будет получаться, что Киевскому охранному отделению было известно о 37 членах РУП ²²¹ (безусловно, не исключено, что в действительности их было больше – В.Е.), в Харькове в РУП, по данным агентуры из самой партии, членов организации

²²¹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 3. Л. 15–16.

насчитывалось 71 человек²²², в Полтаве – 33 человека²²³. При этом имена и фамилии ключевых деятелей Революционной украинской партии, такие как Д.В. Антонович, Н.И. Михновский, Н.В. Порш повторяются несколько раз. Не менее интересен также социальный состав и род занятий членов данной рассматриваемой нами организации. Так, в Полтаве среди членов РУП мы видим преподавателя реального училища, курсисток и гимназисток, бывших и нынешних семинаристов и студентов, конторщиков и чиновников, четырех представителей дворянского сословия, трех почётных граждан города и всего одного крестьянина²²⁴. И это при том, что РУП позиционировала себя как партия труда, партия сельского и городского пролетариата. Среди харьковских членов Революционной украинской партии складывалась та же самая картина – студенты Харьковского университета, Харьковского технологического института и Харьковского ветеринарного института, учителя и домашние учительницы, инженеры, местные чиновники и слушательницы акушерских курсов²²⁵. На семьдесят одного члена партии в Харькове приходился всего один рабочий. Революционная украинская партия в Харькове практически полностью состояла из городской низовой интеллигенции. В Киеве картина иная – по-видимому, именно в Киевской губернии членам РУП удалось найти выходы на сельскую среду и поработать с представителями крестьянства. Так, по данным Киевского охранного отделения на 36 известных полиции членов РУП приходился 21 крестьянин, которые даются списками в рамках отдельных сёл (сёла Кривошеинцы, Цаповка, Саварки, Селезеновка), остальные – дворяне, студенты, мещане, дети священников²²⁶.

Итого в Революционной украинской партии по данным Департамента полиции состояли 139 человек по трем крупным губернским центрам (подсчёт, с учетом повторяющихся членов партии в списках – В.Е.), в двух из

²²² ГА РФ Ф. 102 Оп. 231 Д. 1555ч. 1. Л. 194–198.

²²³ Там же. Д. 1555 ч. 2. Л. 24–27.

²²⁴ Там же. Л. 24–27.

²²⁵ Там же. 1555ч. 1. Л. 194–198.

²²⁶ Там же. Д. 1555ч. 3. Л. 15–16.

которых находились университеты. В данное число входили все, кто находился в поле зрения агентуры, в том числе попадавшие под влияние представителей ядра РУП представители студенчества и крестьянства, которые к украинским громадам относились лишь косвенно, и по своей политической самоидентификации и характеру вклада на поле общественной практики, принадлежи к украинскому движению лишь отчасти. Если мы прибавим к этому равнодушных к украинскому движению в Петербурге и Москве, а также других малороссийских и новороссийских городах, то можно констатировать, что общее количество действующих членов, а также людей разных социальных категорий, задействованных в деятельности первой политической партии украинского движения на территории Российской империи, вряд ли превышало цифру в триста человек.

Об этом косвенно говорит делопроизводство Департамента полиции 1903 г. по поводу деятельности комитета РУП в Новороссии и на Кубани. Так, в руки сотрудников охранного отделения попала переписка между представителями РУП в Екатеринославле и в Екатеринодаре. В этой переписке представитель Революционной украинской партии в Екатеринодаре, некий П.Н. Мохер, жалуется в письме на отсутствие людей для проведения необходимой политической работы. Мероприятия по установлению личности и рода занятий членов кубанского комитета революционной украинской партии установили, что в составе организации украинского движения на Кубани находилось семь человек, из них – учителя, чиновники, владелец слесарной мастерской ²²⁷. Каких-либо активных действий комитет не предпринимал, ограничивался только распространением прокламации «До украинского рабочего люда». Представитель же Революционной украинской партии в Екатеринославле сетует в письме своему соратнику по украинскому движению на то, что в Николаеве в комитете РУП состоял всего один человек ²²⁸. Таким образом, мы видим, что среди части новороссийских

²²⁷ ГА РФ Ф. 102. Оп. 231 Д. 650. Л. 5.

²²⁸ Там же. Л. 27.

губерний украинское движение не имело какой-либо существенной поддержки.

Такую картину мы наблюдаем, если проанализируем списки, представленные Департаментом полиции. Однако это агентурные сведения, и как уже было отмечено, в которые были зачислены и записаны все, кто так или иначе был назван от лица доверенных осведомителей особого политического дела. В данный список подали и те, кто имел отношение к передаче брошюр, интересовался или сочувствовал идеям РУП, был близким к активным представителем партии, но не входил непосредственно в активное число эрупистов, то есть все те, кто мог находиться на периферии партийной деятельности, но не входил в число прямых непосредственных участников общепартийной жизни. Есть ли возможность сравнить эти данные с другими сведениями, приведенными из иных источников? Да, такая возможность имеется – на страницах своих «Воспоминаний с юношеских дней», видный член РУП и представитель украинского движения Юрий Коллард приводит полный список фамилий всего состава членов Революционной украинской партии (слово «всех» на страницах своей работы Коллард выделяет отдельно курсивом – В.Е.) с момента ее создания в феврале 1900 г. до ее ликвидации в декабре 1905 г.

В нашем исследовании мы, безусловно не будем приводить сам список фамилий, однако осветим конкретные числа, которые дает Ю. Коллард на страницах своих воспоминаний. Харьковская вольная громада – 14 человек, Киевская вольная громада – 22 человека, Полтавская вольная громада – 14 человек, Петербургская группа (Северный комитет) – 10 человек, Заграничный комитет – 10 человек, а также в составе провинциальных групп на Харьковщине (Люботин) еще 12 человек, На Полтавщине (Лубны, Кобеяки) – 11 человек, На Дону – 2 человека, в Причерноморье – 7 человек.²²⁹ Из данного списка шесть имен повторяются в двух категориях. Итого действительно количество человек, представляющих из себя действительное

²²⁹ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. Торонто, 1972. С 83–84.

организационное ядро партии, согласно Колларду – 82 человека. При том, что перечень городов и наименований был дан с гораздо большим охватом территорий чем в агентурных сведениях, приведённых Особым отделом Департамента полиции Российской империи, где значились только основные центры Киев, Полтава и Харьков. Если же учесть, что существовало еще несколько громад, попытаться составить таким образом среднее представление о численном составе представителей Революционной украинской партии на основании данных Департамента полиции и списков Юрия Колларда, то можно выделить, что общее число действительных реальных активных членов РУП включало количество порядка 100–120 человек, не более. Такова картина численности и социального состава Революционной украинской партии на момент наиболее активного периода деятельности данного объединения. Данные сведения по большому счету полностью подтверждают сделанные нами выводы на предшествующих этапах исследования.

Однако внутрипартийное противостояние в среде РУП между сторонниками дальнейшего все большего сближения с общероссийскими социал-демократическими партиями и членами организации, отстаивающими национальный вектор, все больше набирало обороты. Заграничный комитет РУП все более в своей работе начинал обособляться от местных ячеек и все более брал отчетливый курс на сближение с РСДРП. Среди числа лидеров Заграничного комитета на тот момент можно было назвать, помимо самого Д.В. Антоновича, также М. Русова и В. Винниченко. Также в число активных действующих членов Заграничного комитета входили Александр Скоропис-Йолтуховский («Г. Будяк», «Л. Галин»), Маркиан Меленевский («Басок», «Гилька»), Виктор Мазуренко («Карась»), Петр Канивец («Кавун») ²³⁰, Евгений Голицинский и его супруга Екатерина Голицынская. Фактически можно говорить о том, что комитет во Львов внес

²³⁰ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 25.

решающий вклад в процесс пересмотра идеологического наполнения и стратегии деятельности РУП в 1902–1904 гг. К 1904 г. данный конфликт между центральным заграничным и местными партийными органами охватил практически все партии, все украинофильские громады на местах, входившие в РУП, которые отозвались резко негативно по отношению к предложенной Заграничным комитетом сменой курса, предпочитая отдать свои политические симпатии в адрес «самостийников».

Так, О. Гермайзе в своей небольшой исторической статье, помещенной на страницах сборника «Жизнь и революция» в резкой полемической форме, отметит: «Но тут высывалась сложная и трудноразрешимая проблема понимания с другими пролетарскими на Украине организациями. У российских социал-демократов на Украине было много неверного предубеждения против украинской формы революционной работы. Украинство опираться может только на селянство, селянство отражает грязно-буржуазные тенденции, поэтому украинство во всех своих формах и проявлениях есть исключительно мелкобуржуазное и националистическое движение, через это никакого согласия с ними не может быть у проводников пролетариата. Я уже не говорю про то, что много из российских социал-демократов воспитаны на «общерусской» культуре, считали «вздорными», неуместными и смешными всяческие притязания, что ставили украинцы в сфере культурного возрождения украинства»²³¹. В. Дорошенко в своем очерке также отметит «На Украине большая часть нас, эрупистов, решительно не хотела идти под высокую руку РСДРП при ее неуважительном к нам отношении. Признавая корысть и потребность воссоединения всех революционных сил, мы сначала хотели выбиться сами в силу, с которой российская партия вынуждена была бы считаться уважительно, а не трактовала б с горы»²³².

²³¹ Гермайзе О. 25 ліття рев. Укр. Партії (РУП) // Життя й Революція. 1925. № 3. С. 23.

²³² Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 27

Заграничний комітет же при цьому продовжував йти все далі по шляху РСДРП, активно зав'язував контакти з її представниками, по більшій частині меншовистської фракції. К прикладу, активну роль по вистраиванню контактом між РУП і РСДРП зіграв Ю.М. Ларин. У Дорошенка читаємо «Во Львові, к слову в це время пробув тем летом известный російський ездек Ларин, который часто конфликтовал с нашими товарищами и имел на них большое влияние»²³³. Взаємна неприязнь тяготеючої к соціал-демократії групи і «самостійників» все більш нарастала, і, природно, була обоюдною. Мав місце і прямий відмова Заграничного комітету к печаті статей не відповідуючий загальної редакційної політиці видавництва: «Раз случилось, помню, что уже напечатанную статью Караса по случаю убийства Плеве изъяли из числа «Селянина» ... за есеризм!»²³⁴. Загальний напіт в партії досягав уже неопосередкованим способом своєї критическої точки.

Рано или поздно данные противоречия должны были найти свое прямое воплощение на практике, и процесс не заставил себя долго ждать. Так, В. Дорошенко отмечает: «На почве такого разногласия во взглядах должен был в конце концов наступить конфликт, особенно, потому что с обеих сторон встретились амбициозные единицы, которые не могли или не хотели прийти к общему согласию или найти общий компромисс. В таких случаях наступает завзятая борьба, которая ни оглядывается ни на что и целью которой бывает только майоризирование противника. Проводником «самостийников» являлся Николай Владимирович Порш (М. Чацкий или же Николай 1-й), который в это время становится на Украине душой нашего партийного движения. Это был разумный, амбициозный и решительный человек. В глазах товарищей Заграничного комитета выдавался он как проводник самостийников, подозрительным к социал-демократизму. Про него шли слухи, что он объехал все Вольные громады РУП с агитацией за принятие в программу партии точки

²³³ *Дорошенко В.* Револуційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 27.

²³⁴ Там же. С. 28

про самостоятельность Украины и что для эта точка будет платформой, на которой прошли выборы делегатов на съезд. Это создало нарядную атмосферу на съезде и довело до споров про «законность» и «правосильность» мандатов, а как следствие и до срыва самого съезда»²³⁵. Таким образом, все яснее и очевиднее тенденция шла к фракционному расколу РУП, который наступил в конце декабря 1904 г. Он повлек за собой создание еще одной партии украинского движения «Украинского социал-демократического союза» («Спилки»), фактически представляющей из себя часть представителей РУП, которые взяли курс уже на прямое объединение с РСДРП. «Спилка» открывала своей деятельностью новую страницу в истории украинского движения, которая была связана с развитием, с усилением позиций украинства в среде малороссийского крестьянства и рабочих, а также складывающейся борьбой между «Спилкой» и РУП (УСДРП) за влияние на них в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.

Осуществился сам же внутрипартийный раскол на несостоявшемся съезде РУП, который должен стать вторым съездом в истории партии. Однако сложившаяся тенденция к обособлению приняла уже необратимый характер, она закономерно определялась теми противоречиями, которые, на наш взгляд, уже имманентно являлись присущи украинскому национальному движению с самого начала периода его политической эволюции. Образовавшиеся положение дел было закономерным результатом столкновения двух противоречивых тенденций внутри украинского движения. Представление о том, что съезд станет не полем для созидательного диалога и конструктивных резолюций, а местом для ожесточенной внутрипартийной схватки присутствовало у обеих сторон. С этого момента на один из первых планов в политической истории украинского национального движения выйдут будущие основатели и руководители «Спилки» – такие деятели как Ю. Меленевский и А. Скоропис-Йолтуховский. В скором времени Скоропис-Йолтуховский и

²³⁵ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 27

Меленевский окажутся в числе ключевых фигур заграничного комитета Революционной украинской партии, когда летом 1903 г. во время нелегальной переброски партийной литературы Д. Антонович и В. Виниченко временно окажутся под арестом. К слову, скорее всего именно в обозначенный период на базе интенсивной общественно-политической работы Заграничного комитета «РУП» Скоропис-Йолтуховский и Меленевский выстроят друг с другом плотный контакт на почве партийно-политической работы, что, определит их совместные действия уже на момент Первой мировой войны, когда именно с подачи данных представителей украинского движения будет создана политическая организация под названием Союз освобождения Украины, ставящая своей целью организацию широкого народного восстания в Малороссии для дальнейшего создания подконтрольного Австро-Венгрии и Германии независимого украинского государства. О Меленевском и его социал-демократических симпатиях мы уже упоминали в контексте деятельности «Группы сельских работников социал-демократов Киевской губернии», именно ему будет принадлежать ключевая роль в постановке вопроса об объединении РУП и РСДРП на съезде, инициатива выхода из партии и дальнейшее основание «Спилки».

Дискуссии на съезде имели характер острых публичных прений, доходило до взаимных обвинений, как уже было отмечено выше, открыто был поставлен вопрос о легитимности съезда. Чем интенсивнее велись споры, тем более радикальней становился характер приведенной аргументации. Так, согласно свидетельству А. Риша на съезде Ю. Меленевский заявил: «Украинский пролетариат совершенно обрусел, и поэтому существование особой организации его не имеет никакого смысла»²³⁶ Как отмечал А. Скоропис-Йолтуховский «Сконсолидированность большинства на съезде вокруг тов. Чацкого и лишение нас возможности не только дискуссией, которая в таких случаях играет малую роль, но и числом голосов опротестовать

²³⁶ Риш А. Очерки по истории Украинской социал-демократической Спилки. Харьков, 1926. С. 14.

принятие пункта «самостийности» в программу партии, вынудило тов. Лозенко и меня отказаться от участия в съезде, а немного погодя вообще выйти на какое-то время из партии. На нашу мысль принятие этого пункта в корне подсекло бы дальнейшее развитие «РУП» в социал-демократическом направлении и сделало бы невозможным контакт не только с РСДРП, но, что тогда было важно для нас гораздо важнее, и с Бундом. Следствием съезда стал выход из партии и другой группы с товарищем Баском во главе, которая основала «Спилку»²³⁷.

Удивительно на первый взгляд то, что А. Скоропись-Йолтуховским на страницах статьи придает большую роль и значение выстраиванию контакта с Бундом, чем с представителями РСДРП. Казалось бы, в чем причина столь неоднозначной и оригинальной расстановки акцентов в заявлении? Каким образом взаимосвязь с Бундом оказалась гораздо приоритетнее для эруптистой «социал-демократии», если до этого весь предшествующий период содержание конфликта составляла дискуссия вокруг вопроса об объединении с общероссийской социал-демократией? Более того, к еврейскому вопросу у многих представителей украинских организаций, как известно, традиционно складывалось весьма неоднозначное отношение. Ключ к ответу в данном случае лежит в плоскости политической прагматики, заключающейся в остро стоящей проблематике борьбы за социальную базу движения. Дело в том, что местные Бундовские организации имели весьма значительное влияние на селе в малороссийских губерниях на период 1903-1905 гг. Данную особенность развития ситуации на земле подробно охарактеризует А. Риш в своих «Очерках по истории Украинской социал-демократической Спилки»: «Не только «искровские», но и бундовские группы в 1904 и к началу 1905 г. завязывают связи с селом и ведут работу среди крестьян. Смычка с селом диктовалась не только революционной целесообразностью, стремлением привлечь к борьбе и село, но и ростом самих

²³⁷ *Скоропис-Йолтуховський О. Соціал-демократичний рух в Сквирському і Васильківському повітах в 1906 р. // Наш Голос. 1911, 11-12. С. 36.*

организаций, расширявшимися связями и агитационными средствами. Такие примеры, как местечко Макарово, Киевской губ., где еврейской революционной организации удалось в 1905 году связаться с окрестным крестьянством и вызвать на селе довольно широкое движение, были далеко не редкостью. Украинские социал-демократы не могли строить своей организации исключительно на селе, игнорируя город, где их связи были ничтожны. Чтобы подойти к украинскому пролетариату, нужно было равняться по существующим социал-демократическим организациям»²³⁸. Крайне малочисленным, по существу, сторонникам объединения с российской социал-демократией жизненно важно было освоить весьма широко представленный ресурс бундовских организаций для своего интенсивного расширения и привлечения на свою сторону широких крестьянских слоев: «Не малую роль в росте Спилки сыграли и бундовские провинциальные организации. Они располагали большими сельскими связями, которые не в состоянии были использовать. С появлением «Спилки» эти связи были предоставлены ей, причем бундовские организации оказывали Спилке в ее сельской работе всяческое содействие»²³⁹. Поэтому вопрос о взаимодействии с Бундом с не меньшей долей ажиотажа обсуждался на съезде, чем о дальнейшем сближении с РСДРП.

Итогом прений и самого съезда стал выход из партии ряда активных сторонников сближения с социал-демократией. Как отмечает В. Дорошенко: «Группа Баска» – «Басок», «Кавун» и «Карась» – сразу вышла из РУП и основала независимую социал-демократическую организацию под названием «Украинская-социал-демократия»²⁴⁰. «Басок», наряду с «Гилькой» и «Масойловичем» являлись партийными кличками Юлиана Меленевского. Так называемая «группа Баска-Меленевского» собрала под свои знамена самых инициативных сторонников дальнейшей социалистической эволюции РУП. В

²³⁸ Рущ. А. Указ. соч. С. 14.

²³⁹ Там же. С. 15.

²⁴⁰ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 28.

состав группы помимо самого Ю. Меленевского также входили упомянутые выше Евгений Голицинский, Виктор Мазуренко, Михаил Ткаченко, Павел Крат. Нетрудно догадаться, что большая часть данных деятелей принадлежала именно ко львовскому Заграничному комитету РУП. Именно данные деятели встали у основания новой социал-демократической партии украинского движения. Показательным моментом при этом являлось принятое Д.В. Антоновичем и В.К. Винниченко решение остаться в составе РУП. В дальнейшем через год при трансформации на втором съезде Революционной украинской партии декабре 1905 г. в УСДРП пользуясь сложившимся в партии авторитетом, они вошли в состав Центрального комитета новой партийной структуры наряду с тем же Н.В. Поршем и С.В. Петлюрой. Это ситуация как нельзя лучше, с одной стороны, раскрывает эклектизм в мировоззрении, а также личностные и идейные метания Д.В. Антоновича, в то же время ярко демонстрируя как столь противоречивые колебания Антоновича как негласного лидера партии отразились в целом на судьбе РУП как таковой.

Возглавляя партию в социальном отношении по большей части состоящую из представителей интеллигенции, по преимуществу – выходцев из села, сам Д.В. Антонович как нельзя лучше представлял из себя характерный тип представителя данной партии – сын профессора Киевского университета, авторитет среди Харьковского студенчества, человек, жизнь которого протекала в постоянных докладах, партийных дискуссиях, издательстве брошюр, журналов, обсуждении программ, далекий в действительности от реального ручного труда, тем более действительной среды пролетариата, Дмитрий Антонович во многом формировался и являлся личностью производной от той сложной и противоречивой общественной среды украинского движения 1890-х гг. вобравшей в себя все многообразие общероссийской общественно-политической жизни. Поэтому, казалось бы, сложно объяснимые со стороны, совершенные в короткий промежуток буквально в пару лет резкие метания от радикального украинства «Самостийной Украины» до статей о несущественном характере

национального вопроса для украинского пролетариата, а затем последовавший отказ от объединения с общероссийской социал-демократией на деле сразу становится понятен. Соединение народнических, социал-демократических, либеральных требований с украинским национальным вопросом, желание сохранить собственную национально-федералистскую повестку и идти в ногу с современными течениями общественно-политической мысли занимали головы интеллигентов-укаинофилов со времен активной общественно-политической деятельности М.П. Драгоманова в 70–80-е гг. XIX в. Поэтому зачастую громкие заявления об окончательном переходе на социал-демократическую платформу не у всех представителей украинского движения сходились воедино с делами, с действительной текущей общественно-исторической практикой. И как только пришел час, когда вопрос был поставлен ребром о том, часть деятелей, ратующих за обновление в сторону социал-демократии, в том числе Д.В. Антонович, наглядно показали, что несмотря на весь публично подчеркнутый внешний пафос социалистических лозунгов, «национальные питанья» все-таки играет для них первостепенную задачу. В каком-то смысле это будет свойственно многим деятелям, к примеру фигуре В.К. Винниченко.

По итогу раскол партии в декабре 1904 г. стал заключительной вехой начальной стадии развития партии и подытожил собой первую часть развития истории политических организаций украинского движения в Российской империи в начале XX в, когда произошло становление системы украинских нелегальных партий. В оставшийся период до начала Первой русской революции 1905–1907 гг. история Революционной украинской партии обозначится еще одним небольшим эпизодом внутрипартийной дискуссии, которая вновь для нас проявит выраженную неустойчивость и эклектизм воззрений эрупистов, приведя к перестановкам в среде руководящего состава партии.

Речь идет о дискуссии в отношении роли «национального вопроса» в партийной программе, инициированной Д.В. Антоновичем и Н.В. Поршем на

страницах эруптистского печатного органа «Праця» (Труд). В 1905 г. на страницах «Праци» (предполагалось, что издание будет направлено на рабочую аудиторию – В.Е.) Д.В. Антонович еще раз наглядно подтвердил свою репутацию политического эклектика, и буквально через несколько месяцев после острого конфликта на съезде, где сам Д.В. Антонович встал на сторону «самостийников», «лидер партии» опубликовал в 11 номере издания статью «Несуществующий вопрос», в результате чего он сразу же получил в ответ крайне негативную реакцию, которая привела к ниспровержению его авторитета среди эруптистов. Очевидным образом видно, что и само название данной статьи уже носит провокативный характер. «Несуществующим вопросом» в контексте целей и задач программной тактики «эруптистов» мог быть назван только вопрос национальный. Так, в тексте «Несуществующего вопроса», в которой объявил о том, что национального вопроса не существует, потому он был придуман буржуазией для того, чтобы поступиться к работникам, обобрать их и закрыть перед их глазами непроходимый провал в классовых интересах, и что для пролетариев национального вопроса не существует, в том числе не существует его и для РУП»²⁴¹.

Данная статья уже вызвала неоднозначные оценки со стороны ведущего числа эруптистов. На этом «Муха» не останавливается и идет еще дальше и на страницах следующего 12 номера «Праци» в 1905 г. публикует дальнейшее продолжение к еще первой статье под названием «Еще про несуществующий вопрос». Поставив во главу угла критическое отношение к буржуазной государственности и принципу реализации национальной политики в государстве данного типа, Антонович поставил под сомнение вообще дальнейшую целесообразность самой постановки вопроса о создании национальной автономии или отдельного украинского государства: «конечной целью любого «национального» движения и единственным способом радикально развязать «национальный» вопрос будет объединение нации в отдельной политической державе и полное политическое увольнение либо –

²⁴¹ Войнилович С. Неіснуюче питання // Праця. 1905. Ч. 11. С. 2–5.

самостийна національна держава. Исходить из этой точки зрения, не признавая несуществования национального вопроса, это значит блуждать и в конце концов обязательно заблудиться в паллиативах, а наиболее частым из этих паллиативов мы встречаем развязывание национального вопроса в смысле национальной автономии или национальной федерации»²⁴². Саму же возможность построения отдельного украинского национального государства Д.В. Антонович рассматривает как утопическую: «Самостоятельная украинская республика от Карпатских гор до гор Кавказских гор, хотя бы потому что это было бы утопично для наших времен»²⁴³. Далее негласным лидером РУП происходит смещение акцентов по одному из ключевых программных вопросов украинофилов – необходимости всеми видами деятельности и силами способствовать построению отдельной украинской нации.

Саму нацию, Д.В. Антонович, естественным образом трактуя процесс образования нации в русле марксистского подхода, рассматривает как продукт общественно-экономических отношений буржуазного общества, характерный лишь для определенного капиталистического этапа развития общества, дальнейшее развитие украинской народности общественно-политический деятель представляет как часть единого процесса дальнейшего перехода к пролетарскому интернационализму по мере роста числа и перехода власти в руки украинского пролетариата: «само создание украинской нации не может иметь для пролетариата значения, потому что знаменовало бы собой лишь скрепление украинской буржуазии»²⁴⁴. В соответствии с приведенной выше трактовкой понимания нации Д.В. Антоновичем ставится вопрос и о целесообразности необходимости отстаивания и борьбы за украинское национальное государство, вернее, о необходимости постановки данного тезиса во главу угла практической программы партии: «украинский

²⁴² Войнилович С. Ще про неіснуюче питання // Праця. 1905. Ч. 12. С. 4.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

пролетариат не зависит от того, будет создана украинская нация или нет, или появиться украинская буржуазия или нет. Само создание украинской нации для пролетариата значение иметь не может, потому что оно будет знаменовать собой только замену буржуазии от одной стадии к другой, именно от создания до укрепления. В этой другой форме буржуазии тем больше необходима будет помощь пролетариату и с тем большей энергией она будет выдвигать свой буржуазный национальный вопрос. Тогда и она, эта новая буржуазия в лице своих радикальнейших членов напишет на своем флаге единую, самостоятельную неподдельную украинскую республику»²⁴⁵.

Таким образом, было объявлено, что отдельная самостоятельная украинская государственность – это далеко не конечная цель украинского движения, а всего лишь промежуточный этап, более того, далеко не несущий строго неотменяемого характера, а необходимый лишь в качестве средства для ускорения и приближения перехода к социалистическому строю, поэтому в какой-то момент времени само украинское национальное государство должно стать тормозящим элементом дальнейшего развития пролетариата. Поэтому в данных условиях самым действующим и эффективным способом борьбы за достойное будущее, которое может себе обеспечить украинский пролетариат, согласно самому тексту статьи Д.В. Антоновича – это «бороться с выдуманным национальным вопросом, рассеивать напущенный им туман»²⁴⁶. Любопытно отметить, что данные строки напишет человек, который еще пять лет тому инициировал написание Н.И. Михновским «Самостийной Украины», а также принятие ее в качестве основного программного документа РУП, при этом также всячески способствуя утверждению роли Н.И. Михновского в качестве главного идеолога партии. Но и его мнение, как оказалось, не соответствовало общему вектору устремлений и чаяний большинства членов Революционной украинской партии, ценностные политические установки которых имели совершенно иной характер. Социал-демократические

²⁴⁵ Войнилович С. Ще про неіснуюче питання // Праця. 1905. Ч. 12. С. 5

²⁴⁶ Там же.

программные воззрения, борьба за участь рабочего класса, пролетарская солидарность были востребованы и широко разделялась в кругу представителей украинского национального движения начала XX в. ровно до того момента, где они начинали противоречить требованиям автономии, федерализма, создания отдельной украинской национальной государственности. Внутри ценностно-мировоззренческой системы представителей украинских партий и иных организаций существовала вполне конкретная система приоритетов, и как только была предложена попытка выстроить эту систему в ином векторе, сразу же практически безальтернативно было указано на то, что пересмотр первостепенности национальных и федеральных требований ни коим образом не допустим. Сразу же начинают предприниматься ответные шаги и происходят значительные изменения в руководящем составе «Революционной украинской партии».

Так, уже на страницах следующего номера в ч. 13–14 «Праці» в статье под названием «Еще раз про "несуществующий вопрос"» выступил видный партийный деятель, впоследствии в годы Гражданской войны известный уже в качестве посла УНР в Германии Николай Порш. Порш содержанием своей статьи как раз отражал общий настрой большинства представителей Революционной украинской партии, в первую очередь осуществляющих свою практическую деятельность «на земле», непосредственно в Малороссии, и весьма критически относящихся к «чрезмерному» увлечению социал-демократической идеологией со стороны заграничного комитета, персонализированной в лице Д.В. Антоновича и отражённой в его статье. Н.В. Порш подверг резкой критике положения Антоновича, стараясь при этом не отказываться от идейных положений социал-демократии как таковой. Так, Порш отмечает, стараясь ссылаться на авторитет Каутского, что и для пролетариата национальный вопрос имеет такое же большое значение, так что когда автономия не может этого вопроса решить, то пролетариат должен сам взять дело в свои руки и принять в свою программу постулат о политической

самостоятельности Украины»²⁴⁷. Далее в статье «Еще раз про "несуществующий вопрос"» значилось, что «никчемные мысли» Антоновича про безразличие пролетариата к национальному вопросу расходятся с сутью социал-демократической науки»²⁴⁸, и также отстаивал борьбу пролетариата с денационализацией.

Одной критикой программы Антоновича Н.В. Порш не ограничивается и стремится предложить альтернативный вариант дальнейшей программной политической эволюции партии. На страницах этого же номера Николай Васильевич публикует новый «Проект программы Революционной украинской партии», где видный партийный деятель пытается балансировать между политическим «самостийничеством» и социалистическими воззрениями. Так, вместо зафиксированного еще на страницах «Самостийной Украины» тезиса о политической самостоятельности выдвигается требование создания национальной автономии для Украины. Николай Порш на страницах своей программы представляет ее как «автономию Украины с отдельным представительством собранием (сеймом), которому принадлежит право законодательства в тех внутренних делах, что касаются только народа, которые проживают на территории Украины»²⁴⁹. В конце текста статьи новый негласный лидер и теоретик РУП прогнозирует, что после создания национальной автономии, в скором времени естественным образом выяснится, что национальная автономия не способна решить национального вопроса, и тогда «пролетариат должен принять в свою программу постулат политической самостоятельности»²⁵⁰.

Таким образом, перед нами раскрывается и контекст принятия проекта нового программного документа Революционной украинской партии – фактически он являлся ничем иным, как первым шагом к реализации на практике политической линии, заложенной в оппонирующей «ревизионизму»

²⁴⁷ Порш М. З приводу «неіснуючого питання» // Праця. 1904. Ч. 13–14. С. 2.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Там же.

Антоновича статье. Н.В. Порш не собирался в действительности «урезать» стратегическую программную линию «эрупистов» исключительно до требования национальной автономии – для него, как и для большинства украинофилов автономия казалась лишь наиболее приемлемым временным паллиативом. В условиях общественно-политической жизни России начала 1905 г. и того весьма скромного положения, занимаемого в ней украинскими политическими и культурными организациями, данная программа в действительности выглядела гораздо более реально, чем призывы к созданию независимого украинского государства, справедливо подвергнутые критикой Д.В. Антоновичем за утопизм. Не случайно именно в данный период с началом Первой русской революции 1905-1907 гг. именно требование создания национальной автономии будет выдвинуто на первый план всеми украинскими национальными объединениями и отдельными представителями украинского движения, стремящимися актуализовать украинский вопрос на легальном поле общественно-политической жизни России.

Таким образом, возвращаясь обратно к годам предреволюционным, мы отчетливо наблюдаем, что попытка окончательной трансформации Революционной украинской партии в партию социал-демократическую наткнулась на банальное неприятие со стороны большинства. Естественным образом, очевидным становится и то, что именно Н.В. Порш в 1900 г. с момента своих критических замечаний в адрес «Несуществующего вопроса», а также публикации нового проекта программы становится ведущим теоретиком Революционной украинской партии, именно его представления о текущем развитии партии и предложения оптимальных дальнейших путей развития украинского движения в конкретных складывающихся исторических условиях оказываются наиболее привлекательными для большинства украинофилов – рядовых членов партии. Вскоре проект программы Н.В. Порша и его требования стали официальными требованиями партии²⁵¹.

²⁵¹ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 39.

Именно проект программы Н.В. Порша лег в основу программных резолюций УСДРП, принятых при реорганизации партии в январе 1905 г. Как отметит В. Дорошенко на страницах своего очерка: «Дискуссия по национальному вопросу была наиинтереснейшим проявлением партийной жизни в последующем периоде РУП, но она была собственно только поднята, но не доведена до желанного конца – объединения всех членов партии на этом пункте. Другие спорные вопросы, как земельное и др. даже не были затронуты. Позднее эта невыясненность до конца общих вопросов так отразилась на истории партии новыми замешательствами, но «выяснять», дискутировать не было времени. Шла лихорадочная борьба с царизмом, которая требовала великого напряжения всех партийных сил и оставляла время на разговоры. 13–14 число «Праци» было уже последним ее числом. Заграничная работа спадала и к октябрьской революции совсем прекратилась, потому что все эмигранты вернулись на Украину»²⁵².

Таким образом, второй «несостоявшийся» съезд РУП становится во многом финальной точкой первого этапа развития Революционной украинской партии, которая впоследствии начинает уже совершенно новый дальнейший путь с началом Первой русской революции 1905–1907 гг. и реорганизации объединения в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). От «Самостийной Украины» постепенно все ближе к событиям Первой русской революции 1905–1907 гг. под веянием эпохи члены партии начинают постепенно стремиться к тому, чтобы утвердить себя на общественном поле в качестве социал-демократического объединения, представляющего интересы украинского пролетариата. Это привело к первому серьезному конфликту в партии и выходу из ее состава наиболее радикальных деятелей во главе с Н.И. Михновским и созданию Украинской Народной партии (УНП). При этом на определенном этапе, когда был затронут дальнейший вопрос об объединении с РСДРП при сохранении автономных,

²⁵²Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 39.

начал, большая часть представителей РУП отказалась поступиться своими национально-политическими убеждениями, убрать из программной повестки партии требования «национального вопроса» и федерализм, выступив против взаимной интеграции. Поэтому на данном, как и последующем этапе развития для программно-политических установок партии была во многом характерна мировоззренческая эклектика. По итогу противоречия привели к еще одному крупному расколу, который повлек за собой создание Украинского социал-демократического союза («Спилки»). Тем не менее, за данный период партийному ядру РУП удалось сплотить вокруг большую часть представителей украинских студенческих громад, активно развить агитационно-пропагандистскую работу на селе, широко поставить дело печати и распространения прокламаций, принять участие организации крестьянских восстаний на Полтавщине, а также в ряде публичных политических акций, как, к примеру, же рассмотренная нами выше провокация на открытии памятка И.П. Котляревскому в Полтаве в 1903 г.

Почему же за самый активный свой период общественно-политической работы представители Революционной украинской партии так и не смогли добиться выстраивания стержневой политической линии, почему среди членов партии практически на каждом новом витке мы наблюдаем постоянные метания, откалывания на том или ином пути формирования собственных нелегальных партий самых различных векторов и направлений, дробление и постоянные расколы? Представляется, что дело состоит не только в том, что в основе социального состава партии лежал слой выходцев малороссийской сельской и городской разночинной интеллигенции, бывшего студенчества, который в целом всегда характеризовался постоянными внутренними метаниями и сложным поиском идейной основы. Не до конца раскрывающим суть проблематики нам представляется также объяснение, в основе которого лежит рассмотрение украинского движения как явления производного от общероссийского общественно-политического движения, с его складывающимися сложностями, противоречиями и острым общественно-

политическом противостоянии в период начала XX в. Во многом данная зависимость действительно имела место, однако действительное объяснение на наш взгляд кроется в еще более глубокой проблематике. Так, крайне убедительными нам представляются размышления, изложенные на страницах брошюры О. Гермайзе «25-летие революционной украинской партии (Р.У.П.)»: «Украинское революционное движение поскольку оно появилось в новейшее время, оборачивается в своей теории и практике вокруг села и селянства как социальной и политической силы. Этим объясняются неуверенные метания проводников украинского движения, широкий диапазон политических симпатий и невыдержанность политической линии. Этим в большой мере можно объяснить и постоянные распады, расколы украинских политических группировок, что в селе или вокруг села не находили прочной социальной базы для своей политической работы и все время проходя дорогу ошибок и ценных достижений»²⁵³.

Данные размышления представляются нам крайне ценными, так как они действительно подчеркивают важнейшую корреляцию в системе взаимоотношений между представителями украинофильской интеллигенции и ее основной социальной базы в виде части представителей малороссийского крестьянства, складывающую основу пусть и весьма немногочисленной по отношению к общему числу крестьян Малороссии, но, тем не менее существующей и постепенно возрастающей социальной группы сторонников украинского движения вне среды представителей интеллигенции. Таким образом, опора на сельские слои как основную социальную силу движения предопределила специфику общественно-политического воззрения и программ представителей украинских организаций, и это действительно объясняет ту легкость перехода и те постоянные метания, в ходе которых украинофилы совершали переход от одной системы и от одной политической программы к другой, но при этом сохраняли преемственность в сфере национального вопроса, который продолжал оставаться центральным звеном

²⁵³ Гермайзе О. Указ. соч. С. 24.

их политической программы на каждом новом витке, он же был особенно важен для определенной агрессивной части малороссийского крестьянства, являющейся прямым носителем националистического мировосприятия.

1.4. Складывание системы политических партий украинского национального движения накануне Первой русской революции

Создание Украинского социал-демократического союза осуществилось не сразу. Требовалось время, для того чтобы пройти путь от выхода группы «Баска» из РУП в декабре 1904 г. до окончательного оформления в единую партийную структуру. Так, изначально Ю. Меленевским и группой единомышленников была создана организация под названием «Украинская социал-демократия». Через некоторое время в руки «Украинской социал-демократии» перешла та самая типография Заграничного комитета во Львове, еще недавно издававшая такие журналы как «Праця» и «Селянин». «Украинская социал-демократия» как отдельная автономная организация просуществовала короткое время и кроме как изданием 12 января 1905 г. брошюры под названием «Раскол революционной украинской партии» за существенным отметиться не успела. В соответствии с представлениями ее участников о дальнейшей политической эволюции РУП, объединение оказалось лишь переходной инстанцией для обеспечения дальнейшего вхождения организации в состав Российской социал-демократической партии. Начался интенсивный запуск переговорного процесса, направленного на объединение с РСДРП, который, естественно, согласно замыслу инициаторов, должен был осуществиться на началах автономии. Этому способствовала уже наработанная в годы существования Заграничного комитета РУП широкая сеть контактов с меньшевиками.

Так, помимо уже упомянутого вклада Ю. Ларина сами представители «Украинской социал-демократии» также активно осуществляли агитационно-пропагандистскую деятельность в среде пролетариата – Ю. Меленевский проводил работу в Рыбинске, Виктор Мазуренко и Григорий Долженко в других социал-демократических организациях ²⁵⁴. Поэтому на момент инициирования переговорного процесса о создании новой организации серьезных трудностей у отколовшейся группы он не вызвал. Переговоры

²⁵⁴Риш А. Указ. соч. С. 15.

велись сначала непосредственно от лица Львовского комитета, затем через посредника в лице известного меньшевика В.Н. Крохмалю. Безусловно, интеграция будущей партии происходила по линии меньшевистской фракции, какие-то контакты, по-видимому, имелись у группы «Баска» и с ликвидаторами, а также непосредственно с Л.Д. Троцким²⁵⁵. «Украинская социал-демократия», таким образом инициировала присоединение своей организации на правах отдельного устава к РСДРП, выступая в качестве автономной национальной организации, получившей название «Украинская социал-демократическая Спилка (Союз)».

Ориентировочная дата создания «Спилки» приходится на январь 1905 г. К этому же периоду относится выход первого номера печатного органа партии – журнала «Правда» во Львове в 1905. Вопрос о принятии «Спилки» на правах отдельной автономии был утверждён на общероссийской конференции РСДРП с принятием отдельного устава, состоявшего из шести пунктов, содержание которого определяло условия вхождения и область деятельности «Спилки» в рамках общепартийной структуры. Пункты устава определяли Украинский социал-демократический союз как составную часть РСДРП основным функционалом которого являлась организация пролетариата на украинском языке, предоставление всех прав «Спилке» полагающихся для союзов комитетов РСДРП²⁵⁶. В отношении организации партийной работы Украинского социал-демократического союза вводилась своеобразная комбинированная модель – там, где комитетов РСДРП не имелось, местные ячейки приобретали полную самостоятельность в собственных действиях, а где комитеты РСДРП на местах присутствовали, к ним присоединялись ячейки «Спилки» на правах автономии в вопросах внутренней агитации, определения содержания пропаганды и агитации входили в их состав. Местные организации в своей деятельности замыкали на Центральный комитет партии, в который избирались кандидаты от каждой местной громады, что было

²⁵⁵ Рини А. Указ. соч. С. 16.

²⁵⁶ Там же. С. 26.

зафиксировано на страницах четвёртого пункта устава. При составе ЦК партии формировалась литературная комиссия, нахождение которой допускалось и за границей. Фактически речь шла в действительности о бывшей типографии «РУП» во Львове, на базе которой была организована издательская деятельность «Спилки». На страницах пятого пункта «Устава» закреплялось право комитета пользоваться правом организации иметь специальные технические группы. В шестом пункте было оговорено, что «Спилка» имела право высылать своих представителей на общепартийный съезд, количество голосов при этом определялось отдельно по соглашению с Центральным комитетом РСДРП²⁵⁷. Таким образом, объединение «Спилки» с РСДРП было оформлено окончательно и настал час непосредственного воплощения партийных установок Украинского социал-демократического Союза на поле практической общественно-политической работы.

Ячейки РСДРП должны были обеспечить новоиспечённому «Социал-демократическому Союзу» прямой доступ к непосредственному контакту с городскими рабочими организациями центральных городов Малороссии и Новороссии, а, в свою очередь «Бунд» – к широким сельским слоям. На две указанные социальные группы такие партии как РСДРП и Бунд бесспорно оказывали немалое влияние в Юго-Западном крае: «Крупные городские промышленные центры находятся под исключительным влиянием РСДРП. В провинциальных городах и местечках влияние на рабочих и ремесленников. распределяется также между социал-демократическими организациями и Бундом»²⁵⁸. Объединяясь и заключая совместные взаимные договоренности между собой, «Спилка» получала, таким образом, доступ к колоссальному ресурсу для украинизации населения, которого при своих весьма скудных возможностях в дальнейшем партия могла бы достичь при задействовании колоссального напряжения сил, временных затрат и энергии. На уровне теории и с точки зрения партийной тактики данный шаг был абсолютно логичным,

²⁵⁷ Рини А. Указ. соч. С. 16.

²⁵⁸ Там же. С. 14.

действительно весьма удачно продуманным ходом. Однако на деле все, естественно, зависело от его дальнейшей практической реализации, и упиралось в традиционный фактор незаинтересованности большей части представителей малороссийского крестьянства в украинском национальном вопросе, взятом отдельно от разрешения социальных и аграрных проблем села.

В это время параллельно с процессом официального оформления «Спилки» происходит интеграция в состав ядра партии идеологически близких по содержанию отдельных представителей интеллигенции и мелких групп, не вошедших в состав группы «Баска», но имеющих схожие общие цели и задачи. Так через неделю после сорванной попытки созыва второго съезда партии из Центрального комитета партии выходят Александр Скоропис-Йолтуховский и Евгений Лозенко. Поводом стал спор о том, кому после открыто конфликта на съезде будет принадлежать библиотека, партийный архив и склад литературы организации Заграничного комитета. И если типографию Революционной украинской партии группе «Баска» успешно удалось взять под свой контроль, то остальные составные слагаемые деятельности Заграничного комитета эрупистам удалось успешно отстоять. Естественно, что в данном случае группа Меленевского представляла собой более большую и организованную силу, чем отдельная разовая инициатива пусть даже имеющих весомый авторитет в партии Лозенко и Скоропис-Йолтуховского. Осознав это достаточно быстро, данные общественно-политические деятели во многом ограничились в рамках своей индивидуальной траектории тем, что издали специальное «Заявление» под лозунгом «Пролетарии руповских организаций соединяйтесь»²⁵⁹. Для программных требований «Заявления» объединений была характерна резкая критика в адрес «самостийничества» и публичное подчеркивание своей принадлежности к украинскому пролетариату. После этого, не предприняв

²⁵⁹ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 39.

более никаких активных действий Лозенко и Скоропись-Йолтуховский в скором времени вошли в состав «Спилки». Пополнилась партия также «драгомановцами». Сначала ко Львовской группе Меленевского присоединился П.Л. Тучапский, затем уже после официального оформления «Спилки» и переноса центра деятельности партии уже в Россию Григорий Долженко («Грицько»), муж и жена Еремеевы, которые в это время занимались пропагандой среди крестьян в поволжском районе²⁶⁰. К тому времени «драгомановцы» являлись уже уходящим явлением в силу определенного анахронизма воззрений характерных для данного общественно-политического направления. Последовательное отстаивание «драгомановцами» представлений об украинской культуре как составной части общерусской культуры резко отталкивало новое поколение представителей украинского национального движения от них.

Крайнюю волну возмущения в среде украинского движения вызвали слова П.Л. Тучапского «Поскольку Украина живет культурной жизнью, она живет жизнью русской. Пока украинская культура не существует, я не считаю возможным видеть какую-нибудь выгоду от уничтожения национального гнета на Украине»²⁶¹. «Спилка» со своими общероссийскими притязаниями оказалась прекрасной площадкой для интеграции П.Л. Тучапского и его единомышленников, и придания нового импульса для их общественно-политической деятельности. Благодаря своему авторитету в «Спилке» Тучапский занимает лидирующие позиции, возглавляя редакцию «Правды» – центрального печатного органа Украинского социал-демократического Союза. По общему же итогу, результатом успешной организационной деятельности Меленевского, а также умелому выстраиванию межпартийных контактов членами «группы Баска» на первом этапе своей деятельности после выхода из партии бывшим эрупистским «социал-демократам» удалось достаточно успешно склонить на свою сторону отдельные разрозненные силы

²⁶⁰ Рини А. Указ. соч. С. 15.

²⁶¹ Там же.

представителей украинского национального движения, в наибольшей степени тяготевающие к социализму и успешно выстроить из них то самое организационное ядро «Спилки».

Однако стремление полностью отказаться от борьбы за построение украинской нации не входило в планы украинофилов социал-демократического крыла. Так, отстаивая свои взгляды уже в 1911 г. на страницах «Нашего голоса» Скоропись-Йолтуховский напишет: «Волноваться о том, будет ли украинская как пролетарско-сельская, и так и сельско-демократическая масса национальной или нет, не приходится. Главное, чтобы она будет политически и социально просвещённой, а украинской она не может не быть»²⁶².

Единственной политической партией украинского движения на территории Российской империи, процесс возникновения которой в русской общественной жизни не был связан напрямую с деятельностью Революционной украинской партии и олицетворявшая собой, таким образом, отдельную независимую линию политического развития, являлась созданная в 1904 г. Украинская демократическая партия (УДП). Процесс возникновения и оформления данной партии непосредственным образом был связан с деятельностью такой организации как Всеукраинская беспартийная демократическая организация (ВУБДО). Украинская демократическая партия и ее деятельность, таким образом, представляла собой уже давно намечившийся закономерный шаг, который в целях дальнейшей политической эволюции должны были совершить представители «Старой громады» уже достаточно давно, принимая во внимание, что молодое поколение студентов-украинофилов уже далеко вырвалось вперед в отношении конкретных политических шагов на поле общественной практики. Представителям старшего поколения украинского национального движения необходимо было дать ответ на прямой вызов, который был брошен им открыто со стороны

²⁶² *Скоропис-Йолтуховський О. Соціал-демократичний рух в Сквирському і Васильківському повітах в 1906 р. С. 36.*

младшего поколения представителей украинских организаций, включавший в себя обвинения крайне негативного содержания, вплоть до обвинения в откровенном предательстве и отказе от борьбы за украинский национально-политический идеал. Самые дальновидные представители «просветительского» поколения прекрасно осознавали опасность такого размежевания, поэтому уже в 1897 г. видными украинофилами Владимиром Бонифатьевичем Антоновичем и Александром Яковлевичем Конисским и была создана ВУБДО, которая ставила перед собой цель объединить разрозненные силы украинского движения под эгидой единой организации. В особенности стояла необходимость привлечь на свою сторону стремительно радикализирующуюся молодежь.

К необходимости создания такой организации Владимира Антоновича и Александра Конисского активно подталкивало параллельная стремительная активизация украинского движения в Галиции, к чему сами Антонович и Конисский приложили немало усилий. Оба видных украинофила еще в 80–90-е гг. XIX в. организовали ряд поездок в Галицию с целью установления контактов с местными представителями украинского движения, которые после разгрома Австрией галицийских русофилов начинают играть в Восточной Галиции все большую роль. Анализируя опыт роста украинского движения в Галиции, представители «Старой громады» все более убеждались в необходимости создания организационной политической структуры. Видели В.Б. Антонович и А.Я. Конисский также острую необходимость и в объединении с украинским движением Галиции. Сами же члены украинских организаций Галиции очень высоко ценили научно-просветительскую и общественно-политическую деятельность Антоновича и Конисского. Так, В.Б. Антонович в своих письмах, доступ к которым располагает исследователь В. Ульяновский, вспоминал: «Огоновский сказал очень торжественную речь, в течение которой я неимоверно смутился и затем ответил такою же торжественною речью ex prompto, которая сошла не хуже. Дело в том, что они оказались депутацией общества «Просвита», которое меня

почтило выбором в почетные члены; затем Лавровский (секретарь общества) преподнес мне диплом на звание почетного члена в роскошном переплете и издания общества за текущий год, в числе которых я узрел с недоумением календарь, в коем изображен мой собственный портрет в середине меж портретом Основьяненко и Хмельницкого»²⁶³. На следующий день Владимира Антоновича посетила делегация от «Товарищества имени Шевченко» – Целевич, Гладилович, Дидощак, которые «вновь с речью преподнесли новый диплом на звание почетного члена - опять пришлось отвечать экспроментированной речью»²⁶⁴. Галиция зачастую обращалась за идейным содержанием к малороссийской украинофильской интеллигенции и в идеологическом отношении в большей степени ориентировалась на представителей малороссийского украинского движения, вбирая идеологическое наполнение от них.

Тем не менее малороссийские украинофилы при занимаемом идейном первенстве отчетливо видели выраженную свою слабость в организационном отношении на фоне уже значительно превосходящих их к тому времени по своим возможностям галичанам, где уже в 90-х гг. XIX в. активно создавались первые политические партии и существовали крупные научно-просветительские организации, такие как товарищество «Просвита» и «Научное общество имени Тараса Шевченко». В.Б. Антонович увидел, что необходимость создания ВУБДО диктовалось именно объективным нарастанием противоречий и комплексом факторов, толкающих малочисленное украинское движение к консолидации сил на общественно-политическом поле. ВУБДО формировалась как из представителей «Старой громады», так и молодежи, готовой сотрудничать с «культурниками». По большей части организация занималась культурно-просветительской работой, однако уже к 1904 г. внутри Всеукраинской беспартийной демократической

²⁶³ *Ульяновський В.* Син України (Володимир Антонович: громадяни, учений, людина) // Антонович В. Б. Моя сповідь Вибрані історичні та публіцистичні твори. К., 1995. С. 30.

²⁶⁴ Там же.

организации наметились процессы, которые вели к дальнейшему перерастанию деятельности объединения в политическую партию, завершившуюся созданием в этом же году Украинской демократической партии.

Сам процесс создания партии, отражавшей бы более умеренную политическую линию старшего поколения украинофилов, был инициирован гораздо раньше. Выступление с подобной инициативой лишь отчасти было продиктовано наличием объективного понимания изменений тенденций общественно-исторического развития со стороны «культурников», по большому за счет само создание партии они рассматривали не столько как конкретную насущную политическую необходимость сегодняшнего и завтрашнего дня, сколько исключительно тактический вопрос, связанный с необходимостью удержать в организации под своим началом немногочисленную молодежь, которая еще не желала противопоставлять себя старшему поколению, однако постепенно начинала наращивать внутри своей среды недовольство аморфностью и пассивностью «культурничества». Естественным образом, молодежь оглядываясь при этом на ту бурную общественно-политическую деятельность, что разворачивалась под началом Революционной украинской партии.

Прямым свидетельством того, что для старшего поколения это была во многом вынужденная необходимость, служит то, каким образом вообще складывался процесс создания Украинской демократической партии и то, к каким результатам на общественно-политическом поле он привел. Так, означенный выше проект программы 1903 г. был напечатан на листах папиросной бумаги и разослан по основным местным громадам, входящим в состав ВУБДО для предварительного обсуждения. Основу проекта программы составили два основных пункта, включавшие в себя два основных политических требования. Первое – необходимость провозглашения автономии Украины и других национальных частей России. Второе – необходимость широкого внедрения украинского языка во всех школах, судах,

а также административном делопроизводстве. Как видно, на страницах текста программы была предложена стандартная программа-минимум требований украинского национального движения периода рубежа XIX–XX в.: призыв к созданию украинской национальной автономии, украинизация образования и местного государственного делопроизводства путем повсеместного внедрения украинского языка²⁶⁵ — все эти положения не являлись каким-то новаторством или чем-то новым по отношению к тому, что озвучивала в своих программных документах практически каждая политическая украинская организация начиная с 90-х гг. XIX в. Однако сразу бросается в глаза явное отсутствие каких-бы то ни было социально-экономических требований. По всей видимости, представители старшего поколения украинского национального движения, еще очень сильно тяготеющие к культурничеству, еще крайне нерешительно относились к идее открытого выхода на арену политической борьбы, явно не стремясь в актуализации социально-экономических вопросов на страницах своего программного текста, стремясь по-прежнему к синтезу мировоззренческих установок старшего поколения украинствующей интеллигенции и кипучего активного молодежного крыла. Закономерно, что это сразу же вызвало ответную реакцию молодежи ВУБДО. Тезисы данного проекта программы сразу же инициировали выход из ВУБДО И.М. Стешенко, который заявил, что, если в текст программы не войдут социально-экономические вопросы, то его группа покинет организацию²⁶⁶.

Критика положений программы осуществлялась и с противоположной стороны сторонников «культурно-просветительской» линии в ВУБДО. В целях необходимости разрешения разногласий и принятия окончательного решения об утверждении программы и дальнейшего создания партии в 1903 г. был инициирован съезд ВУБДО в Киеве. Прения на Киевском съезде оказались крайне горячими, часть культурников, были просто банально

²⁶⁵ Касьянов Г.В. Українська інтелігенція на рубежі XIX–XX ст.: Соціально-політичний портрет. К., С. 51.

²⁶⁶ Там же.

испуганы политическими требованиями. Наконец, решение о принятии программы, включавшей в себя политическую компоненту с боем и активными прениями, было утверждено. Однако вопрос о создании партии было принято отложить до следующего съезда. Дискуссия на тему создания партии вызвала еще большее количество вопросов и несогласий самого различного характера. Активно шла дискуссия о названии будущей партии, были предложены следующие варианты: «национально-демократическая», «украинская национальная», «демократическая» и «радикальная»²⁶⁷. Общего мнения у членов ВУБДО так и не сложилось. Для дальнейшего рассмотрения проекта о создании партии предложено было созвать новый состав Рады, состоящий из молодых участников Всеукраинской беспартийной демократической организации. В состав новой Рады вошли Б.Д. Гринченко, Е.А. Квасницкий, С.А. Ефремов, М.П. Левицкий, В.М. Чеховский и Е.Х. Чикаленко²⁶⁸.

Новому составу Рады успешно удалось довести до конца дело с подготовкой проекта новой партии, и на следующем съезде ВУБДО осенью 1904 г. был одобрен вариант с незначительным большинством голосов новой партии, получившей название Украинской Демократической партии (УДП). Однако в результате максимально лаконичный итоговый вариант программы, который изначально был призван сгладить все острые углы между разными направлениями и течениями не устроил ни одну из сторон и вызвал острую критику с обоих направлений. Представители старшего поколения украинского движения искренне считали, что чисто организационная смена внешней формы от старой «беспартийной» к новому партийному облику удовлетворит чаяния молодежи и поумерит их тягу к открытой радикальной политической борьбе за украинский национальный проект, а в остальном сам формат общественно-политической работы организации не изменится и ожидаемо будет проходить по старому сценарию.

²⁶⁷ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 52.

²⁶⁸ Чмырь С.Г. Радикальные демократы. С.154.

Сама программа действительно не отличалась детальностью и проработанностью. Так, согласно программе, Украинская демократическая партия выступала за утверждение федеративного строя в России, основанного на этническо-территориальном принципе, децентрализации страны; прямой, всеобщей выборности на основе тайной подачи голосов; двухпалатном парламентском строе, состоящим из палаты народных представителей и федеральной палаты представителей от автономных частей державы (по равному числу представителей от каждой автономной части), парламент должен был заведовать вопросами войны и мира, федеральным бюджетом, внешними взаимоотношениями с другими державами, заключением политических союзов и торговых договоров²⁶⁹. Таким образом, политическим идеалом УНП провозглашалась парламентская республика с федеративным устройством с весьма широкими полномочиями отдельных национальных автономий. Далее шла конкретизация требований в отношении непосредственно украинской национальной автономии – в рамках данной автономии должен был быть учрежден представительный законодательный орган «Украинская Народная Рада» (сейм), также обладающий широкими полномочиями в рамках автономии и исполнительными органами власти при ней, провозглашалась также широкая автономия местных громад, официально провозглашаемыми органами самоуправления.

Таким образом, фактически представителями украинского движения были обрисованы контуры того соответствующего их представлениям политического идеала, при котором вся полнота власти в регионе оказывалась бы в руках самих представителей украинской интеллигенции – «народных представителей» «Украинской народной рады», лидерами Громадской жизни и деятельности, очевидным образом оказывались бы именно они. Далее «для всего населения Украины» провозглашался и декларировался общий набор либерально-демократических требований, включавший признание равных

²⁶⁹ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття, Тернопіль, 1991. С. 54.

прав для всех национальностей, свободы совести и вероисповедания, свободы собраний, сходок и союзов, обучения, уничтожения сословий и привилегий, а также отделение церкви от государства²⁷⁰. Таким образом, для национальной Украинской автономии были провозглашены либерально-демократические требования. Экономический же блок программы был представлен весьма скудно, и включал в себя закономерным образом возникший пункт, содержащий требование о концентрации всей финансовой и экономической политики на территории автономии в руках «Украинской народной рады», положение о постепенном выкупе всех земель у владельцев края, а также изъятии казенных и церковных земель для передачи их в собственность местным громадам, для последующей их сдачи в аренду отдельным людям или организациям, сдача на таких же условиях в аренду заводов, фабрик с целью обеспечения мест трудящихся, введения детально разработанного фабричного законодательства²⁷¹.

Таким образом под идею концентрации власти в украинской автономии в руках представителей украинского движения была подведена и соответствующая экономическая база. Тем не менее, экономическая часть программы и политические требования также оказались весьма далеки от социально-политической действительности Российской империи николаевской эпохи. Совершенно непонятно, какими средствами, методами, способами и посредством какого ресурса небольшая группа украинствующей интеллигенции должна была воплотить в жизнь данный проект по созданию парламентской республики с широкими правами украинской национальной автономии. В свою очередь молодежь организации резко негативно отнеслась к созданию партии столь умеренной и «беззубой» в своих политических требованиях. Со стороны молодого поколения высказывалась критика в адрес того, что партия столь нерадикальная в своих программных установках

²⁷⁰ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. С. 54.

²⁷¹ Там же. С.557.

является недееспособной²⁷². Практически сразу же это привело к оформлению уже давно назревшего раскола организации. Старшее поколение стремительно теряло контроль над молодежью, при этом зачастую даже не отдавая себе в этом отчет и стремясь сознательно идти на усугубление конфликта. Так, Старая Киевская громада, а также Петербургская и Одесская громада отказались платить членские взносы в центральную кассу и отправлять своих делегатов на съезд²⁷³. Представители старшего поколения украинского движения явно стремились интегрировать молодую поросль только на своих условиях. В свою очередь молодежь, осознав всю бесперспективность дальнейшего диалога, подняв на щит знамя драгомановских идей, заявило о своем выходе из партии и заявило об основании новой партии, которое было принято решение назвать «Украинской радикальной партией» («УРП»).

Среди тех представителей молодого поколения украинствующей интеллигенции, чьи фигуры лежали у основания Украинской радикальной партии следует назвать Б.Д. Гринченко, С.А. Ефремова, М.П. Левицкого, В.М. Чеховского, Ф.П. Матушевского. Процесс оформления партии занял временной период с конца 1904 по осень 1905 года²⁷⁴. Любопытно, что в числе тех молодых общественно-политических деятелей, кто публично вышел из состава Украинской демократической партии в том числе были и те, кто непосредственно принимал участие в разработке и создании ее программы. Очевидно, что в таком случае поводом стало не столько непосредственное содержание финальной части программы, сколько то, что в итоге оказалось за ее рамками – многие политические и социально-экономические пункты программы по всей видимости были отклонены старшим составом ВУБДО еще на стадии обсуждения и разработки, что безусловно оттолкнуло молодых украинофилов, настроив их резко негативно как по отношению к основательно урезанному варианту составленного ими проекта программы.

²⁷² Чикаленко Є.Х. Спогади. Ч. 3, Львів, 1926. С. 7–8.

²⁷³ Чмырь С.Г. Радикальные демократы. С.155.

²⁷⁴ Там же.

Дальнейшие события действительно не заставили себя долго ждать, и программа уже новообразованной партии явным образом отразила стремление бывших представителей молодого крыла ВУБДО–УДП включить в нее все пункты, не вошедшие в предшествующий вариант. Содержание программы Украинской радикальной партии по большей части являлось отражением мировоззрения молодых представителей украинского национального движения, в среде которых не были популярны социал-демократические настроения и редко можно было встретить проявления какого-либо интереса к марксизму и его идеям, при этом данная группа представителей украинского движения не являлась настолько радикальной в своих представлениях об украинском вопросе, чтобы перейти «под крыло» УНП и принять радикальную программу Н.И. Михновского. С.А. Ефремов, к примеру, впоследствии давал следующую характеристику Украинской национальной партии на страницах своей брошюры «Из общественной жизни на Украине»: «УНП встала на почву самого крайнего... откровенного шовинизма, под видом интересов трудящихся масс проповедующего необузданное человеконенавистничество, раздувая отвратительный огонь национальной вражды»²⁷⁵, а Ф.П. Матушевский на страницах «Литературно-научного вестника» отмечал, что УНП на Украине никогда не считали партией «серьезной и солидной»²⁷⁶. В сущности, эта была молодежь, тяготеющая к более умеренным и легальным формам борьбы за украинский национально-политический проект, по крайней мере, стремящаяся реализовать его не в столь отъявленных формах как это предлагали УНП или РУП.

Программа Украинской радикальной партии, безусловно, была гораздо более проработана чем программа Украинской демократической партии. В ряде моментов имела со своей предшественницей частичное сходство, по крайней мере видно, что за основу программного документа УРП были взяты положения программы УДП, однако их содержание было значительно

²⁷⁵ Ефремов С.А. Из общественной жизни на Украине, М., 1916. С. 45.

²⁷⁶ Матушевський Ф. 3 українського життя, ЛНВ, 1907, кн. 7.

переработано и дополнено – это, в первую очередь касалось весьма значительное расширение прав и вопросов, находящихся в ведении украинской национальной автономии. Хотя и принята данная программа была уже непосредственно в годы Первой русской революции, привести и проанализировать ее содержание в данном случае мы считаем необходимым именно в данной главе, так как в противном случае будет значительным образом утеряно целостное представление о процессе становления и начального этапа деятельности таких организаций как УДП и УРП, формирование которых происходило в прямом конфликте друг другом, и, в свою очередь, рассмотрение деятельности которых по отдельности приведет лишь к фрагментарному пониманию общего процесса эволюции украинских национально-политических партий на период начала XX в.

Преамбула программы была посвящена описанию тягот, выпавших на долю судьбы украинского народа в Российской империи эпохи правления Николая II – по мнению участников УДП к основному спектру проблем относились трудности положения безземельных и малоземельных крестьян, фабричных и заводских рабочих, отсутствие доступа к образованию, отсутствие политических прав и полицейско-жандармский произвол. Отмечалось, что «Сегодняшнее положение украинского народа настолько тяжелое, как еще не бывало никогда»²⁷⁷. Сразу, естественным образом бросается в глаза выраженный акцент на национальной ориентации, следующий рефреном на протяжении всего текста представленной программы. Исключительное внимание концентрируется на тяжелом положении украинского народа, в то время как о положении остальных народов Российской империи на страницах программы УРП не приводится ни слова. В то же время, как уже отмечалось нами выше, социально-экономические условия жизни малороссийского крестьянина во многих отношениях оказывались гораздо более благоприятными, чем у крестьянина

²⁷⁷ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку XX століття. С. 56.

великорусского. Следует, однако отметить, что существенной критике на страницах программы УРП подвергается и государственное устройство Австро-Венгрии, в его отношении члены украинской радикальной партии не строили себе никаких иллюзий и совсем не идеализировали себе положение Галицких русин, а также положение малороссов на Буковине: «Такая жизнь нашего народа в России; когда же со взгляда политического и культурного части этого народа в Австро-Венгрии немного лучше, то со взгляда экономического может и еще хуже, чем в бесправной московской державе»²⁷⁸.

Однако само по себе решение социально-экономических проблем для представителей радикальной партии не столь важно, оно необходимо представителям радикальной партии лишь как средство для того, чтобы убедить читателя в наличии национального угнетения и несправедливости по отношению к «недержавному народу». Основная цель Украинской радикальной партии – не взять на себя задачу по борьбе за лучшую жизнь крестьянства и пролетариата в Малороссии, заключалась задача эта совершенно в другом – начать политическую борьбу за создание и процветание украинской нации: «Не легче наше положение и как нации: мы поделены между тремя державами, наше национальное имя как народа и края тоже официально настоящее «...» на Буковине и Венгрии маленькая часть нашего народа едва дышит: в России наш язык везде запрещен, нас стремятся денационализировать с наибессовестнейшей жестокостью, и мы не имеем здесь ни одной национальной институции. «...» Понятное дело, что в предыдущих словах мы говорили по большей части про работу на Украине российской, потому то ей, как наиболее бесправной части нашей земли необходимо помогать в первую очередь: она же не имеет даже таких прав как Галичина или Буковина! «...» Партия уверена, что осуществить все ее социальные идеалы можно будет только при полной политической самостоятельности украинского народа и неограниченном праве его решать

²⁷⁸ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. С. 56.

самому все во всех делах, которые его касаются. Завоевать такое положение будет нашей целью»²⁷⁹. Социально-экономическая программа для УРП была лишь необходимым условием борьбы за возможность получения рычагов для достижения политической автономизации украинской нации. Наиболее оптимальным путем для достижения данной цели УРП, вслед за УДП, да и по большому счету всеми остальными политическими партиями, считает создание национальной автономии: «Этими вольностями обеспечены права единицы, но должны быть обеспечены еще и права единицы коллективной – нации, народности. Поэтому каждая национальность, из которых теперь складывается Россия, должна теперь иметь автономию на своей территории с отдельной областной представительной радой, которой принадлежит право издавать и упорядочивать законы во всех делах в границах данной территории»²⁸⁰.

Как мы видим, в данном случае модель национальной автономии была практически полностью взята у УДП без каких-либо существенных добавлений, кроме единственного – согласно программе Украинской радикальной партии, «Народная Рада» должна выработать собственную областную конституцию, которую не может ни отменить, ни отклонить общегосударственный парламент. Конституция давала широкое самоуправление местным сельским и городским громадам, которые также наделялись правом объединения в округа с созданием в них отдельного окружного сейма.

Таким образом, тенденция к децентрализации и передачи политического управления на местах в руки украинских громад еще более усилилась в программном варианте УРП. Также и гораздо более радикальные преобразования предполагалось провести в отношении армии – ее предполагалось упразднить, а вместо нее ввести орган народной милиции,

²⁷⁹ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. С. 57.

²⁸⁰ Там же.

вопросы же мира и войны предполагалось передать в ведение института народных избранников, то есть фактически отнести ее в ведение Народной Рады. В отношении же образования также должна была проводиться его полная украинизация, включавшая полный перевод образования, в том числе процесса проведения экзаменов на украинский язык²⁸¹.

Комплекс социально-экономических требований в программе УРП, как уже упоминалось выше, был существенно расширен, включая в себя достаточно подробную программу преобразований в отношении аграрного и рабочего вопроса, которая никаким образом не смогла бы попасть на страницы программы «Украинской демократической партии», что, по существу отражало основную причину разногласий между двумя поколениями ВУБДО. Так, в основе расширенного проекта социально-экономических требований УРП решение аграрных проблем в крае должно было прийти за счет изъятия большей части земельного фонда, в которую включались казённые, удельные, монастырские, церковные и бесхозные земли переходила в собственность автономии, откуда в свою очередь данная земля распределялась бы в качестве наделов для малоземельных и безземельных крестьян.

Также в собственной автономии и ее представительного органа – «Народной Рады», должны были войти фабрики и предприятия на территории, входящей в состав автономии, леса и воды, желательно также было за счет бюджета автономии выкупить большую часть помещичьих земель и вообще всего частного землевладения в пользу того же земельного фонда, установив запрет на приобретение земли в частную собственность больше положенной нормы²⁸². Столь широкий объем как политических, так и экономических проблем, находящийся в введении украинской автономии и ее представительного органа в лице Народной рады, когда фактически вся экономическая собственность находилась в ведении автономии, а на

²⁸¹ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. С. 60.

²⁸² Там же.

политическом уровне осуществлялась разработка и утверждение Конституции, осуществление принятия решений о войне и мире, а также предполагалось наличие собственного областного силового военно-полицейского органа в виде народной милиции, обуславливал то, что проект политической украинской автономии в варианте, предложенном Украинской радикальной партии фактически представлял из себя протогосударство, пребывающее в составе общероссийского государства весьма условно, во многом даже в некоем варианте конфедеративного союза, где до создания отдельного украинского независимого государства уже был оставался один весьма небольшой шаг. Так как Малороссия являлась преимущественно аграрным краем, и в своей общественно-политической деятельности представители украинствующей интеллигенции стремились опереться на крестьянство, УРП в своей программе также вводила широкий комплекс предложений, образующий целую крайне развитию систему поддержки и развития всего крестьянского хозяйства, в том числе не только безземельного и малоимущего.

Данный перечень преобразований крайне показателен, так как он напрямую отражает то характерное свойство украинского движения как стремление отразить в ходе своей общественно-политической деятельности интересы крестьянских слоев. Социально-экономический блок программы Украинской радикальной партии с его комплексом мер по поддержке малороссийского крестьянства как нельзя лучше отражает нам данный сущностный аспект украинских организаций. Так, к комплексу мер, отражающих насущное желание представителей украинствующей интеллигенции поддержать малороссийского крестьянина-собственника, относилось разделение общинной земли между отдельными крестьянами-собственниками, упразднение выкупных платежей, перемежевание земли за счет средств для уничтожения чересполосицы, покрытие дорожных и других натуральных отчислений за счет средств автономии, введение качественно поставленной системы хозяйственно-земледельческого образования, а также

введение широко развитой системы арендного посессионного права, позволяющего регламентировать, а также осуществить необходимую помощь и посредничество во взаимоотношениях между хозяином земли и ее арендаторами. В конце перечня требований шло заверение о том, что все послабления в сфере рабочего законодательства, отраженные в тексте финальной части программы, распространяются также в равной степени и на сельскохозяйственных наемных рабочих.

Таким образом, в сущности, своей стержневая часть всего программного документа Украинской радикальной партии представляла собой систему социально-экономических преобразований, лежащую всецело в плоскости интересов малороссийского крестьянина. Не было бы другой социальной группы, кроме, пожалуй, самих представителей интеллигенции, образующих ядро украинского движения, для которой данная программа столь органично бы вписывалась в их жизненные нужды и жизненный уклад. Малороссийский крестьянин, хуторской собственник, таким образом, олицетворял собой фундамент социальной ткани, низовую опору, на которой должна была быть выстроена будущая отдельная самостоятельная украинская нация.

Программа УРП еще раз показательно демонстрирует, что малороссийское село, таким образом, неизменно оставалось той основополагающей социальной силой, на которую стремилась опереться большая часть представителей всех украинских нелегальных политических партий. УНП, УРП, УДП в своей общественно-политической практике базировались и стремились отталкиваться не только от собственных идеализированных представлений о нуждах крестьянства, но и от конкретных практических запросов малороссийского крестьянства, РУП (УСДРП), будучи ориентированной в программных своих положениях на рабочие слои, в действительности тем не менее в первую очередь вела взаимодействие с сельскими организациями и неиндустриальными рабочей силой в лице сельского пролетариата и ремесленных городских рабочих, также все еще в достаточно большой степени связанных с селом. «Спилка» сможет же также

достичь большого авторитета и политического веса среди социал-демократических организаций в Малороссии в первую очередь благодаря своей широко развернутой агитационно-пропагандистской работе на селе. Все это на концептуальном уровне и с точки зрения партийной тактики вполне логично и вполне закономерно вписывается в дальнейшую эволюцию украинского движения и постепенный отход от популярности социал-демократических настроений в его среде – представителям украинствующей интеллигенции все более становилось понятно, что борьба за интересы и нужды русифицированных по большей части индустриальных городских рабочих органически чужда для украинского движения и не даст желаемых результатов на преимущественно аграрной территории.

Однако влияние общероссийской общественно-политической жизни из украинского движения никуда убрать не получится, и достаточно умеренная по сравнению с такими партиями как УНП или РУП, Украинская радикальная партия тем не менее не смогла обойти стороной рабочий вопрос, который был освящен в финальной части программы. Украинская радикальная партия провозглашала борьбу за достижение 8-часового рабочего дня, запрета труда на предприятиях для детей младше 14 лет, страхования рабочих от старости, инвалидности, несчастных случаев за счет средств автономии, бесплатной врачебной помощи за счет владельца предприятия и прочие многие льготы²⁸³. Таким образом, Украинская радикальная партия представляла из себя организацию, которая своей программой и общественно-политической деятельностью олицетворяла собой умеренно-националистический вектор в украинском движении, стремящийся соединить отстаивание идеи отдельной украинской национальной идентичности и борьбу за построение украинской нации с прогрессивно-демократическими идеологическими элементами. «Радикальной» данная партия была по отношению к предшествующему старшему поколению культурников, к ВУБДО и УДП. По отношению же, к

²⁸³ Самостійна Україна. Збірник програм українських політичних партій початку ХХ століття. С. 61.

примеру, к Украинской национальной партии политическая линия УРП была весьма умеренной. С.Г. Чмырь отмечает, что современники находили некоторые черты сходства программы УДП с российскими кадетами, а в свою очередь программы УРП – с народными социалистами²⁸⁴. Однако при всех разногласиях партии тем не менее в гораздо большей степени имели схожие черты между собой, что, в свою очередь вполне закономерно, так как эволюция обеих партий планомерно вытекала из истории развития такой организации как ВУБДО.

Становление данных организаций шло в постоянном преодолении взаимных противоречий, и стало итогом так и не решенного конфликта между двумя поколениями сторонников украинской национальной идеи, каждое из которых не смогло найти общее поле для соприкосновения двух разных по своему характеру моделей дальнейшего развития украинского движения. Однако это будет далеко не конец, а только отдельный эпизод их дальнейших взаимоотношений, новым этапом станет Первая русская революция 1905–1907 гг., которая заставит обе партии объединиться уже в совершенно новом качестве в лице объединенной партии под названием Украинская демократическая радикальная партия (УДРП). Тем не менее, несмотря на объединение данное противоречие никуда не уйдет – оно представляется гораздо более сложным и фундаментальным, чтобы оно могло совершенно спокойным образом нивелироваться по прошествии некоторого времени лишь по причине необходимости тактического сближения в условиях разобщенности сил в революционные годы.

Таким образом, период 1903–1905 гг. стал определяющей во всей истории развития партийно-политической жизни украинского национального движения. Обоюдное движение навстречу всех оппозиционных элементов РУП, выступающих за сближение с общероссийскими социал-демократическими силами в лице группы Ю. Меленевского, А. Скоропись-Йолтуховского, «драгомановцев» во главе с П. Тучапским вполне

²⁸⁴ Чмырь С.Г. Радикальные демократы. С.155.

последовательно и закономерно привело к созданию «Украинского социал-демократического союза» («Спилки»), вошедшего в состав РСДРП отдельная автономная часть партии со своим уставом, к ведению работы которого должна была относиться работа в среде украинского пролетариата. Реализация данного шага предоставила в руки представителей «Украинского социал-демократического союза» широкие возможности для расширения собственной социальной базы, с помощью привлечения ресурса местных ячеек РСДРП и «Бунда», имевших достаточно сильные позиции в среде крестьян и рабочих в малороссийских губерниях, что сразу же существенно повышало авторитет и возможности «Спилки» в сравнении с другими партиями украинского движения, во многом обеспечив дальнейший стремительный рост организации в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. За счет объединения с РСДРП «Спилка» качественным образом вырывалась вперед по отношению к другим политическим партиям украинского движения.

К периоду 1903-1905 гг. также будет относиться рождение другого, чуждого социал-демократическим идеям направления в истории партийного развития украинского движения, отраженного в реорганизации такой координирующей структуры как Всеукраинская беспартийная организация в Украинскую демократическую партию, и последующего создания отколовшихся от нее крылом молодых представителей движения Украинской радикальной партии. В отношении программных положений линия УДП предполагала в первую очередь легальное представительство и публичные культурно-просветительские формы борьбы, в то время как программа УРП была близка к воззрениям социал-революционеров и предполагала широкий социально-экономический блок, проводимый в интересах малороссийского крестьянина.

Подводя общий итог деятельности украинского движения на новом этапе его развития в период с 90-х гг. XIX в. до начала событий Первой русской революции 1905–1907 гг., следует отметить, что данная стадия, в

первую очередь, характеризовалась резким отрицанием со стороны молодых представителей движения украинского предшествующего этапа культурно-просветительской работы и активной политизацией новых форм молодежным объединений украинского движения, в которых напрямую начинает ставиться вопросы о автономизации территории, языка, вооруженных формах борьбы за достижений национально-политических требований. Активно начинается процесс создания нелегальных партий и ряда конспиративных политических объединений украинского движения, аналогичных которым на предшествующем этапе исторического развития, кроме единственного исключения в лице Кирилло-Мефодиевского общества, мы больше не встречаем.

Период рубежа XIX–XX вв. стал не просто эпохой организационного оформления большинства ключевых политических объединений начала XX в., он предстал временен идейного, программно-политического становления украинского национализма, который с этого периода становится одним из весьма значимых феноменов русской общественно-политической жизни. В силу своего формирования, укорененности и связи с сельской средой Малороссии, программные требования украинских политических партий во многом олицетворяли и отстаивали социально-экономические потребности малороссийского крестьянина, которые в свою очередь во многом определялись особенностями и характером крестьянского труда в Малороссии, выраженного в преобладании индивидуальной хуторской собственности над общинной и соответствующих вытекающих из этого социально-психологических особенностей развития.

Само же украинское движение на период рубежа XIX–XX в. в подавляющем своём большинстве состояло из представителей местной интеллигенции, как правило являвшихся выходцами категорий населения, связанных с селом, которые были в состоянии обеспечить своим детям доступ к образованию — священников, помещиков, обеспеченных хуторских собственников. Дальнейший процесс «политического воспитания» и

формирования мировоззрения представителей украинского движения, а также складывания украинских организаций осуществлялся на базе образовательных учреждений Малороссии, где ведущая роль, безусловно принадлежала Киевскому и Харьковскому университетам. Общий генезис всех украинских политических партий рубежа XIX–XX в. так или иначе был связан с украинскими студенческими громадами.

В становлении системы украинских нелегальных политических объединений и партий наметились сразу две отчетливые тенденции. Первая отражала складывание идейно-политической базы украинского национализма, процесс становления и развития украинского политического национализма радикального толка, и нашла свое наиболее отчетливое воплощение в истории общественно-политической деятельности таких организаций как «Братство тарасовцев», «Харьковская украинская студенческая громада», а также Революционной украинской партии в особенности в ранний период ее становления в эпоху торжества программных положений «Самостийной Украины». Другой же гранью процесса партийно-политического становления украинских организаций на территории Российской империи являлся процесс роста популярности социал-демократических настроений в среде украинского движения. Это происходило как на фоне возникновения пролетариата в Малороссии и связанных с ним процессов пролетаризации села, так и на фоне активного распространения социал-демократических идей в стенах Киевского и Харьковского университета, усваиваемых представителями украинского движения как под влиянием русской, так и польской общественно-политической мысли.

Центральную роль в истории партийно-политического развития украинского национального движения играла Революционная украинская партия. Именно деятельность данной партии во многом стала своеобразной «кузницей кадров» для большей части ключевых общественно-политических деятелей всей последующей истории развития украинского движения начала XX в. В период 1900–1905 г. внутри ожесточенных прений и внутрипартийных

конфликтов РУП будут зарождаться те ключевые магистральные линии дальнейшего политического развития украинского движения, которые после ряда внутривнутрипартийных расколов положат начало деятельности новых партий украинского движения – Украинской Народной партии, отражающей линию «Самостийной Украины» и сторонников наиболее радикальных «самостийнических» политических проектов, выразителем которых стал Н.И. Михновский, а также Украинского социал-демократического союза («Спилки»), который олицетворял своей деятельностью тенденцию на сближение с РСДРП. За данный период партийному ядру РУП также во многом удалось сплотить вокруг себя большую часть представителей украинских студенческих громад, активно развивать агитационно-пропагандистскую работу на селе, широко поставить дело печати и распространения прокламаций, принять участие в организации крестьянских восстаний на Полтавщине. Огромную роль в объединении разрозненных громад сыграют Д.В. Антонович и Н.В. Порш, ставшие за данный период негласными лидерами в партии. Внутривнутрипартийная борьба за лидерство по итогу окончится победой и занятием лидирующих позиций Н.В. Поршем, эклектизм и частые идейные метания Д.В. Антоновича в свою очередь приведут к потере его авторитета в партийной среде РУП. В дальнейшем под руководством Н.В. Порша, олицетворявшего своей фигурой умеренную национально-автономистскую линию, партия произведет свою окончательную политическую трансформацию, реорганизовавшись в декабре 1905 г. из Революционной украинской партии в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП).

Глава 2. Украинские национальные организации Российской империи в 1905–1907 гг.

2.1. Украинское национальное движение и вопрос об отмене стеснений малороссийской печати в годы революции.

Первая русская революция 1905–1907 гг. всколыхнула общественно-политическую жизнь России. Различные партии, общественно-политические движения, объединения, бурно развернули свою деятельность в годы переломных событий. Не оставались в стороне от политической жизни России и украинские организации. Одним из ключевых для украинского движения в период революционных событий стал вопрос о снятии ограничений с малороссийской печати. О несправедливости данных ограничений представители украинского движения на официальном и неофициальном поле высказывались с поражающим рвением. М.С. Грушевский называл ограничения малороссийской печати «одним из самых гнусных по замыслу актов гнета», который «должен был привезти украинскую народность в небытие, к которому она была предназначена»²⁸⁵. Представительница украинского движения С. Русова называла данные ограничения «вопиющей несправедливостью, убивающей духовное развитие 26-миллионного народа»²⁸⁶. Но так ли складывалась ситуация в действительности, и что нам показало дальнейшее развитие общественно-политического и исторического процесса после отмены ограничений малороссийской печати?

Предыстория наложения ограничений на малороссийскую печать не является предметом нашего рассмотрения в диссертации, однако для дальнейшего понимания сути общественно-политических процессов, складывающихся вокруг вопроса об отмене малороссийской печати, краткое рассмотрение предыстории и причин их принятия становится неизбежным условием исследования. Вне данного контекста наше понимание событий, произошедших в период Первой русской революции 1905–1907 гг., будет

²⁸⁵ Грушевский М.С. Освобождение России и украинский вопрос: статьи заметки. СПб., 1907. С. 113.

²⁸⁶ Об отмене малороссийского печатного слова. СПб, 1905. С. 52.

затруднительно. Издание как Валувеского циркуляра 1863 г., так и Эмского указа 1876 г. сопровождалось резкой предшествующей активизацией украинофильского движения. Так, Валувеский циркуляр 1863 г. во многом оказался реакцией властей на активную деятельность бывших членов Кирилло-Мефодиевского общества, после амнистии сконцентрировавших свою деятельность вокруг журнала «Основа». Такие представители украинского движения как Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш, П. Житецкий на страницах журнала высказывали мнения о существовании двух русских народностей – великоросской и южнорусской, обсуждали психологические и антропологические особенности малороссийского народа и свойства его языка, размышляли о федеративном политическом начале древней Руси и т.д. Таким образом, в журнале активно распространялись идеи федерализма, отдельной от центральной России южнорусской идентичности и языка, культуры и психологии, закладывая в общественном мнении России мысль о наличии отдельного украинского народа (к этому времени данный термин в значении этнонима уже употреблял главный редактор «Основы» В.М. Белозерский), поэтому совсем не удивительно появление Валувеского циркуляра в качестве ответа властей на данный рост и активизацию украинофильского движения. Практически идентичная ситуация происходит и с Эмским указом 1876 г., который был ответом на бурно развернувшуюся деятельность нового поколения украинофилов, представителей «Старой Киевской громады» – М.П. Драгоманова, В.Б. Антоновича, П.П. Чубинского и др., вокруг созданного в 1872 г. Киевского отделения Русского географического общества. Таким образом, вопрос об ограничениях печати на малороссийском языке изначально имел актуальный политический контекст, и не подразумевал собой запрет на волеизъявление культуры и языка отдельной национальности, как это ошибочно транслировалось представителями украинского движения.

Тезис о национально-политической автономии Украины в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. являлся ключевым программным пунктом,

«альфой и омегой» всех общественно-политических партий и объединений украинского национального движения. Впервые возникающее на страницах первых программных проектов неформальных студенческих объединений украинского движения, затем уже помещенное в основу политико-программных требований РУП, УРП, УДП, требование национально-политической автономии наконец-то получает хотя бы небольшую возможность обрести свое действительное практическое воплощение, по крайней мере, как это представляли себе сами представители украинского движения. Борьба за осуществление данного политического проекта станет ключевым императивом всей легальной борьбы представителей украинских общественно-политических партий и объединений.

Безусловно также, сообразно всей предшествующей традиции украинского политического федерализма от Н.И. Костомарова до М.П. Драгоманова, для представителей украинских организаций начала XX в. требование политического федерализма станет единственной возможной формой, выступающей в качестве удобной ширмы для того, чтобы под прикрытием требований федерализма осуществить дальнейший переход к требованиям реальной политической самостоятельности. Украинская национальная автономия в условиях федеративного государственного устройства территории Российской империи – наиболее оптимальный проект, рассматриваемый как ступенька, заветный переход к качественно новой цели. Об этом М.С. Грушевский на страницах своих публицистических статей в революционные годы напишет напрямую: «Полная самостоятельность и независимость являются последовательным и логическим завершением запросов национального развития и самоопределения всякой народности, занимающей определенную территорию, и обладающей достаточными задатками и энергией для развития»²⁸⁷.

С самого начала Первой русской революции 1905–1907 гг. непосредственную острую актуальность приобрел вопрос о снятии

²⁸⁷ *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос: статьи заметки. С. 88–89.

ограничений с употребления малороссийского наречия в печати. Прямое отношение к снятию запретов на использование малороссийского языка в печати имел председатель кабинета министров С.Ю. Витте. Составление и подведение научного обоснования для признания должного статуса малороссийского наречия в качестве языка было поручено Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, и непосредственным поводом к осуществлению снятия данных запретов, как не странно, послужила инициатива со стороны членов Украинской демократической партии, чья работа в данном направлении стала одним из немногих реальных достижений, которыми партия могла похвастаться на поле общественно-политической практики.

Так, еще в конце 1904 г., на юбилее одного из представителей УДП И.С. Левицкого члены партии решили составить и собрать подписи под резолюцией об отмене запретов Валуевского циркуляра 1863 г., Эмского указа 1876 г. и предоставлении свободы малороссийскому печатному слову. Представители украинской демократической партии и близкий к ним круг украинофильской интеллигенции инициировали обширную кампанию по составлению петиции соответствующего содержания в адрес правительства, отсылаемых от лица различных земств, сельскохозяйственных товариществ, издательств, городских дум и т.д.²⁸⁸ Направленные в правительство петиции удивительным образом сразу же нашли уже свой отклик, и уже в январе 1905 г. глава Кабинета министров С.Ю. Витте осуществляет достаточно обширный комплекс распоряжений, поручив рассмотреть вопрос об отмене печати в изданиях на малороссийском языке министрам народного просвещения, внутренних дел, а также высказать свои соображения в отношении цензурных ограничений на печать на малороссийском языке членам Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, а также преподавательскому составу Харьковского и Киевского университета, для чего в каждом из учреждений были созданы специальные для рассмотрения данного вопроса комиссии. В

²⁸⁸ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 52.

состав комиссии вошли при Императорской академии наук вошли Ф.Е. Корш (глава), А.А. Шахматов, В.В. Заленский, А.С. Лаппо-Данилевский, С.С. Ольденбург, Ф.Ф. Фортунатов, А.С. Фамицин. В составе членов комиссии при Харьковском университете оказались непосредственный член УДП М.Ф. Сумцов (глава), также сын известного хлопомана, автора текста песни «Ще не вмерли України ні слава, ні воля», впоследствии ставшего основой будущего национального гимна Украины П.П. Чубинского – М.П. Чубинский, Д.М. Овсяннико-Куликовский, А.А. Раевский, Т.И. Буткевич, Н.А. Максимейко, С.В. Соловьев, А.К. Белоусов, а также другие деятели²⁸⁹. При Киевском университете в составе комиссии оказались М.П. Дашкевич, В.Н. Перетц, Н.М. Цитович, М.В. Довнар-Запольский, Н.Ф. Сумцов и др. В составе обеих комиссий также присутствовал один из известнейших лидеров «Старой громады», член УДП В.Б. Антонович, весомый вклад которого в развитие украинского движения был подробно проанализирован нами в первой главе²⁹⁰.

Столь широкий состав представителей академической среды, а также весьма внушительное представительство членов УДП говорит о том, что в данном случае членам украинофилам-культурникам, в силу сложившихся обстоятельств удалось наконец-таки добиться серьезных результатов на поле общественно-политической деятельности. Анализ деятельности комиссий, выводы, а также результаты их работы мы приведем несколько позднее. Для нас важным же будет отметить сам масштаб отклика, который, безусловно, трудно было бы допускать в качестве осуществимого сценария развития событий до начала событий Первой русской революции, сложно было бы даже однозначным образом утверждать, оказался ли бы возможен сценарий данный сценарий развития уже после окончания революционных событий периода 1905–1907 гг. Отнести же данный прорыв в сфере снятия ограничений с печати на малороссийском наречии исключительно в область заслуг Украинской демократической партии также однозначно не приходится.

²⁸⁹ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 53.

²⁹⁰ Там же.

Данное решение принималось со стороны С.Ю. Витте не по причине его заинтересованности и участливого беспокойства в отношении дальнейшей судьбы развития украинского национального движения, факт отклика на составленную украинофилами петицию со стороны представителей политической элиты Петербурга, и в частности, самого С.Ю. Витте, явно свидетельствовал о ведении вокруг данного вопроса какой-то внутривластной игры, которая по всей видимости велась представителями политической элиты Петербурга, стремящейся привлечь часть представителей малороссийской элиты на свою сторону и использовать вопрос о печати на малороссийском в интересах упрочнения собственных позиций в высших эшелонах власти.

Как отмечала И.В. Михутина «Это решение принималось в обстановке охватившего страну глубокого политического кризиса и несло на себе печать времени всеобщего порицания режима, отражая стремление общественности любыми способами поддержать силы, оппозиционные обанкротившейся власти»²⁹¹. Данная абсолютно справедливая оценка тем не менее требует небольшой конкретизации. Первоначально инициатива исходила не от общественности, а шла напрямую от лица одной из центральных фигур в государственной и политической жизни Российской империи в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Весь дальнейший путь, по которому развивался запущенная с подачи С.Ю. Витте инициатива по рассмотрению процесса снятия ограничений в отношении малороссийской печати, очень красноречиво демонстрировал, что развернутая кампания представляла собой не более чем единичную бессистемную акцию, осуществленную только лишь для кратковременного реализации частного политического интереса в период турбулентности политической системы в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Так, в феврале 1905 г. в Санкт-Петербург была направлена делегация представителей украинского движения в состав которой

²⁹¹ Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. С. 75.

естественным образом вошли преимущественно члены «Старой громады» - И.Л. Шраг, В.П. Науменко, мать писательницы Леси Украинки О.П. Косач и М.А. Дмитриев, которые были приняты С.Ю. Витте и получили от него прямые устные заверения о том, что в ближайшее время выйдут новые правила о печати, в которых исключения об инородческой прессе уже не будет, таким образом все ограничения на украинскую печать будут отменены²⁹². В среде представителей Украинской демократическо-радикальной партии, в особенности ее «демократической части» данная новость вызвала крайнее оживление. По свидетельству Е.Х. Чикаленко, на объединительном съезде УДРП члены партии сразу же начали активнейшим образом предлагать огромное количество идей по созданию печатных журналов и изданий украинского направления. Весьма показательным моментом стало то, что представители «Старой громады» сразу же завели разговор о реорганизации «Киевской старины», редакционная политика которой должна быть выстроена по модели журнала «Основа», издававшегося в 1861–1862 гг. Даже название журнала предлагалось дать ему на этот раз соответствующее – «Киевская основа». Это означало, что фактически, журнал с этого момента в рамках своей редакционной политики снимал бы табу на освещение политического комплекса вопросов и с данного момента становился бы платформой для освещения всех основополагающих концептуальных положений политического украинства.

Так, журнал «Основа» являлся печатным органом кирилло-мефодиевцев, получивших амнистию по случаю восшествия на престол Александра II. На страницах журнала такие общественно-политические деятели как Н.И. Костомаров, П.А. Кулиш, В.М. Белозерский печатали статьи об отдельной южнорусской народности, ее психологических и культурных особенностях, отличающих ее от русского народа, особенностях ее мировоззрения и национального характера. Таким образом, это был весьма короткий период в истории формирования украинского национального

²⁹² Лотоцький О.Г. Сторінки минулого. Ч. 2. Варшава., 1933. С. 301-302.

движения, в ходе которого на страницах журнала до момента закрытия издания (характерно, что осуществление своей издательской деятельности журнал прекратил не по причине гонений со стороны властей, а по причине банального падения интереса со стороны читателей и отсутствия финансирования издания – В.Е.) на страницах журнала впервые в истории русской прессы были открыто подняты вопросы уже непосредственным образом связанные с политическими аспектами украинского движения. После дальнейших радикальных открытых политических действий, в результате которых осуществилось принятие сначала Валуевского циркуляра 1863 г, а затем Эмского указа 1876 г. украинское национальное движение надолго закрылось от широкого поля общественно-практической деятельности панцирем «культурничества», допуская для себя возможность проведения политической работы только кулуарно, неформальным образом взаимодействуя внутри собственной среды. Журнал «Киевская старина» в этом отношении являлся настоящим «флагманом» культурничества. Идея возвращения к традициям «Основы» отчетливо свидетельствовало о том, что к началу Первой русской революции 1905–1907 гг. даже наиболее последовательные представители культурничества уже в полной мере были подвержены процессу политизации. Показательно также, что Первая русская революция стала периодом окончания существования издательской деятельности журнала, наверное, это один из самых знаковых показателей того, что культурно-просветительский этап в истории развития украинского безнационального движения был завершён – «флагман» данного направления был показательно затоплен самими же представителями «Старой громады». В 1907 г. журнал подвергся реорганизации, получив не менее характерное название – «Украина». Издание во многом сменило историко-этнографическую и филолого-литературную ориентацию на приоритет в сторону актуальной политической публицистики.

Так, главным редактором издания оставался член «Старой громады» В.П. Науменко, а, в свою очередь, к сотрудничеству с журналом уже

начали активно привлекаться лидеры УСДРП – Н.В. Порш, С.В. Петлюра, Д.И. Дорошенко ²⁹³. Журнал стал активным олицетворением линии на совместное взаимное сближение представителей УДРП и УСДРП для совместных действий в интересах развития украинского национального движения в революционные годы. Издание просуществовало не больше года и вынуждено было завершить свою работу в силу временного наступления организационного кризиса движения в связи окончанием Первой русской революции 1905–1907 гг. Впоследствии журнал и его работа были возобновлены уже в новом формате в 1914 г. под редакцией М.С. Грушевского.

Идея создания представителями «Старой громады» издания, отвечающего запросам актуального политического развития украинского движения, нашла свое воплощение также и в деятельности таких изданий как «Рада», «Украинская жизнь». Однако намечающаяся тенденция развития проявила себя уже весьма конкретным образом – время культурно-этнографического этапа подошло к концу с началом Первой русской революции 1905–1907 гг., даже наиболее отстающие в данном отношении от молодежных организаций, уже непосредственно придерживавшихся платформы украинского национализма, старогромадские культурники все больше становятся охвачены тягой к достижению политических требований. Конечно, понимали они данную политическую борьбу во многом по-своему. Так как издательско-публицистическая активность являлась ведущим направлением деятельности «демократической» части УДРП, «старогромадовцы» с большим энтузиазмом отнеслись к данной форме работы. Е.Х. Чикаленко вспоминает, что, именно С.Ю. Витте, вдохновившись обещаниями о скорой отмене ограничений с малороссийского печатного слова, начал впервые обдумывать идею создания еженедельника для крестьянства, начав обговаривать план создания отделов, предлагая

²⁹³ Палиєнко М. «Киевская старина» у громадському та науковому житті України (кінець ХІХ – початок ХХ ст.). К., 2005. С. 81–82.

О.И. Левицкому составить историю Украины, а Б. Гринченко, в свою очередь, составлять биографию какого-нибудь заслуженного деятеля на украинском языке²⁹⁴. Идею Е.Х. Чикаленко начали активно поддерживать и другие члены УДРП, к нему шли запросы о создании еженедельной газеты в Киеве вместо еженедельника. Так было положено начало изданию ежедневных газет «Громадська думка» («Общественное мнение») (31 декабря 1905 г.) и «Рада» (18 августа 1906 г.)²⁹⁵. Младшая же часть «радикалов» из УДРП не особо активно стремилась к поддержке данных инициатив, вопросы, связанные с созданием и изданием прессы их не столь сильно интересовали, поле непосредственной общественно-политической практики более привлекала их.

Следует при это отметить, что сам Е.Х. Чикаленко поначалу скептически относился к возможности издания газеты до издания специальных законов, осуществляющих снятие ограничений с малороссийской печати. Огромная роль в создании первой еженедельной газеты украинских организаций принадлежит в том числе Б. Гринченко, который, проявив волю и инициативу, склонил сомневающегося Чикаленко к необходимости издания газеты, не оглядываясь на какие-то специальные разрешения «сверху», а просто сделать это на основании манифеста 17 октября 1905 г. Так, Е. Х. Чикаленко в своем дневнике отметит : «Все придерживались той мысли, что манифестом уже дано право издавать специальные законы; вообще я, по своему пессимистичному нраву, не верил, что у нас наступила конституция. Я сказал: «Никак я не могу поверить, чтобы сегодня мне открыто протягивали руку, когда еще вчера били по щекам»²⁹⁶. Гринченко объяснял, что настало время, когда нам необходимо начинать это дело, и требовал, что я сейчас подал заявку губернатору, что через две недели начну выдавать газету. Мне же все казалось, что на это должны быть указаны какие-то правила, но все настаивали на том, что манифест дает такое право, и что необходимо сейчас подавать заявку.

²⁹⁴ Чикаленко Е.Х. Спогади. Ч. 3, Львів, 1926. С. 126.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же.

Написав заявку к губернатору, я послал ее рекомендованным листом»²⁹⁷. Однако при обсуждении будущего формата газеты сразу же проявилась разница во взглядах – представители «радикального» крыла из числа молодого поколения участников УДРП - Гринченко, Ефремов стремились сделать издание более политизированным, предлагая взять за основу в качестве примера Санкт-петербургский журнал «Сын Отечества», старогромадовец В. Леонтович, осуществляющий финансирование издания, резким образом выступал против данного направления, особенно против того, чтобы в статьях обсуждались вопросы передела земли²⁹⁸. Однако, несмотря на все вышеозначенные прения, следует выделить, что на фоне приходящих новостей о скорой отмене печати на малороссийском, среда украинского движения уже вовсю начинает осуществлять приготовление проектов легальных печатных изданий.

Однако вернемся к рассмотрению дальнейшей судьбы вопроса об отмене ограничений с малороссийской печати. Параллельно с вышеозначенными процессами от лица представителей Украинской радикальной партии в феврале 1905 г. была составлена записка «о нуждах украинской школы», также направленная в правительство²⁹⁹. В скором времени начинает происходить и обнародование выводов комиссии. Вполне очевидно, что выводы комиссий Харьковского и Киевского университетов фактически полностью солидаризировались с содержанием петиций представителей УДП. Гораздо интересней обстояло дело с выводами, опубликованными по итогу деятельности комиссии членов Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. В силу своей отдаленности от малороссийского региона, наличия в составе людей, имеющих крайне высокую степень авторитета в научном мире, и никак не связанных напрямую с украинским движением, в общественном сознании выводы комиссии

²⁹⁷ Чикаленко Є.Х. Спогади. Ч. 3, Львів, 1926. С. 75–76.

²⁹⁸ Там же. С. 80.

²⁹⁹ Михутин І.В. Указ. соч. С. 7.

Императорской академии наук должны были строго ассоциироваться как самые непредвзятые и беспристрастные в сравнении с комиссиями Харьковского и Киевского университета. Единственной деталью, способной вызвать вопросы и несколько обесценить общее впечатление об уровне компетенции комиссии, являлся тот факт, что из вышеназванных членов комиссии от Академии наук только трое ученых были непосредственными специалистами по славянской филологии – Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Ф.Е. Корш, остальные же были специалистами по зоологии, археологии, ориенталистике, ботанике. Но, в свою очередь, даже данные три имени высочайших специалистов в своей области уже внушали весьма серьезное доверие к качеству и результату сформулированных по итогу выводов. Однако в действительности политическая конъюнктура, не минувшая стороной и авторитетных исследователей, по итогу возобладала при проработке итоговых выводов комиссии над научным содержанием. И дело заключалось даже не в качестве проведенного исследования – оно, естественно, было на высоком уровне, и даже не в том, следует ли в действительности считать малороссийский язык отдельным языком или это же все-таки по итогу только наречие – разновидность русского языка.

Сущность политической ангажированности итоговых выводов заключалась именно в подчеркнуто выраженной однобокости подхода в освещении проблемы малороссийского языка. Так, М.С. Грушевский отмечал, что «доклады комиссии были настолько решительными, что перед ними поблекли все памятные записки, предложенные украинцами»³⁰⁰. Содержательная линия выводов по итогу деятельности комиссии полностью была созвучна представлениям участников украинского движения об отдельном статусе малороссийского языка, отражающим национальное самосознание отдельного малороссийского народа, населяющего территорию от Карпат до Кавказа. Так, с самого начала работы комиссии Императорской академии наук к ее работе были привлечены видные представители старшего

³⁰⁰ Грушевский М.С. З Бижучуї Хвилі // ЛНВ. 1906. Т. 36 Кн. X. С. 145–149.

поколения украинского движения из так называемой «украинской колонии в Петербурге» – фактически, громады старших представителей украинского национального движения, которые тесно были связаны с деятельностью Украинской демократической партии – А.А. Русов и С.Ф. Русовы, Ф.К. Вовк, П.Я. Стебницкий, М.А. Славинский и О.И. Лотоцкий³⁰¹. Таким образом, в состав изначально образующей себя в качестве совершенно беспристрастной комиссии, под предлогом оказания необходимой консультативной помощи фактически без какой бы то ни было реальной необходимости, вошел достаточно широкий состав представителей украинского национального движения. Уже на этапе подготовки комиссия, таким образом, де-факто солидаризировалась с членами украинских организаций.

В самом докладе имелось достаточно много противоречивых и проблемных мест, которые были оставлены авторами без объяснений, при этом в большом обилии имелось политической конъюнктуры, которая зачастую брала верх над научным осмыслением проблемы. Так, обвинения Кирилло-мефодиевского общества в сепаратизме объявлялись надуманными, малороссийская и галицийская литература объявлялась «украинской литературой» и «достоянием украинского народа», хотя вплоть до последней четверти XIX в. обе этих разновидности литературы развивались самостоятельно и не имели прочно налаженных культурных контактов и связей. В записке странным образом такие термины как «малорусский» и «украинский», «украинофилы» и «украинская интеллигенция» попадают в общий ряд синонимов *a priori*, и ни в одном месте не встречается попытка объяснить, каким образом эти понятия взаимосвязаны, и имеются ли между ними какие-либо различия. В отношении малороссийского языка в записке полностью игнорируется фактор искусственного конструирования украинского литературного языка из малороссийского наречия. Так, в записке встречаются следующие положения: «Малорусскому языку Галицкой

³⁰¹ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 53.

письменности ставятся в укор эти его польские элементы, эта чуждая украинскому слуху окраска, которой он подвергся во Львове. Но польские элементы не затемнили народной основы языка: они заняли только место тех великорусских элементов, вторжение коих было бы неизбежно при широком и свободном развитии малорусской письменности на Украине»³⁰², «Новое движение получило в России название народничества, а в Малороссии – украинофильства, польскими же панами-помещиками окрещено именем хлопоманства. Но была и некоторая разница, зависящая от местных особенностей быта и истории. В России образованные классы говорят языком народа, а на Украине им нужно было сначала вернуться к забытому народному языку, позаботиться о дальнейшем его развитии, о том, чтобы он догнал своего далеко ушедшего собрата»³⁰³. Естественно, что при такой позиции в состав записки были включены публицистические статьи представителей украинского движения на тему украинского языка – В.П. Науменко, В. Леонтовича, С. Русовой и других.

Как отмечает в своем исследовании И.В. Михутина, научная ценность данной записки была сразу поставлена академическим сообществом под сомнение³⁰⁴. Критиками сразу же было обращено внимание на то, что точка зрения одного из ведущих в языкознании специалистов А.И. Соболевского была представлена в противоположном его действительному смыслу виде. Так, тезис А.И. Соболевского о единстве древнерусского языка на всем общем пространстве древнерусских земель в XI в, вдруг трансформировался в доказательство существования малороссийского наречия в период Древнерусской государственности³⁰⁵. Также было обращено внимание, что в качестве публицистического приложения к записке были привлечены материалы только одной заинтересованной стороны, дела – представителей украинского движения.

³⁰² Об отмене малороссийского печатного слова. С. 17.

³⁰³ Там же. С. 77.

³⁰⁴ Михутина И.В. Указ. соч. С. 76.

³⁰⁵ Там же.

По общему итогу крайне закономерен был и окончательный финал, которым завершилась инициированная с подачи С.Ю. Витте кампания по отмене ограничений с малороссийской печати. Начавшись отнюдь не как открытый сознательный шаг и осознанная насущная необходимость, а как предприятие, осуществившееся в угоду политической конъюнктуре сложного переломного времени, кампания по отмене ограничительных положений так и не была доведена до какого-то закономерного логического итога. Составленные «записки» и петиции оказались утеряны где-то в бюрократических коридорах, и фактически действия Валуевского циркуляра 1863 г., а также Эмского указа 1876 г. отменены не были. Вопрос об издании периодических изданий и другой печатной продукции на малороссийском языке был решен несколько позднее в рамках вступления в силу указа «Временных правил о неповременной печати» от 26 апреля 1906 г., к которому все предшествующие старания представителей «Старой громады» в составе УДП, а также деятельность всей кампании, инициированной С.Ю. Витте с широким привлечением представителей из академической среды по сути своей не имела никакого отношения.

Таким образом, представители украинского движения провели значительную работу, направленную на проведение политической кампании, связанной с вопросом отмены закона о печати на малороссийском языке, однако, в сущности, совершенные ими усилия никак не повлияли на сам процесс отмены ограничений, который благодаря общему закону о снятии ограничений в печати был осуществлён в пользу украинофилов. Данное уничтожение цензурных барьеров напрямую открыло дорогу для выхода в печать широкого объема материалов прессы украинского движения, давшего в руки украинофилам совершенно новые возможности для агитационно-пропагандистской работы среди местного населения. Начал осуществляться процесс становления легальной периодической печати украинских организаций Российской империи. Новым явлением русской общественной

жизни стали такие журналы как «Хлебороб», «Громадська думка», «Рада», «Украинский вестник», «Родной край», «Литературно-научный вестник» и др., которые с этого момента становятся важным фактором политико-просветительской работы, осуществляемой представителями украинского организаций среди населения Российской империи.

2.2. Украинское национальное движение и Государственная дума I и II созывов.

Борьба представителей Украинской демократической партии за снятие ограничений с малороссийской печати фактически стала уже окончательной крупной политической акцией, которую удалось осуществить представителям УДП на общественно-практическом поле, это был последний яркий эпизод ее политической активности, после которого партия фактически оказалась в состоянии полнейшего упадка. Самые активные представители из лагеря старшего поколения украинского движения искали выходы из сложившегося кризиса и на поле взаимодействия с молодежью. Так, с уже с начала раскола внутри круга представителей ВУБДО на Украинскую демократическую партию и Украинскую радикальную партию в качестве активного противника внутренних разногласий и прямого посредника, выступающего за примирение двух поколений украинского национального движения, упирая на бессмысленность конфликта и необходимость консолидации внутри политического украинства, выступил Е.Х. Чикаленко ³⁰⁶, активно поддерживаемый в данном вопросе такими деятелями как Н.В. Лысенко и М.П. Левицкий. Изначально на фоне острого восприятия участниками конфликта сложившихся противоречий, фактора личных амбиций представители Украинской радикальной партии явно не стремились вернуться обратно в состав УДП.

Однако обоюдные неудачи, неспособность достичь значительных результатов на практике, осознание собственной слабости в условиях крупных внутривнутриполитических столкновений в годы Первой русской революции 1905 – 1907 гг., все более подталкивали две политические партии к прямому сближению. Украинская радикальная партия фактически не смогла на должном серьезном уровне выстроить партийно-политическую работу. Однако простой публицистической активности и изложения собственных воззрений на бумаге в годы революционной бури явно было недостаточно для

³⁰⁶ Чикаленко Е.Х. Спогади. Ч. 3, Львів, 1926. С. 75–76.

того, чтобы достичь существенных политических результатов в ходе своей деятельности. Приходило постепенное осознание, что обе политические партии находятся в стадии глубокого организационного кризиса. Перспектива выборов в Государственную думу I созыва стала поводом для активизации движения обеих украинских партий друг другу навстречу. Начался переговоры об объединении партийных структур. Во второй половине 1905 г. на своем съезде представители УДП приняли решение выступить с инициативой об объединении партий, после этого в конце 1905 г. состоялась встреча лидеров обеих партий. Сторону УДП представляли И.Л. Шраг, Е.Х. Чикаленко и Е.К. Тимченко, в свою очередь от УРП на переговорах присутствовали Б.Д. Гринченко и М.П. Левицкий. Была создана совместная комиссия для проработки проекта основных условий объединения и идейного наполнения политической партии, а также разработки новой программы объединенной партии.

Объединение двух партий состоялось 29–30 декабря 1905 г. В качестве названия для объединенной организации был принят вариант Украинской демократическо-радикальной партии (УДРП). Однако даже в названии партии отчетливо прослеживалось, что внутренние противоречия еще не были преодолены, и на концептуальном уровне данное воссоединение еще не означало преодоления разногласий, а также наличия единой общности взглядов в отношении методов партийной тактики и способов действия на общественно-политическом поле, программных прений, а также складывающихся личностных противоречий, во многом это являлось не более чем вынужденной необходимостью, назревшей лишь в силу слабости и малочисленности сторонников движения. Ведь у представителей УДП и УРП, по большей части делающих ставку на легальную культурную работу, не было столь серьезной поддержки на селе в среде малороссийского крестьянства и сельского пролетариата, организация крестьянских комитетов, агитационно-пропагандистская работа в качестве методов политической борьбы партией практически не использовались.

Внутренние разногласия между молодым и старшим поколением представителей украинского национального движения, партийный раскол по итогу привели к тому, что упущено было время, которое можно было с большей результативностью потратить на консолидацию имеющегося в партии ресурса, но еще в большей степени ощутимым негативным последствие стала потеря ценных людей. Ряд представителей старшего поколения украинского движения, осознававших острую необходимость выхода украинского национального движения на рубеж борьбы за свои национально-политические стремления в Государственной думе, видя аморфность и безынициативность УДП приступили к самостоятельной реализации собственных замыслов, примкнув к кадетской партии. В состав данной примкнувшей к кадетам группы входили И.В. Лучицкий, В.П. Науменко, Л.М. Яснопольский, Ю.Ю. Кистяковский, М.М. Могилянский, А.В. Корчак-Чепуркивский, Е.Ф. Вотчал³⁰⁷.

В результате в ходе предвыборной кампании в Государственную думу I созыва украинское движение действовало консолидировано лишь отчасти, продолжая во многом быть разрозненным. Прямым результатом этого стало то, что самостоятельно от лица украинского движения в качестве кандидатуры от УДРП в состав депутатов I Думы попал только В.М. Шемет. При этом, что вполне закономерно, депутат прошел от Полтавской губернии, так как Харьков по большей части был центром радикального крыла украинства, а Киеве в свою очередь были сильны позиции участников украинского движения, тяготеющих к социал-демократическим настроениям. Остальные же члены украинского национального движения вошли в состав Думы от кадетской фракции – в их число входили И.Л. Шраг, П.И. Чижевский, А.Г. Вязлов и М.Ф. Беляшевский³⁰⁸. Практически сразу же данное отсутствие самостоятельной линии дало о себе знать, приняв для представителей украинского национального движения совершенно нежелательный оборот.

³⁰⁷ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 54.

³⁰⁸ Там же.

Так, в скором времени выяснилось, что при своей публичной декларативной поддержке национальных требований и автономных притязаний украинского движения, представители кадетской партии во многом оказались по отношению к украинофилам вполне умеренными централистами, не поддержав то главное требование, которое было поднято на щит участниками украинских организаций – создание украинской национально-территориальной автономии. Выступая за широкую децентрализацию управления на местах, расширение полномочий местного самоуправления, право свободного культурного и национального самоопределения, большая часть партии конституционных демократов не считала национально-территориальную автономию приемлемым способом для политико-территориальной организации Российской империи. Вопрос о требованиях национальной программы широко обсуждался на Земском съезде 1905 г., который затем лег в основу решений учредительного собрания КДП и партийной программы. Небольшая группа представителей кадетской фракции в лице А.М. Коллюбакина, Н.И. Лазаревского, близкого к украинскому движению М.М. Ковалевского отстаивало идею автономии, также близкий к украинскому национальному движению И.В. Лучицкий вообще активно развивал идеи федерализма.

Однако большая же часть представителей будущей кадетской партии не приняло данные идеи и не посчитало их приемлемыми. По итогу идея национально–территориальной автономии была конституционными демократами отклонена, преждевременная постановка вопроса об автономии на какой-бы то ни было территории была расценена как крайне опасная для дальнейших перспектив развития освободительного движения, поэтому вопрос об автономии принято было оставить лишь в самой общей форме, предполагалось, что окончательное его решение будет возможно уже только после установления в России демократического строя ³⁰⁹. Однако для представителей украинского движения это уже фактически означало крах

³⁰⁹ Михутина И.В. Указ. соч. С. 86.

осуществления их национально-политического проекта на поле легальной политической борьбы в Государственной думе I созыва. Для того, чтобы данной ситуации каким-то образом уравновесить утрату от отказа кадетами в поддержке идеи национально-культурной автономии и координации сил движения в условиях работы Iумы, при содействии представителей Украинской демократическо-радикальной партии достаточно оперативно была создана «Украинская парламентская громада». Фактически данная организация была ничем иным как попыткой создать негласную полулегальную фракцию представителей украинского национального движения в Думе со своим координационным центром.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что создание организации и деятельность Украинской парламентской громады в действительности обеспечило на выходе не столько какой-либо реально ощутимый результат в ходе участия представителей украинского национального движения в работе Государственной думы I созыва, просуществовавшей всего 72 дня, сколько смогло поспособствовать консолидации и сплочению разобщенных и атомизированных сил украинствующей интеллигенции, без которого весь дальнейший процесс развития украинского движения периода начала XX в.. также станет для нас неясен. Крайне значимая роль в осуществлении данного процесса будет принадлежать М.С. Грушевскому. Здесь необходимо отметить, что в период Первой русской революции наступит своеобразный «звёздный час» в истории становления такого общественно-политического деятеля как М.С. Грушевский. С началом периода работы Государственную думу I созыва и деятельности в составе представителей Украинской демократическо-радикальной партии М.С. Грушевский отодвигает в сторону все свои достаточно значимые достижения на научном и общественно-политическом поле, которые ученый успел осуществить за время его работы на Кафедре Всеобщей истории во Львовском университета и в качестве главы Научного общества имени Шевченко, для того, чтобы в полномасштабном формате развернуть публицистическую и практическую деятельность уже на

территории Российской империи. М.С. Грушевский не просто так принимает решение о необходимости переноса основного вектора своей работы на благо украинского национального дела на поле русской общественной жизни. Наблюдая за ходом развития революционных событий в России, М.С. Грушевский посчитал, что настало время, когда в условиях Первой русской революции 1905–1907 гг. гораздо большую пользу для дела строительства украинской нации он совершит не в австрийской Галиции, а в Российской империи, где, наконец, на общественно-политическом поле, как казалось М.С. Грушевскому, возникла возможность выстроить такую же систему легального представительства, организаций и институтов украинского национального движения, что существовала на тот момент в Галиции.

В свою очередь, при удачном исходе данного предприятия представлялось возможность неформального объединения легального представительства украинского движения в Российской империи и Австро-Венгрии. Более того, именно с выраженного движения навстречу украинскому вопросу со стороны российской общественности должно было быть дано начало осуществления проекта создания украинской национальной автономии. М.С. Грушевский прекрасно отдавал себе отчет в том, что для осуществления данной цели тот ресурс, которым обладали представители Украинской демократическо-радикальной партии к началу революционных событий, явным образом был недостаточен. Свою прямую задачу М.С. Грушевский видел в выводе украинского движения из полумаргинального состояния в ранг серьезной общественно-политической силы: «Украинство в России должно выйти на границы идеи этнографической народности, стать политическим и экономическим, взяться за организацию украинской общественности, как нации, и уже теперь, когда не хочется остаться «за флагом» и опоздать снова на долгие поколения»³¹⁰. Таким

³¹⁰ *Грушевский М.С.* Українство і питання дня в Росії // З біжучої хвилі. Статті й замітки на теми дня 1905–1906 рр. К, 1906. С. 10.

образом, в сущности, непосредственная цель М.С. Грушевского направленная на необходимость создания украинской нации «здесь и сейчас» ничем не отличалась от идейных воззрений представителей УНП и УСДРП, разница лишь заключалась в выборе способа ее осуществления. В годы своей публицистической активности в период Первой русской революции 1905–1907 гг. М.С. Грушевский отмечал, что в силу не столь участливого, в какой степени это было необходимо представителям украинских организаций уровня, интереса малороссийского крестьянства к украинскому национальному делу, национально-сознательной интеллигенции не следует учитывать мнение большинства населения при проведении украинизации, отмечая, что требование о национально-политической автономии необходимо проводить в жизнь «не ожидая вспышек «национального инстинкта», ни плебисцитов населения»³¹¹.

С момента приезда из Галиции ученый и общественно-политический деятель становится негласный лидером и локомотивом деятельности украинских организаций, без пристального участия которого не происходит ни одна крупная политическая акция украинофилов. М.С. Грушевский, видя слабость, отстранённость и безразличие многих представителей украинского движения к его нуждам, выраженного даже не столько в отсутствии соответствующего идеологического настроения и преданности украинской национальной идее, этого было в достатке, сколько в неготовности серьезно пожертвовать чем-либо, совершить необходимое волевое усилие и добиться реального видимого результата своей работы, стремится придать украинскому движению некий системный характер для достижения столь необходимых для него в переломное время Первой русской революции 1905–1907 гг. побед. На страницах своего дневника в 1905 г. М.С. Грушевский отметит: «В России, похоже, дело опять идет к реакции и спячке и украинцы снова готовы лечь на печи, ничего не добившись»³¹². Через год о совещании лидеров УДРП М.С.

³¹¹ *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос: статьи заметки. С. 78.

³¹² Щоденники М.С. Грушевського (1904–1910) // Київська старовина. 1995. № 1. С. 15.

Грушевский с негодованием напишет: «Я спрашивал, а они отвечали: каковы взгляды среди крестьянства, привлекают ли на свою сторону интеллигентную публику - выходило, что ничего не добились»³¹³. М.С. Грушевский же стремиться выстроить работы таким образом, чтобы по итогу на выходе возник действительный практический результат.

Так, после своего приезда М.С. Грушевский сразу крайне активным образом разворачивает публицистическую деятельность на страницах печатных изданий. Целью бурной издательской деятельности, безусловно, является актуализация «украинского вопроса» в общественно-политическом пространстве Российской империи для того, чтобы украинское движение смогло наиболее эффективным образом осуществить свои политические задачи на практическом поле. Так, в статье «Украинский вопрос», вторя «Самостийной Украине» Н.И. Михновского вдруг обнаруживает, что, оказывается, «последняя перепись 1897 г. не отличается точностью» и численность украинской народности нужно считать «немногим меньше 30-ти миллионов»³¹⁴. Далее Грушевский описывает саму территорию, которую, по его мнению, заняла украинская народность в VI–VII веке до н.э. «на западе вся эта территория захватывает область правых притоков Вислы, на востоке значительную часть северного Кавказа. На севере пограничьем является приблизительно линия реки Припети, за которую украинское население значительно переходит по краям, на западе и на востоке»³¹⁵. Грушевский также отмечает, что «в политическом отношении эти территории входят в состав трех государственных тел: Австрии (восточная Галиция и северная Буковина), Венгрии (северо-восточные комитаты ее), России», затем Грушевский перечисляет губернии Российской империи не только губернии Малороссийские и Новороссийские, но «значительные части губерний Люблинской, Седлецкой, Гродненской, Минской и Бессарабской», а

³¹³ Щоденники М.С. Грушевського (1904–1910) // Київська старовина. 1995. № 1. С. 17.

³¹⁴ *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос: статьи заметки. С. 13.

³¹⁵ Там же.

также части «Курской, Воронежской, области Донской и Кубанской, Черноморской и Ставропольской»³¹⁶. В данном списке даже территории Новороссийских губерний крайне сложно в «политическом отношении» однозначно причислить к малороссийским, ну а тем более странным и неоднозначным видится включение в этот список части Царства польского, Северо-западного края, Кавказа, Юга России, в которых преобладающей по численности народностями являются какие угодно, но только не малороссийская. Столь радикальный подход к размещению украинского народа на политической карте в актуальном публицистическом произведении в революционные годы мог быть сделан только с одной задачей – обоснование политических прав и украинского движения на данные территории. Фактически, таким образом, М.С. Грушевский просто в более завуалированном формате формулирует «от Карпат да Кубани», озвученное Н.И. Михновским «в Самостийной Украине» в 1900 г. Это показывает, что, хотя Н.И. Михновский традиционно считается более радикальным в воззрениях, чем М.С. Грушевский, в отношении выстраивания политических амбиций Украины оба представителя украинского движения идентичны как две капли воды.

В своих статьях М.С. Грушевский не обходит и культурную сторону. Так, в публицистическом произведении «З бижучуи Хвили» («С бегущей волны») М.С. Грушевский сетует на то, «украинца Гоголя» называют «великим русским писателем», а «великоросс Тургенев остается великим писателем и для Украины»³¹⁷. Не удивительно, что после этого Грушевский жалуется на «отсталость духовной культуры характеризуют на пороге 20-го столетия украинскую народность»³¹⁸. Однако нам представляется, что, если в понятие украинской культуры включать только Шевченко, Кулиша, Котляревского, Лесю Украинку и прочих, то она действительно будет весьма

³¹⁶ *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос: статьи заметки. С. 14.

³¹⁷ *Грушевский М.С.* З Бижучуї Хвилі. С. 146.

³¹⁸ *Грушевский М.С.* Освобождение России и украинский вопрос: статьи заметки. С. 38.

бедна и скудна, однако в действительности малороссийской, украинской культуре в равной степени также принадлежат имена всех великих деятелей русской культуры – Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, а также множества других, чье творчество является общезначимым для любого человека русской культуры, независимо от национальности. Так, для малоросса русская культура является неотъемлемой частью формирования его идентичности, никакой Шевченко или Котляревский не написал бы своих виршей, не имея за спиной того багажа, того наследия русской культуры, в которой и происходило их формирование. В свою очередь для русского человека точно такой же неотъемлемой частью русской культуры будут малороссийские песни, казацкие думы, живописные пейзажи Малороссии. Поэтому само по себе сужение понятия «украинской культуры» до вырванной из общего багажа русской культуры небольшого числа провинциальных мотивов (причем, зачастую сконструированных и лишь мимикрирующих под народные формы) является одним из инструментов по отчуждению малороссов от их культурного и сущностного экзистенциального ядра, что отчетливо нам демонстрирует М.С. Грушевский в своей публицистике в годы революции, пытаясь искусственно противопоставить русскую и украинскую культуры.

Фактически в каждой статье в своем сборнике «Освобождение России и украинский вопрос» Грушевский, так или иначе, сетует на то, что украинский народ оказался весьма пассивен перед нуждами украинского движения, в первую очередь, украинской национально-культурной автономии и украинского языка. Однако о каком украинском народе, поддерживающем украинского движение, вообще может идти речь, если само понятие «украинский» в начале XX в. было полем для широкой общественной дискуссии. Доля и численность выходцев из городских слоев и крестьян Малороссии, участвующих в политической жизни в гораздо большей степени, приходилась на различные общероссийские партии, чем на украинские организации. Так, к примеру, во многих отчетах Департамента полиции

Российской империи о политической ситуации по малороссийским губерниям вообще отсутствует какое-либо упоминание об украинских организациях, только общероссийские партии, в частности это, к примеру, касается делопроизводства, касающегося пропаганды различных политических партий среди крестьян³¹⁹, сведения же, относящиеся пропаганде в Харьковском и Киевском университетах будут содержать единичные и весьма незначительные упоминания о деятельности украинофилов, в гораздо же большей степени мы будем встречать упоминания о деятельности РСДРП, социал-революционеров, «Бунда»³²⁰. Как отчетливо отметила в своем исследовании И.В. Михутина, среди малороссийского крестьянства не было ни единообразия национально-политической ориентации, ни преобладания настроений в пользу украинского течения, а настоятельная необходимость решения земельного вопроса объединяла крестьянство Российской империи независимо от этнической, в то время как самыми многочисленными в Малороссии стали правые монархические организации»³²¹.

Понятие «малоросс», «украинец», являлись не столько незыблемыми константами национальной идентичности, сколько предметом для острейшей общественной дискуссии. Таким образом, говоря о пассивности украинского народа перед требованиями украинского движения М.С. Грушевский совершает подмену, ведь если широкие массы малороссийского крестьянства не поддерживают требования активного меньшинство украинских организаций о национально-культурной автономии это вовсе не означает, что они «пассивны», скорее наоборот, это М.С. Грушевский и украинские организации в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. не смогли перетянуть на свою сторону широкие городские и сельские слои, хотя и весьма активно проводили агитационную и просветительскую работу.

³¹⁹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 230 Д. 830ч. 13, 830ч. 15, 360ч 33.

³²⁰ ГА РФ Ф. 102 Оп. 233а Д. 3ч. 36, Д. 3ч. 39, Д. 3ч. 47 т, Д. 3ч. 55.

³²¹ *Михутина И.В.* Указ. соч. С. 91.

В число ключевых задач Михаила Сергеевича Грушевского как раз и входило по большому счету, чтобы как можно большим числом представителей местной интеллигенции и крестьянства была усвоена украинская национальная идентичность. Фактически М.С. Грушевский внес решающий вклад в те процессы, которым Ф.А. Гайда на страницах издания «Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии» даст следующую характеристику: «понимание слова «украинцы» в качестве этнонима вышло за пределы украинского революционного движения и было усвоено общероссийским после Первой русской революции»³²². К этому моменту он уже заслужено получает признание среди соратников себя в качестве одного из негласного лидера украинского национального движения начала XX в. Такое признание, в первую очередь со стороны своих единомышленников, ученый заслужил своей работоспособностью и трудолюбием. ЕХ. Чикаленко отмечал, что большая часть ключевых представителей украинского движения полагала, что Грушевский «стоит на целую голову выше современного украинства», называя его «колонной среди праха современного украинства»³²³.

Немалую роль в развитие данного процесса внес и М.С. Грушевский своими историческими трудами, набирающими высокую степень популярности в среде движения в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. Исторические работы Грушевского сами по себе внесли немалый вклад в формирование украинской национальной идентичности и мифологии. В связи с этим важно вспомнить период жизни и творчества Грушевского, когда он, получив в 1894 г. должность профессора на кафедре всеобщей истории со специальным обзором истории Восточной Европы во Львовском университете, развернул бурную научную деятельность. Дело в том, что в конце XIX в. правительство Австро-Венгрии, всерьез озаботившись ростом

³²² Гайда Ф.А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М., 2019. С. 90.

³²³ Чикаленко Є. Спогади (1861–1907). Ч. 3. Львів. 1926. С. 138.

влияния русофильства в регионе, активно начало поддерживать украинское движение в Галиции, и с этой целью старалось идти на различные уступки в отношении национальной политики. Так, активно сыграв на этом, представители украинского движения пролонгировали создание кафедры украинской истории во Львовском университете. Преподавать на эту кафедру пригласили профессора киевского университета В.Б. Антоновича – научного руководителя Грушевского и видного представителя украинского движения. Украинофилы Галиции очень ценили его научную и общественную позицию. Антонович же, сославшись на почтенный возраст и здоровье, отказался от места на кафедре в пользу Грушевского, как своего молодого и перспективного ученика.

Однако польские круги общественно-политической элиты Галиции запротестовали против создания во Львовском университете кафедры украинской истории. Поэтому австро-венгерскому правительству пришлось пойти на уступки, открыв во Львове кафедру всеобщей истории со специальным обзором истории Восточной Европы. Тем не менее, Грушевский явно не отказался от своего изначального идеального замысла по развитию научно-теоретической проработки именно украинской истории. Так, в 1894–1907 гг. издается основной пласт его работ, излагающих его историческую концепцию формирования украинского народа – это десяти томная «История Украины-Руси», а также «Очерк истории украинского народа». Как резонно отмечали многие исследователи и критики концепции Грушевского, в основе его концепции лежало «удревнение» украинской истории. Действительно, М.С. Грушевский пытался связать весь Древнерусский период истории с украинским народом. При этом начало истории украинского народа историк переносит еще в догосударственный период.

«Историю Украины-Руси» Грушевский начинает с разбора своей методологии и системы понятий во введении, где он оспаривает преемственность Северо-Восточной Руси и Московской Руси по отношению к Древнерусской истории: «Этот труд должен дать образ исторического

развития жизни украинского народа, или тех этнографически-политических групп, с которых формируется то, что мы мыслим теперь под названием украинского народа, по-другому его можно назвать «малорусским», «западно-русским», просто «русинским» или «западно-русинским». Разнородность этих названий не имеет особого значения, потому что покрывает понятие само по себе ясное, оно интересно только как характерное проявление тех перемен, которых пришлось пережить этому народу. Его старое историческое имя: Русь, Русины, русский в часы политического и культурного упадка было присвоено великороссийским народом, которого политическая и культурная жизнь развилась на традициях давней Русской державы и великороссийской политической организации – как великое княжество Владимирское и потом великое княжество Московское себя считали себя наследниками той старой Русской (Киевской) державы и великороссийской политической организации – прежде всего вследствие династических связей своей с киевской династией»³²⁴. Таким образом, уже в самом начале своей работы Грушевский противопоставляет историю украинского и русского народа, низводя последний до положения создателей варварских королевств раннего Средневековья, выстраивавших свои государства на развалинах и наследии великой античной культуры.

Грушевский, действуя совершенно вне логики принципа историзма, отождествляет понятия «украинский» и «древнерусский». Так, само понятие «украинные люди», «украинники», «украинцы», «украинцы» с XIII по XVIII вв. употреблялось исключительно в географическом смысле ³²⁵. Существовали приокская, псковская, донская, а также многие другие «украины». Термин «украинцы» же в этническом значении понятия появился только в XIX в., отсюда вытекает алогичность и научная неправомерность применения Грушевским термина «украинский» вообще в отношении древнерусского периода истории. Однако это противоречие Грушевский

³²⁴ Грушевский М.С. История Украины-Руси. Т.1. Нью-Йорк, 1954. С. 14.

³²⁵ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 99–101.

сознательно игнорирует. Само его произведение служит ярчайшим примером того, когда научная картина мира, сформированная историческими трудами предшествующих поколений историков, тонко перекраивается в угоду политической целесообразности. Например, Грушевский напрямую возводит к древним антам: «Анты в нашем материале – это часть юго-восточной отрасли, собственно говоря тех племен, которые приготовили этнографическую целостность, которую мы теперь зовем украинской. Все говорит об этом отождествлении антов с предками нашего народа и придает ему правдоподобность, которая граничит с уверенностью. Мы видим, что эти анты выступают на территории, где позднее видим русинов и где и тогда, в VI в. не мог сидеть никакой другой славянский народ – понимаю край между Днестром и Доном. <...> напоследок – антская колонизация вполне отвечает тому, что мы на основе вышесказанного про направления славянской колонизации могли бы скомбинировать про праотчизну нашего народа и направления его колонизации. Это все говорю – делает можно сказать уверенным в том, что в антах мы видим предков украинских племен.»³²⁶. Таким образом, история Украины-Руси Грушевского – это кропотливая работа, которая зачастую изобилует вульгарными идеологическими вставками, подгоняющими исторический материал под современные автору национально-политические дискуссии. Поэтому исторические работы Грушевского – это, безусловно, работы ученого-историка, однако при наличии в них всего необходимо инструментария, эрудиции, таланта, все-таки мы наблюдаем, что талант Грушевского как историка полностью подчинен конкретным текущим задачам его как политика, целью которого ставится обоснование исторических притязаний зарождающейся украинской народности. В этом контексте характерны даже названия определённых разделов «истории Украины-Руси»: «Украинская территория в последних геологических формациях, следы палеолитической культуры на Украине,

³²⁶ Грушевский М.С. История Украины-Руси. С. 182.

«неолитическая культура ее распространение на Украине», «вопрос про бронзовую культуру на Украине».

Таким образом, для доказательства необходимости создания украинской национальной автономии, и как логичное продолжение ее дальнейшего развития – создание украинского независимого государства, Грушевскому необходимо было всеми правдами и неправдами доказать самостоятельность и независимость истории украинской по отношению к истории Российской. Для этого необходимо оспорить «пальму первенства» великоросса как старшего брата, ударив по узловой точке – преемственности Северо-Западной Руси по отношению к Киевскому периоду. Полемика с этим, казалось бы, неоспоримым положением является ключевой целью исторических изысканий Грушевского. Попытка создания такой исторической системы координат, в которой именно украинский народ оказывался бы древнее великоросского «старшего брата», оказавшись вдруг истинным наследником истории Древней Руси, выступив на исторической сцене в качестве своеобразных «римлян» по отношению к более поздним «итальянцам» великороссийской культуры – вот тот концептуальный вклад, который Грушевский своими историческими работами попытался заложить в основу украинской идентичности, складывающейся на рубеже XIX–XX вв. Именно поэтому здесь отчетливо прослеживается, что текущие общественно-политические задачи в условиях сложной и противоречивой политической обстановки в Российской империи периода начала XX в. у Грушевского во многом подчинили себе его научно-теоретическую деятельность, поставив ее на службу политическим задачам поднимающего голову украинского движения.

В значительной мере М.С. Грушевскому удается систематизировать и скоординировать легальную работу сторонников украинской национальной идеи на поприще их участия в работе Государственной думы I созыва. Постепенно М.С. Грушевский при участии Украинской демократическо-радикальной партии начинает осуществляться непосредственная консолидация думских депутатов вокруг Украинской парламентской громады.

Безусловно, вклад представителей УДРП также имел немаловажное значение в деле развития данной организации. Однако скорее всего общественно-политическим деятелям УДРП не хватило было потенциала для реализации данного проекта на должном уровне, как, к примеру, это сложилось в ходе ситуации, когда УДРП оказалась не в состоянии должным образом организовать свое представительство в Думе. На этом моменте мы вынуждены будем немного оставить в стороне, освещение роли публицистической и организационной деятельности М.С. Грушевского, осуществлявшейся в ходе событий революции, рассмотрев их в рамках отдельного раздела чуть ниже, для того, чтобы заняться более подробным анализом непосредственной деятельности Украинской парламентской громады и депутатов представляющих украинское национальное движение в ходе работы Государственную думу I и II созывов.

Так, украинская парламентская громада начала свою непосредственную работу 1 мая 1906 г. Технические организации по осуществлению работы Украинской парламентской громады взяли на себя представители петербургской громады Украинской демократическо-радикальной партии (в частности П.Я. Стебницкий, А.А. Русов³²⁷). Формально деятельность II Государственную думу II созыва возглавил И.Л. Шраг. В Петербурге членами громады было подобрано соответствующее помещение для проведения заседаний, которые происходили с очередностью раз в неделю. На первом заседании присутствовали 22 депутата. Затем число участников «Украинской парламентской громады» возросло количества до 40–44 человек. При этом, следует отметить, что составе данного числа депутатов «громады», естественным образом далеко не все присутствующие являлись активными сторонниками украинского национального движения. Дело в том, что под руководством М.С. Грушевского, а также наиболее активных членов УДРП широко внедрялась практика привлечения крестьянских депутатов к участию в деятельности «Украинской парламентской громады». По существу, большая

³²⁷ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 55.

часть из данного числа входивших в состав «громады» депутатов Государственной думы I созыва – это так называемые «крестьянские депутаты», которые к представленному в лице узкой группы местной интеллигенции, представляющей украинское движение, имели весьма опосредованное отношение. Так, из данного числа входящих в группу «парламентской громады» числа сорока четырех человек в реальности существовало лишь несколько человек, которые действительно принимали активное участие в деятельности украинского национального движения как до Первой русской революции, так и после того как перестали быть депутатами в составе Государственной думы I созыва – это И.Л. Шраг, В.М. Шемет, П. Чижевский, А.Г. Вязлов, М.Ф. Беляшевский и др. Большая же часть представителей крестьянства принадлежала либо к кадетской партии, либо были беспартийными и входили в состав трудовой фракции. Степень их отношения к украинскому национальному движению была разная, в каком-то смысле она показательно демонстрирует нам степень популярности идей украинского национального движения в среде малороссийского крестьянства на период Первой русской революции 1905–1907 гг.

Так, в первую очередь следует отметить, что среди представителей крестьянства, оказавшихся в составе «громады», помимо, пожалуй, упомянутого А.Г. Вязлова, сложно было бы найти того, кто напрямую идентифицировал себя в качестве участника украинского движения, был бы активным участником партий и объединений украинского движения вне деятельности Думы. В остальном в своем подавляющем большинстве крестьянские депутаты из «Украинской парламентской громады» в большей степени тяготели к общероссийским партиям и общественно-политическим силам. Нельзя сказать при этом, что отдельные проявления тяги к украинской национально-политической идентичности были им чужды. Безусловно, имелись в составе числа малороссийских депутатов и те, кого украинская идея действительно влекла за собой, и они стремились всяким образом внести свой посильный вклад в развитие украинского вопроса в Российской империи, как,

к примеру, это делал Н.С. Онацкий, или же Е.Г. Шольп, который совместно с Вязловым и Шрагом участвовал в подготовке громадой закона о национальных правах и декларации об автономии Украины³²⁸. Однако была весомая часть членов «Украинской парламентской громады», которая никакого настойчивого рвения к судьбе украинской национальной идеи существенно не проявляла. Это, как уже отмечено, являлось весьма показательной характеристикой мировоззрения малороссийского крестьянства в целом – в среде малороссийского крестьянства двойственность, амбивалентность по вопросу национальной идентичности. Отдельные элементы местных провинциальных особенностей совершенно без каких-либо препятствий переплетались у них с общерусской идентичностью, а также имел место быть отчетливо выраженный приоритет внимания к вопросам социально-экономического характера над вопросами национальными. Все это не укладывалось напрямую в догматизированные идеологические контуры украинского конструкта. Необходимого уровня влечения в среде представителей малороссийского крестьянства к вопросам и тонкостям украинской национальной идентичности в должной степени не хватало для того, чтобы сформировать из них преданных сторонников украинского дела.

Важно отметить, что в число депутатов от малороссийских крестьян в составе Государственной думы I созыва как правило выходцы из достаточно обеспеченных слоев крестьянства, выделявшихся из числа массы крестьян своей активной общественно-политической позицией. Что же касается рядовой массы крестьянства – в их среде явным образом еще в меньшей степени наличествовало стремление разбираться в тонкостях украинского национального вопроса. Именно поэтому М.С. Грушевский в ходе своей активной политической кампании периода Первой русской революции 1905-1907 гг. призывал осуществлять процесс построения украинской нации и украинизации ускоренными темпами, не ожидая какой-либо инициативы и участия со стороны масс малороссийского крестьянства. Таким образом,

³²⁸ *Ефремов С. Пам'яті А. Г. Вязлова // Промінь, 1919. М., С. 45.*

представителям «Украинской парламентской громады» удалось привлечь крестьян-депутатов в число участников объединения по большей части на волне революционного подъема, когда отчётливым образом наблюдался резкий рост интереса к любым общественно-политическим течениям оппозиционным правительству и имперской государственности, по большей части их интерес к политическому украинству был во многом поверхностен и ограничивался лишь периодом их общественно-политической деятельности в качестве депутатов Государственной думы I созыва. М.С. Грушевский и члены Украинской радикально-демократической партии прекрасно отдавали себе в этом отчет, стремясь сделать из «Украинской парламентской громады» не столько центр непосредственного сосредоточения всех депутатов-сторонников украинской национальной идеи, сколько удобную площадку, на базе которой бы осуществлялась пропагандистская работа среди крестьян и привлечение их в лагерь сторонников украинского движения. На практике итоговой результат деятельности подобной «школы» был крайне невелик – по настоящему массово завлечь в свой состав депутатов Государственной думы I созыва из малороссийских крестьян им не удалось. По большей части многие из них так и остались принадлежать в «Украинской парламентской громаде» лишь формально. Однако же члены УДРП и М.С. Грушевский придавали работе данного объединения решающее значение, представляя ее как авангард украинских политических сил, консолидировано выступивших в решающий час возможности крупных изменений в общественно-политической жизни России для того, и сделать первый шаг на пути создания украинской национальной автономии.

Во многом в действительности реальные успехи «Украинской парламентской громады» оказались на деле весьма скромны. Безусловно, сам факт работы Государственной думы I созыва всего на протяжении 72 дней также немало смог поспособствовать этому. Однако, представляется, что основная причина неудач «Украинской парламентской громады» лежала все-таки в несколько иной плоскости. Разработанный М.С. Грушевским,

А.Г. Вязловым, И.Л.Шрагом и Е.Г. Шольпом проект «Декларации украинской автономии» был исключен кадетской фракцией из планов работы Думы в силу их опасений о несвоевременной остроте постановки национального вопроса, способного помешать борьбе за их политическую программу³²⁹. Члены «Украинской парламентской громады» продолжали активно изыскивать пути для реализации возможности постановки вопроса о создании национально-культурной автономии. Следующим политическим объединением, которое депутаты-украинофилы рассматривали в качестве возможной площадки для усиления собственных позиций в Думе стал Союз-автономистов. Данный союз представлял из себя объединение депутатов от национальных сил, к созданию которого непосредственно приложили руку представили УДРП из Украинской парламентской громады, так И.Л. Шраг в «Союзе» занимал должность заместителя председателя организации.

Сам принцип формирования организации уже являлся весьма показательным, так как фактически данный «Союз автономистов» представлял из себя одну из первых подобного рода организаций националистических сил, объединяющих на поле единой политической платформы общественно-политических деятелей, выступающих за децентрализацию и федерализацию России, вплоть до непосредственного отделения территорий из ее состава. В годы Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны будет подобных создано немало, в том числе при активном участии и посредничестве членов украинских организаций – это и «Союз народов», и «Бюро народов России», и «Лига иногородних народов России», и «Бюро народов России» Д.И. Донцова, и «Союз сближения возрождённых наций». Безусловно, стремясь выступить на официальной трибуне Государственной думы I созыва, депутаты национальных сил в составе «Союза» выступали исключительно с проектами национально-территориальных автономий, действуя в рамках допустимых для них исторических условий. Идея же создания подобной организации была

³²⁹ Михутина И.В. Указ. соч. С. 87.

предложена еще в период выборной кампании на съезде автономистов в Петербурге 19–25 ноября 1905 г. собрано под началом русского филолога польского происхождения И.А. Бодуа де Куртенэ.³³⁰ На съезде принимали участие представители от 13-ти национально-политических представительств – азербайджанцев, белорусов, армян, грузин, эстонцев, евреев, киргизов, литовцев, латышей, поляков, татар и украинцев. Сам процесс создания организации достаточно серьезно растянулся во времени. Так, непосредственной же датой основания данной парламентской фракции считается 11 мая 1906 г. когда была принята программа под общим названием «Программа для взаимной помощи и обороны, а также для осуществления автономной идеи на демократических началах»³³¹.

Таким образом, реальный срок, в ходе которого фракция непосредственным образом осуществляла свою общественно-политическую деятельность составил совершенно небольшой промежуток буквально в полтора-два месяца, за который представители «Союза», в сущности, ничего не успели сделать. Однако основная причина, по которой представителям украинского национального движения не смогли достичь каких-либо ощутимых результатов посредством участия в деятельности «Союза автономистов» заключалась даже не этом. На деле даже в объединении думских национальных групп на момент 1905 г. создание украинской национальной автономии считалось проектом по-настоящему невозможным для осуществления в силу национальной незрелости украинского народа. Главенство данного мнения в среде представителей «Союза автономистов» являлось вполне закономерным, так как преобладающее количество мест в составе союза принадлежало представителям польских национальных сил – их число насчитывалось в количестве 40 человек к общему числу в 110–120 членов, представителей же остальных национальных групп на долю от общего числа приходилось гораздо меньше. Участники польского национального

³³⁰ Мухутина И.В. Указ. соч. С. 88.

³³¹ Там же.

движения зачастую стремились использовать украинское движение в своих интересах, однако с весьма большим недоверием относились к территориальным притязаниям украинского движения, усматривая Галицию, а во многом и малороссийское Правобережье в качестве собственных территорий. Несмотря на то, что И.Г. Шраг являлся заместителем председателя в «Союзе автономистов», даже в организации с откровенно сепаратистскими политическими наклонностями как «Союз автономистов» продолжала господствовать точка зрения на украинскую национальную идентичность как на незрелую. Таким образом, никаких реальных результатов в деле продвижения своей программы украинской автономии члены «Украинской парламентской громады» от своего взаимодействия с «Союзом автономистов» также не получили. Программа украинской национально-политической автономии не нашла по-настоящему значительной поддержки ни в среде российского освободительного движения, ни среди автономистских национальных кругов.

С подачи М.С. Грушевского представители украинских национальных организаций активным образом стремились выйти на внешнее поле, дабы преодолеть замкнутость и ограниченность интеллигенции из состава УДРП на самих себе и своем внутреннем круге. Вполне справедливо критикуя за это представителей украинских организаций Российской империи, М.С. Грушевский активно сподвигал представителей политического украинства, и, в частности, УДРП стремиться выходить на поле активного взаимодействия с русской общественностью Москвы и Петербурга, актуализировать украинский вопрос в умах российского городского обывателя. В отношении печатно-просветительских изданий из приведённого выше обильного публицистического наследия М.С. Грушевского свою роль в пропаганде идей украинской национально-культурной автономии должно было сыграть издание еженедельника «Украинский вестник». Следует отметить, что сама концепция журнала была реализована в духе Украинской демократическо-радикальной партии и тех традиций украинофильского культурничества, что

продолжали находить широкий отклик и оставаться крайне популярными среди участников партии. Так название журнала в точности воспроизводившее одноименное наименование Харьковского научного историко-философского журнала с этнографическим уклоном в малороссийскую тематику, созданного по инициативе И.И. Срезневского и издававшимся под непосредственной редакцией преподавателей Харьковского университета в 1816–1819 гг. Это был один из первых журналов, на страницах которого отражался просыпающийся интерес академического сообщества к малороссийской старине, истории, народному фольклору, этнографии. Представители Украинской радикально-демократической партии, таким образом, заимствуя данное название, стремились активным образом подчеркнуть, что они в своем лице являются прямыми непосредственными наследниками того самого цвета профессорской интеллигенции Харьковского университета и просветительских традиций данного журнала.

Данная попытка отождествления себя с изданием И.И. Срезневского, совершенная в духе подхода политического украинства начала XX в., явным образом в действительности может быть охарактеризована в качестве весьма условной, литературное творчество Г. Квитки-Основьяненко или же научные изыскания И.И. Срезневского в содержательном плане составляли далеко не одно целое с тем идейным наполнением украинского национального конструкта, которое развивалось на страницах программных требований научно-публицистических работ представителей украинских организаций. Романтико-этнографическое увлечение малороссийской стариной первой половины XIX в. по большому подразумевало изучение малороссийской народности как непосредственной части русской культуры и не предполагали в рамках данных изысканий какой-либо постановки вопроса об отдельной национально-политической идентичности. Этим с большим рвением занялись уже впоследствии кирилло-мефодиевцы, став «пионерами» на поле разработки концептуальных положений политического украинства. «Украинский вестник», таким образом, в гораздо большей степени являлся

прямым продолжением интеллектуальных традиций «кирилло-мефодиевцев», а не одноименного издания 1816–1819 гг.

Из других предлагаемых на рассмотрение вопросов, помимо программы украинской национальной автономии, «Украинская парламентская громада» в лице А.И. Лотоцкого сумела подать на рассмотрение проект, направленный на отмену правил против возникновения стачек сельских рабочих от 15 февраля 1906 г., однако и он не успел был обсуждён депутатами уже по причине роспуска Думы ³³². По итогу в качестве результатов своей работы представители украинского национального движения в лице И.Г. Шрага получили разве что преследование властей по итогам его речи, направленной против еврейских погромов ³³³. Весьма скромные итоги деятельности «Украинской парламентской громады» в период деятельности Государственной думы I созыва отчетливо демонстрировали не только аморфность и слабость представительства украинских организаций, но и явное отставание их от необходимых требований времени. Представители Украинской демократическо-радикальной партии старались аккумулировать накопившийся негативный опыт в результате участия в работе Государственной думы I созыва для того, чтобы, сделав выводы из проделанной работы, надлежащим образом использовать его в ходе деятельности неформальной фракции украинского движения в рамках работы II Думы.

В составе второй Думы представители УДРП, сделав необходимые выводы из стойкого нежелания конституционных демократов рисковать собственной репутацией, открыто включая вопрос об украинской национальной автономии в состав своей программы, уже самостоятельно не стремились выдвинуть свою кандидатуру в состав депутатов Государственной думы II созыва. Зато активнейшим образом под эгидой деятельности «Украинской парламентской громады» проводилась работа по консолидации,

³³² Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 55.

³³³ Украинская платформа // Украинская жизнь. 1912. № 4 С. 82–84.

координации усилий и политической работе среди крестьянских депутатов. Это так или иначе говорило о наличии определенной степени интереса среди малороссийских крестьян к украинскому национальному движению несмотря на то, что, как указывалось выше, основную характеристику их мировоззрения продолжала составлять такая черта как амбивалентность, наличие проявлений как местной локальной, так и общероссийской идентичности. Не менее присущее для них стремление ориентироваться на общероссийскую политическую жизнь никуда от не уходило, и все-равно по итогу преобладало в качестве ключевой черты их мировоззрения, несмотря на то, что точно такой же непосредственный искренний интерес вызвала у них и агитация со стороны членов Украинской демократическо-радикальной партии.

Так, в «Украинскую парламентскую громаду» в период работы Государственной думы II созыва вошло 47 депутатов, большая часть из которых числилось во фракции трудовиков. Немаловажным фактором укрепления влияния украинского движения депутатов из числа крестьян являлась деятельность «Спилки». Более подробно достижения «Украинского социал-демократического союза» на данном направлении мы рассмотрим несколько позже, сейчас же достаточно просто отметить, что, существовало достаточно большое количество крестьянских депутатов из Малороссии с более умеренными взглядами, которые в силу высокой степени влияния «Украинского социал-демократического союза» на малороссийском селе были связаны со «Спилкой». Партией была организована передача составленных от лица крестьянства требований и петиций. Данная работа Украинского социал-демократического союза существенным образом укрепила позиции украинского движения в среде крестьянских депутатов от малороссийских губерний. Представляется, что она во многом даже в большей степени дала практический результат, чем работа, проводимая с крестьянскими депутатами от лица УДРП, проводимая не среди широких сельских масс, а с отдельными крестьянскими депутатскими представителями в Петербурге. В период работы Государственной думы II созыва украинская парламентская громада

продолжает активным образом проводить свои еженедельные заседания. На заседаниях громады были разработаны проекты закона об автономии Украины, местном самоуправлении, введении требований украинского языка в школе, судах, церкви³³⁴. Естественным образом, большая часть данных инициатив так и осталось нереализованной, по общему итогу, не выйдя никуда дальше обсуждений и дискуссий внутри участников громады. Главное программное требование представителей украинских национальных организаций – национально-территориальная автономия снова остается за рамками внимания деятельности Государственной думы II созыва. По большому счету каких-либо серьезных видимых достижений представители украинского движения в лице Украинской демократическо-радикальной партии в работы II Думы так и не достигли. Так, единственным результатом на законотворческом поле работы II Думы, стал вклад представителей «Украинской парламентской громады» в принятие поправок в законопроект о народном образовании, в котором содержались требования создания курсов украинского языка, литературы и истории для учителей, введение обязательного языка в учительских семинариях в Малороссии, основание в Киевском, Одесском и Харьковских университетах кафедр украинской истории³³⁵. Продолжала также издаваться представителями негласной украинской фракции газета под названием «Рідна справа – вести с Думы». Из деятельности данного издания видно, что представители УДРП сделали ряд выводов по итогам «Украинской парламентской громады» в I Думе. Так, концепция издания изменилась. С этого момента газета предназначалась для крестьянства, а охват ее читателей по общему итогу составил 2 тысячи человек³³⁶. Но в остальном общий практический результат деятельности «Украинской парламентской громады» во Государственной думе II созыва

³³⁴ Дорошенко В. Українство в Росії. Новійши часи. Відень. 1916 С. 65.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 55.

оказался неудовлетворительным, по большому счету ни она из приоритетных политических задач не была реализована на должном уровне.

Таким образом, в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. на легальном поле общественно-политической борьбы представители украинских организаций, и, в первую очередь, Украинской демократическо-радикальной партии, члены которой в наибольшей степени из всех партий были готовы к открытому публичному диалогу с властью, выступили с достаточно выраженной линией программных требований, включавших в себя центральный пункт о национально-политической автономии с широкими правами местного самоуправления, публичное использование украинского языка в государственных и образовательных учреждениях, улучшение условий хозяйственной деятельности малороссийских крестьян. Весомый вклад в формирование и актуализацию на общественно-политическом поле данных требований внес своей деятельностью М.С. Грушевский. Его злободневные общественно-политические статьи, исторические труды и деятельность, направленная на консолидацию сил разрозненного украинского движения, а также общей координации деятельности «Украинской парламентской громады» в период работы Государственной думы I и II созывов внесла решающий вклад в процесс политического развития движения на данном этапе.

Курируемая М.С. Грушевским и ведущими представителями УДРП «Украинская парламентская громада» стала своеобразным «политическим университетом» для крестьянских депутатов-малороссов, где они должны были усвоить ключевые идеологические постулаты членов украинских организаций. Однако по итогу деятельности «Украинской парламентской громады» в среде украинского движения ни одно из его программных требований не вошло в повестку рассмотрения Государственной думы I и II созывов. Идея привлечения на свою сторону представителей широкого круга депутатов крестьян-малороссов во многом также не оправдала себя. Ряд

депутатов, числившиеся в составе «Украинской парламентской громады» в действительности входили в объединение лишь номинально, в свою очередь, большая часть остальных депутатов сразу же после роспусков Государственной думы I и II созывов прекратила какие-либо взаимоотношения с представителями украинского движения.

2.3. «Спилка» и УСДРП в 1905–1907 гг.: борьба за влияние на крестьянство и вопрос об объединении с РСДРП.

Каким же образом складывалась деятельность социал-демократического направления партийно-политической жизни украинского движения в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.? Безусловно, в первую очередь здесь пойдет речь о деятельности Украинского социал-демократического союза («Спилка») и Революционной украинской партии (с 1905 г. – УСДРП). Фактически, в период революции, деятельность данных объединений характеризовалась постоянными межпартийными обоюдным соперничеством за социальную базу. В революционные годы М.С. Грушевский не просто так критиковал украинские организации Российской империи за неспособность консолидироваться в нужный момент для решения стоящих на повестке дня актуальных политических задач. Ярким проявлением данной неспособности станет то, как РУП (УСДРП) и «Спилка» на постоянной основе вели ожесточенную борьбу за симпатии малороссийского крестьянства.

Так, В. Дорошенко отметит: «Но была еще одна сторона, бесспорно негативная, которая в большой степени стала причиной обострения отношений к «Спилке» в революционных кругах. Потому что «Спилка» не удовлетворилась поставленной себе целью организации украинского пролетариата, но объявила войну РУП как партии «мелкобуржуазной» и «националистической» партии, и везде, где могла, вредила ей, стараясь уничтожить ее влияние и ее саму, перетянуть к себе ее организации»³³⁷. Здесь, безусловно, следует учитывать, что симпатии В. Дорошенко всецело находятся на стороне Революционной украинской партии, поэтому он и ставит «Спилке» в вину работу, направленную на развал украинского национального движения. Однако представляется, что в данном случае обе партии украинского движения были настроены на взаимную схватку за перехват инициативы по работе «на земле». Изначально в этой схватке РУП занимала лидирующие позиции. О. Гермайзе в подтверждение данного тезиса приводит

³³⁷ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 32.

данные Архива киевского управления жандармского отделения за 1905 г., согласно которому на Киевщине количество изъятой литературы и прокламаций Революционной украинской партии превышало в разы общее количество той же самой литературы со стороны «Спилки»³³⁸. Однако по мере организационного и количественного роста «Спилки» ситуация, складывающаяся на селе, начинала интенсивно меняться, и уже в отношении дальнейшего периода Первой русской революции О. Гермайзе приходится признать, что «Спилка» имела и «лучшую организацию и большее влияние на массы»³³⁹.

Соперничество между партиями было ожесточенное, имели место быть постоянные схватки и выяснение вопроса о том, кто же в итоге перетянет на свою сторону местные ячейки и за кем в итоге пойдут представители украинствующей интеллигенции, крестьянства, сельского пролетариата на местах. Конкуренцию партиям на местах пытались создать и местные ячейки РСДРП. В. Дорошенко отметит: «Также, вспоминая, немало трений (со «Спилкой» – В.Е.) было у нас и в Полтавском уезде, где в близких к Полтаве селах (Крутой берег, Жуки и тому подобные) имели мы свои организации и вообще проводили революционную работу. Проживая в 1905–1906 гг. в Полтаве, я как член полтавского комитета партии принимал близкое участие в этой работе, особенно в Полтаве и в с. Крутой берег, где бывали массовки «...» Толкался на них и тов. Игнат с РСДРП, желающий испечь свое жаркое на нашем огне. И от нескольких раз необходимо было сдерживать работников, чтобы не побили Игната за его конкурентные забеги»³⁴⁰. Борьба принимала серьезный, а порой и скандальный характер, «Спилка» и УСДРП далеко не стремились объединяться друг с другом на почве борьбы за украинское национальное дело, зачастую приводя порой даже к развалу

³³⁸ Гермайзе О. Указ. соч. 1926. С. 284.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 327.

имеющейся работы на местах, которую удавалось в той или иной степени выстроить за предшествующий период.

Так, весьма показательным в этом отношении будет рассмотреть один из эпизодов внутренней борьбы, разворачивающийся на Лубенщине в революционные годы, приведенный В. Дорошенко на страницах своей работы, посвященной истории партии: «Только раз посчастливилось «Спилке» перетянуть на свою сторону целую организацию РУП весной 1906 г., когда в Лубнах вышла из партии целая группа интеллигентов и вступила в «Спилку». Но когда эти интеллигенты хотели перетянуть на свою сторону и работников, те не пошли за ними, а еще в специально изданном воззвании заклеили недостойное поведение своих вождей»³⁴¹. Безусловно, освещая данный фрагмент из истории раскола эрупистских ячеек в революционные годы, В. Дорошенко стремится дать соответствующую интерпретацию результатов данного столкновения в свете более выгодном для РУП, демонстрируя, что и большая часть сельско-пролетарского элемента по общему итогу осталась верна «Революционной украинской партии», и для ситуации, складывающейся в сфере общественной работы на местах на момент 1906 г. (привлечение материалов воззваний дает возможность датировать указанное событие 23 февраля 1906 г. – В.Е.).

В действительности, сопоставление сообщенных В. Дорошенко сведений с содержанием текстов двух воззваний, одним из которых является то самое упомянутое выше воззвание, специально изданное «рабочими» с осуждением на его страницах «недостойного поведения», перешедших на сторону «Спилки» украинофилов, а вторым – ответ представителей украинского движения, образовавших в результате своего ухода новую ячейку «Украинского социал-демократического союза», дает возможность нам установить более-менее приближенную к действительности картину того, каким образом осуществлялась борьба между «РУП» и «Спилкой» за влияние

³⁴¹ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 33.

на свою социальную базу в годы Первой русской революции. Отдельную благодарность за это следует выделить О. Гермайзе, который сохранил и привел на страницах своего труда полные тексты данных воззваний, так как в фондах Департамента полиции за годы Первой русской революции данных воззваний не встречается, да и тираж их был по-видимому крайне невелик, так как обе листовки были гектографированы на половине листа обычной бумаги³⁴². Сопоставив данные, сразу же становится ясным, что упомянутую ситуацию следует рассматривать, учитывая реальное состояние украинского движения и способность его влиять на ситуацию на местах, складывающуюся на момент 1906 г. Во-первых, оказалось, что общее количество участников комитета РУП в Лубенщине состояло из пятерых человек, а в свою очередь «группа интеллигентов», вышедшая из состава партии состояла из четырех человек, таким образом, после данного организованного группового выхода партийный комитет насчитывал только одного человека. От его же лица было издано воззвание, авторство которого Дорошенко приписывал на страницах своей работы «рабочим». Под порицанием же недостойного поведения подразумевалось, по-видимому, горячее выяснение насущного вопроса о том, кто же в конце концов первым инициировал собственный выход из партии, на чьем счету по итогу должна касса и библиотека организации.

Представители украинствующей интеллигенции в Лубенщине, почему-то, несмотря на свое пренебрежительное отношение к русской культуре, в данном случае проявив себя в числе преданных последователей наследия русской классической литературы, в лучших традициях гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Так, суть первого воззвания изданного под названием «к Обществу» от лица РУП, заключалась в том, что оставшись в одиночестве, участник «Революционной украинской партии», выразил свое острое несогласие с фактом выхода из партии четырех комитетов, объявив, что в виду неприятия позиции всех остальных членов выход из комитета совершил именно он, а никак не

³⁴² Гермайзе О. Указ. соч. С. 289.

наоборот, и что в связи с этим он заново своей волей утверждает новый комитет УСДРП (РУП), который ничего общего со старым не имеет, и поэтому свою политическую линию он имеет право насаждать как ему самому заблагорассудится, сообразуясь только с генеральной идеологической линией партии и со стремлением к правдивости в освещении событий³⁴³. Новоиспечённые члены «Спилки» на страницах своего воззвания, в свою очередь, доносили, что решение о выходе было принято четырьмя членами комитета партии, в обстоятельствах отказа пятого члена партии участвовать в обсуждении и физического отсутствия еще двух других представителей в Лубнах в этот момент, и что отказ от участия в обсуждении вопроса никак в свою очередь нельзя трактовать в качестве выхода из партии. Далее представители «Спилки» в качестве прямого доказательства собственной инициативы выхода из партии отрывки из внутрипартийных резолюций РУП относительно случая, где с осуждением отмечается их инициатива по выходу из партии, а также ставится требование передать все наличное имущество и партийные денежные средства обратно. Передачу средств теперь уже ставшие членами «Спилки» общественно-политические деятели не осуществили, ограничившись передачей в адрес РУП счета со всеми расходами по ней, а в отношении же имущества – обратно в собственность РУП была возвращена библиотека³⁴⁴.

Вот в чем, по-видимому, и крылись действительные причины «недостойного поведения» членов «Спилки». Что же касается рабочих, то, представляется, что во всем данном межфракционном конфликте внутри среды молодых представителей украинского движения по-настоящему действительное отношение к пролетариату имел разве что лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», помещенный в начальной части брошюры. Так, в Лубнах действительно было достаточно сильно представлено украинское движение. Лубенская громада, которая имела еще и другое

³⁴³ Гермайзе О. Указ. соч. С. 287.

³⁴⁴ Там же. С. 289.

название – «На Полтавщине», существовала и активным образом вела свою общественно-политическую деятельность еще до начала создания РУП. Несмотря на небольшое число участников в комитете (6–7 человек), Лубенская группа всегда имела в среде украинофилов выраженную субъектность и традиционно всегда упоминалась отдельно от Полтавской громады. Если добавить к этому представителей УНП, УДРП и просто отдельных непартийных представителей интеллигенции и учащихся средних учебных заведений, коих было не мало в данной местности, то мы получим на выходе весьма высокую концентрацию представителей украинского движения для одного небольшого уездного центра с населением в десять тысяч человек, не считая окрестности. Для примера, нет уверенности, что такой же степенью концентрации представителей украинского национального движения на момент начала XX в. мог обладать Чернигов или же Екатеринослав.

Поэтому вполне можно допустить, что какая-то поддержка рабочих у РУП и «Спилки» в Лубнах действительно была, хотя Лубенский уезд не особо мог похвастаться развитым характером производства, скорее украинские партии пополнялись как раз за счет гимназистов и учащихся училищ. Таким образом, складывающееся межпартийное противостояние и в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. сильно накладывало на украинское движение ограничения по способности к консолидации в условиях новых исторических вызовов, заставляя оттягивать силы и терять время на выяснение внутренней проблематики вместо перенаправления и концентрации общих сил на активную борьбу на поле общероссийской общественно-политической жизни и реализацию первоочередного для всех украинского национального вопроса.

Как уже нами было отмечено, к моменту начала Первой русской революции 1905–1907 гг. украинское национальное движение на территории Российской империи к новому возникшему вызову времени оказалось совершенным образом не готово. В среде украинских нелегальных политических царил разобщенность, постоянные конфликты и споры на

предмет программных и тактических разногласий, оборачивающиеся внутривнутрипартийными расколами и отсутствием необходимой степени консолидации и взаимопонимания порою даже внутри среды представителей ЦК одной партии. На местах при этом, как будет подробно показано ниже, во многом происходило столкновение партий и схватка за преобладающее влияние на местные комитеты. Сама специфика социального ядра движения, по большей части состоящего из представителей интеллигенции, обуславливала отсутствие какой-либо выраженной структурированности, непостоянность и колебания в отношении своих политических пристрастий, склонность к теоретизированию, неумение консолидироваться в нужный момент. Данное изречение, пусть оно было написано позже, как нельзя лучше отражает разобщенность и атомизацию большей части представителей украинствующей интеллигенции и студенчества в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. В момент, когда и так небольшому по характеру своего охвата представителям местного провинциального национального движения необходимо было для достижения действительно ощутимых результатов на поле общественно-политической практики взять инициативу в свои руки, забыть предыдущие разногласия и объединить все свои силы для единый волевой кулак, наблюдается ровно обратная картина. Несколько сравнительно небольших по составу и числу участников партий не только не стремятся друг с другом объединяться, но и ведут постоянную конкурентную борьбу против друг друга, тратя силы и время на собственное межпартийное противостояние.

Так, активно конкурировали между собой за влияние на местные комитеты РУП (УСДРП) и отколовшийся от нее Украинский социал-демократический союз («Спилка»). Далеко не в лучших взаимоотношениях находились между составом УНП и РУП (УСДРП), между же УДРП и РУП (УСДРП) сближение шло крайне тяжело, было сопряжено со взаимным обоюдным неприятием общественно-политической Деятельности двух политических партий украинского национального движения. В свою очередь

в годы Первой русской революции 1905-1907 гг. представители «Спилки» стремились к реализации своей партийной концепции о необходимости сближения и осуществления партийно-политической работы в составе РСДРП и другими общероссийскими социал-демократическими партиями.

В отношении дальнейшей общественно-политической работы Революционной украинской партии (УСДРП) в годы революции наступает время спада и переосмысления тактики и стратегии действий в условиях, когда, казалось бы, необходима, напротив, инициатива и воля конкретных практических действий в эпоху революционных перемен. Бывшие однопартийцы активным образом проявляют себя, принимая участия в других объединениях – «Спилке», УНП, УДРП, украинских эсеров, РСДРП и др. Имена тех, кто раньше значился среди активнейших членов Революционной украинской партии, теперь часто начинают называться совершенно в негативных коннотациях. К примеру, В. Дорошенко отметит: «В Лубенщине, помню, вообще, «Спилка» заядло воевала с нами, чем особенно выделялся Павел Розвей-Поле (Павел Крат)»³⁴⁵. Поле работы на основном направлении общественно-политической деятельности эрупистов, того дела, что им действительно до определенной степени удавалось – работать с сельским населением Малороссии, в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., все в больше степени переходит теперь в руки «Спилки», и это отмечают все авторы. О. Гермайзе, в прошлом член УСДРП, чьи симпатии явным образом находящийся на стороне последней, тем не менее как исследователь вынуждено отметит: «переходя к объективной исторической оценки деятельности «Спилки» и УСДРП, должны признать, что «Спилка» имела в первые годы своего существования и лучшую организацию и более показательные результаты»³⁴⁶, то же самое отметит и эрупист В. Дорошенко: «Ставшая областной организацией Российской партии,

³⁴⁵ *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 32.

³⁴⁶ *Гермайзе О.* Указ. соч. С. 284.

«Спилка» пользуясь помощью ее организаций, «Спилка начала играть значительную роль в политической и экономической борьбе сельского пролетариата на Украине «...» Крестьянские забастовки 1906 г. на Правобережье проходили по большей части под организационным руководством «Спилки»³⁴⁷. Революционная украинская партия (УСДРП) находилась в стадии весьма серьезного внутреннего и организационного кризиса, который безусловно ни носил радикально-критического характера, ни не предполагал какого-либо кардинального упадка или движения партии к ликвидации. Однако необходимость пересмотра и поиск путей выхода в новых условиях, стремление к принятию свежих решений, способных дать новое дыхание деятельности первой неформальной политической партии украинского движения, стали лейтмотивом деятельности Революционной украинской партии с началом революционных событий, а , в свою очередь, непосредственным отражением данной тенденции стал II-ой съезд Революционной украинской партии в декабре 1905 г., состоявшийся практически ровно через год после раскола.

Данный съезд ознаменовал собой официальное завершение существования и деятельности РУП, однако осуществляемое не путем роспуска и самоликвидации, а произведенное путем реорганизации партии в новую партию украинского национального движения – Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). Так как никакого самороспуска не было, де-факто деятельность УСДРП являлась продолжением деятельности Революционной украинской партии, только уже в новом качестве, обусловленном адаптацией программно-партийной тактики и партии, прошедшего за короткие пять лет через столь большое количество разных прений, конфликтов, уходов из партии, к моменту декабря 1905 г. Переименование же и реорганизация «Революционной украинской партии» действительно в большей степени носило тактический

³⁴⁷ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 35.

характер, однако это не мешало как представителям украинского движения, так и исследователям считать декабрь датой окончательной датой существования РУП и началом общественно-политической деятельности УСДРП. С формальной точки это действительно верно. Однако для тех, кто стремится понять ход и логику развития украинского движения в Российской империи на момент начала XX в., необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что общественно-политическая деятельность, проводимая как членами РУП, так и УСДРП в сущности являлась прямым воплощением единой политической линии одной и той же партии, в которой сохранялась преемственность состава, местных организаций, печатных изданий.

В сущности, несмотря на то, что РУП (УСДРП) весомо потеряла и в отношении количественного состава членов партии, и в отношении своего влияния на студенчество, и, тем не менее, именно в среде ядра политического актива УСДРП довершили свое мировоззренческое и политико-профессиональное становление большая часть тех общественно-политических деятелей, которые впоследствии играли ключевую роль в истории Украинской народной республики и Директории УНР в годы Гражданской войны в России – В.К. Винниченко, С.В. Петлюра, Н.В. Порш, В.М. Чеховский, В.В. Садовский и другие. Безусловно, состав правительственных учреждений Украинской народной республики, а впоследствии и Директории в своей основе, так или иначе состоял из участников исследуемых нами партий и организаций – это было движение, сформированное из числа интеллигенции, студенчества со сходным социальным происхождением, вокруг которого уже концентрировалось малороссийское крестьянство и сельский пролетариат, все равно находясь на периферии движения. Почему же именно вокруг УСДРП был сконцентрирован круг общественно-политических деятелей, которым уготовано было сыграть крупную и при этом весьма неоднозначную роль в исторической судьбе России в переломные годы Гражданской войны?

Представляется, что именно в составе УСДРП были сконцентрированы те наиболее активные представители ядра студенческих громад, которые имели непосредственное отношение к деятельности «Братства тарасовцев», «Харьковской украинской студенческой громады» и прочих объединений 90-х гг. XIX в., стоявших у основания процессов формирования контуров нового политического этапа в истории украинства. Действительно, после крайне непростых идеологических и программных колебаний, подробно описанных в первой главе, в Революционной украинской партии возобладала линия, сформулированная и осуществленная на поле политической практики Н.В. Поршем, и в формальном отношении впервые отразившаяся на страницах «Проекта программы Революционной украинской партии».

Таким образом, после осуществившегося раскола партии в декабре 1904 г. впервые за четыре года в партии оформился некий негласный консенсус в отношении видения дальнейшей генеральной политической линии. В свою очередь, охарактеризовать данную линию можно бы было как украинский национализм, стремящийся в русле актуальной для его времени общественно-политической тенденции придать себе форму прогрессивного социал-демократического движения, маскируя политический конструкт под одежды национально-освободительной борьбы угнетенных, где классовая эксплуатация напрямую отождествлялась с процессом национального угнетения отдельного украинского народа (при этом субъектом эксплуатации выступал русский народ, олицетворением которого для украинофилов был монархический строй Российской империи). При всем своем тяготении к социал-демократическим воззрениям члены УСДРП, тем не менее, в своих программных воззрениях не соглашались отойти ни на шаг от требований национально-политической автономии, повсеместного введения использования украинского языка в малороссийских губерниях, федерализации края. Это была линия воззрений тех украинофилов, чьи национально-политические идеалы диктовали неприемлемость интеграции с российской социал-демократией, с одной стороны, а с другой стороны, все

равно будучи возвращёнными в лоне русской общественной жизни, стремились к позиционированию себя как в качестве социал-демократической организации. Продолжал последовательно осуществляться путь политического становления характерного типа «революционного юноши с «Коммунистическим манифестом» в одном кармане и «Кобзарем» в другом». Скорректированная под влиянием череды межфракционных столкновений в «Проекте программы» Н.В. Порша данная политическая позиция нуждалась в дооформлении и в конце концов нашла свое окончательное воплощение во II-ом партийном съезде УСДРП и его резолюциях. В чем же заключалось содержание данных резолюций? Сперва был соблюден формальный аспект, произошла смена названия – наименование «Украинская социал-демократическая партия» должно было подчеркнуть, что Революционная украинская партия уже давно не партия «Самостийной Украины». Как бы словно в доказательство этого следующей резолюцией «о теоретической программе партии», члены УСДРП провозглашают, что они всецело присоединяются к постановлениям социалистического конгресса в Цюрихе 1893 г., а также в основу теоретических представлений своей партии кладут теоретическую часть Эрфуртской программы³⁴⁸.

Со стороны может действительно составиться обманчивое впечатление, что всего за каких-то пять лет РУП действительно проходит путь от радикально-националистической «Самостийной Украины» к полноценному оформлению в социал-демократическую партию. Однако, простая констатация Эрфуртской программы в действительно еще совершенно не дает никакого понимания о самом характере идеологической платформы УСДРП и только запутывает дело, так как в тексте после заявления о солидарности с содержанием теоретической части Эрфуртской программы идет вся остальная череда принятых резолюций, которая как раз и заключала в себе суть программных требований УСДРП. Так, сразу же за резолюцией о теоретической программе партии шла резолюция «о национальном вопросе»,

³⁴⁸ Гермайзе О. Указ. соч. С. 291.

где отмечалось, что УСДРП враждебна не только экономической эксплуатации, но и национальному гнету как одному из проявлений господства капитализма³⁴⁹. Члены УСДРП декларировали, что они твердо отстаивают право на самоопределение, право наций на вольное существование и развитие. Тем не менее, бывшие эруписты тут же переходят к следующей резолюции «про автономию Украины», где усматривают политическую и экономическую децентрализацию в качестве важного условия экономической эволюции, считая, что автономия Украины, с представительным собранием национально-территориальной единицы, децентрализованным административным управлением и судопроизводством, а также правом законодательства в тех делах, которые касаются только народа, «проживающего на территории Украины», является наиболее удобной и приемлемой формой государственного и политического устройства³⁵⁰. Принцип национальной организации социалистических партий продолжал играть решающее значение в общественно-политической практике УСДРП. При этом, ни в одном пункте резолюций мы не наблюдаем поддержки членами УСДРП идеи диктатуры пролетариата – для настроенных в социалистическом духе партий украинского движения это был принципиальный аспект по причине их ориентации, так как в первую очередь работу они проводили в среде крестьянства и сельского пролетариата.

В отношении вопроса о границах, саму территорию Украины съезд признавал лишь в границах этнографических³⁵¹. Фактически это означало то же самое требование национально-культурной автономии, только завуалированное социал-демократической риторикой.

Концепция «этнографических границ» Украины являлась одной из излюбленных интеллектуальных уловок представителей украинского движения, посредством которого можно деликатно подвести обоснование для

³⁴⁹ Гермайзе О. Указ. соч. С. 262.

³⁵⁰ Там же. С. 263.

³⁵¹ Там же.

читателя под правомерность самого широкого варианта распространения политических границ Украины. Малороссы, украинцы как отдельная народность, и по всей видимости, даже как народ, безусловно, к началу XX в. уже была сформирована. Общность эта была достаточно многочисленная, и проживала, что общеизвестно, в самых разных регионах, не только на территории малороссийских и новороссийских губерний – это и Кубань, Ставрополье, Кавказ, отдельные территории Брянской, Курской и Воронежской губерний, а также заграничные Галиция, Закарпатье, Буковина, Холмщина. Все это, естественным образом, можно было также включить в состав национально-территориальной автономии. Концепция «этнографических границ Украины» была разработана задолго до того, как М.С. Грушевский озвучил ее в цикле своих статей в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Впоследствии, в украинистике собирательный комплекс представлений членов украинских организаций о территории расселения украинского народа, надлежащей войти в состав централизованного политического образования, получит название «Великая Украина».

В рамках отдельных проявлений данные представления закономерным образом существовали с самого начала складывания общественно-политической деятельности представителей украинского движения. Но свое прямое воплощение представления в полной мере получили уже на страницах «Самостийной Украины» и текста программы Украинской народной партии». Концепция молодого тридцатимиллионного украинского народа (включавшего в себя как малороссов, так и русин), обладавшего масштабным ареалом проживания, и, за счет этого, имевшего естественное право на собственное территориально-политическое объединение, включавшее в свой состав многонациональные территории малороссийских, новороссийских губерний Галиции, Закарпатья, Буковины, Холмщины, Кубани, Ставрополья, Кавказа, отдельные районы Брянской, Курской и Воронежских губерний была разделяема фактически каждым представителем украинства независимо от

того, считал он себя социал-демократом, эсером, трудовиком, либералом-демократом или кем-нибудь еще-другим. Поэтому фактически ничем, кроме как стремлением в своей деятельности сделать упор на пропаганду в среде крестьянства и на сельский пролетариат, УСДРП, в сущности, не отличалось от несоциалистических УНП и УДРП, «национальные питанья» все также неизменно находилось в центре внимания партии несмотря на то, что представители УСДРП крайне активным образом стремились представить себя как последовательных социал-демократов-интернационалистов.

Стремление УСДРП обрести полноценный статус социал-демократической партии толкнуло ее к необходимости отказа от какого-либо взаимодействия с «непролетарскими» УНП и УДРП, обострялся конфликт между членами новой партии и их бывшими товарищами, ставя преграды на пути легальной борьбы и расширения потенциала возможностей для совместной деятельности в годы Первой русской революции 1905–1907 гг., Украинской думской громады, консолидации усилий на ниве украинизации малороссийского крестьянства, а также блокирования достижимости в обозримом будущем создания какого-либо проекта межпартийной «общеукраинской» политической организации. Безусловно, как и в случае со «Спилкой», противостояние с УНП и УДРП имело обоюдный характер. УСДРП же просто объявило УНП и УДРП партиями «буржуазными», отдельной резолюцией признав невозможным осуществление любого постоянного союза или блока с ними, допускались лишь частные договоренности с ними во время отдельных выступлений, в вопросах же программных и организационных не допускалось возможности движения навстречу и отступления хотя бы на шаг от заявленных принципов³⁵².

В действительности идентификация радикал-демократов в качестве партии «буржуазной», а ее членов как представителей имущего класса оказывалась настолько же затруднительна, сколь и признание УСДРП «партией пролетариата». Это был вопрос больше специфики индивидуальной

³⁵² Гермайзе О. Указ. соч. С. 263.

траектории формирования конкретного представителя украинского движения, его степени вовлеченности в общероссийскую общественно-политическую жизнь, а также возрастных особенностей. Как известно, по итогу члены УСДРП пошли на тактический союз с радикал-демократами во время выборов в Государственную думу II созыва, однако это во многих отношениях уже было лишь стремление укрепить собственные позиции для проведения своего кандидата в состав Думы, закономерная реакция на осознание собственной изоляции в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг.

Помимо данных требований на страницах текстов резолюций УСДРП осуждались стихийные крестьянские бунты, ставились задачи по организации профессиональных союзов рабочих, в состав которых должны быть непременно введены члены партии, интенсивно агитирующие рабочих за признание УСДРП в качестве партии являющейся единственной выразительницей интересов украинского пролетариата (ожидаемая реакция на агитационную деятельность «Спилки» – В.Е.). По завершению принятия данных резолюций шло оглашение утверждённого съездом Устава партии, отражающего следующие основные принципы устройства и функционирования УСДРП – членом партии является любой, кто признает программу партии и принимает активное участие в партийной жизни, высшим учреждением партии признавался съезд, который должен был созываться с регулярностью в год, где право представительства получали все местные организации, выделяя представителей с пропорциональным отношением по одному представителю на 100 душ³⁵³, съездом избирался ЦК из пяти человек, двое из которых являлись редакторами партийного издательства. На плечах которого лежит фактически вся ответственность за осуществление в течение года на практике принятых на съезде постановлений, на обязанности ЦК ложится также организация внешнего представительства, организация партийных конференций, утверждение новых организаций, улаживание

³⁵³ Гермайзе О. Указ. соч. С. 266.

конфликтов и прочее³⁵⁴. Члены ЦК УСДРП, таким образом, фактически приобретали неограниченную власть в партии, в их руках концентрировалось все руководство организацией, так как ежегодные партийные съезды собирались в целях конспирации на короткий срок, а непосредственное осуществление деятельности партии в течение года полностью ложилось на плечи ЦК. Завершало оформление партийной структуры постановление о местных организациях, которые наделялись автономией и выстраивались на демократической основе, имели право издавать собственную литературу от своего лица. В отношении же ЦК местные организации должны были высылать справочную документацию о своей деятельности в партийный архив, а также вносить в центральную кассу 25 % от числа всех своих доходов. Отметим, что согласно уставу партии, все организации за пределами Украины вносили 50 % – разграничение шло на основании территориального принципа. Отдельным образом, также отмечалось, что в связи с ростом числа местных ячеек УСДРП в провинции принималось решение о создании краевых комитетов партии, чьей задачей являлось упорядочивание работы местных организаций³⁵⁵. Таким образом, структурировалась и систематизировалась предшествующая во многом стихийная система организации и функционирования РУП. Фактически утверждение данных уставов являлось во многом логичным завершением той линии, что была очерчена на страницах Программы РУП 1903 г. и «Проекта программы» Н.В. Порша 1904 г.

К деятельности УСДРП в годы Первой русской революции также будет относиться уже традиционно развитая к этому моменту деятельность по распространению прокламаций. Так, в сводках Департамента полиции, проводившего розыскную деятельность на местах, зафиксировано, что в Киеве 14 октября 1905 г. в квартире студента Семена Александровича Омецинского и его жены Феклы Александровой производилась гектографическая печать прокламаций Революционной украинской партии. Весьма примечательным

³⁵⁴ Гермайзе О. Указ. соч. С. 266.

³⁵⁵ Там же. С. 267.

оказался изъятый у Омецинского и расшифрованный по ключу список явок представителей «Революционной украинской партии», который включал в себя 41 (!) адрес контактов для распространения прокламаций и явок на квартиры для представителей Революционной украинской партии. В данный список был включен перечень топонимов, который весьма красноречиво нам говорит о географии пропагандистской работы Революционной украинской партии. Так, в списке имелось три адреса в Санкт-Петербурге, три в Полтаве и в Кременчуге, два в Белой Церкви, также по одному адресу в Виннице, Лубнах, Екатеринодаре, Чернигове, Мелитополе, Екатеринославе, Каневе, Глухове, Ромнах, а также в ряде сел Киевской, Черниговской, Харьковской, Полтавской губернии, по которым дается порядка 15 наименований³⁵⁶. Большое количество адресов в селах говорит нам о том, что большое внимание Революционная украинская партия уделяла работе с сельским населением, в первую очередь грамотным, т.е. с сельскими учителями, фельдшерами, грамотными зажиточными крестьянами и т.д. За транспортировку данных прокламаций Революционной украинской партии отвечал один из членов РУП Виктор Моисеевич Чеховский, в результате обыска у которого сотрудниками полиции было изъято 423 печатных прокламаций и 87 украинских журналов и газет, а также другому члену партии Владимиру Страшкевичу Чеховским была оставлена корзина, в которой находилось 1458 запрещенных изданий различного содержания³⁵⁷. Сам же Чеховский также был арестован.

Помимо Чеховского, в деятельности по содействию к распространению и печати прокламаций были также причастны такие представители РУП как Д.В. Антонович, Я.П. Артемовский, А.А. Бакалинский, Н. Гринченко, М. Гоженко, И.И. Федорченко. Таким образом, Революционная украинская партия активнейшим образом проводила пропагандистскую работу на местах в годы Первой русской революции 1905-1907 гг., в особенности настойчиво проводилась работа с сельским элементом, однако, в сферу пропаганды РУП

³⁵⁶ ГА РФ Ф. 102 Оп. 233 Д. 106 Ч. 3 Л. 58–60.

³⁵⁷ Там же. Л. 60.

вовлекались также и городские слои, в первую очередь из интеллигенции, студенчества. Ареал работы Революционной украинской партии с населением охватывал в первую очередь территории Киевской, Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний.

Также РУП-УСДРП продолжала активно использовать контакты и связи в галицийском регионе как месте, служащим для печати собственных изданий и прокламаций, а также их дальнейшей транспортировки в Малороссию. Особенно активно в революционные годы в Галиции издавались два заграничных нелегальных издания Революционной украинской партии – «Селянин» и «Труд» с целью их дальнейшего распространения в Российской империи. Данная разновидность деятельности украинских организаций также была отражена в отчетах Департамента полиции. Так, были перехвачены письма будущему министру иностранных дел Директории УНР В.Н. Темницкому от неизвестного автора, по-видимому, достаточно значимого члена Революционной украинской партии, так как все имена и фамилии в письме весьма конкретно угадываются. Письмо было написано 28 июня 1905 г. и имело следующее содержание:

«Выехать сейчас не могу. Сижу ободранный, в буквальном смысле в рванном белье, без копейки денег, с массой хлопот на ней. Поэтому поручаю вам полномочия в Ц.К. Пусть еще Володя подаст свой голос, для ведения переговоров относительно денежной комбинации, про которую писал Симон. (речь в первом случае видимо идет о В.К. Винниченко, во втором – о С.В. Петлюре – В.Е.). Думаю, что заведете в болото. Напишите, сколько писем моих получили после вашего отъезда и будь добр напиши на все ясный ответ – как делгубеа с тем, у которого Симон был в К-ци. Поскорее узнайте, есть ли пункты ва Галиции кроме Луцка, скорее, скорее... плохи дела. Сколько нужно в типографию. Сколько есть за вычетом – долгу. Про Подольский комитет ничего не знаю, и как узнать не ведаем.

Про приложение к «Селянину» не знаю, что и говорить. Сообразите если есть деньги и, то валяйте.

По М – ху писал уже, что его у деда было арестовали (очевидно здесь речь идет про Н.И. Михновского – В.Е.) Теперь на воле. Про то, что его ищут знал. Пусть Симон что-нибудь напишет, или сообщит, что он переехал благополучно. Это очень важно для того, чтобы выяснить, где пропадают письма. Когда он приехал во Львов; если Микола напишет статью в «Працю», то валяйте № ... |май – июнь|. Как управлюсь, достану денег и приду. Типографию Рудому продавайте, а для того наведаетесь в типографию.... Евгении Лозенко и за такую же цену или немного дешевле продайте <...>»³⁵⁸

С точки зрения идеологической платформы представители интеллигенции, составляющие основу Украинской социал-демократической партии, всегда позиционировали себя как борцы за неприкосновенность и строгий приоритет украинского национального проекта над социал-демократическими требованиями, в этом заключалась ее сущность и этим объяснялись причины отчаянного отстаивания ее представителями политической обособленности данной организации. Однако сразу бросается в глаза одно ярко выраженное противоречие, когда партия, столь бескомпромиссно отстаивающая свою преданность политическому украинству вдруг на II своем установочном съезде, собственноручно утверждает резолюцию, в которой всецело высказывает потребность объединения всех социал-демократических партий России и предлагает собственный проект вхождения УСДРП в состав РСДРП на правах отдельной автономной организации! Поразительно даже не то, что данная принятая подавляющим большинством членов партии резолюция точь-в-точь повторяет концепцию «Спилки», а то, что буквально за год до принятия резолюций сами представители УСДРП с неистовым рвением отстаивали равным счетом противоположную позицию, отчаянно выступая против какого-либо сближения с общероссийскими социал-демократическими силами, всячески критикуя российскую социал-демократию за ее равнодушие к украинскому

³⁵⁸ ГА РФ Ф. 102 Оп. 233 Д. 108 Ч. 3 Л. 157–158.

вопросу и надменное отношение к украинскому движению. Теперь же УСРДРП не просто выдвигала идею союза, а еще и представляла конкретный проект данного союза, сформулированный в тексте «Резолюции про национальные организации пролетариата»: «1. УСРДРП считается единственным представителем украинского пролетариата в партии, посылает своих представителей на съезд и в ЦК СД России. 2. УСРДРП самостоятельна в своей деятельности, имеет право устройства своих собственных съездов, комитетов и местных издательств. 3. Высшей инстанцией является съезд СДРП России. 4. Классовой борьбой всего пролетариата определенной местности управляет местная организация, что складывается из представителей национальных организаций (федеративные комитеты)»³⁵⁹. Участники II съезда УСРДРП коллективно одобрили данный проект, поручив ЦК его реализацию.

Так, одним шагом обесценивалась все принципы, которые составляли основу идейного фундамента и политической самостоятельности организации. В чем же лежала причина столь кардинальных изменений, которые произошли в отношении УСРДРП к вопросу о сближении с российскими социал-демократами? Ведь данная проблема не просто являлась отдельным частным вопросом партийной тактики, она являлась принципиальным основополагающим пунктом, ставшим причиной раскола «Революционной украинской партии». Принимая во внимание, что одним из ключевых условий проекта объединения являлось требование признания УСРДРП единственной партией, которую можно было бы считать представительницей украинского пролетариата в РСДРП, первой приходящей на ум исследователю причиной, способной объяснить данный шаг, будет являться стремление УСРДРП нанести ощутимое поражение своему главному политическому конкуренту на освоенном им же поле. Ведь в случае принятия РСДРП данных условий, УСРДРП фактически занимает в структуре РСДРП место «Спилки» и тогда последней придется начать активным образом

³⁵⁹ Гермайзе О. Указ. соч. С. 264.

отстаивать свое право быть ключевой организацией украинского пролетариата и начать самостоятельный путь, либо вынуждено пойти на объединение с УСДРП и войти в ее состав. По всей видимости данные замыслы действительно имели место быть, однако причины смены политического вектора УСДРП лежали не только в плоскости политической конкуренции со «Спилкой», суть трансформации политических предпочтений лежала глубже. Так, речь даже не о стремлении вступить в схватку со «Спилкой», на деле имело место быть насущное желание УСДРП войти в состав РСДРП, ради которого представители украинского движения, как оказалось, готовы были поступиться всеми своими принципами, кроме единственного - тезиса о национальной автономии Украины. Фактически описанный проект резолюции был продуктом твердого насущного желания членов УСДРП вступить в состав РСДРП.

Первый раз попытка УСДРП объединиться с РСДРП была предпринята еще в конце весны 1906 г. когда состоялся IV Стокгольмский съезд РСДРП, на котором от УСДРП с правом совещательного голоса присутствовал Н.В. Порш³⁶⁰. Так, согласно протоколам IV съезда Н.В. Порш выступил с заявлением о том, что в виду присланного УСДРП заявления Объединительный съезд РСДРП решил пригласить представителя от партии на равных правах со всеми другими национально-демократическими организациями на съезд, однако, в число национальных партий, по вопросу объединения которых была создана специальная комиссия, вошли только ЛСДРП, СДП и Л и Бунд.³⁶¹ Н.В. Порш просил также включить в УСДРП в состав данной комиссии или же создать новую комиссию по вопросу объединения «украинских социал-демократов» с РСДРП. Против данного предложения выступил Б.Д. Вигилев, который указал на банальную нехватку времени на рассмотрение комиссии вопроса об объединении с РСДРП –

³⁶⁰ Четвертый (объединительный) съезд РСДРП, апрель (апрель-май) 1906 года: протоколы М., С. 361.

³⁶¹ Там же.

работать комиссии оставалось всего 3–4 дня³⁶². Были и те, кто настаивал на том, что откладывать вопрос об объединении УСДРП с РСДРП было бы в корне неверно, в частности, В.А. Базаров-Руднев, И.О. Пушас. К мнению Б.Д. Вигилева же в свою очередь присоединился В.Н. Крохмаль (любопытно, что через В.Н. Крохмалю до этого велись переговоры о вхождении «Спилки» в состав РСДРП – В.Е.), который отметил, что о деятельности УСДРП никому из членов существующей комиссии неизвестно о данной организации³⁶³. По итогу председательствующий на данном заседании Ф.И. Гурвич поставил вопрос на голосование, предложив три варианта решения вопроса – образование новой комиссии, пополнение старой и поручение дела объединения с УСДРП Центральному комитету. По итогу со следующими результатами общего голосования – 16 голосов за первое предложение, 21 за второе, 43 за третье – с очевидным перевесом большинство участников съезда высказались за дальнейшее поручение рассмотрение вопроса об объединении с УСДРП Центральному комитету.

Таким образом, данное предложение УСДРП было отклонено. Планы бывших эрупистов потерпели значительную неудачу и теперь им необходимо было осуществить поиск альтернативных вариантов и путей сближение с РСДРП. Оказавшись в числе политических «аутсайдеров» во время бурных событий Первой русской революции 1905–1907 гг. члены УСДРП вынуждены были пойти на резкое ограничение своих политических амбиций, а изначальный план, по которому УСДРП должна была войти в состав РСДРП, признать несостоятельным. В этих условиях представители УСДРП пошли на шаг, который раньше сами они посчитали бы совершенно невозможным и неприемлемым для себя самих – члены УСДРП начали переговоры с «Украинским социал-демократическим союзом» о вступлении в «Спилку» с предоставлением себе автономии только уже не рамках РСДРП, а лишь в

³⁶² Четвертый (объединительный) съезд РСДРП, апрель (апрель-май) 1906 года: протоколы М., С. 361.

³⁶³ Там же. С. 362.

пределах «Спилки». Члены УСДРП, еще в 1905 г. весьма серьезным образом настроенные на борьбу со «Спилкой» за влияние на крестьянство и сельский пролетариат, на момент второй половины 1906 г. уже по всей видимости отдавали себе полный отчет в том, что схватка на общественно-политическом поле со «Спилкой» фактически проиграна, поэтому постепенно приходило понимание, что необходимо в корне менять тактику, попытавшись, по крайней мере, использовать возможности «Спилки» в целях реализации собственных политических задач. Причем объединение «Спилки» с УСДРП к 1907 г. уже практически состоялось, на практике этому помешал разгром полицией организации «Спилки» в 1907 г., в случае, если данного разгрома бы не состоялось, возможно, ход истории развития украинского движения пошел бы совершенно по иному пути и мы бы увидели конец истории «Революционной украинской партии» в 1907 г. путем полного его поглощения бывшими партийными раскольниками.

Так, по свидетельству А. Риша все началось с того, что в октябре-ноябре 1906 г. начались переговоры между ЦК УСДРП, от лица которого вновь переговоры вел Н.В. Порш и Главным Комитетом «Спилки». Активным посредником в данных переговорах выступил меньшевик Ю. Ларин, который хорошо знал представителей украинствующей интеллигенции по обе стороны баррикад со времен его активных контактов с Заграничным комитетом Революционной украинской партии летом 1904 г. Следует отметить, что роль фигуры Ларина в истории украинского движения начала XX в. еще во многом не освещена в полной мере. Так, он имел достаточно серьезное влияние на Заграничный комитет РУП, усиливая интерес к социал-демократическим настроениям в среде представителей украинского движения Российской империи, принимал весомый вклад в расширении деятельности и влияния «Спилки», выступал, как мы уже отмечали, посредником при переговорах, инициированных от лица УСДРП. В ходе самих переговоров члены УСДРП высказали готовность полностью войти всей партией в состав «Спилки» на условиях присутствия членов ЦК УСДРП в составе Главного комитета,

сохранения самостоятельности политических воззрений в отношении вопроса об автономии Украины и возможности иметь право сливать местные комитеты организации с пропорциональным числом членов в них³⁶⁴.

Именно на данных переговорах Н.В. Порш озвучивает Главному комитету количество численного состава УСДРП – четыре тысячи человек. Представляется, что эта цифра является завышенной. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о численности УСДРП на момент 1906 г. Учитывая, что, как мы уже выяснили в предшествующей главе, состав организационного ядра партии РУП из состоящий представителей украинофильской интеллигенции, на более ранний период, максимально мог насчитывать порядка 100–120 человек, а остальная часть весьма трудно поддающаяся подсчету активных сторонников партии из числа крестьянства, сельского пролетариата, городских ремесленных работников не была столь многочисленна как у «Спилки», так к примеру в Волынской и Подольской губернии УСДРП своих организаций не имели, а в Волынской губернии ячейка УСДРП имелась только в Острожском уезде³⁶⁵. Что же касается связей с городским пролетариатом, то в данном случае УСДРП было еще меньше, чем похвастаться – так в городах под влиянием УСДРП в большинстве своем находились ремесленные рабочие, которые еще сохраняли прочную связь с селом. На заводах в Киеве представителям УСДРП доступ был фактически закрыт, на предприятиях ощущалось полное господство РСДРП. В свою очередь в Полтаве Украинская социал-демократическая рабочая партия также была вытеснена РСДРП из железнодорожных депо и мастерских³⁶⁶. Отсюда, представляется, что реально число участников УСДРП, включая как ядро представителей интеллигенции, так и все остальные слои, концентрирующиеся вокруг него, могло находиться в диапазоне примерно от 2 до 2,5 тыс. человек. В данном случае Н.В. Порш во многом создает видимость численности перед представителями Главного

³⁶⁴ *Риш А.* Указ. соч. С. 36.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же. С. 35.

комитета для того, чтобы иметь возможность представить себя в выгодном свете и добиться, таким образом, осуществления объединения на наилучших для себя условиях. Тем не менее, переговоры о вхождении в партию затянулись, так как, по всей видимости, ни одна сторона не решилась в полной мере идти на уступки друг другу. Имели место быть и старые разногласия между бывшими украинофилами-эруристами. Неоднозначно смотрели на УСДРП и члены русских рабочих социал-демократических организаций в составе «Спилки». Так, со стороны рабочих организаций имело место быть подозрительное отношение к политической выдержанности многих союзников и то обстоятельство, что в глазах рабочих организаций новый союзник не представлял собой реальной силы³⁶⁷.

Однако, представители Украинской социал-демократической партии продолжали проявлять серьезную заинтересованность в объединении, в особенности по мере постепенного приближения к выборам в Государственную думу II созыва. Следующий виток не заставил себя долго ждать и в скором времени вопрос об объединении вновь был поставлен Ю. Лариным, который по-видимому являлся не просто посредником, а одним из активных сторонников и инициаторов объединения двух партий, на Полтавской конференции «Спилки» в декабре 1906 г.³⁶⁸ Члены Полтавской конференции фактически единогласно высказались за принятие УСДРП в состав «Украинского социал-демократического союза». По всей видимости, немаловажную роль здесь сыграл и факт традиционно высокой степени популярности украинского национального движения в Полтаве. Однако, в связи с процессом избрания кандидатов в Государственную думу II созыва и весьма высокой степенью интенсивности развития политического процесса на конец 1906 года, за недостатком времени рассмотрение представленного проекта было перенесено на январь 1907 года. Губернским учреждениям в свою очередь предлагалось пока обсудить его и сообщить о характере своего

³⁶⁷ Рии А. Указ. соч. С. 39

³⁶⁸ Там же. С. 38

решения местным организациям. Ввиду нехватки времени членам УСДРП пока предоставлялось право участия лишь в координационных и технических бюро, но не в избирательных комитетах РСДРП³⁶⁹. Комитеты были составлены на пропорциональных началах, в свою очередь местные комитеты, представленные в них, явным образом дорожили тем уже сформированным количеством мест, что отводилось им в рамках пропорционального отбора. Данное обстоятельство, означающее закрытие каналов возможности интеграции в состав УСДРП на низовом уровне стало последней каплей, вызвавшей резкую волну негодования в среде членов украинского движения, представленном в УСРДП.

Партия созвала свой третий съезд, на котором публично заклеимила как РСДРП, так и «Спилку» в срыве объединения, и возлагая на их плечи всю ответственность за невозможность объединения. Резолюция звучала следующим образом: «Принимая во внимание 1) что ЦК УСДРП сделал все, даже поступившись основными пунктами, принятыми на втором съезде, 2) что Стокгольмский съезд РСДРП пошел на Определенные компромиссы с Бундом, латышами и социал-демократией Польши и Литвы, 3) что, признавая необходимость объединения с нашей партией, съезд только за недостатком времени не утвердил проекта объединения, поручив это дело ЦК. 4) что проект содержал в себе все пункты, которые были обусловлены, 5) что, не обращая внимания на это, ЦК РСДРП на предложение об объединении ответил предложением о полном слиянии с УСДРП, т.е. об уничтожении УСДРП, и, нарушив постановление Стокгольмского съезда, этим самым сделал объединение невозможным, очередной съезд остается на основе второго съезда, УСДРП входит в РСДРП как национальная организация украинского пролетариата, имеет свое представительство в ЦК РСДРП. Местные органы от сельских до областных, руководящие борьбой всего местного пролетариата, составляются на основе пропорционального представительства из делегатов

³⁶⁹ *Рини А.* Указ. соч. С. 39

национальных организаций. РСДРП признает автономию Украины»³⁷⁰. Фактически, это означало что все переговоры зашли в тупик и результаты всех проектов и попыток объединения за прошедшие два года были сведены к нулю – ситуация фактически полностью была отброшена к своему изначальному состоянию на момент декабря 1905 г. Наступил период разрыва, характеризующийся разочарованием УСДРП в возможности найти пути для конструктивного объединения политического союза со «Спилкой» или же напрямую с РСДРП. Фактически, представителям Украинской социал-демократической партии напрямую было указано, что они, в силу слабости и отсутствия прочной социальной базы вне работы с населением, со своим проектом украинской национальной автономии как таковые социал-демократам не нужны, так как никаких конструктивных для осуществления реальной политико-практической деятельности для них просто не имеется. Безусловно, это поселило сильное разочарование в среде украинских социал-демократов, пошатнув их уверенность в возможность выстраивания общей линии взаимодействия между российской социал-демократией и украинским национальным движением. Однако, отмечает А. Риш, переговоры об объединении со «Спилкой» продолжались вестись и после III съезда РСДРП, потеряв свою актуальность после разгрома организаций Главного комитета и местных организаций «Спилки».

Тем не менее, на данном эпизоде рано подводить общий итог работы УСДРП. Даже крупные промежуточные неудачи организации не следует воспринимать как свидетельство политического бессилия. Здесь будет немаловажным отметить, что несмотря на то, что УСДРП во многом проиграло организационно-политическое противостояние со «Спилкой» в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. в идеологическом и концептуальном отношении УСДРП как раз оказалось гораздо более последовательной и структурированной, что в стратегическом отношении позволило одержать УСДРП победу в дальнейшей исторической перспективе.

³⁷⁰ Риш А. Указ. соч. С. 3

Дело все в том, что УСДРП, несмотря на все свои идейные метания и тактические неудачи на общественно-практическом поле продолжала всеми силами держаться за требование об украинской национальной автономии, не отступая от содержания своей идейной программы ни на шаг. «Спилка» же, несмотря на свои организационные и агитационно-пропагандистские успехи на селе, на определенном этапе своего развития вобрала в себя большое количество социал-демократических организаций Малороссии и прилегающих территорий, которые партия должным образом не смогла интегрировать ни в организационном, ни в идеологическом отношении, что, обусловило то обстоятельство, что ко второй половине 1906 г. «Украинская социал-демократия» уже крайне сильно разрослась вширь, однако имела весьма несовершенную структуру, систему организации работы местных комитетов, а также в силу роста организации за счет групп городских рабочих изначальное ее «украинское крыло» в идеологическом отношении вынуждено было существенным образом скорректировать свою национально-политическую повестку в угоду русскому социал-демократическому большинству, что в свою очередь, будет подробно продемонстрировано на конкретном материале ниже.

«Спилка» из партии, активно претендующей на то чтобы стать центром объединения пролетариата Малороссии, способствующей его дальнейшей автономизации и украинизации, начала постепенно превращаться в промежуточный областной координирующий орган РСДРП, что определило ее горький финал в лице разгрома Главного комитета и областных организаций «Спилки» в 1907 г., ареста ряда представителей ядра организации, после чего «Украинскому социал-демократическому союзу» уже не удалось оправиться. УСДРП же, в свою очередь, успешно пережила своего главного политического конкурента, некогда вышедшего в результате раскола из нее самой, смогла успешно сохранить и расширить число сторонников организации в крае, выступив к моменту начала создания Центральной Рады УНР как одна из самых консолидированных и организованных партий

украинского движения. Неудачи периода Первой русской революции 1905–1907 гг. в определенном смысле укрепили Украинскую социал-демократическую партию, заставив представителей украинского движения активней и гибче менять тактику борьбы на поле исторических коллизий русской общественной жизни начала XX в.

Теперь настало время подробным образом рассмотреть общественно-политическую деятельность «Украинского социал-демократического союза» в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Революция по-настоящему стала для «Спилки» периодом расцвета ее деятельности, партия в революционные годы вышла на пик своих возможностей и влияния, которого она никогда больше впоследствии не смогла достигнуть. Так, за точку полноценного начала нового этапа развития «Украинского социал-демократического союза» следует брать весну 1905 г., когда большая часть основополагающих для партии общественно-политических деятелей из Галиции возвращаются в Киев для осуществления непосредственного участия в бурных политических событиях России. В их числе – Юлиан Меленевский, Александр Скоропись-Йолтуховский, Петр Канивец, Виктор Мазуренко³⁷¹. Используя наработанные в студенческие годы и за годы общественно-политической работы в Революционной украинской партии контакты на селе, а также привлекая ресурс киевских и полтавских социал-демократических организаций «Спилке» удастся серьезно расширить свое влияние в среде сельского и сельско-городского пролетариата. Привлечение ресурса РСДРП смогло дать очень весомый подъем, резко увеличив число сторонников «Спилки» среди крестьянства.

Следует отметить, что изначально «Спилка» задумывалась и рассматривалась как самим ее ключевым представителям, так и членам РСДРП, как организация, специализирующаяся на работе с крестьянством, вне какого-либо акцента на работе преимущественно с украинским пролетариатом. Предполагалось, что в состав непосредственного ареала, где

³⁷¹ Рини А. Указ. соч. С. 17.

«Спилка» должна была осуществлять общественно-политическую работу с крестьянством, должны были входить не только малороссийские и новороссийские губернии, но и Поволжье, Бессарабская губерния, Северо-западный край³⁷². Исходя из данной цели, членами инициировалось с лета 1905 г. издание «Правды» на русском языке, для этого помимо львовской была организована еще одна подпольная типография в Одессе, издательскую деятельность которой возглавил П. Тучапский³⁷³. Однако, в скором времени представители «Спилки» начали более скептически относиться к данной роли, так как их все более отчетливо начали осознавать, что в случае перспективы дальнейшего развития им неизменно будет уготована перспектива скорого преобразования в придаточную техническо-агитационную группу при РСДРП. Совсем же другие перспективы и возможности давало украинское село, и работа в крестьянской среде.

Украинский социал-демократический союз вскоре отчетливо дал понять, что по-настоящему в полной мере не стремится стать частью российской социал-демократии, а вот действуя в совместном ключе, использовать возможности РСДРП для реализации своих собственных политических целей и задач, будучи при этом полезным ровно в той степени, насколько это не мешает реализации собственных политических интересов, представлялось членам «Спилки» наиболее оптимальным вариантом партийной тактики. А, в свою очередь, для спилчан наибольший интерес на момент 1905 г. представлялась возможность слияния партии с местными социал-демократическими организациями на территории Малороссии и Новороссии, с дальней перспективной целью на то, чтобы фактически взять под свой контроль все социал-демократические организации в крае. В равной степени стремление к осуществлению данной цели также можно приписать и представителям «Украинского социал-демократического союза». Как в данном случае вполне справедливо отметит В. Дорошенко: «Эта «Спилка»

³⁷² Рии А. Указ. соч. С. 17.

³⁷³ Там же.

сначала имела в целом тенденцию стать единственной социал-демократической организацией на всю Украину, таким образом выпереть не только УСДРП, но и свою протекторку РСДРП, занявши ее место на украинской территории. Если бы не реакция, что началась после короткого времени «свободы» в 1905–1906 г., то «Спилке» может быть и удалось бы достигнуть своей цели и стать областной украинской организацией всероссийской социал-демократии»³⁷⁴.

Постепенно члены «Спилки» начали осуществлять последовательное движения курсом на интеграцию с «Южным провинциальным бюро», под крылом которого на тот момент находилось большое количество местных социал-демократических организаций. Само «Южное провинциальное бюро» представляло собой в большей степени техническую организацию РСДРП, как политическая сила данная организация не играла существенной роли данная организация не играла. Однако, она важна была тем, что создавалось данное бюро с целью координации социал-демократических организаций юга России. Так, бюро играло посредническую роль между организациями, в его задачи также входила рассылка литературы и распределение по местным организациям работников, направляемых от ЦК ³⁷⁵. Осуществляя свою деятельность в регионах по преимуществу сельскохозяйственных. Как члены местных комитетов, так и сами представители Южного провинциального бюро отчетливо понимали, что по-настоящему закрепиться и развернуть работу «на земле» получится только в случае привлечения на свою сторону местного малороссийского крестьянства, поэтому они сами достаточно сильно были заинтересованы в объединении со «Спилкой», у которой данные связи имелись и которая могла с гораздо большей эффективностью привлечь малороссийское крестьянство в свои ряды. Таким образом, движение к объединению имело обоюдный характер, хотя и осуществилось далеко не

³⁷⁴ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 34.

³⁷⁵ Рини А. Указ. соч. С. 19–20.

сразу. Вопрос об объединении был поставлен в ходе первого совещания «Спилки» в июле 1905 г. и на следующем совещании в ноябре этого же года³⁷⁶. Был создано совместное печатное издание под названием «Известия Спилки и Южного провинциального Бюро». Вскоре на страницах данного издания от 20 августа 1905 г. появился проект плана той самой будущей объединённой организации, которая должна была структурировать работу местных объединений, становившихся в таком случае губернскими областными и уездными организациями, подчиненными единому объединённому Главным комитету, в состав которого от «Спилки» входили П. Тучапский, Ю. Меленевский, Г. Довженко, А. Скоропись – Йолтуховский, а от «Южного провинциального бюро» известный меньшевик, впоследствии депутат Государственную думу II созыва Иван Киреенко, Александр Подольский, Святослав Завадский, а также Сергей Соколов, который не являлся членом бюро, но вел активную работу с крестьянством на Екатеринославщине³⁷⁷.

Таким образом, отчетливо давалось понять, что решение об объединении окончательно принято. Однако процесс формального объединения задержался еще год в силу того, что после декабрьского восстания 1905 г. был осуществлен разгром многих социал-демократических организаций на местах. К этому времени «Спилка» уже активнейшим образом осваивала возможности и вела агитационную работу внутри организаций, находящихся в ведении «Южного провинциального бюро». Официальное слияние было оформлено лишь на общей конференции весной 1906 г., где разногласия вызвал вопрос о том, как следует назвать теперь единую организацию. В итоге одержал верх точка зрения, согласно которой названием должна быть «Спилка». Фактически, это на деле означало частичное поглощение спилчанами «Южного провинциального бюро», в данном случае члены «Спилки» достаточно отчетливо показали, что теперь именно в их руках находится инициатива в осуществлении текущих

³⁷⁶ Руми А. Указ. соч. С. 18

³⁷⁷ Там же. С. 18

практических задач. Это и было проявлением того, о чем писал Дорошенко, когда говорил о том, что «Спилка» стремилась поглотить не только местные организации УСДРП, но также в равной степени и все организации РСДРП на местах. Далее главный комитет новоиспеченного «Украинского социал-демократического союза» был учрежден в том же составе, в каком он был представлен на страницах «Известий» и впоследствии сам состав комитета оставался неизменным за все годы существования «Спилки», пополнившись лишь затем немного за счет кооптации или же путем прямого делегирования³⁷⁸. Силами Главного комитета фактически осуществлялось непосредственное руководство работой «Спилки» на протяжении всего периода ее деятельности на общественно-политическом поле.

В силу большого количества включенных в состав партии местных организаций, осуществить управление «Спилки» демократическим путем посредством коллективного обсуждения текущих политических задач на общепартийных конференциях или съездах представлялось еще менее осуществимым в действительности, чем в случае с УСДРП. Поэтому за все время существования «Спилки» никакого созыва общепартийного съезда или конференции не было проведено. Любой мало-мальски многочисленный съезд сразу привлек бы внимание со стороны полиции. Единственное крупное совещание удалось созвать в связи с насущной необходимостью осуществления подготовки к предвыборной кампании Государственную думу II созыва. Руководящий состав «Спилки», ориентировавшийся в своей работе на меньшевистские представления об организации партии, грезил о расширении Главного комитета за счет открытых демократических выборов кандидатов от областных комитетов, но на практике организации приходилось действовать в конспиративных и полулегальных условиях, а членам Главного комитета большую часть времени приходилось находиться в разъездах по области. В Киеве как правило находилось только два-три члена Главного

³⁷⁸ Рущи А. Указ. соч. С. 19

комитета ³⁷⁹ . Весь данный период «Спилка» постепенным образом осуществляет свое расширение путем приращения в состав своей организации все новых территориальных единиц. Большая часть социал-демократических объединений Малороссии не выдерживает конкретную борьбу с «Украинским социал-демократическим союзом» и оказываются поглощенными им. Наиболее ярким и показательным примером стала ситуация, сложившаяся в так называемой Киевской «провинциальной группе» РСДРП, В. Дорошенко следующим образом описывает данный процесс: «Так, когда «Спилка» начала свою деятельность, при Киевском комитете РСДРП существовала так называемая «Провинциальная группа», которая обслуживала партийные группы в городах и селах того самого района, в котором работала и «Спилка» (на Правобережье).

С учетом того, что и «Провинциальная группа», и «Спилка» имели, собственно, одни и те же задачи и тот же самый объект для своей деятельности, между ними возникали недоразумения и трения. Чтобы их избежать, была создана в ноябре 1905 г. совместная конференция, из которой, однако, ничего не вышло, потому что каждая сторона хотела подчинить себе другую. В конце концов победа осталась на стороне «Спилки». Некоторые члены «Провинциальной группы» перешли на сторону «Спилки», а сама группа перестала существовать»³⁸⁰. Далее Дорошенко отмечает, точно таким же путем в состав «Спилки» вошли социал-демократические комитеты на Полтавщине и Черниговщине, через долгое и упорное сопротивление — Полтавский комитет. Киевский комитет РСДРП официально оставался самостоятельным, однако фактически также полностью находился под непосредственным контролем «Спилки» - объединение представлялось невозможным в условиях правительственного контроля. Подводя итог, Дорошенко отмечает: «Таким образом в «Спилку» вошли все организации

³⁷⁹ Рииш А. Указ. соч. С. 33

³⁸⁰ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 34

российской партии в губ. Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской и Подольской»³⁸¹. А. Риш, непосредственно участвовавший в составе Главного комитета «Спилки», еще больше расширяет ареал общественно-политической работы и географию деятельности «Украинского социал-демократического союза, приводя также сведения о том, что, помимо вышеназванных мест «Спилка» завязывает также интенсивные связи с северным районом Черниговской губернии (новозыбковско-клинцовский район), в Елисаветградском уездом, местечек Бессарабской губернии (Бельцы, Сорок), а, свою очередь, в период выборов в Государственную думу II созыва к «Спилке» присоединился также Гомель и гомельский район³⁸².

Что же способствовало столь триумфальному шествию «Спилки» на пути присоединения социал-демократических организаций Малороссии и близлежащих территорий в годы Первой русской революции 1905–1907 гг.? «Спилка» смогла интегрировать в свою среду столь большое число социал-демократических комитетов юга России отнюдь не из-за их чуткого внимания и интереса к украинскому вопросу. В более поздний период главным фактором уже безусловно являлся масштаб и организационно-координирующий потенциал организации – это была действительно одна из самых крупных по численности и охвату территории организаций РСДРП на юге России, которая могла выступить в качестве межрайонной консолидированной площадки, посредством которой местным губернским и уездным комитетам легче было налаживать связь между собой и консолидировано представлять регион в общественно-политическом поле. На первых же этапах становления и деятельности «Спилки» ее достижения в агитации на селе становились решающим фактором преобладания «Украинского социал-демократического союза» в среде социал-демократических организаций края, имевших сильные ячейки лишь в городской среде. В аграрном, по преимуществу, крае более

³⁸¹ Дорошенко В. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис з історії української соціал-демократичної партії. С. 34

³⁸² Там же. С. 21–22

востребованными оказывались силы способные привлечь на свою сторону крестьянство. Сильно пригодился тот самый организационный и агитационно-пропагандистский опыт, который представителям первичного состава «Спилки» удалось накопить за период активной общественно-политической деятельности в годы непосредственного участия в работе украинских студенческих громад и Революционной украинской партии. И на низовом уровне работы среди крестьянства на селе «Спилка» действительно смогла добиться определенной популярности. Безусловно, работа выстраивалась далеко не гладко и с большим объемом трудно, однако, определенные результаты все-таки были. Изначально менее амбициозные планы смогли дать не столь масштабный, но тем не менее реальный практический результат.

На страницах исследования А. Риша картина деятельности «Спилки» разворачивается перед нами следующим образом: «Характерно, что именно в начальный период своего существования Спилка, еще не слившаяся с провинциальным бюро, пыталась построить организацию снизу, взяв за основу сельскую ячейку «...» Басок- Меленевский, один из лучших крестьянских работников Спилки, представлял себе организацию сельских ячеек довольно просто. Для этого нужно было явиться в село и завязать связи с одним или несколькими революционно-настроенными крестьянами. Пользуясь их связями, можно было обратиться в соседние села, основывая свои ячейки и в них. Все зависело, таким образом, только от времени и умелости агитатора. «...» Нужно ли говорить, что такой густой сети сельских организаций «Спилке» создать не удалось, да и не могло удаться. Только в некоторых районах, главным образом, в Глуховском и Сквирско-васильковском, в Киевском и Каневском уездах да в отдельных уездах Полтавской губернии этот план был, действительно, в некоторой степени проведен»³⁸³. Представителями «Украинского социал-демократического союза» практиковалась не только создание сельских партийных ячеек, но и созыв так называемых «крестьянских конференций» смежных сел. Данные

³⁸³ Риш А. Указ. соч. С. 27–28

конференции как правило назначались в период перед началом полевых работ, уборки урожая, рекрутского набора, когда появлялась возможность собрать вместе большое количество крестьян с разных сел. На таких конференциях активно обсуждались политические вопросы, а также решались насущные политические задачи, осуществлялось согласование выступлений между селами. Деятельность и активность крестьянских районных комитетов очень сильно зависела от приездов городского агитатора – без участия комитетов фактически сходила на нет. В большинстве своем основной социальной группой, наиболее эффективно подвергающейся влиянию со стороны агитаторов «Спилки», действительно становился сельский пролетариат – батрацкие элементы и сельскохозяйственные рабочие. Прочные организации возникали именно в тех местах, где концентрировалось большое количество батраков и сельской бедноты. Но при этом в социально-экономическом отношении подверженными к влиянию агитационно-пропагандисткой деятельности «Спилки» могли становиться и более зажиточные крестьяне. Бывали случаи, когда подверженным влиянию организации оказывалось все село: «Работники Черниговской губернии рассказывали, как о факте, что в Глуховском уезде существовали села, сплошь распропагандированные. Крестьяне считали себя в таком селе принадлежащими к «партии». Так, в селе Никитовке из 101 двора 100 считались «своими» и только один черносотенным. «Своих» сел у Спилки насчитывалось немало. В Глуховском уезде к концу 1906 г. имелось пятнадцать волостных избирательных социал-демократических комитетов. На основании личного опыта в 1906 г. в Полтавской губернии автор может подтвердить, что охват села носил действительно массовый характер»³⁸⁴. Принимали участие члены «Спилки» и в самостоятельной организации и подъема крестьянских восстаний, а также в деле придания уже возникшим без участия членов партии волнений более организованного характера. Так, в 1905 г. в районе Фастова и Василькова

³⁸⁴ Рунд А. Указ. соч. С. 28

«Спилке» удалось организовать боевые дружины из рабочих и крестьян³⁸⁵. Комитет «Спилки» связался с киевской военной организацией во главе с меньшевиком Александром Ванновским, от которого в свою очередь получала оружие и бомбы. Затем уже в октябре 1905 г. «Спилка» совместно с «Южным провинциальным Бюро» приняли постановление об отправке агитаторов в районы с целью поднятия вооруженного восстания среди крестьян. В результате этого в некоторых районах Малороссии возникли крестьянские восстания насколько сильные, что на некоторое время власть в уезде переходила в руки революционеров. Так, крупное крестьянское восстание представителям «Спилки» совместно с бундовскими организациями удалось поднять в Золотоношском уезде Полтавской губернии, где разъяренным крестьянам удалось разрушить здание тюрьмы, разгромить местный участок и административные здания, только после залпов со стороны гарнизона полиции, укрывшейся в здании воинского начальника, крестьяне начали расходиться по своим деревням, однако, город при этом еще несколько дней оставался без власти, находясь в руках бундовских организаций³⁸⁶. Подобные выступления также проходили при участии «Спилки» в Лубнах, Белой Церкви, Клинцах (Черниговская губерния)³⁸⁷. Важным элементом работы «Спилки» с малороссийским крестьянством и привлечения сельских слоев на свою сторону являлось уже традиционное и весьма эффективно проявившее себя еще со времен деятельности «Революционной украинской партии» и социал-демократических кружков 90-х гг. издание и распространение прокламаций. На данном направлении представителям «Спилки» удалось развернуть достаточно основательную работу и получить весьма впечатляющие результаты. Так, у «Украинского социал-демократического союза» имелась достаточно разветвленная сеть типографий, а также имелась возможность задействовать ресурс нелегальных типографий дружественных

³⁸⁵ Рии А. Указ. соч. С. 42

³⁸⁶ Там же. С. 43

³⁸⁷ Там же. С. 44

организаций, что позволяло широко наладить работу по изданию прокламаций и достигать таким образом в процессе печати достаточно высоких объемов тиражей. Так, помимо уже упомянутых выше типографий во Львове и Одессе, у «Спилки» также имелись несколько небольших подпольных типографий в Киеве, а в случае особой необходимости печати большого тиража члены «Спилки» прибегали к помощи типографии Киевского комитета РСДРП³⁸⁸. На территории Полтавской губернии представители «Спилки» также активно задействовали ресурс крупной общественной типографии, исполнявшей заказы партии. Данная весьма эффективно выстроенная система с привлечением ресурса типографий дружественных организаций позволяла получать тиражи в 150 – 200 тыс. экземпляров за полтора месяца. Так А. Риш на основании отчета Главного комитета «Спилки» приводит данные о том, что к апрелю 1907 г. (к слову, даже не пику деятельности организации – В.Е.) «Спилкой» приблизительно за полтора месяца было издано 55 тыс. майских листов, прокламаций о полевых работах – 65 тыс., требований к данным прокламациям – 80 тыс.

Эффективность прокламаций достигалась тем, что печатались, они опираясь на уровень понимания и представления малограмотного батрака, как правило, на их страницах отражались базовые, порою даже достаточно элементарные положения, но именно за счет данного подхода достигались высокие показатели внимания и интереса рабочих к содержанию данных прокламаций. Прокламации вызвали большой интерес у крестьян, становились важным фактором эскалации крестьянских выступлений. С целью революционизации малороссийского крестьянства «Спилка» активно участвовала и инициировала перевыборы волостных сходов, где стремилась провести в волостные комитеты своих революционно-настроенных выборщиков. Таким образом, в деле создания революционных настроений на селе представители «Спилки» весьма преуспели. Впоследствии уже в 1907 г., можно было отметить, что весомая часть крестьянских депутатов во II

³⁸⁸ Риш А. Указ. соч. С. 44

Государственную Думу из малороссийских губерний так или иначе были связаны со «Спилкой» - Иван Красилюк, Федор Литвиненко, Василий Сахно. При этом, как отмечает А. Риш, большую часть из наиболее радикальных и последовательных в своих воззрениях крестьянских депутатов, выдвигаемых от «Спилки», полиции удалось отстранить от выборов, что говорит о том, что у «Украинского социал-демократического союза» был подготовлен достаточно серьезный задел в отношении проведенной работы и влияния на крестьянство. Такая степень влияния на село в преимущественно аграрном крае крайне была необходима укорененным по большей части в городской среде социал-демократическим организациям Малороссии. Ради него многие готовы были пойти на сближение со «Спилкой», хотя далеко не придерживались ее украинского обособленчества. Встав под крыло «Спилки» городские рабочие и социал-демократические организации гораздо больше открывали для себя возможностей для выхода на агитационно-пропагандистскую работу с сельским населением, получали пусть и не столь сильно развитую, но тем не менее, наличествующую в действительности связь рабочих организаций с селом. Соединение же с «Южной провинциальной группой», присоединение «Провинциальной группы», Киевского, Полтавского и прочих комитетов давало «Спилке» возможность замкнуть свои наработанные связи на селе на устойчивые городские организации, пусть и весьма равнодушные к украинской национальной идее, зато отлично подходящие на роль той площадки, посредством которой гораздо легче становится удерживать в поле зрения «опекаемые» села.

Тем не менее, выборы в Государственную думу II созыва стали непосредственным катализатором консолидации всех социал-демократических комитетов вокруг «Спилки» и ее деятельности. Причиной этого банально являлось то обстоятельство, что «Спилка» являлась самой масштабной и массовой социал-демократической организацией в крае на тот момент, а Киев в свою очередь становится центром всей предвыборной агитации в крае. Для того, чтобы нащупать единую тактическую линию,

которой могли бы придерживаться все социал-демократические организации края в этот момент, забывая все прения, местные комитеты РСДРП также принимают решения встать под знаменем «Спилки». Именно в этот период к «Спилке» присоединяется Черниговский комитет, Киевский комитет ведет переговоры о своем дальнейшем переходе в состав «Спилке». А. Риш резонно отмечает, что на конец 1906 г. происходит пик политического развития «Спилки». Члены УСДРП воспринимали это как свидетельство победы своего политического конкурента. В. Дорошенко отмечал: «Так, отчасти сознательно, отчасти механически происходил процесс украевления российской социал-демократии на Украине, процесс ее организационного обособления. Борьба за это управление и перевод его в жизнь являются бесспорной заслугой нашей «Спилки»³⁸⁹.

Частично вывод Дорошенко можно признать правильным, «Спилка» действительно своей тягой к украинскому автономизму очень много внесла вклада в то, чтобы обособить местные социал-демократические организации Малороссии и близлежащих территорий и распространить в их среде украинские национально-политические постулаты. Но была и иная грань, обратная сторона данных процессов, заключающаяся в том, что сравнительно небольшой костяк организационного ядра из украинствующей интеллигенции в «Спилке» не имел такого серьезного авторитета и столь мощной теоретической базы, чтобы осуществить украинизацию все более ширящегося числа русских по своему характеру социал-демократических организаций Малороссии, входящих в состав партии. Расширение ударило в том числе и по украинской национально-политической линии в партии. Включение в свой состав организаций Северщины, гомельской земли, большого числа новых ячеек, внутри которых находились сторонники исключительно социал-демократических воззрений без каких-либо симпатий к украинской национальной идее, заставляли представителей украинского движения из «Спилки» на время отодвинуть в сторону свои национально-политические

³⁸⁹ Риш А. Указ. соч. С. 34

притязания перед необходимостью отстаивания общей политической линии РСДРП. Показательно в этом отношении то, что по итогу кандидатом, которого удалось провести на выборы от «Спилки» в Государственную думу II созыва, стал Иван Кириенко, член Главного комитета, вошедший в него от «Южного провинциального Бюро», который далеко не был сторонником идей борьбы за украинскую национальную идентичность. Решение о выставлении кандидатуры Ивана Кириенко в качестве депутата от «Спилки» в Государственную думу II созыва было принято, очевидным образом, далеко не случайно, кандидатура должна была быть подробна так, чтобы она устраивала большую часть комитетов, активно участвующих в жизни партии, а это в свою очередь означало, что, несмотря на то, что организация действительно приобрела большой размер и весомую численность, в какой-то степени идеологическое и организационное влияние представителей украинского движения в партийной среде было утрачено. В какой же именно степени сказать трудно, прямых свидетельств этому мы не находим. Обретая размер и влияние среди социал-демократических организаций Малороссии «Спилка» начинает терять специфику своего изначального партийного содержания, на основании которого «Спилка» и соглашалась стать частью РСДРП только в рамках отдельного устава.

«Спилка» стремилась взять на себя роль по организации именно украинского пролетариата периода 1900–1910-х гг. Это могло означать только украинизацию малороссийского крестьянства, стоявшего достаточно далеко на тот момент от представления о том, что они «украинцы». Однако, постепенно вбирая в себя все новые «неукраинские» социал-демократические комитеты Малороссии и прилежащих территорий «Спилке» все сложнее удавалось сохранить свою особенность, суть которой заключалась в эклектичном соединении социал-демократии и украинского национального вопроса. Если же говорить о тех самых масштабах организации, столь сильно влияющих на ее идейное наполнение, возникает закономерный вопрос – а какова же была численность «Украинского социал-демократического союза»

в годы Первой русской революции? В данном случае мы можем опереться на три контрольные даты, которые раскрывают перед нами динамику роста численности организации. Так, А. Риш приводит сведения, отразившиеся в записях, захваченных при аресте члена Главного комитета «Спилки» С. Завадского о численных данных ряда комитетов «Спилки» к лету и осени 1906 г. Согласно этим данным, в Черниговской губернии насчитывалось 410 членов организации, в Киевской – около 2500 чел.³⁹⁰ Безусловно, это в первую очередь были рабочие социал-демократические организации большее число состава которых приходилось на долю той же «Провинциальной группы». Украинских, в партийно-политическом смысле данного слова, организаций на их долю приходилось совершенно небольшое количество. Влияние национального крыла «Спилки», представлено деятелями украинского движения, в большей степени ощущалось на селе, где они действительно имели влияние в среде крестьянства. Но малороссийское крестьянство являлось достаточно рыхлым и непостоянным полем для работы и тоже не могло быть прочной опорой в идейном отношении, даже весьма радикально настроенного крестьянина вряд ли можно было поставить в один ряд по уровню своей «свидомости» с представителем украинствующей интеллигенции из ядра партии. Именно в период своего наибольшего расцвета в период выборов Государственную думу II созыва «Спилка» начинает с одной стороны крайне быстро расти, а с другой постепенно трансформироваться из отдельной обладающей долей идеологической и политической автономии организации к координационному органу социал-демократии преимущественно меньшевистского течения на юге России. Это было связано не только с ростом охвата городских социал-демократических организаций в Малороссии и прилежавших к ней территориях, дело в том, что и в Главном комитете «Спилки» к моменту начала выборной кампании в Государственную думу II созыва инициатива в большинстве своем уже прочно находилась в руках социал-демократов меньшевиков, а отнюдь не у представителей

³⁹⁰ Риш А. Указ. соч. С. 22

украинского движения. Так, ключевой фигурой в партии на момент выборной кампании конца 1906 г. становится Ю.М. Ларин. А. Риш даже называет в своем исследовании данный период расцвета «Спилки» «ларинским периодом» в истории партии³⁹¹. Осенью 1906 г. он приезжает в Киев, и сразу же инициирует масштабный переговорный процесс с представителями различных партий на предмет предвыборных соглашений. Ларин был кооптирован в состав Главного комитета, в котором на тот момент представители украинского движения также уже находились в меньшинстве – из первоначальных основателей социал-демократического союза на момент конца в 1906 г. в составе комитета находились Юлиан Меленевский и Г. Довженко. Мазуренко и Канивец в состав комитета уже не входили. Л. Тучапский на момент начала избирательной кампании отсутствовал, а Скоропись-Йолтуховский провалился вместе с другими участниками южнорусской конференции в Харькове³⁹². При этом в состав главного комитета к тому времени уже вошли привлеченный от Полтавского комитета Виталий Перекрестов и революционер Николай Ткаченко, которые не имели к украинскому движению никакого отношения и какие-либо симпатии украинскому национальному проекту никак не высказывали³⁹³. Состав участников и членов руководящего состава «Спилки» все более русифицировался, так как по мере своего расширения организация вбирала в свое число все более больший состав городских рабочих организаций и стремительно отходила от однонаправленной ориентации на работу с крестьянством. Активный переговорный процесс, тактические соглашения с другими организациями еще более усилили тенденцию превращения организации в координационный центр социал-демократии в малороссийских губерниях и близлежащих территориях. Так, во время избирательной кампании «Спилка» вступила в тактический союз практически со всеми социалистическими организациями

³⁹¹ Риш А. Указ. соч. С. 65

³⁹² Там же. С. 58

³⁹³ Там же.

края. Сформировалась прочная линия на сближение между «Спилкой» и «Бундом», общими усилиями областное избирательное бюро РСДРП, которое координировало деятельность выборной кампании в центре и на местах. Организации настолько сблизились, что представители «Бунда» вошли в состав Главного комитета «Спилки» с правом совещательного голоса. Примерно такие же близкие отношения сложились у «Украинского социал-демократического союза» и железнодорожной социал-демократической организации, представитель от которой также вошел в Главный комитет. Процесс переговоров с УСДРП был подробно освещен нами выше, он дал весьма скромные результаты. На местах представители «Спилки» организовывали социалистические информационные бюро, для участия в которых были приглашены эсеры, еврейские социалистические организации, УСДРП.

Любопытно также, что «Спилка» стала одним из немногих социал-демократических объединений, которое допускало возможность создания в ходе избирательной кампании блоков с кадетами и другими оппозиционными партиями на территории действия своего объединения. Данное решение было продиктовано необходимостью координации усилий против монархических, националистических, черносотенных организаций, имевших весьма высокую степень популярности в регионе. Понятное дело, что в случае столь масштабной коалиции весь комплекс проблем, связанных с украинским национальным вопросом отодвигался на третий или четвертый план, показательно, что на протяжении всего периода пика развития своей деятельности в 1906–1907 гг. Украинский социал-демократический союз от лица собственных депутатов или же опосредовано от лица близких к союзу крестьянских депутатов не выдвинул ни одного требования или программного положения, связанного с украинским национальным вопросом. «Спилка» целиком сосредоточилась на необходимости выжать максимальный ресурс из избирательной кампании и это ей действительно удалось. Очень много беспартийных крестьянских выборщиков от Киевской, Полтавской,

Черниговской губернии так или иначе были связаны со «Спилкой». Во многом это действительно была заслуга деятельности и стараний Ю.М. Ларина, который фактически, задействовав ресурс «Украинскую социал-демократического союза», смог частично реализовать свою идею «широкой рабочей партии», за которую его критиковали многие социал-демократы. В каком-то смысле можно сказать, что Ларин фактически умело задействовал ресурсы организации и использовал их не только на пользу дела, но и в собственных интересах. Косвенно об этом говорит и то обстоятельство, что, пользуясь своим авторитетом в организации Ю.М. Ларин выставил от «Спилки» свою кандидатуру на выборах делегатов на Лондонский съезд РСДРП, и получил место благодаря поддержке местных организаций мандат и больше в деятельности «Спилки» активного участия не принимал³⁹⁴.

«Украинскому социал-демократическому союзу» удалось также проделать большей пласт работы на поле общественно-политической борьбы Государственную думу II созыва. Проводником влияния «Спилки» был не только избранный от нее делегат Иван Кириенко, но и упоминаемый выше ряд крестьянских депутатов, тесно связанных со «Спилкой» в силу развитой степени влияния партии на селе – Иван Красилюк, Федор Литвиненко, Василий Сахно. Сами крестьянские депутаты к «Украинскому социал-демократическому союзу» не принадлежали и не считали себя его членами, они считались более «умеренными», но тем не менее были связаны с партией и часто шли навстречу просьбам, исходящим от лица союза. «Спилка» охотно пользовалась этим, тем более что своих кандидатов в крестьянские депутаты «Спилке» провести не удалось – полиция смогла устранить от участия в выборах уполномоченных крестьян от партии. Тем не менее, через содействующих деятельности «Украинского социал-демократического союза» крестьянских депутатов «Спилке» удавалось передавать от лица низов наказы и обращения, составленные при ее активном содействии. Наказы как правило включали в себя озвученные от лица крестьян социал-

³⁹⁴ Рини А. Указ. соч. С. 64.

демократические требования, к которым также прибавлялись такие требования как политическая амнистия, отмена смертной казни, военно-полевых судов и т.д. Все данные требования собирали сотни подписей и крестов от крестьян и затем впоследствии вручались крестьянским депутатам для их представления в Государственную думу³⁹⁵. Однако по итогу, на деле же действительного результата ни один из данных наказов не принес, что в итоге способствовало сильному разочарованию среди крестьян в возможности получить какой-либо реальный практический результат от своих посланий в Государственную думу II созыва. По итогу к моменту выборной кампании в Государственную думу III созыва в 1907 г. малороссийские крестьяне массово начали бойкотировать сходы, инициированные «Спилкой».

Данные о количестве крестьян, активным образом поддерживающих Украинский социал-демократический союз принимавших участие в деятельности «Спилки», весьма проблемно каким-либо образом представить, так как численность сторонников среди крестьянства сложным образом поддается каким-либо конкретным подсчетам. А. Риш справедливо отмечает: «вопрос о том, кого считать на селе членом партии, где демаркационная линия между членом организации и остальной революционно-настроенной крестьянской массой, оставался неясный для самого «Спилки»»³⁹⁶. Таким образом, безусловно, число членов «Спилки» к середине 1906 г. достигало уже достаточно высокой отметки, если учесть, что только по двум губерниям число участников достигало 3000, однако насколько среди них был велик процент сторонников украинского движения, учитывая, что «Спилка» с самого начала не создавала собственных комитетов, а только включала в свой состав уже существующие, представляется в данном случае сам процент был крайне невелик. Второй событийной вехой, предоставляющей нам возможность проследить численность «Спилки» на момент конца 1906 г. является Лондонский съезд РСДРП. Для выборов делегатов на Лондонский

³⁹⁵ Риш А. Указ. соч. С. 54–55.

³⁹⁶ Там же. С. 22.

съезд по указанию ЦК «Спилка» была разбита на 12 районов – Бердичев и Волынской губерния, Подольская губерния, южные уезды Киевской губернии, северные уезды Киевской губернии, северные уезды Черниговской губернии, южные уезды, Черниговской губернии, отдельно были представлены Конотопский уезд, Глуховский уезд, Черниговской губернии, Полтава и полтавский союз представляли два избирательных округа, из которых также отдельно выделялся Кременчугский и Роменский уезд. Гомельские комитеты в свою очередь были распределены по разным избирательным округам. А. Риш отмечает, на основании данных «Циркулярного письма Главного комитета № 1» Спилки, текст которого видимо имелся у исследователя в наличии (на данный момент времени отыскать оригинальный текст документа не удалось – В.Е.), что численность выбиравших кандидатов в округах варьировалась от 400 до 700 членов, что позволяет дать общую оценку числа членов «Спилки» в 6000–7000 человек. При этом с самого начала при учете членов организации практически сразу возникал закономерный проблемный вопрос, заключающийся в том, кого же следует считать членом партии, а кого нет. Данная проблема вызвала много дискуссий в партии и в итоге так и не решена была на протяжении всего периода деятельности организации.

Изначально была принята точка зрения, согласно которой наиболее оптимальным вариантом было взять за основу максимально широкую трактовку членства в партии, согласно которой членом «Спилки» следует считать не только активного участника партийной жизни, работающего на нужды дела, но и всех тех, кто просто согласен с программой партии, определял себя в качестве социал-демократа, готов вступить в партию и стремится посещать организационные собрания³⁹⁷. С одной стороны, такой поход действительно был оправдан тем, что одно из основных направлений деятельности «Спилки» ложилось на работу в селе, где вообще трудно было зачастую четко определить принадлежность крестьянина к партии, а вся работа комитетов крайне зависела от живой связи партийного руководства с

³⁹⁷ Риш А. Указ. соч. С. 33.

ними, а также хода развития политической ситуации в империи. Поэтому, безусловно, анализируя данные численности членов «Украинского социал-демократического союза» следует отчётливо понимать, что число активных участников в действительности было не столь велико и реальный ощутимый вклад на общественно-практическом поле вносился сравнительно небольшим процентом от приведенной численности участников. Впоследствии, под влиянием череды арестов и разгромов в 1907 г. Главный комитет «Спилки» в новом составе сделал еще одну попытку сузить критерий членства в партии, но и она по общему итогу оказалась достаточно размытой – членом партии, согласно данному уставу, считался тот, кто исправно платил членский взнос и активно работал³⁹⁸. При таком большом количестве местных ячеек должной отлаженной системы взаимодействия между ними не было выстроено в силу отсутствия опыта, большого количества слабо контролируемых местных комитетов, стремления крупных губернских комитетов сохранить влияние в своих руках. В 1906 г. Главным комитетом «Спилки» был принят проект устава, где был предложен план построения областных организаций объединения, включавший районирование территории, на которой действовали местные комитеты партии, с образованием на территории каждого района районного комитета и последующим дроблением районов на подрайоны, где в свою очередь, также учреждены были собственные комитеты³⁹⁹. Предполагалось даже осуществить деление районов по отраслям хозяйства, представленным в них и особенностями работы на местности: на крестьянские, промышленные, сахарные. Однако выборы во Государственную думу II созыва, а также последующий разгром полицией организаций «Спилки» в 1907 г. не дал осуществиться данной идее районирования ареала деятельности партии.

Разгром «Спилки» стал закономерным следствием ее интенсивного поглощения местных организаций и ее активных антиправительственных

³⁹⁸ Рии А. Указ. соч. С. 34.

³⁹⁹ Там же. С. 30.

выступлений на общественно-политическом поле, что было возможно только в условиях общей политической нестабильности системы в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. как только к 1907 г. общий темп революции пошел на спад. Однако, столь амбициозные и масштабные планы «Спилки» в скором времени не могли не привлечь внимания местных отделений охраны к организации. По началу полиция имела весьма основательное заблуждение на предмет того, что «Спилка» и УСДРП принимались ей за одну и ту же партию, более того, очень часто жандармов сбивало с толку взаимодействие украинских социал-демократов с УДРП, что приводило к тому, что члены первых двух вышеозначенных организаций очень часто ошибочно заносились в состав радикальных демократов. Представление о том, что «Спилка» была образована в результате раскола «Революционной украинской партии» и в дальнейшем вошла в состав РСДРП на правах автономной организации у охранного отделения имелось, но на следующем этапе уже возникали большие трудности, связанные с проблемой идентификации политических партий украинского национального движения.

Органам полиции было сложно, и по этой же причине во многом неинтересно подробно разбираться в тонкостях и особенностях формирования украинских политических организаций и партий. Так, А. Риш приводит характерный эпизод из истории полицейского разгрома «Спилки», когда во время одного из судебных процессов над членами «Украинского социал-демократического союза» в ответ на указание одного из адвокатов на то, что в ходе расследования процесса люди с различными политическими убеждениями были свалены в одну кучу, прокурор в свою очередь ответил: «Важно только одно, хотят ли они устроить революцию, а остальное не имеет никакого значения»⁴⁰⁰. Тем не менее, так или иначе, киевскому жандармскому управлению в скором времени пришлось начать распутывать сложный клубок нелегальной политической работы «Украинского социал-демократического союза», постепенно подходя к раскрытию и ликвидации организации. Первые

⁴⁰⁰ Риш А. Указ. соч. С. 66.

аресты членов «Спилки» произошли еще в феврале 1905 г., в результате которых был задержан один из основателей организации П. Канивец («Кавун»), выйдя на ряд местных организаций, представители охраны нанесли достаточно весомый удар по их деятельности на местах, однако Главный комитет никак не был затронут⁴⁰¹. Ситуация по-настоящему приняла серьезный оборот, когда в 1906 г. в помещении редакции газета «Громадська думка» были задержаны члены УСРДРП – В. Винниченко, В. Степанковский, А. Жук, О. Лола, С. А. Ефремов, Ф. Матюшевский. Среди найденных адресов и явок у данных общественно-политических деятелей встретилось также много адресов «Спилки». Еще более масштабный список адресов и партийных документов попал в руки жандармов уже в Киеве в 1907 г., когда в руки жандармов попал обширный объем переписки, найденной в результате обысков у сотрудника «Киевской мысли» Александра Скрынникова, где был представлен большой объем циркулярных писем «Спилки», переписка партии с ЦК⁴⁰². Арестован был также член главного комитета А. Завадский.

Большой объем документации, попавшей в руки охранного отделения естественным образом, повлек за собой запуск политического судебного процесса, по которому привлекались в том числе ряд означенных выше членов УСРДП. Однако, частично украинских социал-демократам удалось избежать наказания, так как процесс судопроизводства по данному делу сильно затягивался и сам суд состоялся только в начале 1908 г. В. Винниченко и В. Степанковский к тому времени уже успели скрыться за границу, их примеру стремился последовать другой член УСРДРП А. Жук, но его попытка скрыться от судебного разбирательства оказалась неудачной и в скором времени он был задержан⁴⁰³. Таким образом, постепенно осуществился процесс задержания большей части ведущего состава организационного ядра «Спилки», который затронул в том числе и ЦК УСРДП. Но если для

⁴⁰¹ Рииш А. Указ. соч. С. 67.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Там же.

представителей УСДРП данная череда политических обысков и задержаний в целом прошла достаточно безболезненно, то для «Спилки», в силу гораздо более значительных масштабов своей общественно-политической деятельности в революционные годы, она во многом носила разгромный характер, от которого партия впоследствии так и не смогла оправиться.

Таким образом, годы Первой русской революции 1905–1907 гг. стали эпохой непосредственной политической проверки партий «социал-демократического» направления украинского движения суровой революционной практикой, в ходе которой им, с одной стороны, как удалось осуществить ряд серьезных достижений, так с другой, точно также столкнуться с рядом значительных системных неудач в своей работе. Так как, на годы Первой русской революции пришелся наиболее активный пик деятельности «Украинского социал-демократического союза». Весомая часть крестьянских восстаний в селах малороссийский губерний малороссийских губерний периода 1905-1907 гг. проходило под предводительством крестьянских комитетов «Спилки». «Спилке» удалось инкорпорировать в свой состав «Южное провинциальное бюро» и «Провинциальную группу», а также Киевский, Полтавский, Черниговский комитеты РСДРП, местные бундовские ячейки, имеющие большое на сельскую среду Малороссии, что позволило партии стать ведущей представительской организацией социал-демократии в малороссийской губернии в революционный период.

Именно от «Спилки» социал-демократические объединения губернии выставляли своих кандидатов на выборы в Государственную думу II созыва, в результате которых партии удалось провести в состав II Думы своего кандидата – Ивана Кириенко, что не удалось сделать УСДРП. Однако при этом «Спилке» в ходе роста и укрупнения пришлось во многом пожертвовать своей «украинской» национально-политической составляющей в программных требованиях ради дальнейшего сближения и движения навстречу местным социал-демократическими объединениям и комитетам. Огромную роль в развитии «Украинского социал-демократического союза» в качестве ведущей

социал-демократической организации Юго-Западного края сыграл меньшевик Юрий Ларин, который впоследствии выступил в качестве представителя от «Спилки» на Лондонском съезде РСДРП. УСДРП же по итогу смогла похвастаться гораздо более скромными достижениями на поле общественной практики в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Добиться столь высокого уровня поддержки среди крестьян и сельского пролетариата малороссийской губернии как у «Спилки» представители УСДРП не смогли. В годы революционных событий они, по большому счету, оказались в состоянии мобилизовать лишь тот ресурс, что был наработан ими на селе в предшествующий период деятельности «Революционной украинской партии» с 1900 по 1905 гг. На фабричных предприятиях края УСДРП также не удалось привлечь значительного числа сторонников, первенство в этом отношении сохранялось за РСДРП. Должного результата не принесли и попытки УСДРП войти в состав РСДРП в рамках автономной организации. Однако парадоксальным образом это в свою очередь отразилось на дальнейшем развитии «Спилки» и «УСДРП», когда в результате своей бурной деятельности «Спилка» была в значительной степени разгромлена жандармами, в то время как «УСДРП» полицейские разгромы в свою очередь фактически никак не коснулись.

Подводя общие итоги деятельности украинских организаций в эпоху Первой русской революции 1905–1907 гг. следует отметить, что период революции стал весьма неоднозначным временем в истории партийно-политического развития украинского движения рубежа XIX–XX вв., когда, с одной стороны, члены украинских организаций практически на всех направлениях своей деятельности потерпели ряд ощутимых неудач, оказавшись во многом неспособными должным образом ответить на вызов эпохи, с другой стороны именно в период Первой русской революции активным образом осуществлялся процесс взаимной консолидации партий украинского движения, частично преодолевалась острая разобщённость и

«групповщина», столь характерная для украинского национального движения на предшествующем этапе, а сам, в том числе неудачный опыт, накопленный членами украинских организаций за период революции заставлял переосмыслять и совершенно иначе расставить акценты в своей дальнейшей тактике борьбы на общественно-политическом поле, что позволило обеспечить уже представителям украинского движения выступить уже на качественно ином уровне в эпоху Третьеиюньской политической системы и особенно в период Первой мировой войны.

Важной вехой в истории украинского движения в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. была деятельность объединений в контексте вопроса об отмене ограничений с малороссийской печати, установленных Валувевским циркуляром 1863 г. и Эмским указом 1876 г. Ведущая роль в данном процессе принадлежит участникам «Украинской демократическо-радикальной партии». С инициативы членов УДРП была осуществлена кампания по привлечению внимания правительства к данному вопросу, на которую откликнулся С.Ю. Витте, а, в свою очередь, с его активной подачи, Санкт-Петербургская Императорская академия наук, издавшая «Записку об отмене ограничений с малороссийской печати». Был полных ходом запущен процесс рассмотрения снятия ограничений о печати, который не нашел своего логического итога, однако тем не менее украинское движение все-таки получило возможность печати научных и периодических изданий на малороссийском языке несколько позже уже в рамках введения в силу указа «Временных правил о неповременной печати» от 26 апреля 1906 г., которые открыли широкую дорогу, в первую очередь для издания периодической печати украинского движения, сыгравшей важную роль в дальнейшем распространении национально-политических установок украинофилов среди широких слоев городских жителей и крестьянства.

Годы Первой русской революции 1905–1907 гг. становятся периодом проверки способности и потенциала украинского движения для осуществления действий на легальном общественном поле. Пальма

первенства здесь снова будет принадлежать УДРП, члены которой будут принимать активное участие в качестве депутатов в деятельности Государственных дум I и II созывов. Центральным политическим требованием, которое представители украинского движения будут стремиться отстаивать как в думских стенах, так и на широком поле русской общественной жизни, станет идея украинской национально-культурной автономии с широкими правами национальной автономии, с широким использованием малороссийского наречия в государственном делопроизводстве и образовательных учреждениях, а также сосредоточением большого числа полномочий в руках местного самоуправления.

Огромную роль в деле формирования и дальнейшего продвижения данной концепции принадлежит М. С. Грушевскому, который на страницах своих публицистических статей в годы революции значительно способствовал актуализации идеи украинской национально-политической автономии в общественно-политической жизни России. Именно в обозначенный период Первой русской революции 1905–1907 гг. Грушевский приобретает репутацию одного из ключевых политических и идейных авторитетов в среде представителей украинского движения. М.С. Грушевскому также принадлежит серьезный вклад в процесс создания и координации деятельности «Украинской парламентской громады» – негласного объединения депутатов из числа представителей украинского движения, а также тех депутатов-малороссийских крестьян, которых удастся привлечь к данному начинанию. Деятельность «Украинской парламентской громады» фактически станет негласной политической школой для депутатов из числа малороссийского крестьянства, в той или иной увлекающимися идеями украинофилов. Однако серьезных результатов на данном поприще представителям украинских организаций не удастся достичь – действительно горячо поддержат требования представителей украинского движения лишь некоторые депутаты. В стенах Думы же национально-политическая программа политического украинства в свою очередь также не найдет

поддержки, от обсуждения национальной программы в Думе окажутся представители кадетской фракции, в составе которой изначально выступала большая часть представителей украинского движения, не найдут члены украинских организаций себе должной поддержки и в среде других национально-автономистских политических сил, самостоятельно же депутаты из числа представителей украинского движения окажутся не в состоянии иметь должный ресурс для инициирования обсуждения вопроса о национально-политической автономии в стенах Думы.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
Исторический факультет

На правах рукописи

Озадовский Владислав Евгеньевич
**Украинские национальные организации в общественно-
политической жизни России начала XX века**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
Том 2

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Ф.А. Гайда

Москва – 2025

Глава 3. Украинские политические организации между Первой русской и Февральской революциями

3.1. Украинские политические организации в 1907–1914 гг.

Первая русская революция 1905–1907 гг. открыто показала украинским организациям Российской империи их слабые стороны: разобщенность, все еще слабый уровень поддержки, наличествующий в среде крестьянства, но она же дала возможность членам политических партий и иных объединений украинского национального движения сделать соответствующие выводы из собственных ошибок и неудач, попытавшись взять своеобразный «реванш» в деле общественно-политической борьбы уже на новом историческом витке. Бесспорно, однако, и то, что были достигнуты и определенные победы. Одно из самых крупных достижений украинских организаций – это увеличение числа сторонников украинской национальной идеи в первую очередь среди крестьянства, сельского и городского ремесленного пролетариата, а также в среде малороссийского студенчества, учащихся гимназий и реальных училищ, где идейные воззрения представителей украинского национального движения традиционно имели наибольшую степень влияния.

Не менее важным являлось и то, что теперь участники украинских организаций получили в свои руки возможность выпуска печатных изданий, газет и журналов на украинском языке. Однако и на этом поле предстояло еще много работы – необходимость получения должного уровня поддержки в среде малороссийского населения явным образом еще хватало для того, чтобы украинским организациям полноценно представлять серьезную силу в крае. С окончанием революции представители украинского национального движения как силы, во многом враждебной официальному правительственному курсу Российской империи, посредством своих радикальных автономистских и федералистских программ, фактически посягающие на территориальную целостность России как таковую, испытали на себе значительный удар по окончании Первой русской революции 1905–1907 гг., как в силу жандармских и правительственных преследований, так и в силу собственных разочарований

в способности достичь чего-либо на общественно-политическом поле. Не все украинские политические партийные организации смогли пережить политическое поражение с наступлением эпохи «третьей ионьской монархии». Многие партии и организации прекратили свое существование и деятельность, их участники на какое-то время остались разбросаны вне каких-либо координирующих структур. В особенности серьезный удар получили организации, наиболее активным образом проявлявшие себя на поле русской общественно-политической жизни в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. – это в первую очередь Украинский социал-демократический союз и Украинская демократическо-радикальная партия. Наступил период, когда необходимо было взять паузу, переосмыслить случившиеся события, открыть новую страницу в строительстве собственного дальнейшего будущего. Следует отметить, что в годы революционных событий серьезную разобщенность, свойственную для политических партий украинского движения, удалось преодолеть лишь частично, во многом она продолжала сохраняться и являться одной из главных проблем для дальнейшей перспективы развития украинских национально-политических сил. Различные политические партии и объединения по-своему искали пути выхода из сложившегося кризиса.

Украинская демократическо-радикальная партия, как уже было сказано выше, была одной из тех структур, которые оказались не в состоянии выстоять в условиях упадка общественно-политической работы и в скором времени фактически пришли к тому, что к 1907 г. вынуждены были осуществить самороспуск. Е.Х. Чикаленко как один из ведущих фигур Демократическо-радикальной партии на страницах своего дневника сформулирует точный диагноз: «Демократическо-радикальная партия постепенно умирала и, наконец в 1907 г. совсем умерла, хотя и без официальных похорон, а просто перестала существовать»⁴⁰⁴. Причина столь быстрого упадка заключалась далеко не в радикальности или жесткости мер правительственного давления,

⁴⁰⁴ Чикаленко Є. Спогади (1861-1907). Ч. 3. Львів. 1926. С. 55.

закономерный ее развал предопределялся концептуальными ограничениями самой организации. Так, в ходе своей деятельности УДРП делала ставку не на работу «на земле» – непосредственно с громадами на местах или же с крестьянством и сельским пролетариатом на земле, по большей части их работа лежала в сфере издательско-публицистической активности, а также осуществления координации работы «Украинской парламентской громады» в составе Государственных дум I и II созыва. Вполне очевидно, что в составе Государственной думы III созыва сторонники украинского национального движения, а также проявляющие интерес к их воззрениям крестьянские депутаты фактически представлены не были. Поэтому вся дальнейшая работа представителей УДРП с депутатами-крестьянами в рамках «Украинской парламентской громады» теряла свою актуальность и, таким образом, ведущее поле для деятельности партии обрушивалось. В отношении издательско-просветительской работы также ситуация складывалась далеко не лучшим образом. Вся стратегия по обволакиванию территории малороссийских губерний сетью просветительских организаций, осуществляющих свою деятельность под началом М.С. Грушевского и членов «Старой громады» из числа УДСРП, начинала постепенно рушиться с окончанием революционных событий. Власти начинали гораздо более пристальнее следить за деятельностью украинофилов, и многие их предложения и инициативы по открытию культурно-просветительских организаций теперь начали встречать резкий отказ. Представители украинского движения начинали постепенно осознавать, что наступает новый период в социально-политической истории России, когда для осуществления их политического идеала дальнейшей легкой дороги уже не предвидится, снова наступает период, когда становится необходимым осуществлять свою работу в условиях противодействия со стороны властей.

Не все представители украинского движения оказались готовы к такому изменению действительного положения дел, и по большей части это олицетворяло непосредственную слабость самого движения, неготовность его

меняться и адаптироваться под усложняющуюся действительность. Так, имеющихся отделений «Просвиты» на территории Российской империи к началу данного периода было уже вполне достаточно. Филиалы «Просвиты» к 1908 г. были открыты уже в Киеве, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Житомире, Каменец-Подольском, Чернигове, Нежине, Козельцах (Черниговская губ.), Николаеве, Новочеркасске, Екатеринодаре⁴⁰⁵. Однако дальнейшее открытие новых филиалов «Просвит», в частности, в Полтаве и Харькове, не получило одобрения со стороны властей. Таким образом, каналы для расширения и закрепления своей работы в среде местной интеллигенции также были заблокированы. Для «старогромадской» интеллигенции и близкой к ее среде молодежи из УДРП, не имевшей столь широкого числа сторонников в сельской среде, как у «Спилки» и у УСДРП, это был крайне острый удар по одной из основных линий потенциального развития, по которой открывалась бы возможность для интенсивной просветительской работы по украинизации основных территорий, на которых члены партии имели свои очаги влияния.

Изначальное отсутствие в программных установках членов УДРП непосредственной ориентации на деятельность в толще среды малороссийского крестьянства, упор на легальную работу на поле публицистики и народного правительства определили замкнутость членов УДРП внутри собственной среды, неудачу в деле привлечения слоев крестьянства на свою сторону, значительное опоздание на данном поле работы в тот период, когда основные возможные сферы для деятельности уже становились в значительной степени заблокированы. Украинская радикально-демократическая партия фактически своими же руками заложила закономерный финал своей ограниченной ориентацией в избрании методов борьбы на общественно-политическом поле. Как только пространство политических возможностей, открывшихся в ходе развёртывания событий Первой русской революции 1905-1907 гг., начало сужаться с наступлением периода «третьеиюньской монархии», для УДРП очень быстро закрылись два

⁴⁰⁵ *Верига В.* Нариси з історії України (кінець XVIII – початок XIX ст.). Львів, 1996. С. 338.

единственных возможных канала для реализации украинской национально-политической платформы – координация работы депутатов-украинофилов в Государственной думе для продвижения своих политических интересов и культурно-просветительская работа на территориях малороссийских губерний. Более того, часть представителей Украинской демократическо-радикальной партии, во многом сохраняющая в своей среде инерцию старого культурничества, испугавшись правительственных репрессий, банально вышла из состава партии⁴⁰⁶.

Таким образом, представители легально-просветительского направления украинского движения в лице УДРП оказались по большому счету неспособны адаптировать свою работу под меняющиеся общественно-политические условия с наступлением эпохи «третьеиюньской монархии» и очень быстро зашли в своей работе в идейно-политический и организационный тупик. УДРП по сущности так и осталась чисто интеллигентским партийным формированием крайне далеким от основной массы малороссийского крестьянства. Однако, «свято место пусто не бывает» и в скором времени данный кризис перешел в новый виток развития украинских политических организаций на территории Российской империи. Осуществившие самороспуск, временно разрозненные бывшие представители УДРП в скором времени почувствовали необходимость в создании новой организации, основанной с необходимым учетом всех предшествующих ошибок и отразившей бы новый этап в дальнейшем развитии общей единой линии эволюции от ВУБДО к УДРП. Такой организацией стало Товарищество украинских прогрессистов. Созданному в 1908 г. «Товариществу» приходилось действовать уже в совершенно новых условиях. Начинается период, когда возможность для культурно-просветительской работы частично оказывается блокирована для сторонников украинского движения. Так, первым свидетельством наступления нового политического курса в отношении украинского движения стала уже упомянутая выше серия запретов

⁴⁰⁶ Касьянов Г.В. Указ. соч., С. 58.

на деятельность «Просвит» на территории малороссийских губерний. Власть на местах при этом долго колебалась в необходимости осуществления данного решения, ссылаясь на то, что закрытие данной организации могло вызвать крестьянские бунты в регионе. Однако все-таки решение о закрытии «Просвит» было принято, никаких крестьянских выступлений в свою очередь после этого не последовало, да и, в сущности, не могло, потому что в период «третьеиюньской системы» «Просвиты» только начинали приобретать значимый авторитет в крестьянской среде, и многие ячейки не были должным образом укоренены «на земле».

Те меры, которые правительство Российской империи осуществляло в сфере запретов политического украинства, далеко не имели характер массовых политических гонений. В действительности несмотря на то, что зачастую на страницах своих публицистических работ, воспоминаний представители украинского движения описывали внутривнутриполитическую ситуацию эпохи «третьеиюньской монархии» в самых негативных тонах, именно на момент данного периода произошел наиболее интенсивный подъем деятельности культурно-просветительских учреждений, активное развитие прессы и литературно-публицистических изданий украинских организаций. Весьма наглядным примером в этом отношении может служить деятельность на территории такой общественной культурно-просветительской организации украинского национального движения, как «Всеукраинское общество «Просвещение» имени Тараса Шевченко», в большей степени известное в истории общественно-политической жизни под своим кратким названием – «Просвита». Следует отметить, что активное участие представителей украинского движения в культурно-просветительской работе отделений «Просвиты» однозначным образом не следует воспринимать как возврат к периоду культурничества. Работа, проводимая «Просвитой», имела принципиально иной характер, и совершалась она во многом уже другими людьми. Это была образовательная и культурная работа, проводимая в первую очередь в среде масс малороссийского крестьянства и сельского пролетариата,

а ключевыми ее инициаторами и непосредственными проводниками в жизнь стали в первую очередь члены таких партий как УДРП, УСДРП и УНП из числа молодых представителей украинского национального движения, от лица которых на протяжении всего предшествующего периода полным ходом осуществлялась политизация украинского национального движения. Поэтому создание и деятельность «Просвит» на территории Российской империи – это совершенно новая форма осуществления политической работы, только реализованная в свою очередь в рамках достаточно «мягкого» сценария, предполагающего достаточно агрессивное, но при этом не прямое воздействие на политическое сознание крестьянства.

Сама же «Просвита» как просветительская организация изначально являлась во многом детищем галицкой общественно-политической жизни. Организация была создана еще в 1868 г. во Львове из представителей польской и русинской интеллигенции, являющихся сторонниками взгляда об отдельной украинской национальной идентичности галичан в противовес взгляду на русина как на представителей отдельной национальности или же как составной части русского народа. Организация стала своеобразным локомотивом всей культурно-просветительской работы, проводимой от лица представителей украинского движения в крае на протяжении всей второй половины XIX в. С периода 70-х гг. XIX в. с «Просвитой» начинают активным образом сотрудничать представители украинского движения Российской империи – В.Б. Антонович, А.Я. Конисский. Данные ученые и литераторы вносили активный вклад в процесс создания и организации работы другой весьма схожей по своей цели и характеру деятельности с «Просвитой» организации – «Научным обществом имени Т.Г. Шевченко». Однако неизбежным образом активный процесс взаимодействия выстраивался у малороссийских украинофилов и с «Просвитой», учитывая, что организации представляли из себя непосредственные центры культурно-просветительской работы украинского национального движения на территории Галиции и многие из галицких украинофилов, как Ю. Романчук, Е. Огоновский,

К. Сушкевич, часто принимали непосредственное участие в процессе создания и работы обеих организаций. Поэтому в скором времени между членами «Просвиты» и представителями украинского национального движения Российской империи завязалось достаточно плотное взаимодействие на почве координации взаимных усилий всех сторонников украинской национальной идеи по обе стороны Збруча. Следующим этапом, означившим собой новый шаг ко взаимному движению навстречу, стал львовский период общественно-деятельности М.С. Грушевского, когда он фактически встает во главе «Научного общества имени Т.Г. Шевченко». Грушевский своей активной работой на поле научно-педагогической и просветительской работы вносит немалый вклад в упрочнении контактов между «Просвитой» и представителями украинофилов из Российской империи. В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. именно М.С. Грушевский становится ключевой фигурой, ставшей непосредственной связующей нитью между галицкой «Просвитой» и членами Украинской демократической-радикальной партии.

Идея трансфера имеющихся в руках украинских организаций Австро-Венгрии ресурсов на территорию Малороссии во многом принадлежала именно М.С. Грушевскому. В данном действии М.С. Грушевский усматривал важный фактор укрепления положения украинских организаций Российской империи, получивших широкие возможности для развития с началом революционных событий. Представители же Украинской демократическо-радикальной партии во многом видели в идее организации филиалов «Просвит» на территории Российской империи возможность существенно усилить свои позиции в области культурно-просветительской работы «на земле», не только привлекая к осуществлению данной задачи собственные силы и средства, но и имея возможности для получения поддержки, в том числе на материальном уровне со стороны галицких соратников по борьбе за украинское национальное дело. В свою очередь галицкие организации вкладывали достаточно большой объем финансовых средств в развитие

работы отделений собственной организации на территории Российской империи. Так, украинофилами из Российской империи, составляющих ядро одного из самых крупных отделений «Просвиты» в Киеве, был создан даже отдельный фонд имени М. Драгоманова, через который активным образом осуществлялось финансирование киевской ячейки ⁴⁰⁷. Культурно-просветительская работа ячеек «Просвиты» на территории Малороссии включала в себя такие формы работы как широкую издательскую деятельность, продажа научных, литературных и периодических трудов представителей украинского движения в специально оборудованных для этого киосков и библиотек-читальнях с возможностью продажи украинских книг, где в том числе крайне активным образом распространялись издания из Галиции; проведение открытых лекций и народных чтений по украинской беллетристике; организация спектаклей и концертов украинских театральных групп.

Таким образом, украинские организации Российской империи стремились придать культурно-просветительской деятельности «Просвит» максимально широкий спектр направлений и инструментов влияния на местные группы крестьянства, сельского пролетариата и выходцев из городских слоев, преимущественно студенчества. «Просвиты» оказались удобной площадкой, посредством которой можно было вполне творчески применять и реализовывать самые разные формы работы. Эффективность данных форм и практические результаты образовательно-просветительской деятельности украинофилов в ходе организации работы «Просвит» мы осветим несколько позднее. Сейчас же нам важно отметить широкий спектр деятельности организации и рассмотреть подробнее процесс создания ячеек «Просвиты» в Малороссии и за ее пределами. Первые две «Просвиты» на территории Российской империи возникли в 1905 г. в Одессе и Екатеринославе. Прямое отношение к делу основания ячеек, естественным

⁴⁰⁷ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южно-русского сепаратизма. К., 1912. С. 273.

образом, имели М.С. Грушевский и представители Украинской демократическо-радикальной партии. К примеру, практически весь членский состав одесской «Просвиты» состоял полностью непосредственно из членов УДРП: юристов М.Ф. Комарова, О.Г. Панченко, М.Д. Клименко, директора одесской гимназии Л.П. Ковальчука⁴⁰⁸. Следующим на очереди стало открытие отделения «Просвиты» в апреле 1906 г. в Каменец-Подольском. На протяжении 1905–1907 гг. «Просвиты» также были открыты в Житомире, Чернигове, Николаеве и Киеве⁴⁰⁹. К моменту начала 1908 г. на территории Российской империи существовало уже четырнадцать отделений «Просвит», помимо уже указанных населенных пунктов отделения организации были открыты также в Екатеринодаре, Мелитополе, Новочеркасске, Седлеце, Грубешове (Люблинская губерния), Баку и Владивостоке.

Отделениям в Баку и Владивостоке, в свою очередь, было предоставлено право открытия отделений по всему Кавказу, Средней Азии и Восточной Сибири⁴¹⁰. Исследователь украинского движения рубежа XIX–XX вв. Г. Касьянов приводит данные о том, что на период начала 1908 г. филиалы «Просвит» существовали уже в 30 селах и небольших городках. Существенный вклад в дело создания ячеек «Просвит» на территории Российской империи продолжали вносить члены УДРП. Многие из представителей украинского движения, тяготеющие к культурно-просветительской работе, после революции опасаясь дальнейшего жандармского преследования в случае активных политических действий, принимая деятельное участие в работе «Просвит», обрели для себя тем самым наиболее оптимальную форму осуществления политической борьбы, суть которой заключалась в мягком сценарии осуществления политической пропаганды среди населения под видом просветительской деятельности.

⁴⁰⁸ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южно-русского сепаратизма. С. 273, 275.

⁴⁰⁹ Касьянов Г.В. Указ. соч. С. 59.

⁴¹⁰ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южно-русского сепаратизма. С. 273.

Поэтому наиболее интенсивный период создания «Просвит» на деле приходился как раз на период конца Первой русской революции. Таким образом, в действительности с наступлением эпохи «третьеиюньской монархии» отмечается подъем работы украинского движения, просто в силу особенностей развития внутривластного строя проявлявшийся не в столь открытой форме, как в предшествующий революционный период. Поэтому в данном отношении следует во многом говорить даже не о кризисе, а о стремительной адаптации общественно-политической деятельности представителей под новые исторические послереволюционные реалии. И деятельность «Просвит» стала одной из наиболее доступных и возможных легальных форм для реализации своих национально-политических устремлений. Нельзя сказать, что проводимая членами украинских организаций работа в составе «Просвит» каким-то образом прошла мимо властей или была полностью ими проигнорирована.

На практике очень многое зависело от деятельности органов власти на местах. Встречались случаи, когда действительное политическое содержание характера работы «Просвит» вполне отчетливо осознавалось местными властями, что естественным образом влекло за собой соответствующие запретные меры. В этом отношении наиболее резонансным стал запрет на открытие ячейки «Просвиты» в Полтаве. Местные полтавские органы власти в силу того, что и сам город, и губерния представляли из себя центр сосредоточения работы украинофилов и, в частности, таких партий, как УДРП и УСДРП, в среде местного крестьянства и учащихся гимназий и реальных училищ, прекрасно отдавали себе отчет в том, к чему в скором времени может привести создание в городе организации, нацеленной на открытие народных библиотек-читален, заполненных трудами представителей украинского движения, проведение спектаклей украинского народного театра и т.д. Естественно, что Полтавским губернским присутствием было принято решение об отказе в создании ячейки «Просвиты» в Полтаве по причине явного наличия в ней сепаратистских наклонностей и опасности их для

общества. В среде украинофилов данные шаги губернского присутствия вызвали бурю негодования. Для того чтобы обжаловать данное решение ряд деятелей направили жалобу на том основании, что цель товарищества заключается в помощи культурно-просветительскому развитию украинского населения. Однако Сенат поддержал решение Полтавского губернского присутствия и в своем указе от 18 июля 1908 г. отклонил жалобу полтавских представителей украинства на основании того, что их стремление в содействии культурно-просветительского края носит в себе сепаратистские устремления и может привести к небезопасным последствиям, в свою очередь признав деятельность «Просвит» и других организаций вредной и «могущей вызвать последствия, угрожающие общественному спокойствию»⁴¹¹. Запрет также напрямую коснулся и создания местного отделения «Просвиты» в уже знакомом нам локальном центре политического украинства на территории полтавского уезда – в Лубнах.

В. Дорошенко в свойственной ему манере назвал решение полтавского губернского присутствия «первой ласточкой» начала «противоукраинского курса» во внутривосточной жизни Российской империи. Однако в действительности все остальные отделения «Просвит» в других городах и селах, число которых исчислялось к тому времени несколькими десятками, без каких-либо препятствий продолжали свою деятельность, пусть при этом даже не в каждой ячейке ее работа внутри нее была отлажена на должном уровне. В целом работа «Просвит» на территории Российской империи приобрела наиболее широкий размах именно в период 1908–1910 гг. Не было открыто и ряду отделений «Просвиты» на Киевщине, которые территориально должны были располагаться в Черкасах и родном селе В. Доманицкого – Колодистом⁴¹². Однако это была «капля в море», которая особой роли в дальнейшем процессе развития украинского национального

⁴¹¹ *Дорошенко В.* Українство в Росії. Новітні часи. С. 83; *Щеголев С.Н.* Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 276.

⁴¹² Там же. С. 77.

движения уже не сыграла, учитывая при том, что деятельность отделения «Просвиты» непосредственно в Киеве в действительности приняла настолько серьезный размах, что киевская ячейка стала одной из наиболее масштабных по характеру разворачиваемой работы культурно-просветительских организаций украинского национального движения как таковых на период начала XX в., что послужит поводом к тому, что в итоге на страницах «Рады» будет отчетливо отмечено, что закрытие Киевской ячейки «Просвиты» «очень вредно повлияло на все украинско-просветительское движение в России»⁴¹³.

Так как Киев в целом являлся центром сосредоточения деятельности украинского культурничества, будучи основным местом, где осуществлялась практическая работа представителей «Старой громады» в составе Украинской демократическо-радикальной партии, киевское отделение «Просвиты» постепенно становилось основной площадкой, на которой сосредотачивалась по большей части вся культурно-просветительская деятельность украинского движения в Киеве. В Киевском отделении организации была развернута широкая издательская деятельность, включавшая печать и продажу трудов М.С. Грушевского, Б. Гринченко, С.А. Ефремова, галицких авторов, а также продажу большого числа наименований прессы украинских организаций. Существенная часть финансирования киевского отделения, как уже отмечалось, приходила в организацию из Галиции. Киевское отделение активным образом проработало 5 лет, закрывшись только в конце 1911 г., фактически став флагманом культурно-просветительской работы на территории Российской империи как «Просвиты», так и украинского национального движения как такового, не встречая при этом какого-либо по-настоящему ощутимого противодействия со стороны местных властей и жандармерии. В этом отношении запрет на открытие ряда отделений на территории киевской губернии представляется уже решением осуществленным во многом с запозданием. С запозданием также и принимается решение о закрытии Киевской ячейки. Помимо Киевской ячейки

⁴¹³ «Рада», 1911. № 8.

весьма серьезные позиции на поле культурно-общественной деятельности имелись также у Екатеринославского отделения. Екатеринославское отделение играло в общей системе «Просвит» весьма значимую роль, осуществляя свою политико-пропагандистскую работу в том населенном пункте, где сторонников украинского национального движения наличествовало крайне малое количество. Как уже отмечалось, Екатеринослав, являлся городом, на территории которого имелись достаточно крупные индустриальные предприятия, на которых трудилось от 5 до 10 тысяч человек рабочих, большая доля из которых являлось населением приезжим из самых разных, по большей части центральных, губерний Российской империи. Таким образом, Екатеринослав стал для представителей украинского национального движения местом, где им во многом необходимо было осуществлять работу не в привычной для них среде близкого им малороссийского крестьянства, а в многонациональной среде индустриальных рабочих, формирующихся в социальном поле русской городской культуры.

Представителям украинских организаций, таким образом, приходилось действовать в среде во многом для себя чужой, что вместе с тем одновременно открывало и возможности для дальнейшего расширения собственной социальной базы. Украинофилы из «Просвиты» естественным образом, в первую очередь старались опереться на ту часть рабочих, которая являлась выходцами из малороссийских губерний и не теряла своей живой связи с малороссийским селом. Поэтому основной объем проводимой культурно-просветительской работы осуществлялся членами екатеринославской «Просвиты» не в самом городе, а за его пределами, в ближайших к городу селах. Так, в первую очередь представители екатеринославской ячейки активным образом осуществляли продажу объёмного количества печатной продукции украинских организаций, проведение спектаклей, активное распространение материалов агитационно-пропагандистских материалов. Сам же процесс распространения печатных изданий был настолько активным, что в пригородных селах жандармами постоянно обнаруживалось большое

количество газет⁴¹⁴. О масштабах распространения литературных, научных изданий, а также периодики свидетельствует и тот впечатляющий объем продукции, что был представлен в отдельном киоске «Просвиты» на Екатеринославской выставке в 1910 г. Так, на прилавках киоска «Просвиты» были представлены на тот момент семитомная «История Украины-Руси» М.С. Грушевского, учебники на украинском языке для начальной и средней школы, 58 наименований периодических изданий на украинском языке, естественным образом большая часть общего числа которых приходилась на Галицию и Буковину (42 издания)⁴¹⁵. В состав данного числа наименований периодики входили также пять журналов, издаваемых галичанами-эмигрантами в Америке.

Следует отметить, что продажа данных изданий осуществлялась совершенно открыто и никак не была ограничена местными властями или же жандармерией, более того, за представленную на выставке продукцию общественность в лице учредителей Екатеринославской выставки поощрила екатеринославскую «Просвиту» большой серебряной медалью. Деятельность же екатеринославской «Просвиты» в местных окрестных селах оказалась настолько результативной, что по общему итогу в значительной степени превзошла ожидания самих инициаторов. Так в первую очередь идет речь о селе Мануйловка, где в результате активного участия членов Екатеринославской ячейки «Просвиты», в итоге была создана отдельная местная ячейка организации. При этом достигнутый уровень общественно-политической работы в сфере просветительской работы с местным населением по итогу превысил активность ячеек «Просвит» во многих крупных городах. Так С.Н. Щеголев даже отметит «Мануйловская сельская Просвита своей энергичной деятельностью перещеголяла не только свою учредительницу, но

⁴¹⁴ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 273.

⁴¹⁵ Там же.

и все другие Просвиты в России»⁴¹⁶. Конечно, с нашей точки зрения приведенное утверждение Щеголева является преувеличением, однако то, что деятельность данной сельской ячейки действительно смогла выйти на серьезный уровень работы, представляется бесспорным. Работа среди населения села и его окружи, конечно же, по своим масштабам не могла сравниться с той деятельностью, что осуществлялась представителями украинских организаций в Киеве и Екатеринославе во многом просто в силу того, что на территории села проживало гораздо меньше населения по численности, однако то, что в результате работы членов мануйловской ячейки к участию в деятельности «Просвиты» были привлечены почти все жители села и его окрестной и степень интереса к украинской национальной идее была на крайне высоком уровне, действительно заставляет совершенно особым образом отметить деятельность мануйловской ячейки.

Так, постепенно набирая авторитет среди местного сельского населения, мануйловское отделение «Просвиты» уже к 1910 г. обзавелось собственным зданием. Свидетельством того внимания и авторитета, который мануйловское отделение «Просвиты» получило служит то, что на самом открытии здания организации села присутствовали, помимо самих членов екатеринославской ячейки, представители студентов-украинцев из Варшавы, на открытии были зачитаны приветствия от студенческих организаций «Громада» Санкт-Петербургского горного института, Санкт-петербургского политехнического института, а также от студенчества Киевского коммерческого института, от львовской «Просвиты» и персональные приветствия от лица представителей украинского движения. С трибун произносились слова о торжестве украинской народной идеи, местный священник осветил здание организации, отметив, что у запорожцев проснулся дух настоящего рыцарства, что в лице деятельности «Просвиты» выросла крепость для борьбы с темнотой с

⁴¹⁶ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма.. С. 74.

помощью народного слова⁴¹⁷. Село Мануйловка в 3000 душ, таким образом, стало настоящим центром распространения украинских национально-политических идей среди населения малороссийского края. Филиал организации проводил спектакли, тематические лекции. Активным образом проводились и мероприятия, ориентированные на детско-юношескую аудиторию: специально организованные представителями украинского движения «Семейные вечера для учеников средних и низших школ», детские «елки», на которых гостям раздавались брошюры агитационно-пропагандистского назначения в весьма внушительных объемах – 200 брошюр в 1910 г., 300 – в 1911 г.⁴¹⁸. Работа на детскую аудиторию, таким образом, становилась отнюдь не менее важной составляющей культурно-просветительской работы «Просвит», закладывание представления об украинской национальной идентичности должно было осуществляться с раннего возраста. Сразу следует отметить, что это в конечном итоге дало необходимый результат. Так, среди юных воспитанников мануйловской «Просвиты» периода 1910-х гг. мы встретим будущего члена ОУН, сотрудника вспомогательной полиции на оккупированной немцами территории Украины в Днепропетровске Петра Коржа.⁴¹⁹

Таким образом, в руках мануйловской «Просвиты» сконцентрировалась фактически вся культурно-общественная жизнь села и близлежащих территорий, представители ячейки во многом являлись здесь монополистами на поле содержательно-смыслового наполнения общественной жизни малороссийского крестьянина. Так, к примеру, устраивались концерты, где для селян исполнялся «Сечевой марш»⁴²⁰, в свою очередь в период празднования 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко в селе полностью остановилась вся работа, большая часть местных жителей собралась в здании «Просвиты» на специально устроенном украинофилами по случаю годовщины

⁴¹⁷ «Рада», 1911. № 281.

⁴¹⁸ «Рада», 1910. № 295.

⁴¹⁹ Чабан М. Діячі Січеславської «Просвіти» (1905–1921). Дніпропетровськ, 2002.

⁴²⁰ «Рада», 1910. № 295.

мероприятии, зал же в этот день был украшен портретами М. Драгоманова и Б. Гринченко⁴²¹. Таким образом, деятельность мануйловской «Просвиты» стала, пожалуй, самым наиболее удавшимся примером попытки представителей украинского движения распространить свое влияние среди малороссийского крестьянства. Пожалуй, даже агитационно-пропагандистская работа, проводимая в среде крестьянских комитетов, организация крестьянских бунтов представителями УСДРП и «Спилки» в период наиболее активного роста революционных настроений по малороссийским губерниям не формировали среди крестьян столь большого интереса и преданной убежденности в правоте украинской национальной идеи, какой был в итоге достигнут в результате той разноплановой образовательной и культурно-массовой работы, что активным образом осуществлялась от лица представителей «Просвиты». Во многом это представляется закономерным, так как успехи, которые были достигнуты «Спилкой» и УСДРП на поле работы с крестьянством по большей части связаны с близостью требований их социально-политической программы к нуждам малоросса-селянина, национально-политический же аспект не столь интересовал крестьянство, в силу чего он отбрасывался в выступлениях, на страницах прокламаций, воззваний на второй или третий план, в итоге не формируя у крестьянина какого-либо цельного и глубокого представления о своей украинской национальной идентичности.

Существенным своим вкладом в дело просветительской работы среди крестьянства отметились также Житомирская, Каменец-подольская, Черниговская «Просвиты». Так, к примеру, житомирская «Просвита», в составе которой на пике ее работы находилось порядка 150–170 членов, поставила себе задачу посредством организованных в уезде народных библиотек и совершения пожертвований в местные отделения библиотек за период с 1910 по 1912 гг. разослать в окрестные села порядка 500 различных

⁴²¹ «Рада», 1910. № 295.

изданий, связанных так или иначе с идеологией украинского движения⁴²². Закрылась же житомирская «Просвита» по большей части по причине неумелого руководства. Бессистемность работы во многом привела к тому, что уже к 1911 г. деятельность житомирской «Просвиты» стала постепенно угасать, дело все больше шло к развалу организации. Не спасла судьбу организации и смена руководящего состава. Лишь на время это оживило работу, однако уже к 1912 г. новый глава житомирской «Просвиты» был уличен в крупной растрате земских денег и сбежал из Житомира, и в апреле того же года постановлением администрации деятельность ячейки была приостановлена.

Каменец-подольская «Просвита» также, в свою очередь, насчитывала порядка 150 членов, большую роль в организации и деятельности данной «Просвиты» играло духовенство, на территории Подольской губернии к 1911 г. отделением было организовано 5 библиотек читален с продажей украинских книг, одна в самом Каменце-Подольском и еще четыре на территории самой губернии. Объемы продаж книг были весьма большими, о чем свидетельствует тот факт, что уже к 1910 г. было распродано книг на 700 руб.⁴²³. Учитывая же, что Каменец-Подольское отделение «Просвиты» оказалось из числа ячеек, которые по различным причинам не были закрыты к 1911 г., можно представить, что общий итоговый объем продаж книг представлял из себя весьма внушительное число. Здесь, однако, следует отметить, что так как в Каменец-Подольском отделении большую роль играло духовенство, и, в частности, местные приходские настоятели, на долю числа проданных «Просвитой» книг приходилось и большое число «неукраинских» изданий, нацеленных на народное просвещение. Однако изданий украинского движения в числе представленных наименований также находилось немало, в том числе непосредственных периодических изданий украинофилов, включая периодическую печать из Галиции, в том числе журнал «Ukrainishe Rundschau»

⁴²² «Рада», 1910. № 180.

⁴²³ «Рада», 1911. № 8.

(Украинское обозрение), который с 1908 г. начинает напрямую финансироваться от лица Немецкого союза восточных приграничных областей. Более того, и осуществление народного просветительства от лица самого каменец-подольского духовенства также нельзя отделять от активной работы по утверждению украинской национальной идентичности в умах малороссийского крестьянства.

Так, под руководством местных священников в сельской читальне на территории села Печоры Брацлавского уезда были организованы сельские литературные вечера, на которых выступали с украинскими декламациями и чтением стихотворений в рамках соответствующей тематики сельские дети от 6 до 12 лет, молодежь, крестьянские семьи. Таких выступлений на вечере в память 50-летия годовщины смерти Т.Г. Шевченко в 1911 г. было порядка сорока, на литературном вечере, состоявшемся в июле того же года – сорок пять. Все эти мероприятия проводились в рамках работы местного духовенства с населением⁴²⁴. Черниговская ячейка «Просвиты», в отличие от Каменец-подольского филиала, являлась организацией, по большей части, состоявшей из наиболее видных представителей украинофильской интеллигенции из числа членов украинских партий – УДРП, УСДРП, УНП и т.д. Так, среди ее ключевых членов можно отметить И.Л. Шрага, М.М. Коцюбинского, М.К. Вороного, В. Андриевского. Имея весьма широко наработанную базу контактов из числа местной интеллигенции, гимназистов и учащихся реальных училищ, составляющих основу комитетов УСРДП и УДРП, черниговская «Просвита» достаточно быстро смогла сформировать на их основе сплоченную группу, составившую большую часть участников данной ячейки. Это же, в свою очередь, и позволило организации открыть собственные филиалы в Нежине и в Козельце, в которых находилось порядка 40–50 участников. Члены «Просвиты» организовывали в Чернигове и ее пригородах лекции на украинском языке, устраивали литературно-поэтические, танцевальные и музыкальные вечера, где читались произведения

⁴²⁴ Рада № 8, 1911. № 2.

литераторов и декламировались стихи на украинском языке, пелись народные песни, практиковалось также чтение рефератов и организация украинского народного театра.

Однако черниговская «Просвита» имела одну существенную слабость, неспособность преодолеть которую по итогу стала причиной развала деятельности организации. Являясь прямой проекцией деятельности политических партий украинского движения и неформальных студенческих украинских громад, черниговской «Просвите» органично также были присущи все свойственные украинскому движению как политической и социальной силе изъяны и проблемы. Одной из наиболее ярко выраженных из них во многом оставалась замкнутость внутри собственной среды, что достаточно ярко отразилось на судьбе организации. Оказавшись не в состоянии собрать вокруг себя должное число сторонников в среде малороссийского крестьянства и сельского пролетариата, как это удалось сделать другим крупным отделениям «Просвиты», деятельность ячейки в Чернигове не смогла по итогу выйти дальше работы внутри собственного круга громад, где вся деятельность во многом продолжала держаться исключительно на инициативе лидеров организации. Итогом такого положения дел стало то, что, когда в сентябре 1908 г. черниговский полицмейстер по указу местных властей арестовал ядро организаторов ячейки в лице М. Коцюбинского, В. Коцюбинской, И.Л. Шрага, Л. Шрамченко, Ф. Левицкой, большая часть активной деятельности ячейки фактически сошла на нет⁴²⁵. Время от времени проводились лишь традиционные литературно-песенные вечера и по инерции еще во многом осуществлялась работа читален. В 1911 г. в столь активном и многообещающем ключе начавшаяся деятельность организации во много сошла на нет. Не сумев в итоге сделать следующий организационный шаг и выйти во внешнюю среду, интегрируя в поле своей деятельности местное население, представители черниговской

⁴²⁵ Фомська С.М. Становлення та діяльність чернігівської «Просвіти» (1906–1908 рр.). // Сіверянський літопис. 2010 № 2–3. С. 190.

«Просвиты» по итогу сами определили свою судьбу, когда в результате простых, фактически не требующих серьезных усилий действий со стороны жандармерии, стало достаточно, чтобы парализовать дальнейшую работу всей организации. Помимо упомянутого ядра из числа интеллигентов-украинофилов, «на земле» не оказалось тех, кто был бы заинтересован и готов осуществлять какие-либо действия для дальнейшего развития работы объединения. Однако на первом этапе своей деятельности в период с 1906 по 1908 г. черниговская «Просвита» тем не менее развернула достаточно активную культурно-просветительскую работу как непосредственно в самом городе, так и на территории губернии. Формат культурно-просветительской и образовательной деятельности «Просвиты» во многом пусть и не давал на выходе столь быстрых и осязаемых результатов, но в гораздо большей степени на более долгосрочную перспективу способствовал формированию в умах малороссийского крестьянства стройной ценностно-мировоззренческой системы, в основе которой лежало представление об украинцах как об отдельном народе со своей сугубо отдельной историей, культурой и языком. «Просвиты» как таковые представляли одну из наиболее эффективно и удачно организованных форм работы украинофилов, созданную с целью расширения собственной социальной базы среди местного малороссийского населения. Сеть разбросанных по всей территории малороссийских и новороссийских губерний ячеек «Просвит», проделанная ими работа и достигнутые ими в последнее десятилетие существования Российской империи результаты являются наилучшим доказательством этого.

Однако, следует отметить и то, что представители украинского движения далеко не во всех ячейках «Просвиты» сумели должным образом наладить и организовать работу ячейки. Безусловно, в первую очередь это касалось тех отделений, которые были организованы за пределами малороссийских губерний – попытки представителей украинского движения организовать на данных территориях ячейки оказались во многом провальными – украинская национальная идентичность вполне закономерным

образом не прививалась надлежащим образом на данных территориях. Практически никак себя не проявляли «Просвиты» в Николаеве и Мелитополе. Николаевская «Просвита» ограничивалась разовыми постановками украинских спектаклей на протяжении года, а мелитопольская, в свою очередь, – продажей украинских изданий⁴²⁶. «Просвита» в Новочеркасске занималась по большей части постановкой любительских спектаклей, во многом зачастую даже не имеющих сколько-нибудь серьезной политической подоплеки, только с 1911 г. с вливанием в ее ряды свежей молодой поросли студенчества «Просвитой» начинают организовываться литературные вечеринки и бесплатные украинские чтения в народных читальнях⁴²⁷. Екатеринодарская не вела видимой работы и по итогу закрылась ввиду отсутствия деятельности, та же самая участь, в свою очередь, постигла, Владивостокское отделение организации и ячейку в Баку, что в вполне естественно и объяснимо⁴²⁸. Отделения, созданные на Дальнем Востоке и Кавказе с весьма протекционной целью дальнейшего образования ячеек, в итоге оказались неспособны организовать работу даже в собственных населенных пунктах, что достаточно наглядно, таким образом, продемонстрировало способность украинского движения по привлечению сторонников на территориях, где малороссы были некоренным населением. Представители украинских организаций имели весьма существенные сложности и с привлечением сторонников в среде крестьянства непосредственно в малороссийских губерниях, в отношении же достижения каких-либо существенных успехов на почве привлечения представителей малороссийского народа вне самих малороссийских и новороссийских территорий говорить пока не приходится.

Следует отметить, что политика властей и органов местного самоуправления Российской империи в отношении деятельности «Просвиты»

⁴²⁶ Рада, 1911, № 10.

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 273.

была характеризована в значительной степени неопределенностью. Во многом судьба той или иной ячейки зависела от степени понимания складывающейся ситуации и позиции «на местах». На опережение во многом удалось сработать, как уже упоминалось, Полтавским и Харьковским губернским присутствиями местных органов власти, которые проявили решимость и ответили отказом на запрос об открытии отделений «Просвита» в населенных пунктах. В других же городах и губерниях местные власти и жандармские управления не отметились столь высоким уровнем оперативности, либо, столкнувшись с конкретными проявлениями уже бурно развернувшейся культурно-просветительской и агитационно-пропагандистской работы на местах среди населения, реагируя уже по факту случившегося, принимали спешные меры по пресечению деятельности «Просвит», как это в свою очередь произошло в Киеве, Одессе и Чернигове, либо же просто не принимали никаких мер и никак не реагировали на проводимую фактически у них под носом политическую работу со стороны представителей украинского национального движения, как это было, к примеру, в Екатеринославе или же в Каменец-Подольском.

Ситуация для властей осложнялась и тем, что просветительский формат «Просвит» являлся одним из наиболее удачно подобранных со стороны представителей украинского национального движения, так напрямую никакие политические и социально-экономические лозунги членами украинских организаций не выдвигались. Напротив, вполне сознательно выбирались наиболее «аполитичные» образовательно-просветительские формы. В этом отношении определенные трудности представляло собой выдвижение в адрес «Просвиты» каких-либо политических обвинений, так как формально организация ставила перед собой только образовательно-просветительские задачи, на что всегда могли сослаться, и на практике активным образом к этому прибегали представители украинского движения. В связи с этим представители власти Российской империи на самых разных уровнях вынуждены были по итогу прибегать к самым общим формулировкам при попытке дать обоснование своих действий в отношении «Просвиты», что,

безусловно, во многом характеризовало достаточно низкую степень способности властей Российской империи эффективным образом решить комплекс проблем, связанных с активизацией деятельности национальных политических движений на территории Российской империи, и, в частности, украинского национального движения. Так, как уже отмечалось, 18 июля 1908 г. Сенат в ответ на жалобу, поданную от лица основателей полтавской ячейки «Просвиты», охарактеризовал деятельность организации в целом как вредную и «могущую вызвать последствия, угрожающие общественному спокойствию и безопасности». Такая формулировка явным образом демонстрировала достаточно большую ограниченность и подхода «Просвиты».

Таким образом, формат деятельности «Просвит», безусловно, характеризовал собой весьма удачную найденную форму общественно-политической работы украинских организаций в среде местного крестьянства, которая сочетала в себе как культурно-образовательные, так и политико-пропагандистские методы работы, и позволяла, будучи формально представленной на официальном поле исключительно культурной организацией, на деле вести политическую работу внутри крестьянства.

Отдельной темой в истории развития украинских организаций в годы «третьеиюньской системы» станет вопрос об освещении «украинского вопроса» в деятельности Государственных дум III и IV созывов.

В Государственной думе депутатов из числа представителей украинского национального движения, как и деятельности «Украинской парламентской громады» мы уже не встретим. Тем не менее инерция той культурно-просветительской и легальной работы, что была осуществлена членами УДРП в годы работы I и II Думы, и дальнейшее влияние той работы, что проводилась украинофилами в рамках актуализации украинского вопроса на страницах материалов прессы и просветительских изданий, а также в среде крестьянства, в итоге все равно время от времени проявляли себя в ходе работы III и IV Государственных дум. Так, косвенным результатом является

то, что в ходе заседаний III и IV Государственных дум был поднят вопрос о необходимости введения преподавания на малороссийском языке в начальных школах. Следует отметить, что даже позиции депутатов из малороссийских губерний в этом отношении не едины. Так, к примеру, среди депутатов-малороссов, имелось и достаточно весомое представительство членов умеренно-правой Русской национальной фракции, заметную роль в которой играли представители Киевского, а также Каменец-Подольского клуба русских националистов, среди которых числились такие деятели как, к примеру, В.В. Шульгин, П.Н. Балашов и др. Русские националисты играли весьма существенную роль в общественно-политической жизни малороссийских губерний и на момент начала XX в. являли собой в малороссийском регионе далеко не меньшую, а во многих отношениях даже и гораздо большую по степени влияния силу, чем украинское национальное движение. Естественным образом со стороны депутатов Русской национальной фракции, также во многом представляющих общественное мнение малороссийских губерний, ни о каком положительном отношении к вопросу о введении преподавания на малороссийском языке в начальных школах быть не могло.

Так, впервые вопрос о необходимости преподавания на малороссийском языке был обсужден в ходе работы Государственной думы III созыва в марте 1908 г. во время рассмотрения законопроекта «Об отпуске 6 900 000 рублей на нужды народного образования». Обсуждение данного законопроекта на деле несло в себе гораздо более глубокое содержание, суть заключалась в том, что в рамках обсуждения отдельного частного вопроса закономерно возникал целый комплекс проблем, связанных с подготовкой будущего закона о всеобщем начальном образовании. В ходе обсуждения был также затронут и вопрос о преподавании на национальных языках⁴²⁹. В рамках этого большой резонанс вызвала подача 37 депутатами от малороссийских губерний

⁴²⁹ Клопова М.Э. Нужен ли украинский язык в школе? Дискуссии в Государственной думе (1907–1914) // Славянский альманах. 2017. №3–4. С. 283.

законопроекта «О языке преподавания в начальных школах с малороссийским населением», внесенного 29 марта 1908 г.⁴³⁰. Сам законопроект не заключал в себе какой-то чрезмерно острой радикальности и, в сущности, никак не был напрямую связан с украинским движением. Так, в основе данного законопроекта лежали предложения о введении обучения на малороссийском языке в областях с малороссийским населением при обязательном наличии в школах обучения на русском языке как на общегосударственном, о необходимости введения на территории малороссийских губерний учебников и пособий, соответствующих условиям и традициям местного населения, в свою же очередь, среди авторов законопроекта имелись даже представители той самой фракции националистов – К.К. Волков⁴³¹. Однако практически сразу горячую поддержку данному законопроекту выразили участники украинского национального движения. Участники украинских организаций, безусловно, подходили к вопросу о начальном образовании, сообразуясь с собственными политическими интересами. Так, внимание со своей стороны к вопросу о начальном образовании на малороссийском языке они уделяли в первую очередь из соображений необходимости украинизации и «пробуждения национального самосознания» народа, т.е. фактически усматривали в развитии народных школ и украинского языка одно из ключевых средств в деле создания украинской нации.

Делу создания и внедрения в обиход во многом сконструированного искусственным образом литературного языка члены украинских организаций уделяли по-настоящему огромное значение, считая его чуть ли не основным условием, без которого процесс построения украинской нации не в состоянии будет осуществиться. В дальнейшем мы подробнее рассмотрим, каким образом осуществлялось конструирование украинского литературного языка на страницах прессы, публицистических и литературных изданий украинского движения, чем созданный представителями украинских организаций

⁴³⁰ Дорошенко В. Українство в Росії. Новійши часи. С. 107.

⁴³¹ Грушевський М.С. Про українську мову і українську школу. К., 1913. С. 16.

литературный язык в своей основе отличался от народного малороссийского разговорного языка. Сейчас же нам важно будет отметить, что вопрос о введении преподавания малороссийского языка в начальных школах представлял из себя отнюдь не одно и то же для тех людей, кто осуществлял работу на ниве народного образования в малороссийских губерниях, и для членов украинских политических партий. В свою очередь, участники украинского движения не преминули, пользуясь случаем, попытаться приложить все возможные усилия для того, чтобы открыть путь законопроекту к обсуждению в Думе. Естественным образом не оставил без внимания данную инициативу и М.С. Грушевский, выступив со статьей «Законопроект про учение украинскую мовою»⁴³², в котором горячо поддержал инициативу депутатов Думы. В свою очередь, с резкой критикой законопроекта выступила фракция русских националистов, выпустив от лица Клуба русских националистов в Киеве резолюцию⁴³³.

Таким образом, даже не поставленный в итоге на рассмотрение в Думе проект закона о преподавании в начальных школах на территории малороссийских губерний вызвал бурное количество прений и возражений. В сущности представители украинских организаций своими прямыми призывами к политической автономизации, агитационно-пропагандистской деятельностью, развернувшейся под ширмой просветительской работы, провокационными политическими акциями, как в случае с издательско-публицистической деятельностью В.Б. Антоновича, М.П. Драгоманова, П.П. Чубинского и др. в Киевском отделении Русского географического общества, со срывом торжественного мероприятия по случаю открытия памятника И.П. Котляревскому в Полтаве в 1903 г., с организацией крестьянских восстаний по всей территории малороссийских губерний и т.д., внесли очень серьезный вклад в формирование отрицательного отношения к

⁴³² *Грушевський М.С.* Про українську мову і українську школу. С. 16.

⁴³³ Резолюция Клуба русских националистов (в Киеве) по поводу проекта преподавания в школах Малороссии на украинском языке, принятая общим собранием членов клуба 12 мая 1908 г. К., 1908.

вопросу малороссийского языка в систему начального образования в Юго-западном крае. Представляется, что если бы украинофилы на протяжении периода второй половины XIX – начала XX в. не проявляли бы себя столь активным образом на общественно-политическом поле, то решение вопроса о разрешении преподавания на малороссийском наречии в начальных классах могло быть осуществлено с гораздо большей вероятностью, простая практическая целесообразность преподавания для детей крестьян на народном наречии была в глазах многих общественно-политических деятелей дискредитирована возможностью наличия политической подоплеки. Это во многом мешало возможности принятия более взвешенного решения по законопроекту, перенося практический вопрос о специфике нужд народного образования в отдельном регионе в плоскость противостояния между политическим украинством и Клубами русских националистов. Сам же проект «О языке преподавания в начальных школах с малороссийским населением» в итоге передали в состав комиссии по народному образованию, где он навсегда затерялся в бюрократических коридорах ⁴³⁴.

Тем не менее актуальность вопроса о преподавании на малороссийском в начальных школах Юго-западного края никуда не исчезла, и в 1910 г. данный вопрос был вновь поднят на заседании Государственной думы III созыва. На этот раз высокую степень интереса со стороны представителей украинских организаций вызвал известный историк, член кадетской партии, профессор Киевского университета И.Ф. Лучицкий. Когда вопрос о преподавании на национальных языках был актуализирован в Думе представителями Польского кола и Мусульманской фракции, И.Ф. Лучицкий⁴³⁵ также выступил с думской трибуны с речью о целесообразности введения преподавания на малороссийском наречии в начальных школах. Как отмечал В. Садовский, речь И.В. Лучицкого оказалась настолько неудачной и туманной, что вместо

⁴³⁴ Дорошенко В. Українство в Росії. Новійши часи. С. 107.

⁴³⁵ Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 16. 10.XI.1910. Ст. 1106–1109.

закономерного одобрения вызвала волну возмущения в среде украинствующей интеллигенции⁴³⁶. В поддержку идеи о поправках И.В. Лучицкого выступил депутат от подольской губернии священник о. Макарий Сендерко, который, апеллируя к примерам собственной преподавательской практики в подольской губернии, отметил, что высокий уровень неграмотности в малороссийских губерниях во многом был связан с тем, что многим учащимся начальных классов тяжело было усваивать программу в силу незнания русского языка⁴³⁷. Безусловно, со стороны самого Сендерко по большей части мы наблюдаем запрос, связанный с непосредственной практикой и преподаванием «на земле», который, несомненно, при этом не стремится идти дальше к политическим требованиям.

Таким образом, несмотря на поддержку П.Н. Милюкова, проект поправок, исходящий от Ивана Васильевича Лучицкого, также в итоге оказался отклонен большинством и не пошел никуда далее благожелательных обсуждений. Вопрос о введении начального образования на малороссийском языке в Юго-Западном крае во многом продолжал оставаться нерешенным, представляется, что со своей стороны участники украинских политических объединений и члены националистической фракции своей политизацией вопроса лишь усугубляли складывающуюся ситуацию. Языковой вопрос во многом посредством своей партикуляризации отводил в сторону от понимания реального назначения начального образования и обсуждения действительных его проблем, заключавшихся в его сословной ограниченности и невозможности обеспечить должный социальный лифт для большинства сословий Российской империи. Это понимание одного из ключевых аспектов начального образования как возможности для социального лифта очень хорошо осознавалась самим малороссийским крестьянством, которое в силу своей привязанности к реальной материальной практике отчетливо ощущало

⁴³⁶ Садовский В. Украинский вопрос в Третьей Думе // Укр. Жизнь. 1912. № 5. С. 19.

⁴³⁷ Стенографические отчеты Государственной Думы. Третий созыв. Сессия IV. Заседание 16. 10.XI.1910. С. 1106–1109.

это «на своей шкуре», усматривая в получении образования на общегосударственном русском языке гораздо больше возможностей и перспектив для дальнейшего развития, и социального становления детей. Так, Е. Х. Чикаленко на страницах «Воспоминаний» приводит характерный эпизод, свидетельствующий об отношении самих крестьян к вопросу об образовании на малороссийском наречии: «... А когда Краснокутский (член украинского движения, волостной писарь, имевший высокий авторитет в крестьянской среде – В.Е.) поставил вопрос о заведении украинского языка в школах, делался гомон и начались выкрики с мест: «Это чтобы наши дети остались мужиками?», «Не нужно!», «Теперь хоть некоторые из наших детей выучатся на учителей, попов, врачей, и этого уже будет достаточно!».

Как не бился Краснокутский, как не доказывал, что украинский язык не мужицкий, что необходимо добиваться заведения украинского языка и в средних школах, и в университетах, ничего не помогло, и сборы вынесли резолюцию, чтобы образование было бесплатным, и чтобы с народной школы ученики без испытаний переходили к средней, ничего не говоря про язык»⁴³⁸.

Следующим случаем, когда обсуждение украинского национального вопроса вновь было затронуто в ходе заседания Государственной думы III созыва, стало рассмотрение внесенного группой депутатов предложения о чествовании памяти Т.Г. Шевченко по случаю 50-летия его смерти⁴³⁹. Следует отметить, что вопрос о чествовании памяти Т.Г. Шевченко вообще играл весьма большое значение в истории развития русской общественно-политической мысли начала XX в. Так, отношение к данному вопросу со стороны правительства, различных общественно-политических сил, активным образом развивающиеся по данному поводу конфликты являлись, как и в случае с вопросом о введении малороссийского языка в образовательный процесс начальных школ края, важным маркером складывающегося отношения и позиций различных общественно-политических сил России в

⁴³⁸ Чикаленко Е. Спогади (1861–1907). Ч. 3. Львів. 1926. С. 138–139.

⁴³⁹ Дорошенко В. Українство в Росії. Новійши часи. С. 108.

отношении украинского вопроса. Особенно показательным в этом отношении станут запреты, связанные с юбилеем празднования 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко в 1914 г., которых мы коснемся несколько позднее. Не менее острыми стали и думские дебаты в отношении Празднования 50-летия смерти поэта в 1911 г. В лице активных противников законопроекта естественным образом выступили правые и черносотенцы – соответствующую резкую критику проекта дали Е.Н. Марков и Ф.Ф. Тимошкин, последний же активно требовал запретить в библиотеках книги Т.Г. Шевченко как революционные⁴⁴⁰. Тем не менее по общему итогу видно, что отдельные эпизоды, связанные с рассмотрением депутатами Государственной думы III созыва отдельных аспектов, так или иначе связанных с украинским вопросом и деятельностью украинофилов, не привели в итоге ни к каким положительным результатам для членов украинских организаций – все рассмотренные инициативы оказались отклонены.

Таким образом, на поле борьбы за введение малороссийского наречия в систему начального образования в Юго-Западном крае представителями украинского национального движения фактически не удалось добиться никаких ощутимых результатов – по существу они оказались во многом лишены какой-либо возможности влияния на положительный исход решения во время рассмотрения вышеозначенных законопроектов в Государственной думе III созыва, а также оказались не в состоянии привлечь на свою сторону в этом вопросе массы малороссийского крестьянства. Потенциала, имеющегося у украинского движения в сфере работы с крестьянством, оказалось явным образом недостаточно для того, чтобы иметь соответствующий потенциал для политического влияния на массы. Как отмечал Е.Х. Чикаленко, «только среди трудовой интеллигенции, преимущественно из сынов духовенства, мы имели каких-то полторы сотни сознательных людей, организованных в нелегальные громады, по сути, для

⁴⁴⁰ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 108.

легальной работы. При всех наших стараниях мы не могли много лет превысить этого фатального числа, потому что интеллигенция была испугана, угнетена, а народ, ослепленный темнотою в национальном понимании до такой степени, что аж страшно становилось за будущее»⁴⁴¹.

Более же острые обсуждения, связанные с украинским вопросом, осуществлялись в период деятельности Государственной думы IV созыва. Безусловно, это в том числе было связано с ростом общественно-политической деятельности украинских организаций по мере приближения к событиям Первой мировой войны. Так, в 1913 г. произошли активные дебаты по украинскому вопросу. Состоялись они в период с десятого мая по двенадцатое июня, когда в стенах Думы шли активные дискуссии касательно государственного бюджета, а затем в отношении бюджета Министерства внутренних дел. Во время данной дискуссии со стороны депутатов, представляющих оппозиционные силы, в ходе критики в адрес внутренней политики был затронут и украинский вопрос. В ходе обсуждения этого комплекса проблем, была поднята тема и украинского национального движения. В ходе этого обсуждения в числе участников дискуссии находились члены самых разных общественно-политических партий и фракций в составе Думы. Активным образом выступили в защиту украинского вопроса представители кадетской партии – А.И. Шингарев, П.Н. Милюков, А. Александров и др., от лица трудовой фракции выступали социал-демократы А. Керенский и В. Дзубинский, со стороны социал-демократической партии – Г. Петровский и А.Ф. Бурьянов⁴⁴². С критикой естественным образом выступили русские националисты и черносотенцы. Выступил против поддержки украинского вопроса и председатель Государственной думы IV созыва М.В. Родзянко, при этом весьма неудачно, как отметит В. Дорошенко, выступление Родзянко закончилось «полной компрометацией как его собственной, и всей черносотенной братии, которую он захотел поддержать

⁴⁴¹ Чикаленко Є. Спогади (1861–1907). Ч. 3. С. 146.

⁴⁴² Дорошенко В. Українство в Росії. Новійши часи. С. 108.

своим авторитетом»⁴⁴³. Снова не было внесено ясности и в отношении вопроса о преподавании на малороссийском языке. В 1913 г. на данный вопрос попытался обратить внимание такой весьма одиозный общественно-политический деятель, как епископ Никон (Н.Н. Бессонов), впоследствии ставший главой созданного при Украинской центральной раде Департамента вероисповеданий. Имеющий весьма опосредованное отношение к украинскому движению, не являясь напрямую участником украинских организаций, тем не менее будучи фигурой, по складу своему во многом сформировавшейся в духе времени эпохи политического, общественного и культурного упадка и по сущности являясь политическим авантюристом, Бессонов стремится вновь уже с трибуны IV Думы совершить попытку реанимации обсуждения вопроса о преподавании на малороссийском языке в начальных школах Юго-Западного края. Однако в итоге и его инициатива, вызвав весьма серьезную и живую реакцию в прессе, на практике не привела ни к каким результатам.

Таким образом, следует отметить, что влияние представителей украинских организаций в ходе работы Государственных дум III и IV созывов по большому счету заключалась в актуализации вопроса о преподавании на малороссийском наречии в начальной системе образования края. Однако, несмотря на все усилия, прилагаемые со сторон таких деятелей как те же И.Ф. Лучицкий или же Н.Н. Бессонов, практический результат их действий фактически был ничтожен, ни один из проектов не был в итоге рассмотрен Думой в положительном ключе.

Все большую актуальность с началом официального разрешения печати на малороссийском языке приобретает вопрос о конструировании представителями украинского движения единого литературного языка. Почему же в данном исследовании мы так уверенно говорим о данной причинно-следственной связи? Казалось бы, в разрешении малороссийской печати действительно нет ничего предосудительного. Действительно, во

⁴⁴³ Т Дорошенко В. Українство в Росії. Новійши часи. С. 108.

многим временем уже давно требовало отмены ограничений малороссийской печати. Однако сложность и неоднозначность процесса заключалась в том, что помимо действительной необходимости разрешить печать на украинском языке вполне объективным образом существовала и общественно-политическая деятельность, и политическая воля представителей украинских организаций. На протяжении всего периода второй половины XIX – начала XX в. представители украинских организаций целенаправленно занимались искусственным конструированием единого украинского литературного языка. И в особенности этим отличился небезызвестный историк, профессор Львовского университета, М.С. Грушевский.

Для того, чтобы читателям понять степень искусственности многих структур новорожденного украинского литературного языка на период начала XX в., дабы не быть обвиненным в предвзятости, не следует даже обращаться к работам авторов, критически выступающих по отношению к украинскому движению. Достаточно исследовать воспоминания и публицистические материалы самих представителей украинского движения. Так, один из представителей украинского движения Юрий Сирый (Тищенко) следующим образом отзывался о периодических изданиях на украинском языке, начавших выходить в России после 1905 г: «В начале 1906 года почти в каждом большом городе Украины начали выходить под разными названиями газеты на украинском языке. К сожалению, большинство тех попыток и предприятий заканчивались полным разочарованием издателей, были ли то отдельные лица или коллективы, и издание, увидев свет, уже через несколько номеров, а то и после первого, кануло в Лету»⁴⁴⁴. Причина, данного явления по мнению Сирого, отличалась в том, что: «Помимо того маленького круга украинцев, которые умели читать и писать по-украински, для многомиллионного населения российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и

⁴⁴⁴ *Тищенко-Сірий Ю. Перші наддніпрянські українські масові політичні газети.* Нью-Йорк, 1952. С. 4–5.

понятий и т. д. было чем-то не только новым, но и тяжелым, требующим тренировки и изучения»⁴⁴⁵.

Еще более примечательна в этом отношении работа классика украинской литературы И.С. Нечуй-Левицкого под названием «Кривое зеркало украинского языка», а также цикл его статей под названием «Современная письменная речь на украинском», в которых представитель украинского движения резко критически высказался в адрес навязываемого в первую очередь с подачи Грушевского и деятельности таких организаций как «Научное общество имени Т.Г. Шевченко» и «Просвита», актуального для начала XX в. варианта украинского литературного языка. Иван Нечуй-Левицкий, сам будучи активным сторонником украинства, выступал за то, чтобы представители украинского движения в своей литературной и публицистической деятельности все-таки опирались на естественный разговорный язык малороссийского крестьянина, понятный и знакомый самому этому крестьянству, а не выдумывали явно перенасыщенный избытком западноруссизмов и полонизмов новояз, оказавшийся непонятным не только для малороссийских крестьян, но и для многих вполне образованных представителей украинского движения, так или иначе сквозь пальцы смотревших на эксперименты с изобретением новой лексики.

Так, И.С. Нечуй-Левицкий отмечал, что современный ему украинский литературный язык периодических изданий формируется не на основе более-менее близкой к народному крестьянскому разговорному наречию азбуки, разработанной известным украинофилом Пантелеймоном Александровичем Кулишом в 60-е годы XIX в. – «Кулишовки», которая при создании базировалась на основе полтавских говоров. В основе его формирования лежала другая азбука – «Желеховка», разработанная галицким общественно-политическим деятелем Евгением Иеронимовичем Желеховским на базе галицийских речевых конструкций: «Этот книжный современный язык

⁴⁴⁵ Тищенко-Сірий Ю. Перші наддніпрянські українські масові політичні газети. Нью-Йорк, 1952. С. 5.

молодой галицкой партии и переняла украинская демократическая или, как она сама себя называет, радикальная партия с галицийской периодики и журналов и пересадила ее на грунт народного украинского языка в своей периодической печати и журналах, пока даже с ее синтаксисом и силой польских и галицийских слов, еще и с правописанием не кулишовским, а с желеховским, галицким, со стародавними церковно-славянскими апострофами и с желеховской же – *ї*»⁴⁴⁶. Нечуй-Левицкий указывал на страницах своих работ, что современный ему литературный язык встречает такой переизбыток галлицизмов, который малороссийский крестьянин просто не в состоянии воспринимать – так, отмечал писатель, вместо «держать» вводится слово «тримати», вместо «ждать» – слово «чекати», вместо «парубок» – «юнак», вместо «ощущение» – «почуття», вместо «особливо» – «зокрема», вместо «оповещать» – «оголошення», вместо «ярко» – «яскраво», вместо «война» – «війна» и т. д.⁴⁴⁷. По поводу этих галлицизмов Иван Семенович напишет: «Получилось что-то и правда уж слишком далекое от русского, но вместе с тем оно вышло настолько же далеким от украинского»⁴⁴⁸.

Крайне возмущала его и «реформа» правописания с введением апострофа, и буквы «*ї*»: «Крестьяне только глаза таращат и все меня спрашивают, зачем телепаются над словами эти хвостики»⁴⁴⁹. Ворох полонизмов и галлицизмов, не имеющих отношения к разговорному языку малороссийского крестьянина начала XX в., Нечуй-Левицкий охарактеризовал не иначе как «чертовщиной под якобы украинским соусом»⁴⁵⁰. По поводу использования образцов данного сконструированного литературного языка в текстах, непосредственно связанных с самими украинскими организациями, Нечуй-Левицкий высказывался следующим образом: «Записок «Научного общества имени Т.Г. Шевченко» на Украине

⁴⁴⁶ Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Україні // Україна. 1907. № 1. С. 6.

⁴⁴⁷ Нечуй-Левицький І.С. Кривее дзеркало української мови. К., 1912. С. 26.

⁴⁴⁸ Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Україні. С. 183–239

⁴⁴⁹ Там же. С. 25.

⁴⁵⁰ Нечуй-Левицький І.С. Кривее дзеркало української мови. С. 63.

никто не читает (да и не будет читать), кроме разве что ученых, которые читают всякие стародавние акты и привыкли к стародавнему языку этих актов. И писатель Конисский, и я давали записки таким людям, что читали даже «Литературно-научный вестник», но они вертели книги и говорили, что «Записок» читать невозможно»⁴⁵¹. Крайне любопытная характеристика. «Литературно-научный вестник», издаваемый М.С. Грушевским являлся одним из ключевых литературно-публицистических рупоров украинского движения, в нем печатались такие известные литераторы как Иван Яковлевич Франко, Леся Украинка, Николай Вороной, Осип Маковей – фактически весь цвет литературы начала XX в., издающейся на украинском языке. Однако, как выясняем у Нечуй-Левицкого, ту самую литературу, напечатанную в «Литературно-научном вестнике», даже сами представители украинского движения с Малороссии читали с трудом. Что же касается «Вестника Научного общества имени Т.Г. Шевченко», то его систематическое издание должно было стать новым своеобразным этапом в деле создания научной базы украинского движения, сформированной на основе проведения системных и регулярных исторических, филологических, этнографических исследований. Однако, как мы видим, в реальности издание сборника в Малороссии наткнулось на языковой барьер – сам сборник оказался для большинства представителей украинских организаций не читаем.

После такой критики М.С. Грушевскому и его соратникам по перу необходимо было как-то оправдать то, почему их языковые эксперименты не отвечали основному требованию создания подлинного национального языка – связи с народной речью, с подлинно-народными формами лексики языка. Так, в защиту М.С. Грушевского от публицистических нападков Нечуй-Левицкого выступил уже хорошо знакомый нам по студенческой жизни украинских организаций в 1890-е гг. И.М. Стешенко, который написал специальную брошюру «Про украинский литературный язык». Логика ответов Стешенко была проста – для того, чтобы поскорее сформировать

⁴⁵¹ *Нечуй-Левицький І.С.* Сьогоднішня часописна мова на Україні. С. 6

зарождающуюся украинскую нацию, необходимо было создать литературный язык любыми средствами, ну а на базе чего он будет создан – вопрос уже второстепенный: «Старые патриоты, что теперь, подобно Нечую, бесчестят язык нашей прессы, не создали для Украины высокого языка; чем же в прессе и в институтах необходимо было пользоваться? Конечно тем, что создавалось по методу староевропейскому: или ковались новые слова, или брались просто с чужого языка, или брались с галицкого языка»⁴⁵². В создании же новоиспеченного украинского литературного языка на галицкой основе и при большом количестве привлеченных извне полонизмов Стешенко винил самих представителей украинского движения из Малороссии. Их вина, по мнению Стешенко, состояла в том, что их самих вполне устраивал русский язык, и создавать рядом с ним еще один они не желали: «И вот галицкие литераторы берутся за это важное дело. Создается язык для институций, школы, наук, журналов. Берется материал и с немецкого, и с польского, и с латинского языка, куются и по народному образцу слова, и все вместе дает желаемое – язык высшего порядка. И, негде правды деть, много в этом языке нежелательного, но что было делать?»⁴⁵³.

При этом любопытно, как сам И.М. Стешенко дает характеристику перспективам в необходимости создания единого литературного языка на малороссийской Украине: «Почему же российским украинцам до сих пор в целом не удалось создание языка? Потому что в ней не было потребности, потому что в ней не было аудитории. Немногочисленная украинская интеллигенция даже в года 60-е и 70-е была обрушена, для народа было достаточно популяризации, никаких украинских институций не было. Для кого же существовал бы язык высшего порядка?»⁴⁵⁴. Закономерно, что всех малороссийских украинофилов – противников создания новоиспеченного

⁴⁵² Стешенко *И.М.* Про українську літературну мову. К., 1912. С. 16.

⁴⁵³ Там же. С. 15.

⁴⁵⁴ Там же. С. 1.

языка вне народной основы – Стешенко обвиняет в чрезмерной близости с русским народом, что является, по мнению литератора, минусом, а не плюсом.

Таким образом, главный «грех» малороссийских собратьев по украинскому движению в их чрезмерной «близости» по отношению к русской культуре, в отличие от представителей украинского движения из Галиции, которые подобной «слабости» не имеют: «Как к этому языку отнеслись наши российские украинофилы годов 70-х и 80-х и дальше? Старшие – враждебно, со смехом. Им чуден был этот язык – он был для них не нужен»⁴⁵⁵. Далее Стешенко уверял, что язык получился «не такой уж плохой» и что то, что он оказался непривычен для большинства украинцев, – несущественно, так как «не привычка может перейти в привычку, когда какая-то вещь часто попадает на глаза или вводится принудительно. Так происходит и с языком. Его неологизмы, вначале «страшные», постепенно прививаются и через несколько поколений становятся совершенно родными и даже приятными»⁴⁵⁶, в свою очередь, само галицкое наречие И.М. Стешенко в тексте объявляет единственным подлинным вариантом украинского языка: «в XVIII веке украинский литературный язык претерпел особенную судьбу. Он распространился только на правом берегу Днепра, под польской властью, а на левом слово замолкло – выкинуто со школ и учреждений российским правительством. Так дошло до XIX века, времени национального возрождения Украины, Галицко-Буковинская ее часть отошла к Австрии, а другая через правительственные ее ограничение, литературный не много перешел за границы народного. Национальное возрождение российской Украины имело характер возрождения народного языка»⁴⁵⁷.

Таким образом, малороссийское наречие оказалось не до конца «украинским» для представителей украинского движения Галиции. Ну а на деле же оказалось, что оно просто в меньшей степени изобилует полонизмами,

⁴⁵⁵ Стешенко *И.М.* Про українську літературну мову. С. 15–16.

⁴⁵⁶ Там же. С. 8–9.

⁴⁵⁷ Там же. С. 14–15.

и поэтому слишком уж явно напоминает читателю о связи с единокровным братом, вследствие чего вряд ли подходит на статус нового полнокровного литературного языка пробуждающейся нации. А вот с добавлением полонизмов и западноруссизмов получается совсем иная картина, однако на малороссийский это уже становится не совсем похоже. Это вполне закономерно отразил Нечуй-Левицкий в тексте своих очерков: «Язык профессора М.С. Грушевского (имеется в виду его «История Украины-Руси – В.Е.) также стал подходящий под книжный галицкий язык, а не под украинскую народную. При издании «Истории Украины» необходимо изменить и галицкие старые формы языка: «вченне», «сей», «вид», «отсе» и некоторые идеологические формы и кое где синтаксис, потому что на Украине широкая публика не сможет их читать»⁴⁵⁸. Но ход исторического процесса складывался таким образом, что большинство представителей украинских организаций встало не на сторону И.С. Нечуй-Левицкого и уже уходящего в прошлое поколения украинофилов 70–80-х гг. XIX в., а на сторону нового поколения молодых представителей украинского движения, отражавших своей деятельностью новый этап стремительной политизации украинского движения.

Под эту деятельность подводилась соответствующая идейно-политическая база. При этом роль языка и его значения для конструирования украинской национальности всегда подчеркивалась представителями украинского языка особо, причем облекалась она всегда в форму ярко выраженного национального романтизма. Так, в качестве одного из примеров можно привести найденную в материалах фонда Департамента полиции за 1899 г. распространяемую украинофилами брошюру программы Украинской национальной партии, в которой дана весьма любопытная характеристика статусу и роли украинского языка в новом, зарождающемся украинском национальном строительстве: «Воспитывая своих детей, каждый образованный украинец обязан употреблять украинский язык, как язык

⁴⁵⁸ Нечуй-Левицький І.С. Сьогочасна часописна мова на Україні. С. 6.

основной, с самого начала учения; а когда дитя поступит в школу официальную, продолжать учить украинскому языку, истории, литературе отдельно дома, чтобы дети наши были уже стихийными украинцами. Принимая во внимание, что каждый народ может просвещаться и постепенно и с пользою для себя развиваться на почве национальной, и что у нас силою отнято это право, мы печемся о том, чтобы поднять и развить в Украине национальное движение, оживить и выработать среди интеллигенции и народа Украинское национальное чувство и – в дополнение – учреждение родной школы с преподаванием на собственном языке. Поэтому каждый украинец, в деле популяризации украинской идеи, повседневными поступками своей жизни, своими сношениями и всякими иными способами, должен постоянно возвышать свою пред другими и выдвигать национальные вопросы и права украинской нации»⁴⁵⁹. Таким образом, вопросам формирования языкового сознания населения, в первую очередь, молодого подрастающего поколения, вопросам борьбы с употреблением русского языка, агрессивного навязывания местных форм языка и литературы, представители украинских организаций уделяли одно из важнейших мест в своей программе развития будущей нации. Без агрессивного заполнения языкового и культурного пространства всем «украинским», без энергичного вытеснения иных культурных форм дальнейшее развитие украинской нации представителями украинских организаций не мыслилось.

Просветительская деятельность в Малороссии на русском языке воспринималась представителями украинских организаций либо как отступничество и откровенное ренегатство, либо как краеугольное препятствие на пути дальнейшего развития украинского народа. Так, весьма показательным будет рассмотреть содержание письма, перехваченного Департаментом полиции Российской империи, написанного супругой известного украинофила Владимира Ивановича Дорошенко - Татьяной Дорошенко, также активной сторонницей украинского движения. Татьяна

⁴⁵⁹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 226 Д. 150. Л. 113.

Викторовна, по сведениям Департамента, занималась тем, что распространяла среди крестьян тенденциозные и недозволенные брошюры на малороссийском языке, а также пыталась открыть нелегальную школу, где преподавание будет вестись на украинском. Само письмо ее от 17 января 1899 г. имело следующее содержание, оно весьма показательно для нас в качестве среза воззрений представителей украинских организаций на языковой вопрос: «Эх. Черно на душе: как подумаешь о темноте, которая нас окружает и о той силе, которая не дает нести свет, а старается гасить его у тех, кто его несет, то еще чернее становится на душе. На следующий год хотя бы я должна пропасть с голода, я не останусь учительницей школы в Украине, только потому что мы должны учить Украинцев на Московском наречии: эта работа Данаидов, ибо только что обучала их грамоте на своем языке в течении трех лет. Боже, до чего мне жаль этих несчастных детей. Не знаю, что будет далее с нашими школами, скоро ли у просветителей сердце станет помягче, ибо я понимаю, что умом «они» отлично понимают, как нужно обучать, на родном языке или на чужом, но у них в сердцах нет жалости»⁴⁶⁰.

Таким образом, серия политических неудач в период Первой русской революции 1905–1907 гг. заставила представителей украинских организаций сделать ряд важных организационных выводов, позволивших по-новому выстроить тактику общественно-политической работы в среде крестьянства и существенным образом адаптироваться к новым политическим условиям. Так, в период «третьеиюньской политической системы» существенным образом было преодолено общее противостояние социал-демократического и радикального направлений в среде украинского движения. Пройдя недолгий период кризиса, члены украинских организаций значительно продвинулись вперед в своих методах и формах борьбы за влияние в среде населения, активно используя сочетания непосредственно прямых политических и культурно-образовательных методов работы. Наиболее оптимальным

⁴⁶⁰ ГА РФ Ф. 102 Оп. 226 Д. 150. Л. 165.

форматом работы стала деятельность «Просвит», безусловно, представляющих собой весьма удачно найденную форму общественно-политической работы украинских организаций в среде местного крестьянства, которая сочетала в себе как культурно-образовательные, так и политико-пропагандистские методы работы, и позволяла, будучи формально представленной на официальном поле исключительно культурной организацией, на деле вести политическую работу внутри крестьянства. В особенности весьма серьёзными достижениями в период 1908–1914 гг. отметились екатеринославская, мануйловская, черниговская, каменец-подольская «Просвиты». Значимую роль в истории развития украинского движения начинает играть пресса украинских организаций, серьёзным фактором воздействия на сознание крестьянских масс и городских слоев будет являться процесс конструирования на страницах прессы представителями украинского движения общего эталона письменного литературного языка, наиболее активным образом осуществляющийся именно в годы существования третьеиюньской политической системы. Складывающаяся на страницах украинской периодической печати дискуссия о том, по какому пути должно осуществляться дальнейшее формирование украинского литературного языка, сыграла серьёзную роль в определении дальнейшей траектории формирования украинской национальной идентичности.

Победа в публичной дискуссии и в общественно-политической практической деятельности сторонников модели, предложенной М.С. Грушевским и членами УСДРП, в основе которой лежал курс на галицизацию и полонизацию украинского литературного языка и поражение линии И.С. Нечуй-Левицкого, отстаивающего необходимость близости украинского литературного языка к малороссийскому крестьянину, во многом определили характер современного украинского языка. Отдельной темой в истории развития украинских организаций в Российской империи в годы «третьеиюньской системы» станет вопрос о деятельности освещении «украинского вопроса» в деятельности Государственных дум III и IV созывов.

В ходе думских заседаний не раз поднимался вопрос о разрешении преподавания на малороссийском наречии в учреждениях начального образования, вызывал горячие споры между националистами и представителями кадетской фракции, а также местными малороссийскими депутатами, однако в итоге вынесенные предложения в стенах Думы так и не получили одобрения, во многом оставив вопрос о преподавании на малороссийском наречии в начальных классах нерешенным.

3.2. Украинское национальное движение Российской империи в годы Первой мировой войны.

Первая мировая война поставила всю общественную жизнь России перед необходимостью дать ответ на новые вызовы времени и столкнуться с масштабными изменениями во всех сферах жизни. Острая борьба различных общественно-политических движений, сил, партий, перешла на новый этап, определять который стали такие факторы как позиция в отношении войны, трактовка и понимание целей и задач складывающегося противостояния, а также практическая деятельность, работа с общественным мнением, проводимая на фоне событий, происходящих на фронте. Не оказались в стороне от общественно-политической проблематики войны также и украинские политические партии и организации. Каким образом складывалось их отношение и политическая позиция в период Первой Мировой войны? Существовало ли единство и монолитность взглядов на войну среди представителей украинского движения и каково было их отношение к России и ее дальнейшей судьбе? Каким образом представители малороссийских политических и культурных организаций влияли на общественно-политическую жизнь России в данный период? В какой системе взаимоотношений во время войны находились представители украинских организаций Малороссии и Галиции? Были ли малороссийские украинские организации каким-либо образом интегрированы в общественно-политическую деятельность заграничных организаций? В данном параграфе мы рассмотрим весь комплекс озвученных выше вопросов, складывающийся в условиях непростой и противоречивой действительности Первой мировой войны.

В фокусе нашего внимания будет находится общественно-политическая деятельность представителей украинских организаций, действующих на территории Российской империи. Деятельность же украинского движения в Галиции, а также выход на рассмотрение внешнеполитической проблематики будет необходимы в ограниченном объеме для более широкого понимания контекста и сути происходящих процессов. Однако по нашему

представлению, ошибочным будет являться видение, согласно которому в центре событий, связанных с формированием крайне агрессивного, настроенного резко антагонистически по отношению ко всему русскому направления в украинском движении, будет находиться австрийская Галиция, а украинские организации Малороссии по отношению к галичанам окажутся вторичными и бессубъектными. В действительности, зачастую картина складывалась совершенно обратным образом и украинские организации Малороссии, как это будет показано ниже, напрямую являлись инициаторами запуска и дальнейшего разворачивания многих процессов по прямому противодействию России в Первой мировой войне с целью внесения своего вклада в приближение создания отдельного самостоятельного украинского государства, простирающегося «от Карпат до Кавказа». Среди представителей украинских организаций, принявших в данном процессе самое деятельное участие и стремившихся использовать противоречия наступившей военной эпохи, следует выделить таких деятелей, как М.С. Грушевский, А. Скоропис-Йолтуховский, Ю. Меленевский, В. Дорошенко, Д. Донцов и многих других.

Безусловно, данное перечисление можно было бы продолжить еще весьма длинным рядом имен, однако для нас важно сейчас отметить именно активнейший вклад данных вышеперечисленных деятелей в процесс формирования основного контура общественно-политической деятельности малороссийских общественных организаций в рассматриваемую эпоху. Как правило, при анализе деятельности украинских организаций в годы Первой мировой войны внимание большей части исследователей, как отечественных, так и зарубежных, приковывает деятельность таких организаций как Союз освобождения Украины, Главная украинская Рада (ГУР), Украинские сечевые стрельцы (УСС), «Сокол», «Сич» и др., а также персоналии, стоящие у основания, руководства и осуществления деятельности данных политических организаций, такие как А. Скоропис-Йолтуховский, Ю. Меленевский, В. Дорошенко, Д. Донцов, К. Левицкий, Н. Василько, Н. Ганкевич и другие. Однако с нашей точки зрения представляется, что одним из действительно

ключевых и малоизученных вопросов истории украинского движения в годы Первой мировой будет являться как раз тот вклад, который был внесён со стороны представителей украинских организаций Российской империи. Именно его нам и хотелось бы осветить более подробно в данном исследовании.

В литературе зачастую можно встретить достаточно расхожее мнение, что в среде украинских организаций Российской империи не существовало единой точки зрения и стратегии действий на случай войны. Поэтому к началу военных действий воззрения украинофильской интеллигенции Малороссии на войну и степень их поддержки России оказалась во многом различна, а зачастую даже диаметрально противоположна. В подтверждение данной позиции зачастую приводятся характерные высказывания, озвученные представителями украинских организаций в отношении войны. Так, например, один из ключевых журналов украинофильского направления «Украинская жизнь», главными редакторами которого были А.Ф. Саликовский и С.В. Петлюра, опубликовал объявление, на страницах которого призывал украинский народ «выполнять честно и совестно свои обязательства перед государством»⁴⁶¹. Украинская социал-демократическая рабочая партия в своих воззваниях к украинскому населению в 1914–1917 гг. заняла пораженческие позиции. В тексте опубликованных в период участия Российской империи в Первой мировой войне воззваний УСДРП содержалось требование прекращения войны, и одновременно выдвигало постулат «автономии Украины в границах российской демократической республики»⁴⁶². Руководство созданной в 1908 г. надпартийной организации представителей Товарищества украинских прогрессистов (ТУП) заявило о своем нейтралитете⁴⁶³. Более того, сами обстоятельства принятия ТУП решения о нейтралитете организации также весьма ярко и красноречиво характеризуют

⁴⁶¹ Війна і українці // Українська життя. 1914. № 7. С. 3–7.

⁴⁶² Яремчук В.Д. Українська багатопартійність Наддніпрянської і Західної України: компаративний аналіз (1899 – 1918 рр.). К., 2012. С. 290.

⁴⁶³ Там же. С. 291.

складывающуюся ситуацию в украинском движении на момент начала войны в 1914 г. Данные сведения были отражены на страницах Дневника Е.Х. Чикаленко, где он описывает процесс принятия решений членами Товарищества украинских прогрессистов накануне войны следующим образом: «Когда снялся вопрос про то, как должна относиться наша организация к возможной войне, то Никольский и я решительно встали на так называемую «пораженческую» позицию, Яновская стояла на Российской патриотичной точке зрения, желая полного разгрома Австрии и присоединения Галичины к России: Леонтович выразился как-то невнятно, а в Вязлове боролись две души: украинская и кадетская. После долгих обдумываний встали на том, что ТУПовская рада (управа) не выступит не с какими лозунгами, не за войну, ни против нее, а будет стоять на нейтральной позиции по крайней мере до съезда Товарищества, какой принято решение созывать как можно скорее»⁴⁶⁴. Во многом позиция каждого отдельного представителя украинского движения определялась не только его национальными устремлениями, но и политическими симпатиями в общероссийском спектре.

Так, представители украинского движения, интегрированные в среду кадетской партии, стремились соотносить свою точку зрения с кадетскими воззрениями, члены украинских партий, связанные напрямую с эсерами, также старались в своей общественно-политической работе действовать сообразно эсеровским взглядам. Таким образом, точка зрения, согласно которой представители украинского движения с началом Первой мировой войны придерживались разных воззрений в отношении поддержки России и единой консолидированной позиции в стане украинского движения не существовало, действительно имела место быть на практике. Однако эта была лишь одна грань разворачивающегося во всей его сложности политической реальности. В действительности при более детальном рассмотрении процессов, происходящих внутри украинских организаций при видимой внешней

⁴⁶⁴ Чикаленко Е. Х. Щоденник (1917–1919). Львів, 1931. С. 450.

разобщенности, существовал еще один менее заметный пласт, который отражал совершенно иной спектр общественно-политической деятельности малороссийских украинофильских организаций и дополнял представление о данном процессе. Дело в том, что несмотря на достаточно выраженную аморфность большей части представителей украинофильской интеллигенции, тем не менее, в ее среде существовала малочисленная, но весьма активная группа представителей украинских организаций Малороссии, стремящаяся действовать, используя сложившуюся на внешнеполитическом поле ситуацию большого военного противостояния ведущих мировых держав для достижения собственных политических целей, направленных на создание и активное приближение необходимых условий для построения отдельного независимого украинского государства.

Одним из наиболее ярких проявлений общественно-политической деятельности членов украинских организаций, отстаивающих подобные воззрения о необходимости скорейшей реализации «самостийнической» программы с опорой на внешнеполитический фактор, станет создание «Союза освобождения Украины». Деятельность организации, с самого начала выступившей с открытой поддержкой Центральных держав и под лозунгами создания самостоятельного украинского государства, при этом напрямую финансируемая вначале Австро-Венгерским Министерством иностранных дел, а затем Прусским военным министерством, германским Внешнеполитическим ведомством, а также Обществом по содействию внутренней колонизации с 1915 г.⁴⁶⁵, естественным образом, привлекла к себе внимание как большей части представителей украинского движения по обе стороны Сбруча, так и властей Российской империи. Следует отметить что, так как само создание «Союза» было осуществлено именно представителями украинских организаций Российской империи, и, в силу того, что «Союз»

⁴⁶⁵ Косован Е.А. Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг. // Революции в истории: Сб. избр. ст. участников VII международной научной конференции молодых ученых и специалистов. М., 2017. С. 239.

активным образом проводил политическую агитацию в среде русских военнопленных-малороссов, а также совершал попытки создания ячеек и отправки агитаторов на территорию малороссийских и новороссийских губерний, данное объединение в сущности не представляло из себя исключительно заграничную организацию украинского движения. Отсюда напрямую будет следовать, что анализ ее деятельности на страницах нашего исследования вполне правомерен, так как без него невозможно в полной мере понять процесс политического развития украинских организаций на территории Российской империи в годы Первой мировой войны.

Организация была создана 4 августа 1914 г. В состав «Союза освобождения Украины» (СОУ), вошли такие ведущие представители украинских политических партий на территории Российской империи как А. Скоропись-Йолтуховский, Ю. Меленевский, В. Дорошенко, А. Жук, Д. Донцов, Н. Зализняк. Сам приведенный список уже весьма показателен – в составе данного перечня мы в первую очередь наблюдаем ключевых деятелей украинских партий «социал-демократического» направления. Именно из их числа, а не от лица сторонников более радикальной политико-программной линии, исходила инициатива по созданию объединения, нацеленного на прямое отделение юго-западных территорий Российской империи и создание украинского независимого государства. Две же центральные фигуры в истории становления «Союза освобождения Украины», такие как Ю. Меленевский и А. Скоропис-Йолтуховский, как нам уже хорошо известно из материалов предыдущих глав, стояли у основания «Спилки», наиболее близко приближенной к социал-демократической идеологии и РСДРП. Столь выраженная, по крайней мере на внешнем уровне, идейная переориентация данных деятелей становится достаточно легко объяснимой, когда мы будем рассматривать ее в контексте общих закономерностей развития украинского движения Российской империи на протяжении начала XX в. Как уже отмечалось ранее, после масштабного разгрома «Спилки» и ряда

немногочисленных ячеек УСДРП на завершающей стадии Первой русской революции для социал-демократического направления в украинском движении наступил отчётливо выраженный кризис, который, естественным образом, вызывал необходимость переосмысления ранее выработанного идейного курса и вел к закономерной радикализации настроений бывших эрупистов и спилчан.

Изначальное стержневое противоречие между сильным тяготением к национально-автономистской программе и декларированием приверженности к идеалам пролетарского братства в ходе осуществления практической деятельности не могло не привести к тому, что со временем перед представителями «социал-демократических» объединений будет ребром поставлен вопрос о необходимости выбора дальнейшего пути развития, когда после окончания революционных событий нужно было окончательно принять решение, буду ли идти организации по пути окончательной интеграции в общероссийские социал-демократические революционные круги или же повернут обратно в сторону узконациональных предпочтений. Во многих отношениях, по существу выбор уже изначально был определен автономистскими наклонностями украинофилов.

Так, Арнольд Риш, на страницах своего очерка воспоминаний о «Спилке», следующим образом давал оценку взглядам Ю. Меленевского накануне событий Первой мировой войны: «Характерны те настроения, которые имелись у него, являющегося одним из основателей Спилки. Приближался период мировой войны. На возможности военного столкновения строились расчёты многих угнетенных национальностей. У Баска была в то время вполне определенно выраженная австрийская ориентация. Он полагал, что самым лучшим было бы отделение Украины от России, ибо самая реакция и национальный гнет, по его мнению, являлись неотъемлемой чертой не только царского режима, но и отсталости великорусов-москалей. Недоброе чувство не только к царизму, но и к москалям, конечно, только в допустимых, «социал-демократических» пределах он неоднократно высказывал в разговоре

со мной»⁴⁶⁶. На страницах своего очерка Риш также вполне справедливым образом укажет: «Та эволюция, которую он проделал впоследствии, пойдя на соглашение с полуофициальными австрийскими и германскими организациями, была вполне законным завершением давно начавшегося процесса. Надежда на русскую революцию привлекла украинских интеллигентов в ряды Р.С.Д.Р.П. Уверенность, что русскую реакцию собственными силами преодолеть нельзя, толкнула тех же интеллигентов на поиски за внешней силой в объятия империалистов»⁴⁶⁷.

Соответствующей точки зрения придерживался в преддверии войны и Скоропис-Йолтуховский, который на страницах своих воспоминаний следующим образом изложил ту логику, которой он совместно с Меленевским руководствовался при создании «Союза»: «Мы думали так: должны использовать исключительное положение, когда вчерашние приятели Москвы, которые смотрели на украинское дело, как на «внутреннее Российское», вступили в бой с Москвой. Они теперь должны в той «Единой России» искать таких «внутренних» дел, какими можно было бы «ослабить Москву», и будут стараться в своих собственных интересах усилить их. Ясно, что теперь правительство Германии, а в особенности более слабой и более осведомленной в украинских делах Австрии, должны будут сойти со своего равнодушной к нам, украинцам, позиции. А наше дело использовать это для мировой пропаганды украинского дела, добившись признания официальными лицами международного значения украинского самостийнического движения. Мы считали, что большое несчастье, которое в корне потрясло весь старый мир, раскроет глаза немецкой дипломатии на колоссальное значение для Германии всей этой войны и для прогресса и дальнейшего развития всего остального человечества в принципе, которое имеет украинская проблема, когда поставить ее во весь рост»⁴⁶⁸. Таким образом, если убрать в сторону тот

⁴⁶⁶ Риш. А. Из жизни Спилки // Летопись Революции. 1923. № 5. С. 134.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Скоропис-Йолтуховский О. Мої злочини // Хліборобська Україна. Відень, 1921–1922. № 1, 3-4. С. 195.

достаточно ярко выраженный идеалистический пафос, который сплошь и рядом присутствует в тексте фрагмента воспоминаний Скоропис-Йолтуховского, мы отчетливо видим, что бывшие ведущие руководители «Спилки» стремились использовать текущую ситуацию войны и стремление Центральных держав к разделению территории Российской империи с целью актуализации украинского вопроса на международном уровне. Критический переломный момент истории отчетливым образом продемонстрировал, каким образом была выстроена общая иерархия приоритетов в сознании украинствующих социал-демократов. Как только на горизонте замаячила пусть весьма эфемерная и зыбкая перспектива создания самостоятельного украинского независимого государства, представители украинских организаций сразу же оставили в стороне все свои социал-демократические убеждения, которых они еще хоть в какой-то степени придерживались, и перешли на открытую агрессивную националистическую платформу.

Показательно, что в число основного организационного ядра представителей «Союза» вошла достаточно значительная часть представителей украинского движения, находящихся в эмиграции, многие присоединялись без каких-либо значительных колебаний, что свидетельствовало о достаточно высокой популярности идей «Союза» в лагере украинского движения Российской империи, несмотря на публичные осуждения деятельности объединения от лица ряда отдельных представителей украинофильства. Это отчетливым образом демонстрирует, насколько доминирующей являлась приверженность строительства украинской нации даже среди бывших членов УСДРП и «Спилки». Как отметит Д.И. Дорошенко на страницах своего очерка, посвященного истории украинского движения в годы Первой мировой войны, на момент лета 1914 г. для Скоропис-Йолтуховского вопрос о самостоятельности Украины являлся уже вопросом жизни и смерти украинского народа⁴⁶⁹. Процесс интеграции общественно-политических деятелей с подобными идейными представлениями в состав

⁴⁶⁹ *Дорошенко Д.* З історії української політичної думки за часів світової війни. С. 41.

«Союза» складывался постепенно в силу разных причин, где-то имели место и банальные сомнения в практической целесообразности участия в данном предприятии. К примеру, те же самые Ю. Меленевский и А. Скоропис-Йолтуховский, которые внесли, пожалуй, один из решающих вкладов в дальнейшее развитие «Союза», изначально колебались при принятии решения о вступлении в объединение и фактически вошли в состав его организационного ядра последними.

Так, первоначальными создателями «Союза» выступили Д. Донцов и Н. Зализняк, и к моменту создания объединения активными участниками «Союза» уже являлись также В. Дорошенко и А. Жук. Скоропис-Йолтуховский на страницах «Воспоминаний» следующим образом описывает процесс принятия решения об участии деятельности СОУ и его вхождения в состав Главной управы «Союза»: «Я такой уверенности не имели и не смотря на добрую веру д-ра Д. (Дмитрий Донцов – В.Е.), заверения д-ра К.Л. (Кость Левицкий – В.Е.) так неверующим и остался и вместе с г. Меленевским не спешил вступать в С.В.У., хотя на едином фронте настаивали все галицкие знакомые наши политики, как и консул г. У. (Эммануэль Урбас, австрийский консул во Львове, курирующий львовское направление - В.Е.) «...» Наконец г. консул, утратив терпение, поставил вопрос ребром: «если ты настоящий патриот и настоящий враг России, гнобительницы Украины, то вместо теоретических разговоров возьмусь просто за дело: сяду на самолет и раскидаю за фронтом воззвания СВУ, который желает того желает того же самого, чего и я. Я ответил, что с радостью это сделаю, если у них не хватает на это профессиональных летунов, если воззвание этого заслуживает. Что же касается первого изданного СВУ демагогического воззвания, то я его сам не буду раскидывать и австрийцам не советую, потому что она тех последствий, который от нее ожидают, все равно им не принесет. «...» После долгих разговоров согласился г. консул наконец с нами целиком, что когда действительно царской землей господской землей можно перетянуть на бок Австрии украинского селянина и солдата во время

войны, то для него есть единственный способ – императорский манифест, но ни в коем случае не прокламация анонимного «Союза освобождения Украины». Выяснивши это, выяснили мы необходимость подписания манифеста обоими императорами...»⁴⁷⁰. Сам манифест от лица двух императоров по итогу не был опубликован – он был принят и затем потерялся где-то в кабинетах Министерства иностранных дел, отдельного же черновика, как отмечает сам Скоропис-Йолтуховский, у него не сохранилось⁴⁷¹. Тем не менее вскоре А. Скоропис-Йолтуховский и Ю. Меленевский фактически становятся во главе агитационно-пропагандисткой деятельности «Союза». Издательское направление берет на себя В. Дорошенко, который становится главным редактором основного печатного органа «Союза» – «Вестника Союза Освобождения Украины». Основатели же «Союза» – Д. Донцов и Н. Зализняк в скором времени весьма скандальным образом покинут объединение.

Представляется, что основатели «Союза освобождения Украины» действительно, наряду с актуализацией украинского вопроса на международной арене, рассматривали в качестве одной из ключевых целей создания данного объединения дальнейшее образование самостоятельного украинского независимого государства в ходе успешных наступательных действий Центральных держав. Данная перспектива рассматривалась представителями объединения как нечто, пусть и имеющее весьма небольшой шанс к осуществлению на практике, труднодостижимый, но тем не менее стоящий максимального напряжения всех имеющихся в наличии сил идеал, за который следовало бы вступить в прямую схватку на международной арене.

Безусловно, саму Украину представители «Союза» рассматривали исключительно в его максимально широких «этнографических границах», распространяющихся «От Карпат до Кавказа». Как отмечал Д.И. Дорошенко: «на себя смотрел Союз, как на представителя интересов Большой Украины перед центральными державами и их союзниками, и как на предтечу будущего

⁴⁷⁰ Скоропис-Йолтуховский О. Мої злочини. С. 204.

⁴⁷¹ Там же.

украинского правительства. Он считал необходимым вступить в тесные взаимоотношения будущим блоком враждебных России держав и брал от них материальную помощь, но под условием, что это должна быть ссуда, державный долг будущей самостоятельности Украины»⁴⁷².

Данные планы представителей «Союза» в отношении дальнейшей судьбы независимой Украины, в сущности своей, были крайне идеалистичны и в значительной степени оторваны от реальной политической действительности. Здесь сказывался в том числе настойчивый и агрессивный идеализм, который был присущ всем радикальным последователям украинской национальной идеи. Вполне созвучными в данном отношении будут и размышления Ю. Колларда, когда он в своих воспоминаниях рассуждал о принципиальных расхождениях в мировоззрении между членами социал-демократических украинских политических объединений и представителей более радикальной части политического украинства. «Поэтому мы, меньшинство, стояли на том взгляде, что украинцы должны бороться одновременно как за социальное, так и за национальное освобождение. Но наши несогласия со второй группой были глубже, как так на первый взгляд казалось; они заключались, как теперь все это анализирую, в разнице двух мировоззрений: идеалистического и материалистического, которые тогда начали у нас вырабатываться. Содержание этих двух мировоззрений таково: Материалистическое мировоззрение состоит в том, что якобы история человечества зависит от природных условий, хозяйственно-экономических и географически-климатических, то есть от материи. Личность в истории человечества значения не имеет. Личная воля не имеет никакого значения. Изменить что-либо в историко-хозяйственном процессе человеческая воля не может. Капитал растет и централизуется, а когда достигнет и централизация наивысшей ступни, то само собой следует наступить конец буржуазно-капиталистического устройства. Если погибнут меньшие хозяйства, а также меньшие нации, то это и приблизит человечество

⁴⁷² *Скоронис-Йолтуховский О.* Мої злочини. С. 42.

к социальной революции, то есть к «Царству Божьему на земле». Что касается экономического вопроса, то он формулируется так: «принудительный труд и принудительный паек». Мировоззрение идеалистическое, приверженцами которого были мы, заключается в том, что человеческая сознательная воля – великая движущая сила в истории. Человеческая живая воля управляет нами, а не мертвая природа. Поэтому мы стоим за свободу личности, общины, нации. А в экономическом отношении наш принцип: «свободный труд и право на достижения нашего труда»⁴⁷³.

Коллард затрагивает весьма широкий круг проблем, напрямую связанный с особенностями становления ключевых концептуальных черт украинского политического национализма. Преобладание нации и национальной борьбы над всеми остальными ценностными и идеологическими системами, крестьянский утопизм в социально-экономических воззрениях, являлись определяющими чертами политической платформы радикальной части политического украинства. Отсюда вытекал как их бросающийся в глаза крайний радикализм, обусловленный значительной разницей между предъявляемыми требованиями и весьма незавидным положением дел в действительности, так и выраженный идеализм в вопросах теоретической программы, который зачастую вызвал недоумение, скепсис и даже насмешки среди представителей различных общественно-политических движений.

Чем более радикальны были воззрения, тем более невероятными и невозможными к исполнению на практике порою виделись их программные требования. Переход ряда ведущих сторонников социал-демократических идей в среде представителей украинского движения в лагерь радикального самостийничества и столь отчетливым образом акцентированная с их стороны постановка вопроса о создании в ближайшей перспективе отдельной независимой украинской государственности «От Карпат до Кавказа» с правительством, состоящим из числа ключевых деятелей украинского

⁴⁷³ Коллард Ю. Спогади юнацьких років. С. 117–118.

движения, естественно, не могла не вызывать весьма критические оценки даже со стороны общественно-политических деятелей держав Центрального блока.

А. Скоропись-Йолтуховский в мемуарах будет приводить разнообразные примеры того объема критики, с которым столкнулись представители «Союза освобождения Украины» в Австро-Венгрии в ходе своей общественно-политической деятельности в Германии, с обидой сетуя на то, насколько несерьезно воспринята многими в Австро-Венгрии и Германии идея украинской независимости. Один из основателей «Союза» отмечал: «В Вене г. Меленевский отправился к своему партийному знакомому, проводнику австрийской социал-демократии, покойному В. Адлеру и выложив ему наш план решительного изменения австрийской политики и украинского вопроса, услышал от Адлера, что это утопия, которая могла зародиться только у людей, которые «понятия не имеют про тупость и бессмысленность австрийской политики». Зная русофильскую позицию Адлера в украинском вопросе, не придали мы этой его оценке никакого значения. В министерстве иностранных дел узнали, что референт украинского дела, консул г. Урбас, приданный к военному министерств «...» Он принял нас так, будто уже знал заранее, что мы должны приехать и сразу же стал расспрашивать про то, какие практические шаги мы должны сделать, и какими средствами мы располагаем, чтобы вызвать в Российской Украине революцию. Узнав от нас, что мы меньше интересуемся непосредственными проявлениями, а больше их последствиями для нашего народа и позиции автора касательно нас, российских украинцев, господин консул заявил нам, что сейчас он очень занятый, что вопросы эти решены уже положительно с галицкими украинцами и что мы можем пристать к одной из уже существующих организаций российских украинцев»⁴⁷⁴.

Вполне очевидным является то обстоятельство, что ни австро-венгерские, ни германские политические круги не рассматривали всерьез возможность реализации проекта создания украинского независимого

⁴⁷⁴ *Скоропис-Йолтуховский О. Мої злочини. С. 195.*

государства. Это невооруженным глазом можно наблюдать в приведенном диалоге Эммануила Урбаса и А. Скоропись-Йолтуховского. Да и можно ли было вообще ожидать какого-либо другого сценария развития политической ситуации со стороны двух крупных экономически развитых государств, которым очевидно просто выгодно использовать национально-автономистские движения на окраинах соседнего государства в условиях масштабного военного противостояния? Вернее, будет отметить, что всерьез не рассматривалась именно идея наделения территорий, населенных украинским народом реальной политической независимостью. Реально же наделенными реальной субъектной волей и правом принятия решений в данном случае оказываются политические круги Австро-Венгрии и Германии. И существовало ли бы в таком случае хотя бы одно реально выгодное для стран Центрального блока обстоятельство, по которому они должны бы были наделять суверенностью сельскохозяйственный, богатый угольными ресурсами край, ставя во главе его сравнительно небольшую группу представителей местной интеллигенции с автономистскими симпатиями?

Тем более, что никаких действительных гарантий ни Австро-Венгерское министерство иностранных дел, ни немецкие политические ведомства, связанные с представителями украинских организаций, по существу не давали. Восторженные мечты о создании украинского независимого национального государства по существу оставались во многом лишь чем-то производным от домыслов самих представителей украинских организаций, которые настойчиво стремились получить от представителей австрийских и немецких властей какие-либо прочные гарантии создания независимой украинской государственности, однако же не встречали какого-либо практического подтверждения обильно сыпавшимся обещаниям правительственных кругов Центральных держав в годы войны. А обещаний действительно давалось немало. Основным источником их, безусловно, являлся Эммануэль Урбас, курировавший украинское направление. В его

задачи входило давать обещания для привлечения на свою сторону представителей движения для текущих политических нужд.

В ставке Урбаса на украинское движение Российской империи и поддержке его дальнейшего развития весомую роль играл также личностный фактор. Урбас рассматривал свою работу с представителями кругов эмиграции Российской империи в качестве способа усиления своего политического влияния, а также для роста своего авторитета как дипломата и государственного деятеля. Зачастую Э. Урбас выступал в качестве проводника идеи поддержки политического украинства в правительственных кругах Австро-Венгрии, всячески стремясь доказать выгоду от поддержки общественно-политической деятельности представителей украинского движения среди политической элиты Австро-Венгрии.

Так, к примеру, в августе 1914 г. Э. Урбас писал руководителю кабинета МИД графу А. Гойошу: «Такой план – Украина до Дона, может казаться в Вене фантастическим, однако об этом можно говорить с отдельными людьми как о вполне реальной вещи. Все, что я здесь увидел в военном выступлении придает большой уверенности»⁴⁷⁵. Постепенно в ходе дискуссий среди австрийских правительственных кругов зарождалось несколько различных проектов конкретного политического воплощения идеи украинской независимости.

Однако следует отметить, что большая часть заинтересованных в развитии украинского движения политических деятелей Дунайской монархии склонялось к другим вариантам. Они не предполагали вхождение территорий малороссийских и новороссийских губерний Российской империи в состав Австро-Венгерской империи, а подразумевали создание отдельного государственного образования-сателлита, которое сохраняло бы свою ориентацию на Тройственный союз.

⁴⁷⁵. *Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922. Deren Bedeutung und historische Hintergründe. Philadelphia, Horn, 1966–1969. S. 4–7.*

Тот же Э. Урбас, несмотря на свои выраженные симпатии к украинскому движению, тем не менее учитывал текущие политические реалии. В своем докладе Урбас не выступал за включение территорий будущей Украины в состав Австро-Венгрии: «Украину трудно будет политически присоединить к монархии»⁴⁷⁶. А. Гойош, комментируя доклад Э. Урбаса, склонялся к точке зрения своего подчинённого: «Если Россия будет побеждена, то мы, насколько это возможно, будем способствовать созданию Украинского государства, однако оно должно быть независимым и управляться не нами. Нам никогда не справиться с приростом в 30 миллионов украинцев»⁴⁷⁷.

Э. Урбас в дальнейшем развил свое видение на страницах доклада, представленного консулом по итогам переговоров с А. Скоропис-Йолтуховским и М. Меленевским, где представил три потенциальных модели существования украинского национального государства в случае победы держав Центрального блока.

Первый сценарий предполагал создание Приднепровской Украины под немецким протекторатом. Второй – под совместным австрийским и немецким протекторатом. Третий вариант означал создание Украины в персональной унии с Румынией. Самым выгодным для Вены, по убеждению Э. Урбаса, был бы первый вариант, поскольку тогда «немецко-российская граница и, соответственно, немецко-российские противоречия будут в значительной степени сохраняться», «социалистические тенденции в Украине знают сильнейшее давление», а «немецкая торговля получит широкий и удобный путь через Черное море в Азию»⁴⁷⁸, что развяжет же Дунайской монархии руки на Балканах.

Таким образом, о какой-либо независимости отдельного украинского государства в действительности речи не шло. Во многих отношениях члены «Союза» отчетливо понимали и даже признавали это, однако манящая и

⁴⁷⁶ *Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922. Deren Bedeutung und historische Hintergründe. S. 4–7.*

⁴⁷⁷ Там же. S. 8.

⁴⁷⁸ Там же. S. 14.

будоражающая умы общественно-политических деятелей идея создания украинской независимой государственности не давала им покоя. Пока теплился по крайней мере хотя бы один небольшой луч надежды на возможность реализации данного трудноосуществимого замысла, непримиримым образом настроенные представители СОУ упорно продолжали биться о непроходимые стены, стремясь к достижению данной задачи.

Так, А. Скоропис-Йолтуховский отмечал: «Уже в этом первом разговоре почувствовали мы остро всю ненормальность нашего положения, идеалистически настроенных одиночек, которые выступают без всякой физической «реальной» силы со своим причудливым идейным багажом в водоворот борьбы, где должны решить дело кровавые бои с горами трупов и реками крови «...» и теперешний читатель должен был сразу усвоить, что большая часть официальных представителей как Германии, так и Австрии на основании или собственных поверхностных наблюдений, или донесений послов, консулов и добровольных информаторов считали тогда наше дело за абсолютно несерьезной утопией: некоторые из них, которые черпали свои знания из московских и польских источников представляли нас просто политическим авантюристами. Отсюда желание официальных немецких и австрийских кругов использовать нас за деньги для обычной шпионской и мятежной работы в тылу московской армии. Принять нас, российских украинцев, старых врагов единой царской России, которые вступили в решающий момент на борьбу с извечным врагом нашей независимости рядом с центральными державами, извечно враждебными России, как своих равноправных союзников, они не могли»⁴⁷⁹. Какие-либо дополнения к данному отрывку излишни. В сущности, Скоропис-Йолтуховский напрямую признается в том, что представители «Союза» были согласны с тем, чтобы их всяческим образом использовали как удобных исполнителей для агитационно-пропагандистской работы.

⁴⁷⁹ *Скоропис-Йолтуховский О. Мої злочини. С. 201.*

Полную картину взаимосвязи представителей политических украинофильских организаций Малороссии и украинских заграничных организаций, и, в первую очередь, такой организационной структуры как Союз освобождения Украины, в действительности мы еще до конца не представляем. В отечественной и зарубежной историографии господствуют представления о том, что Союз освобождения Украины на деле являлся исключительно авантюрным предприятием отдельных крайне негативно настроенных в отношении всего русского радикальных представителей украинского движения.

Однако анализ документов показал, что Союз освобождения Украины имел гораздо более плотные контакты с рядом ключевых представителей малороссийских организаций. На первых этапах своего оформления организация представляла из себя результат коллективно спланированной и скоординированной по многим направлениям попытки украинских организаций, и, в первую очередь, малороссийских, использовать обстановку войны, а также военно-политический потенциал Тройственного союза в своих интересах.

Об этом говорит не только известный в научной литературе факт делового совещания создателей Союза освобождения Украины с М.С. Грушевским в начале Первой мировой войны на даче львовского профессора в Криворовне в Карпатских горах и последующего после этого выезда М.С. Грушевского в Вену, где историк проводил постоянные совещания с членом СОУ Н.К. Зализняком⁴⁸⁰. Дополнить данную картину призваны агентурные сведения Департамента полиции Российской империи, крайне пристально наблюдавшим за «Союзом» с начала Первой Мировой войны.

Среди делопроизводственной документации Особого отдела Департамента полиции и раньше встречалось довольно большое количество материалов о деятельности украинских организаций, а с сентября 1914 г. сам

⁴⁸⁰ Михутина И.В. Указ. соч. С. 191–192.

объем материалов увеличился в несколько раз. Причем две трети из представленных в документации материалов с этого момента становятся посвящены наблюдениям и разработке поступающих сведений о деятельности Союза освобождения Украины, а также о деятельности украинофильских агитаторов из Австрии. Последние свободно проникали через границу для осуществления дальнейшей пропаганды среди населения Российской империи.

Характерно, что внимание к деятельности СОУ во многом являлось даже чрезмерно избыточным. Так, согласно документам, во многих малороссийских губерниях Российской империи – таких как Харьковская⁴⁸¹, Полтавская⁴⁸², Подольская⁴⁸³, Одесская⁴⁸⁴, Волынская⁴⁸⁵ и др., следов деятельности каких-либо агитаторов «Союза» не было обнаружено.

Любопытно также привести сведения Департамента полиции, содержащие объяснения причин низкой популярности СОУ в среде представителей украинского движения и низкого потенциала организации по привлечению на свою сторону широких общественных слоев. Начальник Харьковского отделения губернского жандармского управления в отчете за 29 июня 1915 г. отмечал: «таковая организация могла создаться только в первую стадию войны, вражьи силы сейчас же по объявлению займут Украину до Днепра – но раз это отпало, деятельность этой организации уже не могла проявляться»⁴⁸⁶.

В свою очередь, в 1915 г. исполняющий обязанности директора Департамента полиции Васильев указывал в своем циркуляре, адресованном начальникам Екатеринославского, Харьковского и Донского жандармских управлений: «Начальник Кубанского областного жандармского управления, разрабатывая сведения по революционной организации «Союз для

⁴⁸¹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 157.

⁴⁸² Там же Л. 153.

⁴⁸³ Там же. Л. 288.

⁴⁸⁴ Там же. Л. 134.

⁴⁸⁵ Там же. Д. 231пр. Л. 151.

⁴⁸⁶ Там же. Д. 231. Л. 157.

освобождения Украины», приведённые в циркуляре от II Марта 1915 года за № 167326, между прочим выяснил, что в юго-западной части России названный «Союз», по словам местных украинцев, имеет свои отделения только в Екатеринославской и Харьковской губерниях, а также в некоторых пунктах области Войска Донского. В указанных местностях Союз освобождения Украины особой популярностью не пользуется, и сторонники его находятся, только среди немногочисленной интеллигенции. Среди же рабочих этот Союз решительно никакого успеха не имеет по той причине, что большая часть рабочих в этих местах состоит из великорусской и других национальностей. С открытием военных действий против Австрии и Германии большая часть украинофильской интеллигенции совершенно охладела к вопросу о воссоздании особой независимой Украины. В последнее же время вопрос этот окончательно утратил свой интерес в глазах местных украинофилов, благодаря статье Алексинского, первоначально появившейся в журнале «Современный мир» за 1915 г., а затем перепечатанной во всех столичных и провинциальных газетах, озаглавленной «О провокации» с указанием на образование на средства австрийского и германского правительства провокаторских групп, ставящих себе целью революционную деятельность в России «...» Этот разоблачительный материал окончательно, будто бы, похоронил всяческий интерес малорусского населения к украинскому делу и почти на всех приверженцев «Союза» стали смотреть как на австрийских провокаторов и шпионов»⁴⁸⁷.

Здесь следует подчеркнуть, что статья Г.А. Алексинского «О провокации» действительно серьезным образом дискредитировала деятельность «Союза» в глазах русских революционеров и многих представителей украинского движения Российской империи. Изначальные отдельные проявления вспышек интереса к организации со стороны местной интеллигенции Российской империи начали постепенным образом угасать.

⁴⁸⁷ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 234–235.

Однако внимание к деятельности СОУ от Департамента полиции на протяжении всей войны продолжало приковываться крайне интенсивное. Именно поэтому столь важны будут данные сведения, так как в силу повышенного внимания к деятельности «Союза» они будут отличаться стремлением к детализации и подробностью информации, давая тем самым значимый фактологический пласт сведений.

Анализ материалов, представленных в фонде Департамента полиции, дает возможность внимательно проследить не только саму деятельность украинских организаций в период Первой мировой войны, но и открывает перед нами историю одного ценного источника по истории украинского движения.

Речь идет об известной «Записке об украинском движении за 1914–1916 гг. с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии», хорошо знакомой многим исследователям украинского движения.

Записка была составлена в 1916 г. в качестве подробной аналитической справки для внутренних нужд Департамента полиции Российской империи и содержала в себе большое количество ценной информации о деятельности украинофилов.

Подробный анализ материалов фонда Департамента полиции о деятельности представителей украинского движения за 1914–1916 гг. вполне однозначно выявляет все первоисточники представленной в записке информации, вошедшие впоследствии в текст записки, и позволяет во многом признать данные сведения достоверным материалом.

Сама «Записка» по существу является подробной компилятивной сводкой. Практически полностью текст «Записки» составлен из различных агентурных сведений, собранными Департаментом за предыдущие два с половиной года. Однако среди объема собранных в ней материалов находится еще один весьма любопытный документ, который частично проливает свет на

проблему интегрированности СОУ в деятельность украинских организаций Малороссии.

Текст сведений, затем представленный с небольшими сокращениями в «Записке», является инструкциями, составленным тогдашним директором Департамента В.А Брюн-де-Сент Иполлит в феврале 1915 г. на основе уже имеющихся агентурных данных для начальников губернских жандармских отделений губерний малороссийских и новороссийских, а также Курской, Воронежской, Донской, Бессарабских, Лифляндской губерний, Москвы, Петрограда и Варшавы. Так, отрывок из данных инструкций, заключал в себе следующие сведения:

«С возникновением войны выехала из Галиции и Австрии группа выдающихся мазепинских деятелей, захвативших с собою большое количество воззваний под названием «до Украинского народа» с призывом к мятежу «...».

До своего выезда в Киев эти лица побывали у профессора М.С. Грушевского на его даче в Криворовне около Коссова в Карпатских горах, где и имели деловые совещания.

В Киеве они собирались в Украинском клубе «Родина» и на Большой Владимирской улице, где присутствовали главные руководители Киевских мазепинцев: издатель мазепинского ежедневника «Рада» Евгений Харлампиевич Чикаленко, Леонид Жебунев, Павел Лавров (Юрий Сирый), несколько студентов и делегаты от мазепинских деятелей Полтавы, Харькова Екатеринослава и Одессы.

На собрании в «Родине», а затем в квартире Чикаленко по Мариинско-Благовещенской улице была основана мазепинская общая организация под названием «Союз вызволения Украины». Ближайшая цель – взять на себя работу львовских мазепинских организаций, представители которых ушли на войну или выехали в глубь Австрии, а главное – вести мазепинскую пропаганду среди населения и войск Русской Украины. Деятельность

организации началась с распространения по южной России прокламаций, которые заранее уже были отпечатаны в Киеве.

Далее к части в этой работе «Головна Рада Союза Визволення України в Києве» призвала все студенческие мазепинские организации в Петрограде, Москве, Юрьеве, Варшаве, Харькове и в Одессе. Затем по студенческим организациям были образованы филиальные отделения Киевского «Союза» под названием «Комитет Союза освобождения Украины Головна Рада студентов» – Петроградского и других университетов. Получавшиеся директивы студенческие комитеты передавали провинциальным кружкам или гурткам, которые в свою очередь о результатах своей деятельности должны были ставить в известность объединяющий орган «Союза» в Киеве»⁴⁸⁸.

Данные агентурные сведения отчетливо демонстрируют, что с начала своей деятельности Союз освобождения Украины не являлся исключительно самостоятельным плодом деятельности его непосредственных создателей и организаторов. Инициативное ядро представителей украинских организаций Малороссии незамедлительно поспешило активно проявить себя, сразу приступив к оказанию прямого содействия по созданию и дальнейшему развитию деятельности Союза освобождения Украины на базе клуба «Родина», в первую очередь в организационном и консультативном отношении.

Сам же клуб «Родина» оказался удобной площадкой для нелегального сопровождения Союза освобождения Украины. Клуб был основан еще в 1908 г. при активном участии композитора-украинофила и общественного деятеля Н.В. Лысенко. После того, как в 1912 г. за распространение литературы был закрыт «Украинский клуб» на Владимирской улице в Киеве, являвшийся ключевой точкой места сбора украинского движения, «Родина» стала единственной площадкой для встреч.

На основе встреч в «Родине» такие фигуры, как Е.Х. Чикаленко, Ю. Сирый, встали на путь выстраивания сетевой структуры между «Союзом»

⁴⁸⁸ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 85–86.

и украинскими студенческими громадами в многих крупных городах южных губерний Российской империи, а также Петрограда, Москвы и Варшавы. В целом, данный план имел реальные перспективы для политической реализации. М.С. Грушевский, Е.Х. Чикаленко и Ю. Сирый обладали большим авторитетом среди молодежных украинофильских организаций.

Положение М.С. Грушевского, как негласного лидера украинского движения в начале XX в., вряд ли можно поставить под сомнение, Е.Х. Чикаленко осуществлял финансирование многих общественно-политических проектов украинских организаций. В первую очередь, это издания периодической печати – «Рада» и «Украинская жизнь», в деятельности которых активно участвовали представители молодежи украинских организаций.

В это же время организацию «Головна Українська Рада студентів в Петрограді» возглавлял сын Евгения Харлампиевича, молодой ученый-археолог и студент Санкт-Петербургского императорского университета Лев Евгеньевич Чикаленко ⁴⁸⁹. Таким образом, степень авторитета среди молодежных кругов, а также объем широты связей и разветвлённости контактов давал возможности, даже на уровне стремлений и планов, выстраивать в Малороссии сетевую структуру, замкнутую на идеологическое и пропагандистское обеспечение деятельности Союза освобождения Украины в случае успехов его деятельности, а также наступательных успехов действий австрийских и немецких войск.

При этом важно указать, что сам политический субъект, ставший инициатором движения, находился именно в Малороссии. Поэтому самые инициативные и идеологически накаленные представители украинских организаций стремились переломить инертность более старшего поколения украинофильской интеллигенции, не стремящейся к радикальному разрыву с Россией, через ставку на небольшой, но активно стремящийся к кипучей деятельности костяк молодых украинофилов.

⁴⁸⁹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 152.

Следует отметить, что по мере роста и активизации украинского движения, расширения его социальной базы, накопления опыта и сил на протяжении начала XX в., увеличивалась и степень внимания к нему со стороны властей Российской империи. В 1890-х гг. – 1905 г. внимание к украинскому движению было приковано по большей части лишь со стороны представителей местных жандармских отделений. Однако уже к 1910-м гг. имперские власти стали все пристальнее следить за политическим украинством.

Значительным фактором увеличения внимания со стороны имперских властей становился нараставший организационный потенциал и активизация украинского движения Галиции. Стремительно радикализирующийся «украинский Пьемонт» становился в том числе триггером для властей по отношению к украинофилам Российской империи.

Начало Первой мировой войны существенным образом заставило усилить и активизировать внимание властей Российской империи к объединениям украинского движения на территории Российской империи. Так, именно в 1914–1918 гг. от лица ряда различных государственных ведомств, а также отдельных правительственных лиц осуществлялось издание целого ряда докладов и аналитических записок, посвященных анализу положения украинского движения на территории Российской империи.

Примечательно, что в представлениях и оценках имперских властей украинское движение в первую очередь несло политическую опасность, в военном отношении возможность наличия какой-либо угрозы со стороны представителей украинских объединений не рассматривалась.

Так, наблюдения и сбор сведений по украинскому движению в первую очередь осуществлялся по линии Департамента полиции и по линии Министерства иностранных дел (наблюдения за украинофилами из Галиции), в свою очередь, какой-либо попытки по сбору и анализу данных о деятельности украинских объединений со стороны военных агентов не наблюдаем.

Среди донесений военных агентов, хранящихся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (Ф. 428 – «Австро-Венгрия»), отсутствуют сведения, содержащие информацию или анализ деятельности объединений украинского национального движения. Среди национально-политических сил Галиции в поле внимания русских военных агентов находилось только польское национальное движение. В материалах попадают донесения о деятельности польского гимнастического общества «Сокол»⁴⁹⁰ (хотя на момент Первой мировой войны уже крайне активным образом действовали на территории Галиции украинское спортивное общество «Сокол», и также пожарно-спортивное движение «Сич» – В.Е.), а также о распространении на территории Австро-Венгрии воззваний верховного главнокомандующего к населяющим государство славянским народностям⁴⁹¹. Преимущественно в донесениях военных агентов преобладали сведения о внутривнутриполитическом, экономическом положении Австро-Венгрии, а также состоянии ее вооруженных сил и об изменениях в военном законодательстве⁴⁹².

Украинское движение в поле зрения военной агентуры попадало не часто. Существовала лишь одна небольшая группа агентурных донесений по украинскому движению, которая поступала по линии отдела военной разведки 2-го делопроизводства Генерального штаба. Часть данных сведений впоследствии перенаправлялась в особый отдел Департамента полиции, где сохранялась в делопроизводственных папках по украинскому движению. Основная материала приходится на допросы солдат-малороссов, бежавших из военного плена в австрийских и немецких лагерях, которые зачастую содержали весьма ценную информацию о характере агитационно-пропагандистской работы представителей Союза освобождения Украины в среде военнопленных-малороссов.

⁴⁹⁰ РГВИА Ф. 428, оп. 1. Д. 153.

⁴⁹¹ Там же. Д. 577.

⁴⁹² Там же. Д. 2807, 2812, 2814.

Однако в Петербурге украинский вопрос начинал вызывать все более пристальное внимание властей Российской империи. Высокую степень внимания к украинским организациям демонстрировало Министерство иностранных дел Российской империи. Безусловно, это вполне объяснимо, так как украинское движение на тот момент еще не отметилось историческими прецедентами участия своих собственных национальных формирований в военных конфликтах. Пожалуй, лишь с большой натяжкой здесь можно бы было отнести участие «Славянского легиона» М. Чайковского в Крымской войне. Поэтому на период начала Первой мировой войны многими представителями власти и общественности они еще не воспринимались как сила, которая могла в перспективе выступить на театре военных действий. Однако политическая опасность территориальной децентрализации, исходящая от широкой автономистской программой украинофилов, была вполне отчетливо осознана властями к началу Первой мировой войны.

Так, сбор сведений о деятельности украинских организаций в Галиции активно осуществлялся по линии Особого политического отдела МИД уже с 1912 г. В том же 1912 г. в Особый отдел одним из агентов была составлена небольшая аналитическая записка «Поляки об украинофильской политике», где на основе материалов польской прессы Галиции, традиционно в большей своей части враждебно относящейся к подъему украинского движения в регионе, были приведены свидетельства участия австрийских властей в украинизации региона. Так, в записке отмечалось «но уже в 1908 г., когда был убит Потоцкий (имеется в виду граф Казимир Анжей Потоцкий, наместник Галиции, который выступал в качестве активного противника украинского движения в крае – В.Е.) из Вены повеял благоприятный для украинцев ветер. Намерения Эренталья относительно аннексии тогда уже созрели, и, в предвидении конфликта с Россией, политика монархии должна была искать в Галиции опоры в той русской партии, которая была враждебна России, т.е. в партии украинской, причем ее неудобный радикальный характер был безразличен с точки зрения высших внешнеполитических интересов.

Начались со стороны Вены поблажки и уступки украинцам. Под давлением Вены, после убийства Потоцкого, власти отказались от преследования руководителей украинской политики, подготовивших преступление. «...» Лишь когда опасность миновала, и от близкой действительности можно было перейти к более свободным мечтам о будущности, стали серьезно развиваться таинственные надежды на Подолию, Волынь, Украйну. Украинские вожди с особой старательностью поддерживали эти надежды в Вене, распространяя самые смелые вести из южной России. Как будто по заказу изменилось даже внешность украинского главного органа «Діло», которое начало помещать корреспонденцию из Украины, Волыни и Подолии, сочиняемую, по-видимому, одним и тем же автором «...» К этим идеям Вена по малу привыкла и теперь они являются политическим фактором. Австрия, поддерживая украинскую партию у себя, открывает себе виды на приобретение чувств населения Галиции, Волыни и Украины, в то время как Россия пытается разбудить своими рублями русский дух и даже православие в Галиции»⁴⁹³.

Таким образом, контакты украинского движения Российской империи с украинским движения Галиции все более становились объектом пристального внимания со стороны властей. Все более расхожее употребление в политической риторике начинает получать понятие «мазепинцы», используемое в качестве полемического приема для того, чтобы подчеркнуть враждебность украинского движения государственным и общенациональным интересам Российской империи. Значительно актуальней становился вопрос о необходимости усиления поддержки русофильского движения в Галиции для предотвращения влияния «Украинского Пьемонта» на рост проавстрийских настроений среди представителей украинского движения Российской империи. Активным проведением данной линии в жизнь выступил идейный лидер неославизма, депутат Государственных дум II, III и IV созывов, учредитель Галицко-русского благотворительного общества В.А. Бобринский, который также при этом наряду с камергером Гижицким,

⁴⁹³ АВПРИ. Ф. ОПО Оп. 474. Д. 45 Л. 2–4.

являлся тем доверенным частным лицом, через которого русское правительство доверяло негласный контроль и передачу средств, выделяемых на поддержку и развития русской культуры в Галиции. Так в июне 1914 г. Бобринский отсылает председателю Совета министров и министру финансов В.Н. Коковцову записку, в которой просит увеличить финансирование дружественного России русофильского движения в Галиции, мотивируя это следующим образом: «... в Австро-Венгрии, как и по всей Западной Европе никакие выборы не обходятся без крупных денежных затрат «...» Украинско-мазепинская партия получает на сей предмет сотни тысяч крон, как из Вены, так и из Берлина, русской же партии приходится бороться с мазепинцами с весьма скудными денежными средствами «...» Необходима некоторая денежная помощь на путевые расходы студентов агитаторов, на печатание воззваний и брошюр, на усиленный во время выборов тираж русских народных газет и на подвоз выборщиков для подачи голосов – минимум таких расходов исчисляется в 30 000 тыс. рублей т.е. в 75 000 тыс. крон тогда как, судя по прежним выборам, украинцы на выборную кампанию получают от Австрийского и Германского правительства не менее 500 000 крон»⁴⁹⁴.

В другой же части Записки Бобринский конкретизирует, на каких именно направлениях, по его мнению, необходимо увеличить объем финансирования для, что того, чтобы позиции русофильского движения в Галиции существенным образом усилились: «До настоящего времени нами назначались в вспоможение русскому населению в Австро-Венгрии временные пособия в размере до 85 000 руб. в год. Назначения эти необходимо увеличить и придать им постоянный характер с сосредоточением распоряжения ими в Министерстве Иностранных дел «...» На распространение русских книг, путем устройства новых и пополнения существующих библиотек, ежегодно требовалось бы по 4 000 руб. Расход на поддержание русских газет исчисляется в 69 200 тыс. руб. Число бурсаков в

⁴⁹⁴ АВПРИ Ф. ОПО Оп. 474 Д. 155 Л. 65–65 об.

общежитиях необходимо довести по крайней мере до 2 500, а девушек в русских пансионах до 500. Расход на каждого бурсака в дополнение к издержкам, производимым на местные средства, составляет по 40 руб. в год, а на каждую пенсионерку – 50 руб. Всего на общежития требовалось бы 125 000 руб. ежегодно. Студенческие столовые надлежит содержать во Львове, Черновцах, Вене и Будапеште. Каждая нуждается в пособии в 1000 руб., а все они – в 4 000 руб. в год. Весь расход составил бы 202 000 руб. или за округлением 200 000 рублей»⁴⁹⁵. Таким образом, план В.А. Бобринского предлагал значительную интенсификацию образовательно-просветительской деятельности в крае, которая только в таком случае имела бы действительный шанс стать сходной паритетной альтернативой для динамично растущего украинского движения Галиции.

Инициатива Бобринского была поддержана Коковцовым, который в свою очередь направляет Министру иностранных дел С.Д. Сазонову доверительное отношение, на страницах которого председатель совета министров предлагал Сазонову взять на себя руководство процессом по оказанию денежной помощи галицким русофилам и испросить на свое имя в законодательном порядке кредит на сумму в 200 000 рублей ⁴⁹⁶. Перспективу осуществления подобного сценария действий прервало начало Первой Мировой войны, однако в целом следует отметить, что к 1914 г. сама инициатива по претворению в жизнь каких-либо проектов по усилению поддержки русофильства в Галиции как способ упрочения политических позиций в регионе и противостояния распространению влияния польского и украинского во многом уже существенным образом перезрела, власти Российской империи фактически опоздали на несколько десятилетий с тем, чем необходимо было заниматься на гораздо более ранних этапах. По большому счету к началу Первой мировой войны какое-либо увеличение как финансовой, так и организационной помощи русофильству являлось

⁴⁹⁵ АВПРИ Ф. ОПО Оп. 474 Д. 155 Л. 65–65 об.

⁴⁹⁶ Там же. 37–37об.

вторичным, осуществляющемся по принципу реакции на уже существующую, стремительно растущую проблему. Степень осведомленности правительственных кругов о реальном состоянии украинского движения на территории Российской империи, а также понимание остроты складывающейся ситуации в контексте роста потенциала организационных возможностей и числа сторонников украинских организаций не соответствовала реальной картине действительного положения дел в годы Первой мировой войны. Поступающие сведения зачастую характеризовались неточностью, а в политическом отношении доминировало поверхностное восприятие украинского движения, стремление к прямолинейности действий, выраженное в представлении о том, что можно просто отменить «мазепинцев», не считаясь с фактором подъема национальных настроений в среде малороссийского народа. «Украинское движение» с началом войны, по отзыву компетентных лиц, в том числе Прокурора окружного суда Запенина, на поверхности несколько затихло, его невидимая работа в известном направлении продолжается, захватывая духовенство, народных учителей третий элемент в земстве. В минувшем феврале, в годовщину смерти Шевченко в высших учебных заведениях были вывешены прокламации в «мазепинском» духе. Мазепинцы в настоящее время весьма рассчитывают, с одной стороны, на умножение своей численности с присоединением Галичины, с другой – на новый курс министерства народного просвещения, которое будто бы признало государственную точку зрения на многие вопросы школьной политики, между прочим, на вопрос о языке преподавания в начальной школе несовременную и стало на какую-то «обывательскую». Я уже однажды докладывал Вашему Высокопревосходительству об опасности все чаще и чаще встречающегося при переписи в официальных документах деления русских людей на русских, малороссов и белорусов. Что такое деление проникает все глубже, я вижу на документах в переписи к делу упомянутого Брейтмана ...»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁷ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231 Л. 236.

Имело место также быть недооценка многими представителями бюрократического аппарата масштабов развития украинского движения на земле, зачастую банально не желая детально вникать в суть складывающейся ситуации, находящейся в поле их непосредственного ведения. Несмотря на то, что украинские организации Российской империи имели весьма узкую социальную базу, тем не менее им нельзя было отказать в упорстве и непримиримости, с которой они осуществляли свою борьбу за отстаивание и формирование украинской национальной идентичности. Со стороны же местных властей, даже к периоду Первой мировой войны, когда опасность, исходящая для имперской территориальной целостности со стороны автономистских притязаний радикальной части украинского движения, должна была уже в полной мере быть осознана теми, кто является непосредственным представителем власти на тех территориях, где, украинские организации осуществляли свою активную деятельность.

Однако характер отношения многих представителей местной власти к украинскому вопросу не изменился со времен второй половины XIX в., где ключевой тон отношения к украинской проблеме в значительной степени характеризовался заметим изречением «не было и быть не может», сформулированном на страницах «Валуевского циркуляра» в отношении существования отдельного малороссийского языка. Наглядно это характеризует ответ Холмского губернатора А.Н. Вожина на запрос директора Департамента полиции Российской империи В.А. Брюн-де-Сент-Ипполита с просьбой осветить характер положения дел в крае в силу того, что есть основание полагать о существовании (!) в скрытом состоянии украинского движения в Холмской губернии. Вожин вначале кардинально отрицает наличие каких-либо проявлений деятельности украинских организаций в крае, о деятельности которых он не имел бы представления: «Имеющиеся у Вашего Превосходительства сведения о том, что в деле распространения украинских идей в губернии принимают участие чины администрации, переведенные по открытию Холмской губернии на службу в Холм из Седлеца я считаю

несоответствующими действительности и некоторым категорическими (прим. – далее слово неразб.) таких подведомственных мне чиновников на службе нет и быть не может. Одним из главных условий при переводе из Седлеца. В Холм была полная благонадежность переводившихся, при отсутствии у них каких-бы то ни было вредных национальных сепаратистских и антигосударственных идей. Набрасывание тени на переведённых из Седлеца чиновников Министерства Внутренних Дел считаю недобросовестной тайной интригой некоторой части даже русского общества в Холме, недовольной таким переводом отчасти по соображениям чисто экономического свойства многие при образовании Холмской губернии рассчитывали устроиться если не сами, то во всяком случае надеялись пристроить в губернских учреждениях своих близких, что совершенно не удалось, а отчасти недоброжелательством за принимаемые мною меры по отношению к украинскому движению, как например: за прекращение печатания в местной газете «Холмской Руси» статей на малорусском языке, за перевод одного учителя, сильно заподозренного в украинстве, в уезд, где его влияние будет, безвредно, и за другие, незаметные на первый взгляд, требования администрации, но имущие огромное значение к пресечению вредной деятельности проповедников украинофильских идей»⁴⁹⁸.

Затем в столь же утверждающем и непоколебимом тоне говорит о тех значимых для внутривластной жизни края мерах, которые были приняты им для предотвращения влияния украинских организаций: «Книжное отделение (русского общества потребителей – В.Е.), преследуя в основе своей снабжение учащейся молодежи по наиболее дешевым ценам учебным ценам послужит в тоже время отвлечению ее от польско-еврейских книжных магазинов, где учащиеся тайно могут снабжаться украинкой литературой и порнографией «...» В книжном отделении будут продаваться исключительно учебные пособия, одобренные не только учебным начальство, но и моей личной цензурой, но и учебные тетради с портретами русских императоров,

⁴⁹⁸ ГА РФ Ф. 102. Оп. 244 Д. 231. Л. 2–3.

выдающихся русских государственных деятелей, а равно с картинами памятной русской старины и особо чтимых в религиозном отношении мест «...» Тетради эти, изданные в противовес открыто распространяющимся по школам, как это было заявлено одним из учителей в заседании Холмского Св. Богородицкого Братства, тетрадям с изображением польских деятелей и тайно распространяемых украинцами, послужат в тоже время к ознакомлению молодого поколения с русской историей и достопримечательными местами и памятниками России»⁴⁹⁹. Создав, таким образом, картину полной управляемости ситуации и отсутствия поводов для беспокойства, после этого в конце Вожин подводит итог: «Я не скрою, что ожидаю выпадов против меня и устанавливаемого мною режима не только со стороны общей печати, но даже со стороны местных деятелей, бронирующийся своей осведомлённостью в местных обычаях, нуждах, и чаяниях, но не всегда согласующих свои пожелания с требованиями общей, здоровой, ясной и предвидящей государственной политики. Не откажите сделать соответствующий доклад г. Министру внутренних дел. Прошу Вас, Милостивый государь, принять мое уверение в совершенном почтении и преданности»⁵⁰⁰.

В сущности, как видно из содержания письма, Холмского губернатора волновала по большей части лишь собственная репутация и желание выставить дело в наиболее приемлемом для себя ракурсе. Украинское движение на Холмщине же было развито в достаточной степени уже со второй половины XIX в., еще больший рост его ощущался и в период начала XX в. Власти Российской империи далеко не всегда стремились отдавать себе отчет в реальной картине роста украинского движения в империи. Действительную осведомлённость и понимание характера сути происходящих процессов по большей части имели лишь те представители украинского движения, кто непосредственным образом сталкивался по роду службы обязан был вникать подробным образом в суть складывающейся ситуации, как такие, как, к

⁴⁹⁹ ГА РФ Ф. 102. Оп. 244 Д. 231. Л. 3–4.

⁵⁰⁰ Там же.

примеру, С.Н. Щеголев, служивший инспектором по делам печати по Киеву, а с 1916 г. военным цензором киевского военного округа или те же сотрудники Особого отдела Департамента полиции, занимающиеся разработкой сведений по украинским организациям, в остальном действительное понимание возрастающего политического потенциала украинских организаций во многом уходило из поля зрения властей, зачастую имела место значительная недооценка его масштабов украинского движения, в том числе и в период Первой мировой войны.

По большей части от действительно серьезного перечня проблем, которые власти Российской империи могли получить от деятельности украинских организаций Российской империи в годы Первой мировой войны, их спасало не собственное умение грамотно вести внутреннюю политику и умение действовать на опережение, а то обстоятельство, что на тот момент дела у представителей радикальной части крыла украинского движения на поле привлечения новых сторонников в свои ряды шли далеко не лучшим образом, и во многом они находились они еще в более худшем положении.

Особенно наглядным образом это демонстрирует агитационно-пропагандистская деятельность «Союза освобождения Украины». Члены СОУ не смогли найти себе сторонников в кругах политической эмиграции, где их идеи явным образом не приобретали популярности. Так, к примеру, в ноябре 1915 г. один из чиновников особых поручений при Министре внутренних дел, докладывал из Парижа: «Имею честь доложить Превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, работающий в Союзе освобождения Украины в Берлине Петр Бендзя некоторое время тому назад обращался к своим знакомым эмигрантам из Малороссии, проживавшим в Цюрихе, в том числе и к социалисту-революционеру Воронину с предложением вступить в названный союз, но повсюду получил отказ. Некоторые эмигранты в Цирюхе получили из Лозанны брошюру, заключающую в себе статистические данные,

относящиеся к Украинскому движению, но брошюра эта среди эмигрантов из Малороссии успеха не имела и интереса не вызвала»⁵⁰¹.

Не лучше шли дела и в контексте агитационно-пропагандистской деятельности в среде военнопленных. В данном случае отношение самих малороссов, широких общественных слоев Малороссии к тем самым призывам к необходимости создания отдельного украинского независимого государства со стороны украинского движения будет оставаться одним из главных показателей реального отношения малороссийского народа к идеям украинского национального движения в годы Первой мировой войны. Несмотря на колоссальную работу, проделанную представителями СОУ в австрийских и немецких лагерях для военнопленных, включающую в себя и сепарирование малороссийских военнопленных из общей массы солдат русской армии, и создания для них специальных условий повышенного уровня комфорта, и создания школ для проведения агитационно-пропагандистских занятий, солдаты-малороссы шли на дальнейший контакт с крайне низкой степенью эффективности. На этот счет уже давно известными в литературе стали соображения, высказанные В.И. Лениным в письме И. Арманд «У нас было недавно двое бежавших пленных. «...» Воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Чернозёмная сила. «...» Пробыл год в немецком плену (вообще там тьма ужасов) в лагере из 27 000 чел. украинцев. Немцы составляют лагерь по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2000 были за «самостийность» (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам. Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 – число большое. Год – срок большой. Условия для галицийской пропаганды – архиблагоприятные. И всё же близость к великорусам брала верх!»⁵⁰².

⁵⁰¹ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 253.

⁵⁰² Ленин В.И. Полн. сбор. соч., Т. 49. С. 377.

Данное утверждение вполне подтверждается и другими сведениями. Так, в фондах Департамента полиции среди агентурных сведений за 30 ноября 1916 г. встречаем следующую запись: «В январе месяце сего года в район Третьей Армии прибыл из плены рядовой 70 Ряжского пехотного полка Херсонской губернии мещанин Иван Слюсаревский-Котляров.

На допросе Слюсаревский, между прочим, показал, что в лагере военнопленных в Австрии, где находился в числе других Слюсаревский велась пропаганда украинских революционных идей лидером «Союза Освобождения Украины» Скоропись-Йолтуховским, на вербовавшим из среды этих пленных около 150 лиц ярых сторонников украинства. Для более успешной пропаганды был устроен в лагере барак, где читались лекции по истории украинского движения. По прослушивании курса Слюсаревскому было предложено Скоропись-Йолтуховским ехать в Россию в целях пропаганды, на что Слюсаревский согласился и был проведен во фронт армии»⁵⁰³.

Образовательный процесс и те возможности, которые образование могло предоставить украинскому движению в контексте работы с населением с точки зрения формирования политического сознания неокрепших молодых умов, традиционно весьма значительным образом привлекали внимание украинофилов со стороны представителей украинского движения и период Первой мировой войны совершенно не являлся в этом отношении исключением. Так, внимание Департамента полиции в 1916 г. привлекла небольшая статья под названием «Украинская гимназия» в газете «Киевская мысль», где представителями украинского движения восторженно обсуждались идеи о создании отдельной гимназии, где преподавание осуществлялось бы на украинском языке. «Киевская мысль» не была печатным органом украинского движения, и по большей части имела либеральную политическую ориентацию. Однако зачастую к сотрудничеству туда привлекались представители украинского движения, в особенности те, кто был связан с русским либеральным движением и общественно-

⁵⁰³ ГА РФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231пр. Л. 31.

политической мыслью, а также с деятельностью Государственной думы. В тексте же статьи в свою очередь значилось: «Мысль об учреждении украинской гимназии возникла сначала в Киеве, а затем в Лубнах, где большая часть родителей, оставшихся за бортом средней школы детей, высказалась за открытие украинского средне-учебного заведения. В осуществлении этого членом Государственной думы I созыва. Шеметом было летом текущего года прошение попечителю Киевского учебного округа о разрешении ему открытия в Киеве или Лубнах о разрешении ему открыть в Киеве или в Лубнах среднее учебное заведения для детей обоего пола с преподаванием на украинском языке на основании правил 1 июля 1914 г. (Имеется в виду «Закон об изменении некоторых узаконений о мужских и женских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах» от 1 июля 1914 г.⁵⁰⁴, – В.Е.). В основании этом было отказано. Тогда Шемет вместе с членом Государственной думы от Екатеринославской губернии А.М. Александровым лично обратились к министру народного просвещения. Из беседы, длившейся более получаса, что по мнению министра, на основании правил 1 июля возможно открытие средне-учебных заведений с преподаванием на всяком языке. Кроме того, обнаружилось, что министр сочувственно относится к пользованию в школах украинским наречием местным языком как вспомогательным при обучении детей. В частности, относительно украинского средне-учебного заведения в Киеве депутаты внесли впечатление что оно будет разрешено при условии, если учредителем явиться другое лицо»⁵⁰⁵.

Весьма примечательно, что инициатива В. М. Шемета привлекла достаточно большую степень внимания и поддержки со стороны министра народного просвещения П.Н. Игнатьева. Инициатива по итогу, по-видимому, не была доведена до конца, однако здесь мы отчетливо наблюдаем, что к 1916 г. в Российской империи уже вполне открыто совершались попытки создания

⁵⁰⁴ Закон об изменении некоторых узаконений о мужских и женских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах, Одесса, 1914.

⁵⁰⁵ ГА РФ Ф. 102 Оп. 246. Д. 231 т. 2 Л. 419–420.

украинской национальной школы, которые впервые были реализованы впоследствии на практике правительством Центральной Рады уже в годы Февральской революции 1917 г., когда в Киеве в марте была открыта Первая украинская гимназия имени Т.Г. Шевченко, большой вклад в дело учреждения которой принадлежал уже хорошо знакомому читателям И.М. Стешенко, а затем впоследствии в августе Вторая украинская гимназия имени Кирилло-Мефодиевского братства. Таким образом, по большому счету, инициативы периода Февраля 1917 г. во многом были лишь логически доведенных до конца продолжением дореволюционных идей и проектов.

Сто пятьдесят человек «ярких сторонников украинства» для масштабов любого австрийского лагеря для военнопленных цифра совершенно не впечатляющая. Поэтому совместная деятельность малороссийских и галицийских организаций при всем их обоюдном рвении на практике безусловно и давала определённые результаты, но в общем отношении они были крайне невелики и совсем далеки от изначально поставленных задач по организации массового привлечения жителей Малороссии на свою сторону и широкого подъема «самостоятельной возрождающейся нации», идущей на смену «ослабленному и деморализованному великорусскому племени». Идеи чрезмерно радикального разрыва с Россией со стороны СОУ, во многом дискредитировавшего самого себя прямой нескрываемой связью с державами Тройственного союза, по большей части не пользовались большой популярностью даже у большего числа украинофильской интеллигенции и в том числе даже в отношении тех, кто имел вполне себе пораженческие воззрения. Про какие-либо же широкие слои населения здесь говорить уже и не приходится.

Ту же самую картину мы видим на страницах донесений венных агентов, где имеются сведения о результатах допроса военнопленных, бежавших из лагеря в Раштадте. Так, один из военнопленных, малоросс из Полтавской губернии, давал военным агентам следующие показания относительно пропаганды представителей СОУ в Раштадтском лагере: «Он утверждает, что

в Раштадтском лагере из русских военнопленных содержаться исключительно малороссы, числом около 30 000. Австрийские (русинские) лекторы приезжали читать пленным лекции об истории Независимой Украины, о ее прошлой славе и свободе, о Тарасе Бульбе, о казаках и малорусских писателях Гоголе, Короленко, Шевченко. По-видимому, впечатление от самих этих воспоминаний было сильно и взволновало вообще равнодушных слушателей этих лекций. Затем предлагалось военнопленным подписать прокламации а) о независимости от России и б) о союзе с Австро-Венгрией. Допрошенный военнопленный не подтверждает другие свидетельства, что выразившим согласие будто бы выдается германская форма, и они подвергаются обучению. Он утверждает, что около тысячи человек выразило согласие (численные показатели всегда сомнительны)»⁵⁰⁶.

Также среди материалов, поступающих по линии донесений военной агентуры, мы находим еще анализ сведений, поступивших от сбежавших военнопленных из ряда различных лагерей, в том числе и из Раштадта: «Доставленные ими сведения подтверждают германскую пропаганду в лагерях русских военнопленных малороссийского происхождения, а также что в Раштадте (русский лагерь), содержаться исключительно малороссы, числом около 25 000 (по предшествующему свидетельству 30 000; достаточно близкое совпадение в показаниях, принимая во внимание обычную их неточность). Австрийскими авторами читаются лекции о величии и независимости Украины и военнопленным дают подписывать прокламации о независимости и соединении с Австрией. В лагере был отпразднован юбилей украинского патриота Шевченко. 1500 военнопленных были одеты в украинскую форму. Около тысячи человек будто бы подписали прокламацию. О германских попытках военного использования допрошенные не говорят ничего»⁵⁰⁷.

⁵⁰⁶ ГА РФ Ф. 102 Оп. 246 Д. 231 т. 2. Л. 388.

⁵⁰⁷ Там же. Л. 387.

Пропаганда Союза освобождения Украины не принесла должного результата и среди военнопленных-малороссов на флот. Так, в донесении Российского представителя в Константинополе Б.С. Серафимова во Второй политический отдел МИД России о пропаганде представителей украинского движения среди военнопленных отмечается: «Г.Г. Челесский и Баран, предоставившие местным газетам сведения, были приняты, по рекомендации Австрийского посольства Великим визирем и почти всеми министрами, которым сделали соответственные сообщения. Однако, через несколько дней, константинопольская печать перестала заниматься ими и можно было думать, что они покинули столицу. Тем более неожиданным явилось сведения, что названные лица были замечены в Измиде, куда прибыли в сопровождении турецкого генерала. Обратившись к русским военнопленным, они начали заносить в особые списки уроженцев губерний, входящих в состав Украинского государства, а затем образовали из них особую группу, сообщив им, что они не русские, но украинские граждане и посему будут пользоваться особыми преимуществами, а в будущем могут даже быть совсем освобождены из плена.

По сообщению лица, передавшего мне вышеизложенное, почти все наши матросы заявили, что не хотят менять своего подданства, однако, составленные списки изменены не были, и уроженцы южных губерний, а равно и царства Польского продолжают находиться в особых, лучших чем прочие условиях. Помимо сего, всем пленным розданы брошюры революционного содержания. Как удалось установить при посредстве того лица, агитаторы, подобные тем, кои появились в Измиде, ведут пропаганду среди оказавшихся в плену соотечественников наших также в Австрии и в Германии. Принудительное занесение в список «украинцев», особый привилегированный режим, революционная литература – вот система, при посредстве коей австро-германцы надеются образовать из попавших в их пределы русских воинов послушное себе оружие. Сообщая изложенное на случай, если бы отмеченная сторона деятельности наших противников не была

еще известна Вашему Высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что относительно находящихся в Измиде наших военнопленных мною принимаются меры, дабы искусственно создаваемая агитаторами разница в положении уроженцев центральных и южных губерний не была на, столько велика, чтобы влиять на моральное состояние наших соотечественников»⁵⁰⁸. В приведенных сведениях Б.С. Серафимова бросается во внимание то, что большая часть матросов-малороссов, несмотря на создание для них особых специализированных условий, тем не менее не захотели менять своего подданства. Агитационно-пропагандистская работа представителей «Союза освобождения Украины» и здесь снова по большей своей части не приносит соответствующих результатов.

Как мы видим из вышеозначенного приведенного отрывка, представители СОУ активным образом пытались действовать и на территории Османской империи. Действительно, уже начале октября 1914 г. в Константинополь пребывают Ю. Меленевский, а в ноябре Л. Цегельский и Баран. В Турции представители «Союза» должны были создать и подготовить Украинский легион, который по видению австро-венгерских правительственных кругов должен был высадиться вместе с турецкими войсками на Черноморском побережье и поднять повстанческое восстание на Юге Украины. Турция при этом активно поддержала членов СОУ. Османская империя оказалось единственной из враждебных Российской империи держав, которые на официальном уровне открыто поддерживали идею создания независимой Украины. Так, во многом еще до начала открытого объявления Турцией войны, 24 ноября 1914 г. вышла отдельная декларация министра внутренних дел Талаат-Бея, которая в качестве ближайшей необходимой цели огласила необходимость освобождения Украины из-под российского ярма. Декларация Талаат-Бея была опубликована в стамбульских газетах, информация о ней распространялась также на страницах австрийских и

⁵⁰⁸ АВПРИ Фонд ОПО Оп. 474, Д. 18, Л. 4–4об.

европейских изданий, ее передавали также телеграфные агентства⁵⁰⁹. Поэтому «турецкая кампания» «Союза» и создавшиеся для ее реализации условия внешне выглядели на момент 1914 г. достаточно многообещающими с точки зрения тех возможностей, которое могло дать соединение воедино австро-германскими политическими кругами украинской и турецкой карты в их внешнеполитической игре в годы Первой мировой войны. В свою очередь представители ядра СОУ посstepенно начали готовить необходимую почву для формирования «Украинского легиона».

Так, в действительности первый шаг был осуществлен ими заблаговременно, еще до их приезда в Турцию, когда на страницах «Вестника Союза освобождения Украины» когда в 1914 г. было опубликовано воззвание, на страницах которого они призывали турков идти на Россию во имя восстановления старых дружественных турецко-украинских связей (гетманы П. Дорошенко, П. Орлик, Задунайская Сечь)⁵¹⁰. Затем уже в 1915 г. для популяризации в общественно-политическом мнении Турции украинского вопроса представителями СОУ был создан сборник статей «Ukraina, Russia, Turkie» (Украина, Россия, Турция), в состав которого вошли статьи Л. Цегельского «Украина и Турция», М.С. Грушевского «Короткий обзор украинской истории», Ю. Меленевского «Культурная работа украинцев»⁵¹¹, А. Жука «Российская Украина в числах»⁵¹². Также в Стамбуле была опубликована книга М.С. Грушевского «Как жил украинский народ, краткая история Украины» и изданные на турецком и на арабском языках «Малая история Украины» за авторством того же Грушевского и брошюра Л. Цегельского «Не освободительница, а гнобительница народов»⁵¹³. Полным ходом шла подготовка к агитационно-пропагандисткой деятельности среди солдат-

⁵⁰⁹ Вестник СВУ. 1915 № 9–10. С. 17.

⁵¹⁰ Вестник СВУ. 1914 № 2 С. 1–2., 9; 1915. № 9–10. С. 16–17.

⁵¹¹ Вестник СВУ. 1915 № 7–8. С. 17.

⁵¹² Дашкевич Я. Турецко-українські взаємовідносини в першій половині ХХ століття (інформаційні зв'язки) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 16. Львів, 2008. С. 166–167.

⁵¹³ Там же.

малороссов русской армии, которая должна была осуществляться уже не по австро-германским и немецким, а по турецким каналам. Так, было отпечатано 25 тыс. экземпляров брошюры «Солдате-озиришь!» и 50 тыс. экземпляров брошюры, а также букварь для пленных малороссов⁵¹⁴. Печать брошюр частично осуществлялась членами СОУ в типографии грузинского католического монастыря в Стамбуле⁵¹⁵. Брошюра «К солдатам русской армии» сохранилась в фондах Особого политического отдела МИД Российской империи. Так как данная брошюра предназначалась не только для солдат-малороссов, а в целом была рассчитана на ведение агитационно-пропагандистской работы в среде солдат русской императорской армии самых разных национальностей, украинских национально-политических лозунгов мы не встретим, центральное место в ней будут занимать социально-экономические положения, весьма близкие к эсеровским лозунгам, существенное внимание в брошюре уделено также призывам к борьбе «бесправием» негосударственных народов: «Солдат! - думал ли ты за что тебя погнало начальство погибать! Кого ты защищаешь своей кровью? Разве русскому крестьянину дали землю, за которую он боролся в годы революции? Разве народ русский и все другие народы российской империи получили свободу и право самим, по правде, управлять собою? Может быть, рабочий класс России получил давно желанное право иметь свободу организации и свободу забастовок? Ведь это сущая насмешка, когда правительство русское и «истинно-русские люди» черносотенного и либерального покроя кричали, чтобы народ русский сомкнулся вокруг царского трона для защиты России! Кого защищать? - дворянское землевладение? Избирательный закон 3-го июня, накиннутый народу после разгона 2-ой Думы? Все права и привилегии правящих классов? Земских начальников и всемогущество полицейских стражников? Положения об усиленной охрану? Беспечное существование и беспутство господь русских капиталистов? Казнокрадство чиновников? И то,

⁵¹⁴ Вестник СВУ 1915. № 9–10 С. 23.

⁵¹⁵ Дашкевич Я. Указ. соч. С. 167, 172.

что за этим следует: народное бесправие и издевательство над народом, русские тюрьмы и каторги для народных борцов и избранников народа, глумление над пролетариатом, безземелье и голод крестьянский? «...» Солдат, - не защищай же своих врагов дворян и чиновников, и их власть, а спасай себя и угнетенный народ России. Стреляй не в турок или немцев, а в свое начальство. И при первом удобном случае сдавайся!»⁵¹⁶.

В своей агитационной представители СОУ попытались широко развернуть свою агитационно-пропагандистскую работу и среди представителей русской политической эмиграции в Константинополе: «Как ныне выясняется, во главе этой группы находится некий Маркиан Меленевский, еще за несколько дней до нашего разрыва с Турцией прибывший в Константинополь с двумя помощниками и устроивший здесь собрание, на которое пригласил всю нелегальную русскую колонию турецкой столицы. Полагая найти среди этого элемента недовольных богатую почву для борьбы против России, оказанный агитатор изложил пред слушателями программу «Союза освобождения Украины», стараясь сблизить ее с началами социал-демократических и революционных организаций, однако потерпел полную неудачу, как потому, что создание новой конституционной монархии, с одним из германских принцев во главе мало согласуется с основами социалистических учений, так и потому, что, по-видимому, одной из ближайших задач наших социалистов в настоящее время является борьба против немцев и Германии.

Не найдя таким образом, сочувствия с этой стороны, г. Меленевский попытался перенести вопрос из области идейной на практическую почву, предлагая наиболее нуждающимся из наших политических эмигрантов довольно высокую плату за распространение немецко-украинской литературы и работу как среди пленных в Измиде, так и на Кавказском фронте. По дошедшим до меня сведениям, плата эта доходила до 40-60 тур. лир в месяце, не говоря о других преимуществах коими пользуются здесь все работающие

⁵¹⁶ АВПРИ Фонд ОПО. Оп. 474, Дело 21, Л. 69–69 об.

против России лица. Однако и в этом случае попытка Меленевского не увенчалась успехом; желающих не нашлось, и для создания кадра необходимых агентов ему пришлось обратиться в Болгарию, где и удалось завербовать человек 20 изголодавшихся и на все готовых людей. В настоящее время Меленевский имеет уже достаточное количество низших и высших агентов. Он издал здесь несколько прокламаций и азбуку для солдат, а также получил из Австрии множество всяких брошюр, некоторые образцы коих у сего прилагаются. Он постарался сблизиться с черкесами, грузинами и армянами, однако, по-видимому, без большого для себя успеха, а в отношении наших соотечественников продолжает проявлять особенное внимание, причем, как мне кажется, от времени до времени предаёт турецкой полиции наиболее стойких из них»⁵¹⁷. Таким образом, идея создания отдельного украинского региона, восходящая еще к «Славянскому легиону» М. Чайковского времен Крымской войны.

Однако в свою очередь сторонники более умеренной политической линии в среде украинского движения Российской империи также не могли похвастаться значительными успехами. Так, по инерции пытались продолжить культурно-просветительскую работу на территории Российской империи бывшие члены УДРП, однако никаких новых форм работы с населением по большому счету в период Первой мировой войны не было. Так, среди собранных и изъятых у представителей украинских организаций Департаментом полиции Российской империи мы встречаем коллективную петицию, составленную бывшими «старогромадовцами» из состава представителей УСДРП и направленную в «кадетскую» и «социал-демократическую» фракции Думы. В тексте данной петиции крайне наглядным образом проявляется открыто проявившийся кризис легальной работы украинских организаций на общественно-политическом поле в годы Первой мировой войны, который традиционно воплощался в деятельности старшего поколения украинского движения из числа бывших участников

⁵¹⁷ АВПРИ Ф. ОПО. Оп. 474, Д. 18, Л. 6–7.

«Старой громады» и Украинской демократическо-радикальной партии. Деятельность украинского движения в Галиции, таких организаций как Союз освобождения Украины, существенным образом усиливала степень недоверия правительства к малороссийским украинофилам, что закономерно сказывалось на снижении их активности на легальном поле борьбы и вела к еще большему усилению двойственности и неоднозначности их позиции на поле взаимоотношения с властью и общественностью. Во многом вынужденно, только исходя из соображений текущей политической необходимости, открыто выражая поддержку русской армии, подспудно члены украинских организаций, естественным образом, стремились к реализации собственной текущей политической линии. Содержание петиции в этом отношении как нельзя лучше демонстрирует характер политической линии бывших представителей «Старой громады» в годы Первой мировой войны: «Мы, представители 30-миллионного украинского народа в России обращаемся через Ваше посредничество глубокоуважаемый г. депутат к народному представительству всех граждан Российской империи в Государственной думе – от имени целого нашего народа в критическую минуту перелома огромного значения не только для украинского народа, но в минуту, которая будет вообще в судьбе русской нации и русского государства «...» Теперь украинский народ в России приговорён к смерти.

Его просветительно-культурные учреждения («Просвита») закрыт правительством, родное его слово заковано, газеты и журналы приостановлены, украинская национальная мысль преследуется правительством как антигосударственное преступление. уничтожается с корнем украинская «крамола», вообще, ужасное преследование всего того, что «украинское». Чего же больше. Административная власть запрещает автономическим учреждениям т.е. земствам заниматься чисто просветительскими делами (преподавание в школах на родном языке) украинского народа. Значить дело поставлено незаконно, если с одной стороны в интересах русского государства украинский народ должен посылать

миллионы своих сынов, туда на бесконечные поля войны, где запечатлевают верность своему государству реками крови и смертью, а с другой стороны, здесь, в том же государстве, украинский народ не может даже чувствовать себя украинским.

Это невиданное насилие, вызывающее к бунту и отмщению. «...»

Поэтому не только в интересах украинского народа, но также и в наибольшем интересе русского народа и русской нации желаем исполнения следующих требований (постулатов), исполнение которых должно безусловно последовать, как «минимум» того, что действительно должен получить лояльный 30-миллионный украинский народ:

1. Украинский народ в России равноправен с русским народом
2. Свободное пользование украинским языком, как необходимым на Украине, по крайней мере в начальных школах.
3. Свобода украинской прессы и книгопечатания вообще.
4. Свободная деятельность украинских просветительно-культурных обществ (товариществ и читален "Просвиты", кооперативов, земледельческих союзов). (Разумеется, пока в известных ограничениях военного времени, но не в меньших, чем для русских).
5. Вообще государственно-законного установления гарантий культурно-национального развития украинского народа в Русском государстве.

«...» А так как это дело крупного значения для обеих сторон, имеем полную надежду, что Вы, глубокоуважаемый г. депутат изволите немедленно внести на очередь в Государственную думу, где, хочется верить, оно не пройдет бесследно»⁵¹⁸.

Данная петиция была подписана бывшим членом УДРП и депутатом Государственной думы II созыва Чижевским, писателем и этнографом Г. Коваленко, писателем А. Андриевский, которые также являлись активными сторонниками украинского движения в Галиции и Российской империи. В состав подписывавшихся также были включены фамилии

⁵¹⁸ ГА РФ Ф. 102 Оп. 246 Д. 231. Т. 1 Л. 112.

директора полтавского общества «Взаимного кредита» Я. Имшенецкого, директора Полтавского городского музея П. Мощенко, типографа И. Маркевича, что должно было способствовать созданию ощущения того, что петиция была составлена именно от лица всей общественности и гражданского общества Полтавы, и представляет собой единую консолидированную позицию «большинства украинцев», а не отражает лишь политическую позицию узкой группы местной интеллигенции, отстаивающей идею украинской национальной самобытности в своем ограниченном и по большому счету замкнутом кругу.

Радикальное же «самостийническое» направление, настроенное резко негативно по отношению к России, чья враждебность на идейно-смысловом поле все более и более начинала приобретать онтологический и экзистенциальный характер, день ото дня активней поднимало голову, и его политический контур вырисовывался в пространстве русской общественно-политической жизни все отчетливей. Так, по всей видимости, именно со стороны данной обозначенной группы молодых и весьма агрессивно настроенных по отношению к действительности представителей общественной группы украинского движения было отправлено письмо на имя П.Б. Струве от 19 декабря 1914 г. в редакцию журнала «Русская мысль», связанное с обстоятельствами ареста М.С. Грушевского при попытке въезда в Россию, приведенное полностью уже упомянутой в «Записке об украинском движении за 1914–1916 годы ». Содержание его весьма любопытно будет привести на страницах нашего исследования.

Данное письмо практически сразу привлекло внимание Департамента, первоисточник хранится в общем собрании дел, касающихся 1914 г. и полностью соответствует приведенному в «Записке» отрывку. Несмотря на то, что письмо, по большому счету, предназначалось и было составлено в качестве прямой угрозы в адрес П.Б. Струве за то, что его публицистические работы якобы имели причастность к аресту М.С. Грушевского в Киеве в 1914 г. по обвинению в австрофильстве, на страницах письма также можно

наблюдать ряд положений, крайне любопытно отражающих воззрения радикальной прослойки представителей украинских организаций, близких к М.С. Грушевскому: «Ослабленное и глубоко деморализованное сифилитическое великорусское племя Россия никогда не проникнется вашими идеями для проведения в жизнь которых нужны сила, энтузиазм возрождающейся народности, ведь прогрессивной страной стать не может, она идет к упадку, гниет и разлагается «...» Вся эта невиданная мелкая работа, которая так лихорадочно велась на Украине, была подготовкой к решительному шагу. Шла эта работа в невидимом русле и открыто, но не ясно для угнетателей-чужаков. Проповедей мы не читали, программ не создавали, дискуссий избегали. «...» Гнет охраны, нововременская, погодинская и ваша агитация была и есть нам на руку, так как ясно дает понять колеблющимся ту истину, что с великорусами (точнее, москвитами) никакое соглашение невозможно»⁵¹⁹, «Мы знаем, что Россия неминуемо должна быть уничтожена или низведена на степень третьестепенной державы. Гегемония в Восточной Европе должна перейти к Украинскому племени, объединенному и вооруженному условием необходимым для этой великой задачи – собственной державой»⁵²⁰.

Содержание письма при этом, как это было сказано выше, изобилует прямыми угрозами: «А за наше семейное горе и за М.С. Грушевского рассчитаемся с вами на днях. Мышьяк, сами убедитесь – действует верно и даст время для размышлений», не культурой поэтому мы будем бороться с вами, а тем, что наиболее понятно для монгольского черепа москвитов: «апельсинами»⁵²¹. Приведенные отрывки отчетливо отражают нам весь комплекс идеологических воззрений представителей украинских организаций – идейные представления об уходе русского народа с исторической сцены и наступлении новой исторической эры расцвета украинской нации, о

⁵¹⁹ ГАРФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 4

⁵²⁰ Там же. Л.5

⁵²¹ Там же.

необходимости окончательного разрыва с Россией и решительной бескомпромиссной борьбы для создания украинского независимого государства, отсутствие какого-либо пренебрежения перед вооруженными и насильственными методами борьбы, а также публичное тиражирование исторической мифологии о татаро-монгольском происхождении русского народа. Любопытно будет также указать на еще одно обстоятельство - в письме украинофилы напрямую обвиняют П.Б. Струве в сознательной клевете на львовского профессора, однако при аресте и обыске М.С. Грушевского в Киеве 28 ноября 1914 г. у ученого обнаружены фотографические карточки деятелей-украинофилов Николая Гаврилко, Владимира Дорошенко, Николая Зализняка, Теофила Мелена, Владимира Старосельского, Владимира Шухевича Порфирия Буняка, Ивана Джидоры, Андрея Жука, Владимира Винниченко, Дмитрия Донцова, Владимира Левинского, Льва Ганкевича⁵²². Большинство из данных представителей украинского движения являлись последовательными сторонниками поражения России в Первой Мировой войне, а половина из них выступала в качестве прямых организаторов и идеологов «Союза освобождения Украины». Сам «Союз» к концу ноября 1914 г. уже всюду приступил к реализации своей программы по осуществлению политико-пропагандистской работы с целью привлечения новых адептов украинского движения. Весьма сомнительно, что в таком случае М.С. Грушевский, держал данные фотографии у себя без должной на то причины, и учитывая уже известный к тому времени полиции факт активных контактов львовского профессора с членами СОУ в Карпатах и Вене, вряд ли он мог в действительности оставаться далеким от прямого участия в разворачивании деятельности «Союза» на территории Малороссии. М.С. Грушевский, по-видимому, не спешил полностью консолидироваться с «Союзом» и его работой и стремился вести собственную линию, однако, тем не менее, утверждать, что он совсем оставался в стороне от деятельности СОУ, также не приходится.

⁵²² ГАРФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231пр. Л. 112.

Характерно также, что размышления о скором падении России, уходе ее с исторической сцены и наступления эпохи расцвета украинской нации в Восточной Европе подкрепляются у авторов письма не только громкой фразой о текущей силе, политической воле и решительности молодой украинской нации, но и апелляции к истории, в которой явно ощущается след непосредственного влияния концепции украинской истории М.С. Грушевского: «не забывайте, что у нас жива традиция, когда украинцы владели всей Европой, когда перед нами дрожала Византия»⁵²³. Отдельно следует выделить в тексте не только присутствие влияния исторической концепции М.С. Грушевского, но и другой не менее любопытный отрывок, который много может поведать о негласных контактах украинских организаций с представителями иностранных структур: «Но знайте и другим передайте, что национально-политическая гегемония в Западной Европе будет у пруссаков. В Восточной Европе у украинцев, вне Европы у англичан. Эти три великих племени призваны историей свершить Великое дело обновления человечества»⁵²⁴. Характерно, что данный отрывок приводится именно в контексте ареста и деятельности М.С. Грушевского, а также еще любопытен приведенный в нем перечень стран. Весьма показательно, что в нем не упомянута Австрия, а на первый план выводятся Германия и Англия, находящиеся, к слову, на момент написания письма, в прямом военном конфликте между друг другом. Что же касается Германии, с нашей точки зрения, представляется, что ее упоминание в данном отрывке обуславливалось отнюдь не только тем, что немецкая военная машина играла решающую роль в блоке «Тройственного союза», но и уже явно и оформившейся к этому времени прямой связью украинских организаций Малороссии, и в частности, самого М.С. Грушевского с пангерманскими сообществами.

Вопрос о развитии и формировании устойчивой тенденции взаимных контактов представителей украинских организаций Российской империи с

⁵²³ ГАРФ Ф. 102 Оп. 245 Д. 231. Л. 5.

⁵²⁴ Там же.

представителями иностранных политических и культурных объединений на рубеже XIX–XX вв. вступает в новый качественный этап своего развития с началом Первой Мировой войны. К началу XX в. можно уже было выделить несколько вполне конкретных исторически сложившихся устойчивых традиций, контактов и связей украинского национального движения с иностранными объединениями на общественно-политическом поле. Кратко осветить историю складывания взаимодействия представителей украинских политических и культурных организаций с конкретными национально-политическими силами народов Запада мы обязаны в данном исследовании для того, чтобы отчетливо понимать в каком состоянии пребывало данное взаимодействие к началу Первой мировой войны. Отдельные штрихи данного процесса были освещены нами в предыдущих главах. Однако в результате резкого выхода всей сложности проблематики взаимодействия украинских организаций Российской империи с заграничными общественно-политическими движениями на качественно иной уровень с началом Первой мировой войны охарактеризовать подробнее состояние дел с влиянием иностранных общественно-политических сил нам представляется далеко не избыточным. Традиционно хронологически первенство во взаимодействии с представителями украинских объединений принадлежало польскому национальному движению.

Однако нам представляется, что не всегда достаточно отчетливо на страницах исторических исследований оказывается внимание проблеме взаимосвязи украинских политических и культурных организаций с германскими кругами. Вопрос о взаимодействии общественно-политических кругов Германии, многочисленных пангерманских организаций отдельных мыслителей и публицистов в контексте их взаимосвязи с деятельностью малороссийских украинофильских организаций, таких деятелей-украинофилов, как М.С. Грушевский, а также других представителей украинских организаций, еще требует более детального и пристального внимания исследователей. Так или иначе, можно вполне отчетливо отметить,

что в годы Первой мировой войны аспект немецкого внешнеполитического фактора в политическом развитии все более отчетливо становился значимой составляющей складывания единого исторического процесса конструирования украинской национальной идентичности, играя безусловно не первую, но тем менее крайне значимую роль. Данное обоюдное движение ко взаимной конвергенции было закономерно обусловлено и вытекало, из нескольких факторов. На одной чаше весов имел место усиленный поиск представителями украинских политических организаций каналов для выхода и самопрезентации в публичном общественно-политическом пространстве Европы, а также необходимости усиления собственного сравнительно небольшого, по меркам масштаба общероссийских партий, административного и политического ресурса, прибегая к помощи внешних сил.

С другой стороны, имела место крайне высокая степень заинтересованности ресурсной и торгово-экономической базой украинского региона со стороны пангерманских организаций о чем более подробно будет сказано далее. На данной почве развернулось весьма интенсивное взаимодействие между представителями пангерманских и украинских политических и культурных организаций в годы Первой мировой войны, однако для того чтобы перейти непосредственно к анализу данного взаимодействия, для понимания сути и специфики происходящих событий крайне необходимым представляется дать более детальный анализ того, каким образом на концептуальном уровне складывалось представление о том, какую роль непосредственно сама Украина будет занимать в грядущем стратегическом внешнеполитическом противостоянии Германии и России за территории Восточной Европы. Отметим, что само используемое в данной части исследования наименование региона «Украина» в отношении малороссийских и новороссийских губерний Российской империи совсем не является определенной сознательно допущенной модернизацией истории России начала XX в. При освещении данной проблематики использование

понятия «Украина» нам представляется наиболее уместным, так как оно практически повсеместно встречается на страницах пангерманской публицистики предвоенного периода и периода войны. Само использование данного понятия на первом плане уже является характерным маркером существования весьма высокой степени интенсивности контактов между украинофилами, также не менее показательным становится то, что границы «Украины» уже отчетливо приводятся именно в соответствии с представлениями самих участников украинского движения. Каким образом в таком случае складывалось мировоззрение представителей пангерманских кругов на базе которого выстраивались дальнейшие взаимные контакты с украинским движением? Более того, рассмотрение взглядов представителей общественно-политического направления пангерманизма будет для нас крайне важно и необходимо, так как оно будет отражать в первую очередь конкретный практико-политический аспект деятельности политических кругов Германии, иницирующим украинским национальным движением Российской империи. Как отмечал К.Н. Цимбаев, влияние сторонников пангерманизма на общественное мнение Германии в предвоенные годы было столь велико, что в общественном мнении это приводило к ощущению того, как отмечала немецкая пресса, что «Ревентлов, Рорбах и еще некоторые империалистически-политические "эксперты", собственно, и управляют Германией»⁵²⁵.

Следует отметить, что отдельные соображения касательно присоединения Украины с ее богатыми и плодородными землями начали возникать в планах отдельных представителей немецких элит уже со второй половины XVIII в.⁵²⁶ Как отметил в годы Первой мировой войны на страницах своих историко-публицистических работ посвященным внешнеполитическим

⁵²⁵ Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX В. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. №1. С. 42–63.

⁵²⁶ Кулинич И. М. Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914-1918 гг.// «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 140.

планам Германии будущий посол СССР в Великобритании И.М Майский, еще прусский император Фридрих II в своей «Истории моего времени» считал Малороссию богатым и привлекательным для немецких интересов регионом Российской империи.⁵²⁷ Отдельные соображения и вынашивались представителями германской элиты на протяжении всей второй половины XIX в., соображения касательно Украины озвучивались в правительственных кругах Германии и во время Крымской войны 1853-1856 гг., после Франко-прусской войны 1870-1871 гг. и в годы канцлерства Бисмарка⁵²⁸. Так, к примеру, на страницах своих «Мыслей и воспоминаний» Отто фон Бисмарк отмечает, что в качестве активных поборников идеи отделения Малороссии, Польши, Остзейских губерний и расчленения, таким образом, территориального единства России в середине XIX века в Пруссии выступала группа представителей общественно-политической мысли национал-либерального направления, концентрирующаяся вокруг Августа Бетман-Гольвега и журнала «Прусский еженедельник для обсуждения политически злободневных вопросов». Согласно Бисмарку, так называемая группа «Еженедельника» выступая в качестве активных сторонников взаимного сближения английских и прусских интересов на фоне Крымской войны, трактовала вопрос об отторжении от России территории Малороссии как единственную возможность сдержать неизбежно надвигающееся преобладание ста миллионов русских в Европе⁵²⁹.

Вполне закономерно уже в полном соответствии со сложившейся к этому времени традицией европейской публицистической риторики XIX века прямые призывы группы «Еженедельника» к овладению территориями Российской империи сопровождались прямыми апелляциями к знаменитой исторической мистификации западноевропейской политической

⁵²⁷ Майский В. Германия и война М., 1916, С. 26; Он же. от Пруссии к Средней Европе. Пг., 1918, С. 26.

⁵²⁸ Кулинич И.М. Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914-1918 гг. С. 140.

⁵²⁹ Бисмарк О. Мысли и воспоминания: в 3-х т. М., 1940-1941. Т. 1 С. 79.

публицистики – «Завещанию Петра Великого», фальсифицированным с политическими целями подложным завещанием содержащим тайные внешнеполитические планы Петра I, копия которых якобы была обнаружена политическим авантюристом Шевалье д'Эоном в секретных архивах Елизаветы Петровны в 1757 г. Авторство «тайного договора» окончательно не установлено исследователями и вызывает широкую дискуссию в профессиональной среде⁵³⁰.

Впервые первоначальный вариант данного текста появляется в 1812 г. перед началом наполеоновского нашествия на Россию на страницах работы состоящего на службе в Министерстве иностранных дел Франции историка Ш. Луи Луизюра под названием «О возрастании русского могущества», затем текст был дополнен, и уже «канонический» вариант впервые возник на страницах работы Ф. Гайарде с самого его начала и до XIX столетия»⁵³¹, содержание 14 пунктов которых призывало к открытому призыву к ведению постоянных завоевательных войн в Европе с целью укрепления военной и экономической мощи России. Прочие пункты толкуют о последовательности осуществления «захватов»: сначала Россия утверждает свое влияние в германских государствах, при всяком удобном случае вмешиваясь в их внутренние дела; затем наступает черед Польши, где надлежало поддерживать «смуты и постоянные раздоры, оказывать влияние на выборы короля»⁵³². Политика России в Швеции должна была «искусно вызывать с ее стороны нападение, дабы иметь предлог к ее покорению»⁵³³. На юге следовало передвигать границы вдоль Черного моря в сторону Константинополя и в сторону Индии; «обладающий ими будет обладателем мира». С Англией лучше поддерживать союз и прочные торговые контакты, ибо англичане «приучат нас к торговле и мореплаванию». Австрию надо соблазнять

⁵³⁰ Subtelny O. «Peter I's Testament»: A Reassessment // *Slavic Review*. Vol. 33. No. 4. P. 663–664.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Павленко Н.И. Три так называемых завещания Петра I. // *Вопросы истории*. 1979. № 2. С. 143.

⁵³³ Там же.

возможностью установления ею господства над Германией, а также изгнания турок из Европы и в то же время «втайне возбуждать против нее недоброжелательство в государях»⁵³⁴. Важное значение придавалось матримониальным связям, с помощью которых Россия также проникнет в Германию. Что касается других соседей, то в борьбе с ними Россия использует православных, населявших земли, подвластные венграм, туркам и полякам. «Когда Швеция будет раздроблена, Персия побеждена, Польша покорена, Турция завоевана... тогда надлежит под великою тайной предложить сперва Версальскому двору, а потом и Венскому, разделить власть над Вселенной»⁵³⁵. Как только они примут его предложение, следует столкнуть их друг с другом и терпеливо ждать гибели одного из них. Ослабленного победителя Россия сможет одолеть сама, ибо к тому времени она «будет обладать всем Востоком и большей частью Европы»⁵³⁶. А если Австрия и Франция останутся глухими к предложению о дележе мира или России не удастся столкнуть их друг с другом, то рекомендуется выждать благоприятного момента, чтобы под прикрытием Черноморского и Балтийского флотов двинуть «азиатские орды» на Францию и Германию. А в свою очередь в 1887 г. первый секретарь посольства Германии в Санкт-Петербурге будущий рейхсканцлер Бернгард фон Бюлов отметил «Мы должны на несколько лет вперед разрушить экономические отношения России путем опустошения ее черноморских губерний Нам необходимо наконец отрезать Россию от обоих ее морей и – Балтийского и Черного, на которых базируется мировое могущество»⁵³⁷.

Своеобразной точкой отчёта, когда впервые на страницах немецкой публицистики зазвучал тезис об отторжении Малороссии и необходимости создании буферного прогерманского государства полукOLONиального типа, стал выход на страницах журнала «Die Gegenwart» в 1888 г. получившей

⁵³⁴ Павленко Н.И. Три так называемых завещания Петра I. // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 143.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Там же.

⁵³⁷ Кулінич І.М. Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914) pp. К. 1963, С. 53.

широкий резонанс статья известного философа Эдуарда фон Гартмана под названием «Россия и Европа». Гартман изложил свое концептуальное стратегическое видение германского политического и культурного освоения территорий Восточной Европы и, в частности, ряда территорий восточных губерний Российской империи: «Финляндия была бы отдана Швеции, Бессарабия - Румынии, Эстляндия, Лифляндия и Курляндия вместе с Ковенской и Виленской губерниями преобразованы бы в самостоятельное Балтийское королевство, а речная область Днепра и Прута - в королевство Киевское. Швеция и Балтийское королевство получили бы гарантию их существования от Германии, а Румыния и королевство Киевское - от Австрии и вступили бы с этими государствами в военный союз, при котором их армии были бы в случае войны подчинены командованию стран-гарантов. В Польше снова вступили бы в силу права собственности раздела 1795 г. с использованием стратегически целесообразных границ. На Балканском полуострове у Австрии были бы развязаны руки»⁵³⁸. Таким образом, центральную роль в экспансионистских внешнеполитических проектах Гартмана занимали два подчиненных внешнему управлению квазигосударства - Балтийское и Киевское королевство. Российская империя при этом естественным образом должна была быть урезанной, а в свою очередь на востоке граница этих подконтрольных германскому влиянию квазиобразований должна была пройти по линии Витебск-Днепр-Саратов-Волга-Астрахань⁵³⁹. Таким образом, Малороссия традиционно виделась пангерманскими общественно-политическими деятелями не только как привлекательный стратегический ресурсный и географический центр, но и как средство лишения Российской империи ее политического и экономического потенциала.

⁵³⁸ *Иерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1948 С. 541.

⁵³⁹ *Кулінич І. М.* Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914) pp. С. 52.

Весьма показательно стала высокая степень внимания и интереса представителей украинских организаций к данной статье. Так, известный галицийский униатский писатель и священник-украинофил Осип Барвинский в своих воспоминаниях отмечал: «Разыскание Э. Гартмана вызывала большую встряску в России, а российские журналы в упорной перепалке с выводами Э. Гартмана подавали значительные выемки с этого разыскания и мимоходом сделали на Украине для идеи, поднятой Э. Гартманом большую пропаганду в пользу Австро-Венгрии и вызывали в некоторых кружках в России настоящее австрофильство»⁵⁴⁰. Для О. Барвинского как для представителя украинского движения Галиции важно, и он это крайне удачно для нас подмечает, что статья Э. Гартмана нашла свой отклик в первую очередь среди украинофилов Российской империи, и, что не менее важно, она не просто вызвала единовременную вспышку интереса, спровоцировав некое временное политическое брожение, но и усиленным образом способствовала именно развитию идейной популярности проавстрийского политического вектора в среде украинских организаций Малороссии.

Это наглядно показывает то, как украинское движение Российской империи плотно было интегрировано в среду русской общественной жизни, данная среда являлась для нее, несмотря на все стремления к автономизму, органичной и естественной. Сведения были взяты не из галицких журналов, которые на тот момент представителями украинских политических и культурных организаций Российской империи практически не читали. На момент данного исторического отрезка украинские политические и культурные организации Малороссии и Галиции все еще не представляли из себя чего-то стройного организационно и политического целого, в своей общественной жизни оба этих движения по большей части сохраняли характер провинциальных общественно-политических объединений больше имевших локальный характер и остававшихся по большей части явлениями производными от политической жизни государственного и культурного

⁵⁴⁰ *Барвінський О.* Спомини с мого життя т. 2. Нью-Йорк, К., 2009 С. 112.

центра, а не от собственной самостоятельной политической повестки, отсюда абсолютно закономерно вытекала ориентация галицийского и малороссийского украинского движения на разные военно-политические блоки в ходе военной кампании Первой мировой войны, украинофилы Малороссии и Галиции с разных мировоззренческих позиций подходили к войне, ее целям и задачам, по разному видели свою роль в ней. Реального взаимного объединения украинского движения Галиции и Российской империи в военные годы так и не состоялось, весьма наглядно это покажет следующий исторический этап Гражданской войны, когда при всем своим взаимном тяготении тем не менее ЗУНР и УНР окажутся разными политическими объединениями.

В рамках данного примера для нас важно отметить, что интерес малороссийских украинофилов к германской политике уже на период конца XIX в. был вполне очерчен и при этом активно подогревался, рождая при этом порой весьма фантастические и даже комические сюжеты. Так, на страницах своих воспоминаний Осип Барвинский напишет «в этих стремлениях князь Бисмарк наткнулся на украинский народ, что заселяет большие области северо-западной России, а разглядевши его прошлое, подав Берлинскому философу, мысль об историко-политическом разыскании об украинском народе»⁵⁴¹. Безусловно, сообщаемые О. Барвинским сведения следует охарактеризовать как крайне далекие от реальной действительности, фактически можно констатировать, что Барвинский просто для привлечения внимания к украинскому национальному движению и усиления значимости проблематики использовал фигуру Бисмарка, выведя ее при этом в политическом отношении достаточно неестественно. Политическая линия Бисмарка представляется крайне сложной, прямое отождествление воззрений Бисмарка на внешнюю политику с воззрениями представителей «Пангерманского союза» неверным.

⁵⁴¹ *Барвінський О.* Спомини с мого життя. С. 112.

Однако сама попытка представить Бисмарка в качестве прямого инициатора германо-украинского сближения наглядно демонстрирует то, какие надежды украинское движение возлагало на внешнеполитическую поддержку. Еще более характерен в этом отношении следующий эпизод «Воспоминаний» Барвинского: «Когда во время другого моего пребывания в Киеве в феврале 1888 г. в доме Конисского в один день встретился с несколькими украинцами, которые проявили большой интерес к вопросу восстановления киевского княжества, обратился ко мне профессор П. Житецкий со словами «скажите вашему кайзеру, когда он к нам придет?»»⁵⁴². В другом отрывке своих воспоминаний Барвинский отмечает. «Когда же мы разговаривали на эту тему предрекаемой в политических кругах оружейного конфликта между Австро-Венгрией и Россией и возможности входа австрийской армии на границе российского государства, Антонович заявил мне, что украинское население не собирается браться за топоры и русскую секиру против австрийской армии и отнеслась бы к ней дружелюбно»⁵⁴³. Показательно, что в последней четверти XIX в. сама идея перехода под внешнее управление с целью формального признания наличия отдельной государственности не вызывали у ряда представителей украинского движения Российской империи какого-либо активного отторжения или прений, а напротив, была воспринята с большой степенью интереса и участия. Формально признанная государственность, полученная в обмен на необходимость закрытия глаз на ее полную несамостоятельность и бессубъектность, оказалась для ряда представителей украинских организаций более приемлемым сценарием политического развития, чем возможность обретения действительной политической самостоятельности, которая, безусловно, в реальном политическом аспекте могла состояться только в условиях долговременной исторической перспективы, требующей большого количество интеллектуальных и волевых усилий, но в то же время только

⁵⁴² Барвінський О. Спомини с мого життя. С. 112

⁵⁴³ Там же. С. 395.

являющейся единственной настоящей возможностью обретения полнокровной национальной идентичности и политической субъектности, о которой так много писали на страницах публицистической печати и периодики представители украинского движения. Однако на протяжении всего периода развития украинского движения данная позиция прочно была укорена в среде представителей украинских культурных и политических организаций, и надежды на немецкую линию, в особенности в последней четверти XIX в., возлагались весьма значительные.

Был ли в таком случае пангерманскими общественно-политическими деятелями предложен какой-либо конкретный политический проект, частью которого предложено стать представителям украинского движения? В какую социально-политическую систему украинофилам предлагалось войти и какого было в таком случае будущее Украины в масштабных исторических коллизиях зарождающегося «Короткого XX века»? В данную эпоху идеи о необходимости постепенного вовлечения малороссийских и новороссийских губерний Российской империи в зону германских интересов все более отчетливо начинают занимать значимое место на страницах публицистики и периодических изданий. Та внешнеполитическая тенденция, которая впоследствии уже на протяжении XX в. в массовом сознании стала олицетворена расхожим понятием «*Drang nach Osten*», порой достаточно стереотипизированных и идеологизированных формах, в реальных исторических формах тем не менее существовала уже с VIII–IX в. независимо от тех или иных умозрительных интеллектуальных конструкций и периодически становилась одним из ключевых факторов общеевропейской истории. То, что на страницах публицистики весьма удачное определение для данной тенденции в ходе революции 1848–1849 смог найти польский литератор Юлиан Клачко, вовсе не означает, что «*Drang nach Osten*» как исторический феномен не существовал до этого на протяжении предшествующих периодов истории. В начале XX в. по мере роста внешнеполитических амбиций единого централизованного общегерманского

государства, развития его экономического потенциала, промышленной базы, стремления к пересмотру зон политико-экономического и колониального влияния в мире, пангерманские притязания в отношении Восточной Европы все в более острых, конкретных формах и все более в открытом наступательном характере возникали на страницах политико-экономических трудов и публицистических произведений. Какая роль отводилась европейскому востоку при условии гипотетической успешной реализации пангерманских проектов идейно близких упомянутой выше линии «Drang nach Osten»?

В годы Первой мировой войны и в предшествующее десятилетие умами публицистов и общественно-политических деятелей пангерманского направления овладела концепция так называемой «Срединной Европы» (Mitteleuropa). Само представление о «Срединной Европе» возникло в годы «Весны народов» в 1848 г. Появлению данного и разработкой данного термина германская общественно-политическая мысль обязана таким немецким мыслителям, философам и экономистам получившим название национально-либерального направления как Карл Людвиг фон Брюк, Лоренц фон Штайн, Фридрих Лист⁵⁴⁴. Данные мыслители в середине XIX в. разрабатывали концепт «Срединной Европы» в формате торгово-экономическую конфедерации с соседними от Пруссии державами необходимой экономической победы над Францией, Англией и Россией. Однако на период рубежа XIX-XX в. концепция «Срединной Европы» переходит на новый этап, в политический проект начинает вкладываться совершенно иное содержание, привнесенное литераторами и мыслителями пангерманского направления.

Так, уже совершенно новое понимание «Срединной Европы» на страницах своих работ представил географ, этнограф и политический публицист Фридрих Ратцель. В центре внимания научных изысканий Ратцеля находились политическая и этническая география, сам Ратцель, всегда

⁵⁴⁴Klaus D., Atkinson D. Geopolitical Traditions: Critical Histories of a Century of Geopolitical Thought Routledge. London, New York., 2000. P 41.

стремился вложить в свои географические и этнографические исследования глубокое философско-политическое содержание, а логике своих рассуждений придать концептуальный характер. Не случайно Ф. Ратцеля заслужено считают основателем такой раздела политической философии как геополитика⁵⁴⁵. Данное понятие было впервые введено шведским политологом Рудольфом Челленом в 1897 г. в его работе «Политическая география», однако ключевые идеи Челлен развивал во многом, отталкиваясь от идейных разработок Ратцеля. На страницах своих исследований Ратцель ставил процессы общественного развития в зависимость от природных условий, и в первую очередь географических особенностей, которые заранее определяли способность народа к устойчивому культурному развитию. Согласно его теории «культурных кругов», получившие в силу более удачно сложившихся обстоятельств в виде географических особенностей преимущество более развитые народы при контакте с народами, находящимися на более низкой ступени развития как бы захватывали их в зону своего влияния, «культурного круга» и таким образом, экспортировали ускорение цивилизационное развитие на народы, создавая таким образом целый собственный ареал культурно-политического влияния. «Срединная Европа» фактически и являлась таким «культурным кругом», в зону влияния которого попадали все регионы, которые были способны интегрировать в свой состав германская военная и политическая система. Что особенно характерно, восточные границы «Срединной Европы» сам Фридрих Ратцель оставлял неопределёнными, подчеркивая, что «возможность их дальнейшего расширения имеет огромное значение для будущего политико-экономического развития Германии»⁵⁴⁶.

Таким образом, Ратцель не замыкал понятие «Срединной Европы» исключительно на регионе центральной Европы, относя к нему в том числе Западную и Восточную Европу, придавая термину «Срединной Европы» уже

⁵⁴⁵ Завадьё А. Ратцель Ф. // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1960–1970. С. 134.

⁵⁴⁶ Ratzel F. Deutschland: Einführung in Die Heimatkunde. Leipzig, 1898. S 7–8.

вполне себе экспансионистское звучание. Далее идея «Срединной Европы» по мере активного приближения к периоду Первой мировой войны все больше принимала радикально-экспансионистский характер, и по мере данной трансформации роль и значение украинского региона и украинского движения в ней стремительно возрастали.

Так, следующим, кто внес свой весомый вклад в дальнейшее развитие пангерманской концепции освоения Восточной Европы стал председатель Пангерманского союза Эрнст Хассе, который в 1895 г. под псевдонимом «пангерманец» издал свою брошюру под названием «Великая Германия и Срединная Европа в 1950 г». Хассе в своей работе отмечает, что «общий контур будущей новой, находящейся в сфере германского влияния Европы необходимо создать на экономическом фундаменте Великогерманского таможенного союза»⁵⁴⁷. В состав Великогерманской федерации во главе с императором должны были войти Германия, Австро-Венгрия, Голландия, Бельгия, немецкая Швейцария, Люксембург, прибалтийские губернии России, Польша, Малороссия⁵⁴⁸. Что касается народов, вошедших в орбиту германских интересов, в том числе малороссов, Хассе отмечал, что «без сомнения немцы не в одиночку заселят образовавшуюся таким образом Германскую империю; но в одиночку они будут править; в одиночку они будут пользоваться политическими правами, в одиночку они смогут служить на флоте и приобрести землю. Тогда они, как и в Средние века почувствуют себя народом мастеров, однако они будут снисходительно относиться к тому, чтобы низший труд выполняли чужаки, подчиненные их власти»⁵⁴⁹. Сами территориальные границы Срединной Европы Эрнст Хассе мыслил от Гамбурга до Константинополя с гаванями в Балтийском и Северном морях. В тексте брошюры «пангерманца» «Срединная Европа» уже становилась не слабо очерченными торгово-экономическим и культурным объединением, а вполне

⁵⁴⁷ *Науман Ф.* Срединная Европа (Mittleuropa). Петроград. 1918. С. 53.

⁵⁴⁸ *Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950 von einem Alideutschen.* S. 48.

⁵⁴⁹ Там же.

конкретной политической стратегией, предполагающей экономическую эксплуатацию подконтрольных влиянию регионов.

Немалый вклад в развитие политического концепта «Срединной Европы» вложил также пангерманский публицист и политический деятель Фридрих Науман. Для Наумана недостаточно было простого вхождения европейских территорий в сферу культурного и экономического влияния Германии – он отстаивал необходимость создания на базе близлежащих к единому общегерманскому государству держав единого централизованного экономического пространства, в ходе интеграции которого неизбежно произойдет и формирование нового типа человека – «срединноевропейца». По Науману в рамках нового предполагаемого политико-экономического союза, неизбежно должного возникнуть в случае дальнейшего военно-политического и экономического расширения зоны германского влияния, на основе взаимных контактов и прогерманского идеологического вектора также закономерно должна возникнуть новая наднациональная социальная общность. Конкретный социально-культурный портрет данного «срединноевропейца» оказывался у Наумана весьма размытым, однако можно отметить, что это социально-психологическая модель человека, мировоззрение и мышление которого по большей части формировалось в поле влияния германской культуры. Как писал сам Фридрих Науман о «срединноевропейце»: «вокруг германства зарождается культура срединной Европы и зарождается новый тип человека, который является чем-то средним между французом, итальянцем, русским, скандинавом, османом и англичанином»⁵⁵⁰. Безусловно, данный проект новой социально-культурной общности мог отталкиваться лишь от конкретного социально-экономического фундамента на основе дифференциации производства и разделения труда между народами, слияние банков, страховых обществ, международные рабочие организации, а также создание военно-оборонительного союза с целью защиты экономических

⁵⁵⁰ Науман Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). С. 55.

интересов надгосударственного срединноевропейского объединения⁵⁵¹. Дифференциация труда между различными народами станет одним из основополагающих узловых пунктов идеи будущей «Срединной Европы», будет крайне важна нам для понимания растущего интереса пангерманизма к территориям малороссийских и новороссийских губерний Российской империи и к деятельности украинофилов.

По мере роста милитаризации и экономического развития Германии предвоенных лет перечень территорий, которым в рамках новой немецкой Европы был предуготован данный политический сценарий, пополнялся все новыми наименованиями. В трудах пангерманских мыслителей все более явно начинает проступать мысль о том, что немцы наконец должны занять положение мирового народа. Науман в своей работе отмечал: «Нас интересует вопрос – и это наш интернациональный вопрос – будет ли Срединная Европа в состоянии развиться в такой мировой экономической организм на государственном уровне»⁵⁵². Эрнст Йек писал о «Срединной Европе от Нордкапа до Персидского залива»⁵⁵³. Малороссийским и новороссийским губерниям Российской империи в этой новой конструируемой пангерманской политической реальности отводилась весьма нетривиальная роль. Следует отметить, что Прибалтика и Украина вообще являлись узловыми территориальными единицами в работах мыслителей. Этому способствовало не только стратегическое расположение данных регионов, но и в какой-то степени определялось даже социальным портретом публицистов. Так, многие из них имели остзейское происхождение и имели весьма подробное представление о России, к примеру в данном ряду можно назвать таких ведущих пангерманских интеллектуалов, которые считались «специалистами по России», как Теодор Шиман и Пауль Рорбах, оба из которых были знатоками русского языка, Рорбах к примеру, учился в Дерптском

⁵⁵¹ Науман Ф. Срединная Европа (Mitteleuropa). С. 84.

⁵⁵² Там же. С. 101.

⁵⁵³ Jack E. Mitteleuropa als organismus // Deutsche Politik 1916 Heft 6. S. 1065.

университете. В среде остзейских немцев идеи славяно-германского противостояния действительно получили и имели большую популярность. Таким образом, интерес к территории Малороссии в пангерманской среде приобретал крайне существенное значение. В чем же конкретно пангерманские круги рассматривали значимость малороссийских губерний их в контексте их представлений о будущем развитии и процветании немецкого народа?

В первую очередь в отношении стратегическом Малороссия рассматривалась как угольная ресурсно-сырьевая база, которую необходимо было лишить Российской империи в годы Первой мировой войны, во вторую очередь она была необходима как береговая линия, позволяющая осуществлять широкий торгово-экономический оборот через систему портов на Черном море. Безусловно, центральным в данном перечислении будет является фактор угольной промышленности. Донецкий угольный бассейн являлся центральной ресурсной базой Российской империи, объем добычи угля в Российской империи возросла от 45 % в 1884 г. до 70 % в 1913 г. от всей добычи угля в России⁵⁵⁴. В случае взятия под контроль Левобережья большая часть железнодорожного транспорта, базы тяжелой промышленности Российской империи оказалось бы парализована, что автоматически ставило бы Россию в крайне тяжелое положение, лишая ее рычагов и возможности для результативного противостояния «натиску на восток». Как отмечал Пауль Рорбах: «Без Украины Россия перестает быть Россией – она лишается угля, железа, хлеба, портов. Если кто хочет победить Россию, куда он должен маршировать? На Петербург? Но царская корона и вера народа не Петербурге, они – в Москве, значит, Россию можно будет смертельно ранить в Москве? Если кто-либо туда дойдет, то можно! Но Киев расположен намного западнее от Москвы, а кто владеет Киевом, тот также обладает и побережьем, и портами Черного моря. Без украинского угля прекратиться движение на железных

⁵⁵⁴ *Петров И.М.* Угольная промышленность России до революции 1917 года. //Горная Промышленность, М., №5. С. 8–32.

дорогах, без нее железной руды не будет, с чего ковать плуги, отливать пушки, без украинского хлеба остальная Россия не будет иметь достаточно питания, потому что центр и севере производят меньше продуктов, чем потребляют их. Кто владеет Киевом, тот победит Россию»⁵⁵⁵.

Во-вторых, территории Малороссии и Новороссии рассматривались как крупный центр колонизации с плодородными черноземными почвами. Так, в начале Первой мировой войны Президиум пангерманского союза на своем заседании 28 августа 1914 г. постановил взять руководство движением за завоеванием чужих территорий в свои руки и такие выдвинула следующие цели войны: «1) Уничтожение морского владычества Англии; аннексия французских железнорудниковых бассейнов Лонгви и Брие и перенесение немецкой границы западнее Бельфора, Гуля, Вердена и реки Соммы 3) Аннексия Бельгии 4) передел колоний 5) расчленение России на части и захват ее больших территорий – Польши Литвы, Белоруссии, прибалтийских губерний, Украины для поселения на них немецких колонистов». Все захваченные Германией территории должны быть «очищены от людей», потому что Германии нужны свободные территории»⁵⁵⁶. Что же касается малороссийского населения, проживающего на данных территориях – в случае положительного исхода ему уготована была роль пассивных наблюдателей, более того, в перспективе малороссийские и новороссийские территории рассматривались представителями пангерманской мысли как земли, освоение которых подразумевало смену автохтонного населения за счет переселенцев-колонистов. При этом большая часть населения малороссийских и новороссийских губерний фактически оказывалась не нужна. Так активный сторонник германизации славянских народов профессор теологии Пауль де Лагард-Беттихер в 1914 г напишет: «хотя бы из чувства долга немцы должны были помочь украинцам полякам чехам сербам исчезнуть с лица Европы»⁵⁵⁷.

⁵⁵⁵ Кулінич І. М. Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914) рр. С. 147.

⁵⁵⁶ Молок А.И. Немецкий военный разбой в Европе. Л., 1945. С. 79.

⁵⁵⁷ Там же.

И наконец, третий фактор, который был рассчитан на длительную временную перспективу - Украина рассматривалась как плацдарм, с которого будет дано начало процессу распространения Германией своего военно-политического и экономического влияния на страны Ближнего, Центрального Востока и Индии. Так, известный теоретик пангерманского движения Генрих Шупп представил свой устный доклад под названием «Украина – мост до восточных стран» в Лейпциге на одной из площадок для сбора сторонников пангерманской мысли, к которому в качестве дополнительного приложения подготовил даже специальные схемы торговых путей и географические карты, созданные с целью специально подчеркнуть присутствующим стратегическое и экономическое значение Украины для завоевания Кавказа, Турции, Персии, Афганистана и Индии ⁵⁵⁸. В представлениях Шуппа именно Украина оказывалась местом, куда «идут кратчайшие пути к восточным странам» и пути в новую германскую Индию. Шупп также отмечал: «на этом пути на пути в Индию ждут немцев такие же народы что, вздыхая, тоскуют за этим днем своего освобождения при помощи великих действий немецкого оружия как поляки, украинцы, турки, татары, грузины и северно-персидские племена»⁵⁵⁹.

Таким образом, на страницах публицистической и периодической печати пангерманских общественных организаций стратегическая значимость Украины рассматривалась с трех аспектов: как масштабная база добычи угля, зерна и торговли на Черном без море, без которых Российская империя обречена будет терпеть поражение в войне и не сможет существовать как империя; как территория плодородных сельскохозяйственных земель, предназначенные для колонизации; и как плацдарм для германского экономического и политического освоения Кавказа, Турции, Персии и Индии. Руководствуясь в своей деятельности вышеуказанным перечнем приведённых целей, представители пангерманской мысли постепенно смогли прийти к идее использования стремления украинского движения к автономизму с целью

⁵⁵⁸ Вестник СВУ. 9 апреля 1916.

⁵⁵⁹ Там же.

реализации собственных интересов. На страницах публицистики данная идея высказывалась на протяжении всего начала XX в. Так, на страницах советской работы П. Рорбах формулировал, что «русская громада в 170 миллионов человек должна быть во всяком случае сокращен, а способность нападения на срединную Европу ограничена. И это не представляет внутренних трудностей, так как на Западе и на юге современной России живут нерусские народы, которые будут только довольны отделением от империи»⁵⁶⁰. В 1910 г. появились статьи журналиста Раковского, в которых приводились факты об использовании представителей украинского движения германскими общественно-политическими кругами⁵⁶¹. В 1911 г. на страницах польского издания «Дзеньник кийовски» было отмечено, что немецкие общественно-политические круги напрямую рассматривают территорию Южной Руси как зону своего влияния, которая их интересует, в первую очередь, своими богатыми и плодородными черноземными землями, поэтому им и крайне выгодно разжигать польско-украинское противостояние, таким образом заметно усиливая фактор своего влияния в данном регионе⁵⁶². Далее на страницах издания был дан следующий развернутый комментарий: «это, конечно, облегчило бы им сначала экономический, а затем, при благоприятном стечении обстоятельств, и политический захват Южной Руси, вовлечение ее в сферу германских интересов, превращение ее в сателлита Великой Германии. Вот почему они охватывают Южную Русь кольцом: с севера – через Холмскую землю, с юга – через галицкую Подолию (Приднестровье) - с одной стороны до Дона, с другой – до Черного моря»⁵⁶³.

Однако не следует также воспринимать политические действия пангерманских кругов как единую изначально продуманную до мелочей

⁵⁶⁰ Рорбах П. Война и германская политика. М., 1915. С. 106.

⁵⁶¹ Щеголев С.Н. Украинское движение, как современный этап южнорусского сепаратизма. С. 490.

⁵⁶² Кулинич И. М. Роль украинских буржуазных националистов в планах германского империализма перед первой мировой войной и в годы войны// Вопросы германской истории и историографии. Сборник науч. статей. Вып. I. Днепропетровск. 1974. С. 18.

⁵⁶³ Там же.

связанную с политикой правительственных кругов выдержанную линию, которая не претерпевала никаких изменений и не проходила сложный путь формирования. Так, следует отметить, что немецкие правительственные круги далеко не сразу поняли значение национального сепаратизма на окраинах Российской империи. Представители различных групп внутри германских элит в своей политической практике стремились опереться на несколько сценариев решения украинского вопроса и вытекающих из них линий взаимодействия с представителями украинского движения. Как отмечала специалист по разработке данной проблематики Е.А. Косован, всего существовало три таких основных сценария. Первый – радикальный сценарий Пангерманской лиги, согласно которому границы России должны быть навсегда отобраны у нее и отодвинуты далеко на восток. Второй – на основе разработанной П. Рорбахом и Т. Шиманом концепции «декомпозиции» Российской империи, предполагающей расчленение территории России за счет стимуляции национальных движений внутри нее и создание на отторгнутых территориях пояса дружественных Германии квазигосударств, направленных на сдерживание агрессии «москвитов», центральную роль при этом отводилась именно южнорусским землям. И, наконец, третий – «мягкий» сценарий, разработанный О. Гетшем, на основании которого не стоило открыто посягать на целостность России, а путем распространения своего идейного влияния на представителей украинского движения добиваться создания положительного образа Германии в глазах местного населения и дестабилизации общественно-политической обстановки в России⁵⁶⁴. При этом Е.А. Косован отмечает, ссылаясь на приведенные данные Н. И. Несука, что окружение кайзера и штаб-квартира вооруженных сил лавировали между взглядами Пангерманской Лиги и группы О. Гетша, а канцлер и министерство

⁵⁶⁴ Косован Е.А. «Украинский вопрос» в предвоенной политике германской империи (1900-1914 гг.) // Актуальные проблемы истории первой мировой войны и перспективы их изучения: сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Ишим., 2015. С. 56.

иностранных дел склонялись к рекомендациям группы П. Рорбаха⁵⁶⁵. Также Е.А. Косован отмечает, что создание независимого украинского государства и активная помощь украинцам попали «в контекст немецкой правительственной программы послевоенного устройства Европы не ранее 1915 г»⁵⁶⁶, а в свою очередь сама тактика действий в отношении украинофилов также была в неоднородна и включала в себя как минимум три сценария решения «украинского вопроса».

К началу Первой мировой войны представители украинского движения были хорошо осведомлены об этом, проявляя активнейшее стремление использовать данную ситуацию с максимальной для себя выгодой. Как отмечал затем представитель украинского движения Е. Левицкий: «все немцы занимаются очень пристально также и нашим украинским вопросом - больше даже чем империалисты, и они при своей энергии широких связях и умелости говорить со своим общественным мнением много прилагают усилий к тому, чтобы наше дело становилось в Европе действительно каждый раз все больше и более популярным»⁵⁶⁷. Следует отметить, что в контексте практического результата по проделанной работы далее всех продвинулся О. Гетш. В 1905 г. по Т. Шимана профессор Отто Гетш в качестве одного из руководителей Немецкого союза восточных приграничных областей (Гаката) под видом частного лица пошел на выстраивание плотных контактов с одной из ключевых лиц в истории развития украинских организаций - М.С. Грушевским, завязав с последним профессиональное знакомство на почве соприкосновения единых политических интересов. М.С. Грушевский был весьма заинтересован в актуализации «украинского вопроса» на страницах немецкой печати, а также в развитии в глазах незнакомого

⁵⁶⁵ Косован Е.А. «Украинский вопрос» в предвоенной политике германской империи (1900-1914 гг.) // Актуальные проблемы истории первой мировой войны и перспективы их изучения: сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Ишим., 2015. С. 54

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Перепадя В. В. Еволюція українсько-німецьких відносин в умовах Першої світової війни та Української революції 2005 года: автореф. дис. ... канд. іст. наук: Запоріжжя, 2005. С. 13.

подробно со славянскими делами западноевропейского обывателя взгляда на Украину как на отдельный от России исторический субъект со своей отдельной историей, культурой и общественно-политической жизнью. Поэтому историк практически сразу в положительном свете откликнулся на предложение О. Гетша о подготовке журнала по истории Восточной Европы с освещением украинской истории как самостоятельной ветви восточноевропейской истории. Гетшу же в ответ необходимы были сведения о состоянии политической жизни в России и в Галиции, передача ему текущих политических изданий, а также личные рекомендации Грушевского для выстраивания дальнейших контактов с другими представителями украинского движения. По рекомендациям Грушевского Гетш встречался с представителями украинских организаций в Киеве, Харькове, Полтаве, Чернигове и Одессе⁵⁶⁸.

Работу по развитию в Европе изданий украинофильского направления О. Гетш действительно вел – с 1908 г. через Немецкий союз восточных приграничных областей он инициирует постоянное финансирование газеты украинофильского направления в Вене - «Ukrainische Rundschau» (Украинского обозрение). Любопытно, что именно с 1908 г. на обложке издания регулярно начинает появляться этнографическая карта Украины. Естественно, границы «Украины», сообразуясь с мировоззрением представителей украинских организаций, очерчены на обложке «От Карпат до Кавказа»⁵⁶⁹. Не случайно также, что карта представлена именно в этнографическом ключе – напрямую изобразить на карте политические границы Украины, пусть даже в заграничном издании, представители украинского движения все-таки еще не решались. Однако представленная этнографическая карта составлена весьма показательно – ее границы поразительно точно совпадают с идеологическими концептами украинских

⁵⁶⁸ Кураєв О. Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна (1848–1914) // Український історичний журн. 2006. № 1. С. 47.

⁵⁶⁹ Ukrainische Rundschau. Nn. 1. Wien. 1911. 32 s.

националистов – М.С. Грушевского, Н.И. Михновского, а также многих других. Так, на этнографической карте Украины, представленной на обложке издания как территорий, соотношение украинского населения на которых может доходить до 50 % представлены Ставрополье, Поволжье, Кавказ, часть Курской и Воронежских губерний⁵⁷⁰. Столь очевидная конвергенция взглядов пангерманских деятелей и радикальных представителей украинского движения не могла не произойти, если бы к тому времени не присутствовала уже сформированная традиция их взаимодействия и подготовлена для этого надлежащая почва. Приведенный максимально широкий охват территорий, потенциально способных составить в представлениях украинофилов территорию отдельного независимого украинского государства, в свою очередь, был крайне удобен для замыслов представителей пангерманизма в отношении России. Таким образом, идеи, представления, деятельность членов украинских организаций и партий на период начала XX в. органично встраивались и более того, становились ключевой узловой точкой в стратегических планах пангерманистов по «декомпозиции» России.

Редакторами «Ukrainische Rundschau» являлись представители украинского движения – Викентий Яворский, Владимир Кушнир, Осип Турянский. Однако не только редакторы, но и ключевые представители украинского движения Малороссии абсолютно отдавали себе отчет в том, что финансирование издания осуществлялось за счет немецких денег и активнейшим образом было завязано на интересы германских элитных групп. Так, на страницах газеты «Рада» С. Ефремов писал о том, что «издателем «Украинише ревью» сначала был известный меценат, немец Брюнер, что это факт, с которым, собственно, никто и не думал никогда таиться»⁵⁷¹, а в обзоре семи номеров «Ukrainische Rundschau» за 1912 г. на страницах той же «Рады» указывалось, что «издание месячника взяла на себя немецкая издательская

⁵⁷⁰ Ukrainische Rundschau. Nn. 1. Wien. 1911. 32 s.

⁵⁷¹ «Рада». 1912., № 10.

фирма «Густав Реттинг и сын» в Оденбурге»⁵⁷². Вскоре после путешествия Гетша по Малороссии точно такое же путешествие, сопровождающееся серией встреч с представителями различных украинских организаций, совершил Пауль Рорбах.

При этом, следует подчеркнуть, что, в первую очередь, в своей общественно-политической практике представители пангерманских объединений стремились выстроить взаимодействие не с представителями украинофильской общественно-политической мысли Галиции – им необходима была в первую очередь связь с представителями национального движения Малороссии. Причина данного тяготения была проста – территориально в первую очередь малороссийские и новороссийские территории Российской империи находились в зоне их непосредственных интересов. Связь с галицийскими общественно-политическими объединениями представляла значимость лишь в отношении возможности использования потенциала «Украинского Пьемонта» в целях радикализации и упрочнения германофильской и австрофильской ориентации среди украинофилов-малороссов. Пангерманисты видели в деятелях украинских общественно-политических и культурных организаций еще и интеллектуальный центр украинского движения, которые задавали вектор более организованному, но менее теоретически развитому украинскому движению из Галиции. Однако в руках у тех деятелей украинских культурных и политических организаций, что охотно искали контакт и не видели существенных проблем в объединении своей политической повестки с пангерманской программой, в силу слабости, разобщенности и узости социально базы украинского движения, не оказалось ни необходимой поддержки, ни должного уровня связей, авторитета и организационного потенциала в среде украинских организаций Малороссии, тем более не приходится говорить и о какой-либо широкой социальной поддержке крестьянских слоев. Так, уже в декабре 1914 г. в специальном меморандуме

⁵⁷² «Рада».1912., № 11.

уже упоминаемого выше Немецкого союза восточных приграничных областей высказывались сомнения относительно готовности украинского населения к вооружённому восстанию⁵⁷³. А в первой половине декабря консул Гайнце и дал весьма острую критику оценкам деятельности СОУ на территории Малороссии, отметив, что украинские контрагенты не сделали никаких успехов для дестабилизации царского режима⁵⁷⁴, что в этом отношении «ничего вообще не сделано», «никто в российской Украине не знает про планы создания украинской державы»⁵⁷⁵. Данное изречение «никто не знает» безусловно не следует принимать буквально. Представители украинского движения по большей части представляли себе содержание Германской политической программы в отношении Украины.

Однако, в действительности одно дело – это ограниченная группа представителей сельской малороссийской интеллигенции, другая – широкие общественные слои и их общественно-политические предпочтения. В своей непосредственной агитационно-пропагандистской работе они сталкивались с большим количеством прямого равнодушия крестьянина к украинскому вопросу, вызванному приоритетом социальных запросов крестьянина над национальными. Так, к примеру, в 1912 г. газета «Рада» на своих страницах с сожалением сообщала о том, что журнал «Ukrainische Rundschau» не имел никакого влияния на украинское население Малороссии⁵⁷⁶. Поэтому весьма скромные успехи на почве практической деятельности между представителями украинских организаций и пангерманских общественно-политических сил стали обусловлены не отсутствием обоюдного стремления к взаимодействию, или каким-либо желанием украинского движения сохранить свою самостоятельность от внешнего влияния, а банальной низкой степенью способности актуализировать и привлечь внимание к своей

⁵⁷³ Кураєв О. Український чинник у системі політичних інтересів Відня та Берліна (1848–1914). С. 53.

⁵⁷⁴ Там же.

⁵⁷⁵ Там же. С. 54.

⁵⁷⁶ «Рада». 1912. № 11.

проблеме среди широких общественных слоев. Но, так или иначе, традиция обоюдной конвергенции уже плотно существовала и вносила свой весомый вклад в процесс радикализации представителей украинского движения, отчетливо проявлялось все более активное усиления внешнеполитического фактора в общем процессе конструирования украинской национальной идентичности.

Фактор взаимосвязи наиболее радикально настроенных представителей украинского движения с немецкими правительственными кругами Первой Мировой войны был все более становился очевиден, и проявлялся он не только в прямой координации и финансирования СОУ Прусским военным министерством, германским Внешнеполитическим ведомством, а также Обществом по содействию внутренней колонизации с 1915 г.⁵⁷⁷, но и гораздо более глубинными контактами с малороссийским украинским движением, немаловажную роль в формировании которых играли такие деятели как М.С. Грушевский, Е.Х. Чикаленко. Дальнейшей интенсификации совместной работы на фоне все возрастающих обоюдных контактов на практике мешала не только немногочисленность и аморфность малороссийского украинского движения, но и все возрастающее сомнение в целесообразности интенсификации поддержки «украинского вопроса» со стороны германского правительства. Насколько в таком случае представители украинского движения отдавали себе отчет, что при дальнейшем интенсивном развитии взаимодействия им была бы уготована почетная роль «ударной силы» в глобальной задаче, сформулированной одним из ключевых идеологов пангерманизма П. Рорбахом следующим образом: «расчленение России на отдельные государства, из которых важнейшее Украина, которые, как поставщики сырья и рынки промышленного сбыта... должны стать базой для

⁵⁷⁷ Косован Е.А. Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг. С.239.

укрепления Германии в качестве мировой державы»⁵⁷⁸? Здесь также следует отметить, что пангерманские организации далеко во многом еще не в полной мере реализовали тот потенциал, который в действительности планировался реализоваться основные были реализованы уже на следующем витке в середине XX в. Так отмечал Рорбах в своей «Всемирно-политической походной книге» изданной в 1916 г.: «но когда наступит день, когда Россия бросит вызов своей судьбе в центре принятия решений нашей страны найдёт кто-то обладающий знанием всех этих вещей и решимостью активировать украинское движение – тогда да тогда Россию можно будет разрушить»⁵⁷⁹.

Таким образом, вырисовался вполне закономерный организационный контур взаимосвязи, определяющий тот самый активный, начинённый кипучей деструктивной энергией субъект в составе малороссийских общественных организаций, который имел действительный потенциал к каким-либо активным действиям и мог быть способен давать результат. Он мог быть характеризован следующим образом: первый компонент - весьма разрозненное, но тем не менее наличествующее в действительности интеллектуальное и организационное ядро в лице таких деятелей как М.С. Грушевский, Е.Х. Чикаленко, Н.И. Михновский, С. Ефремов, В. Винниченко и др., второй – начиненные волей к деятельности, агрессивно настроенные, но при этом еще только находящиеся в стадии становления представители молодого подрастающего поколения представителей украинского движения, третий – заинтересованные в радикализации, а также в усилении потенциала украинских организаций Малороссии иностранные представители различных общественно-политических сил. Именно данная взаимосвязь давала на выходе необходимый субъект, способный и готовый среди общего числа украинофильской интеллигенции к активной

⁵⁷⁸ Цимбаев К.Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX в. // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2015. №1. С. 45.

⁵⁷⁹ Rohrbach P. Deutschland unter den weltvölkern. Materialien zur auswärtigen politik. Berlin-Schöneberg. S. 146.

политической деятельности. При этом сама эта общественно-политическая группа демонстрировала весьма высокую способность к мимикрии под реалии социальной действительности Российской империи, что не удивительно, учитывая слабые позиции украинофилов на политическом поле в начале XX в.

Так, Е.Х. Чикаленко, к примеру, не скрывал своих пораженческих взглядов на войну. Меценат на страницах своего «Дневника» следующим образом объяснял причины начала Первой мировой войны, в данном объяснении очень четко продемонстрирована узость мировосприятия украинофильской интеллигенции, рассматривающей даже причины глобального конфликта через узкую призму восприятия собственной проблематики: «На наш взгляд, Россия и войну с Австрией начала, чтоб захватить Галичину и исполнить свое призвание – объединение под скипетром русского царя всех ветвей русского народа. Про эту миссию то и дело громко кричали все российские националисты-патриоты; особенно про Галичину, она им была бельмом в глазу, потому что в чужой державе они не могли запретить украинского слова «...» не раз российские патриоты в своей периодике выражали мысль войти в Австрией в союз с тем способом чтобы отдать им весь юг Балкан с Салониками для того, чтобы Австрия отдала России Галичину по Карпаты, которые тогда станут наилучшую границу между этими двумя державами. Что нельзя было сделать союзом, то Российское правительство решило сделать силою, захвативши Галичину, из которой создаст теперь Львовскую губернию наподобие Подольской или Волынской»⁵⁸⁰.

Также Е.Х. Чикаленко своих в мемуарах отмечал, что новость о взятии российским войском Львова произвела на нас гнетущее выражение»⁵⁸¹. Затем уже позже в других своих «Отрывках из воспоминаний за 1917 г.» Е.Х. Чикаленко напишет: «никто кажется, из украинцев, не желал присоединения Украины к Австрии; правда, во время войны, когда

⁵⁸⁰ Чикаленко Е. Х. Щоденник (1917–1919). С. 453.

⁵⁸¹ Там же.

россиянами был взят Львов и Галичина была присоединена к России, я высказывался, что лучше было бы Украину присоединить к Австрии, хоть по Днепру, чтобы усилить украинский элемент в Австрии»⁵⁸². Данные мысли были высказаны Е.Х. Чикаленко, и безусловно, по прошествии определённого количества времени, беря во внимание весь им пройденный путь, несли в себе стремление сгладить углы и снять с себя определенного рода нарекания. Однако крайне показательным при этом будет являться пример рассматриваемого выше воззвания «Война и украинцы»⁵⁸³. Что характерно, сам журнал «Украинская жизнь» был создан в 1912 г. в Москве и издавался на русском языке. Идея, согласно которой журнал, отстаивающий идейную базу украинского движения, должен был появиться в центральных городах Российской империи и освещать проблему отдельного украинского языка, культуры и народа среди обеспеченного и образованного городского населения Центральной России, родилась у украинофильских деятелей еще в период Первой русской революции 1905–1907 гг. В начале в Санкт-Петербурге в 1906 г. был создан еженедельник «Украинский вестник», наладить издательскую работу в котором у представителей украинского движения так не получилось, и в этом же году данный журнал был закрыт.

Также с целью создания образа отдельного украинского народа, украинской культуры и украинской истории в глазах русской интеллигенции с 1906 г. до августа 1914 г. в Киеве выходила ежедневная газета «Рада». Однако «Рада» печаталась в Киеве, тираж ее не окупался, и во многом она продолжала оставаться «внутренней» газетой украинского движения, хотя изначально перед ней как раз и ставилась задача по работе «вовне». Поэтому в кругу представителей украинских организаций продолжала витать мысль о создании нового журнала и 20 апреля 1911 г. Данное предложение получило свое оформление в Москве на заседании «Украинской секции общества славянской культуры» на котором присутствовали видные представители

⁵⁸² Чикаленко Є. Уривок з моїх споминів за 1917 рік. Прага, 1932. С. 24.

⁵⁸³ Війна і українці // Українська життя. 1914. № 7. С. 3–7.

украинского движения – А. Крымский, Б. Кистяковский, И. Лебединский, С. Хвостов, С. Петлюра и А. Саликовский⁵⁸⁴. Сразу после данного мероприятия и был создан журнал «Украинская жизнь». Финансированием обоих изданий занимался как раз Е.Х. Чикаленко. И, что характерно, именно ежедневная газета «Рада», созданная под идентичную задачу, станет тем издательством, которое таким же образом с первых дней войны в открытой форме публично заявит о своей патриотической позиции и верности России и ее армии до победного конца. Каким же образом это все соотносится с теми взглядами Е.Х. Чикаленко, которые столь подробно были разобраны выше? Противоречие решается только через рассмотрение данной проблематики в контексте необходимости создания со стороны украинского движения той самой видимости публичной лояльности, столь необходимой для сохранения потенциала и коридора возможностей для легальной деятельности. Журнал, который изначально в своей редакционной политике обязан был ориентироваться на иную социальную группу, да еще и издававшийся в Москве, не имел другого выхода кроме как на публичном поле поддерживать военно-политические действия Российской империи. Как отмечал М.С. Грушевский что этот журнал был «...«для наружного употребления», для русской публики, в нем было принято писать так, как положено выступать перед чужими, не вынося внутренних дел и не очень ставя дело «во весь рост» – даром, что русских читателей у нее было очень мало, читали в основном украинцы, и это не нравилось многим (и мне в том числе), что определенные категории обрусевших украинцев поддерживают сей российский журнал для обихода внутреннего, как более им близкий и милый, чем журналы украинские»⁵⁸⁵.

Параллельно с наличием достаточно бессистемного отношения к Первой мировой войне в среде украинских организаций тем не менее,

⁵⁸⁴ Трофимов Р. В. Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) // *Via in Tempore. История. Политология*. 2021. Т. 48, № 3. С. 695.

⁵⁸⁵ Грушевський М.С. Спомини. К., 1989 С.107–108.

существовала пусть и не всегда выраженная, но зато упорно реализуемая линия, направленная на активное противодействие властям Российской империи с целью отторжения украинских территорий и создания независимого украинского государства. Каким же образом проявляли себя на практике данные сепаратистские устремления украинофилов на общественно-политическом поле – в формах сугубо националистических, социал-демократических, либерально-демократических – это было уже абсолютно вторичным, так как на первом месте для представителей украинских партий и организаций сохранялось стремление к созданию отдельной украинской автономии в рамках Российской империи или же отдельного независимого государства, а уже их индивидуальные или групповые политические предпочтения складывались по большей части в производном формате от русской общественной жизни и деятельности общероссийских политических партий.

Таким образом, общественно-политическая деятельность украинских организаций на территории Российской империи в годы Первой мировой войны осуществлялась в рамках двух магистральных тенденций дальнейшего политического развития. Одна из них предполагала открытую поддержку действий русской армии, зачастую не всегда искреннюю, или же нейтралитет, однако продолжение дальнейшего своего политической пути в рамках общественной жизни, по большей части продолжая осуществлять ту же форму деятельности, которая была присуща им еще до начала войны. Другая же линия, в свою очередь, была связана с непосредственным переходом определенной части представителей украинских организаций Российской империи «под крыло» держав Центрального блока, и дальнейшее ведение ими агитационно-пропагандистской работы в тесном контакте или даже в под непосредственным контролем со стороны австро-венгерских и немецких правительственных структур. В первую очередь в этом отношении активно себя проявили представители «социал-демократического» направления в

украинском движении, в лице ряда бывших ключевых деятелей «Спилки» и УСДРП, стоявших у основания Союза освобождения Украины.

Большую роль в деле усиления взаимных контактов и политической конвергенции между украинофилами Российской империи и группами внутри политической элиты стран Центрального блока играла общественно-политическая деятельность идеологов пангерманизма и их философско-теоретические разработки концепта Срединной Европы. Однако, хотя совместная деятельность австро-немецких элит и ряда представителей украинского движения Российской империи при всем их обоюдном рвении, безусловно, и давала определённые результаты, но в общем отношении они были крайне незначительны и совсем далеки от изначально поставленных задач по организации массового привлечения жителей Малороссии на свою сторону. Про какую-же либо серьезную поддержку со стороны широких слоев населения малороссийских губерний однозначно не приходится. Несмотря на достаточно широкий объем проведенной работы с точки зрения затрачиваемых сил и ресурсов в ходе агитационно-пропагандисткой деятельности среди русских военнопленных-малороссов в лагрях, СОУ также не удалось добиться каких-либо значительных успехов в деле привлечения солдат русской армии на сторону Тройственного Союза. До сих пор одним из проблемных вопросов становится участие М.С. Грушевского в деятельности «Союза», а также в какой степени с представителями СОУ был связан Е.Х. Чикаленко.

Поэтому по итогу низкий уровень признания среди широких масс малороссийского крестьянства и слоев городского населения по итогу определил ряд закономерных неудач украинских организаций как Малороссии в период участия Российской империи в Первой мировой войне. Стремление к бурной деятельности и политическая воля присутствовала у украинских партий и организаций в достаточно большом количестве, несмотря на известную их малочисленность, проблематика же состояла в другом – обрести широкий охват сторонников среди малороссов у них так и не получилось.

Однако по сравнению с периодом рубежа XIX–XX в. и временем Первой русской революции 1905–1907 гг. в годы Первой мировой войны украинское движения на территории Российской империи тем не менее значительно усилило свои позиции в общественной жизни, влияние же «Украинского Пьемонта» и политических элит держав Центрального блока значительным образом усилило радикальные автономистские настроения и антирусский накал политической риторики украинофилов. Все эти обстоятельства во многом определили ход дальнейших исторических событий, когда представителям украинского движения Российской империи действительно хватило политической воли и организационного потенциала, для того, чтобы активно начать осуществлять попытки создания отдельной украинской государственности после 1917 г. в условиях системного кризиса всех бывших ключевых государственных и общественных институтов Российской империи, однако так и не приобретенное на всех предшествующих этапах до этого отсутствие широкой поддержки среди широких слоев малороссийского населения в итоге стало ключевым фактором недолговечности как Центральной рады, так и Директории УНР.

В ходе развития истории реализовать каждый следующий этап на должном уровне становится невозможно без должной осмысления и дальнейшего своевременного преодоления всех ошибок, заложенных на предыдущих этапах становления. Именно поэтому закономерная неудача украинских партий и организаций в непростом деле формирования собственной широкого круга социальной базы ни в предшествующий период до начала Первой Мировой войны, ни в годы военного противостояния, закономерно опередило дальнейший итог поражения украинского движения на общественно-политическом поле на протяжении всех ключевых исторических событий начала XX в. Как только окрепшей советской власти удалось хоть в каком-то качестве восстановить обрушенные государственные институты и армию в годы Гражданской войны и направить их против шаткой политической структуры, созданной руками бывших представителей

украинских организаций и партий Российской империи, сторонникам политического украинства пришлось потерпеть крупную неудачу, которая вынудила их совершить чувствительный откат, посеяв озлобленность и стремление вернуться для попытки исторического реванша уже на следующем временном витке в середине XX века, сделав из поражения соответствующие дальнейшие выводы.

Окончание богатой на политические события эпохи Первой русской революции 1905–1907 гг. и вступление русского в общества в новую эпоху становления «третьеиюньской системы» стали для украинского движения Российской империи как проверкой движения на устойчивость и способность к адаптации к новым внутривнутриполитическим вызовам, так и периодом поиска, в рамках которого должен был осуществиться дальнейший выбор пути, по которому представители украинских организаций должны были осуществлять дальнейшее движение по извилистым и запутанным дорогам истории. Данная тенденция отразилась практически во всех аспектах деятельности украинских организаций на рассматриваемом этапе. После разгрома политической партий украинского движения в годы Первой русской революции, самороспуска УДРП и «Спилки» члены украинских организаций оказались перед необходимостью острого поиска новых форм и стратегий действий в наличных условиях очевидного системного кризиса.

Так, было создано Товарищество украинских прогрессистов (ТУП), по малороссийским губерниям широко была развернута сеть ячеек таких культурно-образовательных учреждений украинского движения как «Просвиты». Украинское движение активным образом адаптировалось под существующие реалии русской общественной жизни, на место прямой и острой агитационно-пропагандистской работе на селе, все больше приходили формы работы, предполагающие более гибкие варианты совмещения образовательно-просветительских и прямых политико-пропагандистских форм работы. В данном контексте деятельность «Просвит» на территории

Российской империи показала себя весьма эффективным образом, большая часть активно действующих ячеек не была закрыта или приостановлена правительством. В тех населенных пунктах, где деятельность ячеек «Просвиты» была отлажена соответствующим образом, в особенности в сельской местности, практически вся культурная-образовательная жизнь оказывалась сконцентрирована в руках «Просвит», и посредством проведения праздников, концертов, различных образовательных мероприятий проводилась весьма эффективная по формированию украинской национальной идентичности в среде слоев малороссийского крестьянства. Все более набирающим актуальность для представителей украинского движения стал вопрос о целесообразности дальнейшей взаимной идейно-политической конвергенции с соратниками по движению из Галиции. Наиболее отчётливым образом это проявилось в острых дискуссиях по вопросу выборе соответствующей модели для развития украинского литературного языка. Наиболее радикальным образом настроенные представители украинских организаций отстаивали необходимость взятия за основу именно галицийской лексики и правописания, базирующихся на «желеховке», так как именно на основе галицийских говоров можно было получить наиболее автономный и отличный от русского самостоятельный вариант языка, однако это же вызывало достаточно справедливую критику со стороны той части украинофилов в лице Нечуй-Левицкого, которые считали, что данный язык просто-напросто непонятен малороссийскому крестьянину и не приспособлен для нужд крестьянства. Вопрос о преподавании на малороссийском наречии оказывался в фокусе внимания и в ходе рядов заседаний Государственных дум III и IV созывов, однако его актуализация по итогу оказались безрезультативны.

Начало Первой мировой войны еще в большей степени для украинских организаций Российской империи проблему выбора дальнейшего курса политического развития. Вопрос о поддержке или же неприятии представителями украинских организаций Российской империи действий

России в годы Первой мировой войны в действительности представляет из себя крайне неоднозначную и сложную тему, включающую в себя ряд проблемных аспектов. В целом в украинском движении Российской империи на момент начала Первой мировой войны две существовали ключевые стратегии дальнейшего политического развития. Одна из них предполагала открытую поддержку действий русской армии, зачастую не всегда искреннюю, или же нейтралитет, однако продолжение дальнейшего своего политической пути в рамках общественной жизни, по большей части продолжая осуществлять те же формы деятельности, которые были присущи им еще до начала войны. Другая же линия, в свою очередь, была связана с непосредственным переходом определенной части представителей украинских организаций Российской империи «под крыло» держав Центрального блока, и дальнейшее ведение ими агитационно-пропагандистской работы в тесном контакте с австро-венгерскими и немецкими правительственными структурами.

Последнюю тенденцию олицетворяла собой общественно-политическая деятельность «Союза освобождения Украины», ключевую роль в котором играли бывшие представители руководящего состава «социал-демократических» объединений украинского движения в лице ряда бывших ключевых деятелей «Спилки» и УСДРП. Однако, совместная деятельность СОУ и австро-немецких правительственных кругов при всем их обоюдном рвении, по итогу на поле реальной практической деятельности смогла привести лишь к крайне незначительным результатам, которые были далеки от изначально поставленных задач по организации массового восстания в малороссийских губерниях. Идеи СОУ не нашли широкой поддержки даже в среде представителей украинских организаций Российской империи. Про какую-же либо серьезную поддержку со стороны широких слоев населения малороссийских губерний говорить однозначно не приходится. Откровенная неудача постигла представителей СОУ также по результатам их активной работы, направленной на пропаганду среди военнопленных солдат русской

армии-малороссов – крайне небольшое количество пленных в результате перешло на сторону стран Центрального блока и встало под знамена «Самостийной Украины».

Однако Первая мировая война, тем не менее, значительно способствовала радикализации, усилению антирусских и антиимперских настроений в среде украинских организаций Российской империи, а также существенному упадку популярности социал-демократических идей внутри украинского движения. В годы Первой мировой войны уже отчетливым образом формируется внепартийная группа, представляющая из себя целостный политический субъект, настроенный на союз малороссийских украинских организаций с австрийскими и пангерманскими общественно-политическими силами. Она вбирала в себя ряд ведущих представителей руководящего состава украинских политических партий, радикально настроенную студенческую молодежь украинского движения, и также не могла быть представлена вне активных контактов с ведущими теоретиками пангерманизма, в лице О. Гетша, П. Рорбаха и др., стремящихся активным образом привлекать национальные движения «негосударственных» народов Российской империи для «декомпозиции» территории Российской империи и построения концептуального проекта «Срединной Европы».

Заключение

Процесс формирования украинских политических организаций на территории Российской империи протяжении конца XIX - начала XX вв. представляет из себя один из самых важных этапов становления украинского национального движения, без которого во многом нельзя представить весь дальнейший процесс его развития. Многие идейные основы и политические традиции современного украинского национализма закладывались именно в среде студенческих политических организаций в конце XIX – начале XX вв. В исследуемый период украинское национальное движение складывалось преимущественно из числа представителей местной интеллигенции, тесным образом связанной со средой малороссийского села. Это по большей части были выходцы из тех социальных слоев, которые оказывались в состоянии обеспечить своим детям доступ к образованию – выходцы из семей священников, помещиков, обеспеченных хуторских собственников.

Органичная связь с миром крестьянства определяла ведущую черту политического мировоззрения представителей украинских организаций. Социально-политические воззрения крестьянства, провинциальные особенности местной культуры, языка, социально-психологические особенности, тесно связанные с преобладанием индивидуальных форм хозяйства над общинным в малороссийском селе, крестьянский утопизм в экономических вопросах и преобладающие негативные оценки процессов модернизации были в числе ключевых факторов, влияющих на содержание программных положений украинских партий рубежа XIX–XX вв. Таким образом, цели, задачи и характер украинского национального движения напрямую вытекали из тех социально-политических вызовов, с которыми столкнулось преимущественно аграрное население Малороссии на рубеже XIX–XX вв. Получая доступ к образованию, представители украинского движения во многом рассматривали себя в качестве идейных выразителей и борцов за интересы малороссийского народа, малороссийского крестьянина, и исходя из этого претендовали на то, чтобы стать политической и

интеллектуальной элитой края. Украинское национальное движение во многом представляло собой реакцию немногочисленных представителей образованного слоя аграрного мира данных губерний на происходившие в Российской империи процессы модернизации хозяйственно-экономического уклада и разрушение традиционных основ хуторской жизни.

Процесс политической инициации, привлечения новых сил в среду украинского движения осуществлялся через местные образовательные учреждения и, в первую очередь, в рамках двух крупных образовательных центров региона – Киевского и Харьковского университетов. Важную роль играли также среднеобразовательные учреждения – гимназии, реальные училища, семинарии. Именно среда образовательных учреждений Юго-западного края стала тем местом, где впервые после разгрома Кирилло-мефодиевского братства, внутри студенческих громад активным образом в 90-е гг. XIX в. осуществлялся процесс создания первых политических объединений украинского движения. Новое поколение позиционировало себя в качестве прямых сторонников радикальной политической борьбы за построение отдельной украинской нации, в том числе и с помощью создания отдельной независимой украинской государственности.

Доля сторонников украинского движения среди обучавшихся в Киевском и Харьковском университетах была сравнительно небольшой – не более 1–3% от общего числа студентов (данный процент постепенно возрастал по мере приближения к 1917 г.). Однако при этом украинские студенческие политические объединения отличались высоким уровнем идеологической мотивации, активностью и воинственностью в отношении своих идеологических антагонистов, что, несмотря на малое число сторонников, превращало украинское национальное движение в важный фактор интеллектуальной и общественно-политической жизни Юго-Западного края, с которым с каждым годом все более приходилось считаться как имперским властям, так и общественно-политическим деятелям и объединениям этой территории Российской империи.

Важным фактором развития украинских организаций на территории Российской империи конца XIX – начала XX вв. также становится рост социал-демократических настроений в среде движения, начиная с периода 90-х гг. XIX в., что было тесным образом связано с влиянием на малороссийское студенчество как русской, так и польской общественно-политической мысли, где идеи марксизма приобретают весьма высокую степень популярности. Однако при этом непосредственный процесс пролетаризации в Малороссии во многом осуществлялся крайне низкими темпами, а наёмный труд имел сезонный, неквалифицированный характер, сохранялось подавляющее преобладание аграрного населения в крае. Это определяло такую отличительную черту молодежных студенческих организаций как преимущественный характер их работы в среде сельского пролетариата и неиндустриальных неквалифицированных городских наемных рабочих, несмотря на то обстоятельство, что в программных положениях украинофилов речь в первую очередь шла именно об индустриальном пролетариате. Социал-демократическая идеологическая платформа неформальных объединений украинского движения по большому счету имела преимущественно декларативный характер.

Однако вполне последовательно себя в 90-е гг. XIX в. проявила та политическая линия, которая олицетворяла собой развитие украинского политического национализма радикального толка, и нашла свое наиболее отчетливое воплощение в истории общественно-политической деятельности таких организаций как «Братство тарасовцев», «Харьковская украинская студенческая громада», а также на первых этапах деятельности Революционной украинской партии в эпоху торжества программных положений «Самостийной Украины». В данный период на первый план выходят такие политические фигуры как И.Л. Липа, Н.И. Михновский, Д.В. Антонович и др., которые внесут решающий вклад в процесс формирования идейной базы политического украинского национализма.

Первым выраженным проявлением наступления новой эпохи в истории

становления украинского движения, ставшим непосредственным воплощением тех настроений, которые формировались в среде студенческих громад украинского движения в 90-е XIX в., стала деятельность Революционной украинской партии. РУП стала своеобразной «кузницей кадров» для всех ключевых общественно-политических деятелей украинского движения начала XX в. – партия сумеет объединить вокруг себя практически все украинские студенческие громады Российской империи. За период существования партии с 1900 по 1905 гг. РУП удалось широко осуществить агитационно-пропагандистскую работу на селе, активно использовать средства печати и распространения прокламаций, принять непосредственное участие в организации крестьянских восстаний на Полтавщине, создать партийные ячейки в нескольких городах и селах Малороссии. Также совместная деятельность молодого поколения украинского движения в составе РУП в полной мере даст проявиться всем расхождениям по вопросам идеологии и партийной тактики, которые существовали в их среде, что приведёт к постепенному оформлению всего партийно-политического контура украинского движения рубежа XIX–XX вв.

Так, на протяжении всех пяти лет существования организации в партии нарастало число сторонников социал-демократических идей, это было обусловлено как активным привлечением новых лиц, настроенных гораздо более лояльно по отношению к общероссийским общественным силам в состав партии, в чем особого отметился негласный лидер РУП Д.В. Антонович, так и стремительно возрастающим в среде украинофилов интересом к марксизму в среде украинофилов как таковому. Это привело к выходу ряда членов во главе с Н.И. Михновским, основавших Украинскую народную партию (УНП), чья программная линия отражала идейные воззрения сторонников наиболее радикальных националистических политических проектов, последовательно продолжающих линию «Самостийной Украины». Рост интереса к идеям марксизма и все большее тяготение ряда членов партии к тому, чтобы стать частью общероссийской

социал-демократии не могло не привести к новому витку противоречий. Прямым следствием этого стало создание Украинского социал-демократического союза («Спилки») в результате внутрипартийного раскола на втором съезде РУП в декабре 1904 г. – той партии, которая олицетворяла своей деятельностью тенденцию на сближение с РСДРП.

Выход из партии как наиболее радикально настроенных националистических элементов, так наиболее активных сторонников марксизма обусловил окончательное преобладание в Революционной украинской партии националистической линии, олицетворяемой Н.В. Поршем, что приведет к дальнейшей закономерной реорганизации партии в декабре 1905 г. в Украинскую социал-демократическую рабочую партию (УСДРП). Деятельность Революционной украинской партии также в значительной степени ускорила процесс политической трансформации Всеукраинской беспартийной организации (ВУБДО), являвшей негласной политической структурой представителей старшего поколения украинофилов-культурников из «Старой громады», что привело к созданию Украинской Демократической партии (УДП) в 1904 г., а затем отделившейся от нее Украинской радикальной партии (УРП) в 1905 г., состоящей из кругов молодежи, близкой к кругам «Старой громады».

Первая русская революция 1905–1907 гг. становится временем, когда для украинского движения Российской империи наступает реальная возможность для того, чтобы реализовать свои программные положения на поле конкретной общественно-политической практики. На момент начала революционных событий украинское движение характеризовалось значительной разобщенностью, узостью социальной базы, обильными межпартийными конфликтами, а также неопределенностью и метаниями в отношении программных и идеологических положений. Однако, несмотря на выраженные разногласия, тем не менее, большей части украинских политических партий было присуще единство позиций, когда речь шла о борьбе за идею создания украинской национально-культурной автономии,

предполагающей введение широкого использования малороссийского наречия в системе образовательного делопроизводства и образовательных учреждениях края, а также наделения большим объёмом полномочий органов местного самоуправления, которую представители украинского движения будут стремиться отстоять как в стенах Государственной думы, так и на поле нелегальной агитационно-пропагандисткой деятельности в среде широких масс малороссийского крестьянства. Огромный вклад в процесс оформления и актуализации данной концепции в общественной жизни России принадлежит М.С. Грушевскому, который с началом революционных событий возвращается из Галиции. Именно в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Грушевский приобретет репутацию одного из ключевых политических и идейных авторитетов в среде представителей украинского движения. Контакт М.С. Грушевского с представителями Украинской демократическо-радикальной партии (УДРП), образовавшейся в результате союза УДП и УРП в 1905 г. перед лицом необходимости активных действий в годы революционных потрясений, способствовал консолидации умеренного крыла украинского движения на поле легальной деятельности, связанной со стремлением найти в русском обществе поддержку идеи создания национально-территориальной автономии.

С этой целью М.С. Грушевским и членами УДРП была создана «Украинская парламентская громада» – негласное объединение депутатов Думы из числа представителей украинского движения, а также для ряда тех депутатов-малороссийских крестьян, которых украинофилам удастся привлечь к своей деятельности. По замыслу представителей украинского движения для депутатов из Малороссии «Украинская парламентская громада» должна была стать своеобразной «политической школой» политического украинства. Однако никаких серьезных результатов на данном поприще представителям украинского движения достичь не удастся – проникнута политической платформой украинофилов лишь некоторые депутаты-малороссы, остальные же будут участвовать в деятельности объединения по

большей части формально, и после окончания работы Государственных дум I и II созывов больше не будут принимать никакого участия в общественно-политической деятельности украинских организаций на территории Российской империи. В свою очередь, от обсуждения идеи украинской национально-культурной автономии в Думе откажутся представители кадетской фракции, в составе которой находилось к тому времени большая часть депутатов – представителей украинского движения. Не нашла себе должной поддержки идея украинской автономии и в «Союзе автономистов» – организации, состоящей из представителей национально-автономистских движений на окраинах империи. Должным же ресурсом и уровнем поддержки среди в обществе среди широких масс для того, чтобы отстоять идею о национально-политической автономии в стенах Думы представители украинского движения сами не обладали.

Немаловажной частью работы организаций украинского движения на легальном поле в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. стала деятельность членов украинских партий, связанная с вопросом об отмене ограничений с малороссийской печати. На фоне роста революционных настроений, с подачи инициативы членов Украинской демократическо-радикальной партии, были составлены и отправлены в правительство специальные резолюции с просьбой рассмотрения вопроса о снятии ограничений с малороссийской печати. Активно стремился использовать обращения украинофилов в качестве средства для упрочнения своего политического влияния в революционный период председатель комитета министров С.Ю. Витте. С его деятельной подачи Санкт-Петербургская Императорская академия наук инициировала издание «Записки об отмене ограничений с малороссийской печати», на страницах который членами академии приводился ряд исторических и филологических аргументов в пользу самостоятельного статуса украинского и его автономности от русского. После этого был полным ходом запущен процесс подготовки распоряжений о снятии ограничений с малороссийской печати,

который, однако, после спада революционной волны, не нашел своего дальнейшего логического продолжения, навсегда затерявшись в стенах правительственных бюрократических кабинетов. Тем не менее, украинское движение все-таки получило возможности для открытия доступа к печати на малороссийском наречии уже несколько позже после принятия «Временных правил о неповременной печати» от 26 апреля 1906 г., которые открыли широкий коридор возможностей для создания легальных периодических изданий украинского движения, сыгравших важную роль в дальнейшем распространении национально-политических идейных представлений украинофилов.

В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. решающий вклад в дело осуществления агитационно-пропагандистской работы среди представителей малороссийского крестьянства внес своей деятельностью Украинский социал-демократический союз («Спилка»), вошедший в состав РСДРП в рамках отдельного автономного объединения со своим уставом. Получив после этого широкие возможности для расширения собственной социальной базы, с помощью привлечения ресурса местных ячеек РСДРП и «Бунда», имевших достаточно сильные позиции в среде крестьянства и рабочего класса малороссийских губерний. «Спилка» смогла стать ведущим объединением украинского движения в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Весомая часть крестьянских восстаний в селах малороссийских губерний периода 1905–1907 гг. проходила под предводительством крестьянских комитетов «Спилки». «Спилке» удалось инкорпорировать в свой состав «Южное провинциальное бюро» и «Провинциальную группу», а также Киевский, Полтавский, Черниговский комитеты РСДРП, местные бундовские ячейки, имеющие большое влияние на сельскую среду Малороссии, что позволило партии стать ведущей представительской организацией социал-демократии в малороссийских губерниях в революционный период. Именно от «Спилки» социал-демократические объединения губернии выставляли своих кандидатов

на выборы в Государственную думу II созыва, в результате которых партии удалось провести в состав Государственной думы своего кандидата, что не удалось сделать главному политическому сопернику «Спилки» – УСДРП. Однако в ходе роста «Спилке» во многом пришлось в программных требованиях пожертвовать своей «украинской» национально-политической идеей ради дальнейшего сближения и движения навстречу местным социал-демократическими объединениям и комитетам.

УСДРП же по итогу смогла похвастаться гораздо более скромными достижениями на поле общественной практики в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. Добиться столь высокого уровня поддержки среди крестьян и сельского пролетариата малороссийской губернии как у «Спилки» представители УСДРП не смогли. В годы революционных событий они, по большому счету, оказались не в состоянии мобилизовать лишь тот ресурс, что был наработан ими на селе в предшествующий период деятельности Революционной украинской партии. На фабричных предприятиях края УСДРП также не удалось привлечь значительного числа сторонников, опережающее первенство в этом отношении сохранялось за РСДРП. Должного результата не принесли и попытки УСДРП войти в состав РСДРП в рамках автономной организации. Однако парадоксальным образом это в свою очередь отразилось на дальнейшем развитии «Спилки» и УСДРП. «Спилке» был нанесен наибольший удар со стороны жандармерии в 1907 г., что предопределило ее дальнейшее политическое поражение и самороспуск в 1908 г. по причине разгрома полицейскими органами, в то время как УСДРП арест со стороны жандармерии фактически никак не коснулся.

Таким образом, эпоха Первой русской революции 1905–1907 гг. стала неоднозначным временем в истории партийно-политического развития украинского национального движения. С одной стороны, члены украинских организаций практически на всех направлениях своей деятельности потерпели ряд ощутимых неудач. С другой стороны, именно опыт, приобретенный в период революции, позволил им выработать оптимальную стратегию

дальнейшей общественно-политической борьбы, которая привела к серии политических успехов данного движения в годы Гражданской войны. Тем не менее результат деятельности украинских организаций в 1905–1907 гг. оказался неудовлетворительным: ключевая для всех украинофилов в годы Первой русской революции идея создания украинской национально-культурной автономии так и не получила поддержку ни в обществе, ни среди крупных общероссийских общественно-политических сил.

Узость социальной базы оставалась ключевой проблемой украинского национального движения и в 1905–1907 гг. Отсюда вытекало резко негативное отношение участников этого движения к уроженцам Малороссии, не поддерживавшим их программу. Преобладавшие в среде малороссийского крестьянства настроения препятствовали развитию украинского национального движения. Для изменения таких настроений не было ни социально-экономических, ни культурных предпосылок. Преимущественно аграрные малороссийские и новороссийские губернии оказывались еще слишком неразвитыми в экономическом отношении, а также многонациональными и многоконфессиональными. В такой ситуации можно было рассчитывать только на длительную и постепенную культурно-просветительскую украинизацию населения либо на достаточно бескомпромиссные сценарии прямых этнических конфликтов. В обоих случаях значительная роль отводилась украинскому языку, создание единой литературной нормы которого, а также его повсеместное использование в быту и письме становились для украинофилов важнейшими составляющими формирования национальной идентичности.

С началом становления эпохи «третьеиюньской политической системы» украинское движение на территории Российской империи постепенным образом осуществляло переход от стадии кризиса к качественно новому этапу своей общественно-политической деятельности. пройдя недолгий период кризиса, члены украинских организаций добились ощутимых успехов во влиянии на население Юго-Западного края, сочетая политические и

культурно-образовательные методы работы. Наиболее результативным форматом их работы стала деятельность «Просвиты». Являясь формально исключительно культурной организацией, «Просвита» на практике активно вела политическую пропагандистскую работу среди крестьянства. В особенности весьма серьёзными достижениями в период 1908–1914 гг. отметились екатеринославская, мануйловская, черниговская, каменец-подольская «Просвиты».

Значимую роль в истории развития украинского движения начинает играть пресса украинских организаций, серьёзным фактором воздействия на сознание крестьянских масс и городских слоев будет представлять культурно-просветительский аспект. Складывающаяся на страницах украинской периодической печати дискуссия о том, по какой модели должен осуществляться путь формирования украинского литературного языка, сыграла серьёзную роль в определении дальнейшей траектории складывания украинской национальной идентичности. Победа в публичной дискуссии и на поле общественно-политической практики сторонников модели, предложенной М.С. Грушевским и членами УСДРП, в основе которого лежал курс на дальнейшую галицизацию и полонизацию украинского литературного языка и поражение линии И.С. Нечуй-Левицкого, выступающего за близость литературного языка к подлинному живому языку малороссийского крестьянина, во многом определили и характер современного украинского языка.

Прямым результатом стремления представителей украинского движения выработать новые формы общественно-политического взаимодействия стала деятельность Товарищество украинских прогрессистов (ТУП), которое представляло из себя объединение относительно умеренных по своим воззрениям представителей украинского движения, стремившихся к актуализации украинского вопроса на легальном политическом поле. Однако, ТУП по итогу оказалось достаточно рыхлым и серьёзных политических результатов представителям «Товарищества» достичь не удалось. В стенах

же Государственной думы I и II созыва обсуждение, так или иначе связанные с «украинского вопросом», по существу не дали какого-либо практического результата - не раз поднимавшийся в стенах Думы вопрос о разрешении преподавания на малороссийском наречии в начальных образовательных учреждениях края, несмотря на интенсивные споры между националистами и сторонниками введения обучения на малороссийском наречии из числа представителей кадетской фракции и ряда местных депутатов из малороссийских губерний, так и остались на стадии обсуждения. Таким образом, достичь каких-либо значимых успехов на поле легальной работы представителям украинских организаций в годы «третьей ионийской политической системы» не удалось.

Начало Первой мировой войны еще в большей степени актуализировало для представителей украинского движения Российской империи проблем выбора дальнейшего курса политического развития. Вопрос о поддержке или же неприятии представителями украинских организаций Российской империи действий России в годы Первой мировой войны в действительности представляет из себя крайне неоднозначную и сложную тему, включающую в себя ряд проблемных аспектов. В целом в украинском движении Российской империи на момент начала Первой мировой войны существовали две ключевые стратегии дальнейшего политического развития, одна из которых предполагала продолжение дальнейшей деятельности. Одна из них предполагала открытую поддержку действий русской армии, зачастую не всегда искреннюю, или же нейтралитет, однако подразумевала продолжение дальнейшего своего политического пути в рамках русской общественной жизни, по большей части продолжая осуществлять те же формы деятельности, которые были присущи ей еще до начала войны. Другая же линия, в свою очередь, была связана с непосредственным переходом определенной части представителей украинских организаций Российской империи «под крыло» держав Центрального блока, и дальнейшее ведение ими агитационно-

пропагандисткой работы в тесном контакте или даже под прямым контролем со стороны австро-венгерских и немецких правительственных структур.

Последнюю тенденцию олицетворяла собой общественно-политическая деятельность «Союза освобождения Украины», ключевую роль в котором играли бывшие представители руководящего состава «социал-демократических» объединений украинского движения в лице ряда бывших ключевых деятелей «Спилки» и УСДРП. Однако, совместная деятельность СОУ и австро-немецких правительственных кругов при всем их обоюдном рвении, по итогу на поле реальной практической деятельности смогла привести лишь к крайне незначительным результатам, которые были совсем далеки от изначально поставленных задач по организации массового восстания в малороссийских губерниях. Идеи СОУ по большей части не нашли широкой поддержки даже в среде представителей украинских организаций Российской империи. Про какую-же либо серьезную поддержку со стороны широких слоев населения малороссийских губерний говорить однозначно не приходится. Откровенная неудача постигла представителей СОУ также по результатам их активной работы, направленной на пропаганду среди военнопленных солдат русской армии-малороссов – крайне небольшое количество пленных в результате перешло на сторону стран Центрального блока и встало под знамена «Самостийной Украины».

Однако Первая мировая война, тем не менее, значительно способствовала радикализации, усилению антирусских и антиимперских настроений в среде украинских организаций Российской империи, а также существенному упадку популярности социал-демократических идей внутри украинского движения. В годы Первой мировой войны уже отчетливым образом формируется внепартийная группа, представляющая из себя целостный политический субъект, настроенный на союз малороссийских украинских организаций с австрийскими и пангерманскими общественно-политическими силами. Она вбирала в себя ряд ведущих представителей руководящего состава украинских политических партий, радикально

настроенную студенческую молодежь украинского движения, и также не могла быть представлена вне активных контактов с ведущими теоретиками пангерманизма, в лице О. Гетша, П. Рорбаха и др., стремящихся активным образом привлекать национальные движения «негосударственных» народов Российской империи для «декомпозиции» территории Российской империи и построения концептуального проекта «Срединной Европы».

Список источников и литературы.

Источники.

Архивные материалы.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

1.Ф. Особый политический отдел

Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ)

1.Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел)

2.Ф. Р–7050 (Украинское пресс-бюро в Лозане)

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

1.Ф. 428 (Австро-Венгрия)

Опубликованные материалы.

Законодательные и делопроизводственные материалы.

1.Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды после исправления в соответствии с замечаниями, сделанными Александром II 18 мая в г. Эмс // Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 242–244.

2.Гос. дума, третий созыв, сессия первая. Стенографические отчеты. Ч. 2 Заседания 31–60 (с 21 февраля по 5 мая 1908 г.). – СПб: Государственная типография, 1909. – 2962 стб.

3.Гос. дума, третий созыв, сессия четвертая. Стенографические отчеты Ч. 1 Заседания 1–38 (с 15 октября по 17 декабря 1910 г.) – СПб: Государственная типография, 1910. – 3368 стб.

4.Гос. дума, четвертый созыв, 1913 г., сессия первая. Стенографические отчеты Ч. 2 Заседания 29–52 (с 22 января по 19 марта 1914 г.). – СПб: Государственная типография, 1913. – 2438 стб.

5.Гос. дума, четвертый созыв, Стенографические отчеты Ч. 1. Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.) – СПб: Государственная типография, 1913. – 2438 стб.

6. Закон об изменении некоторых узаконений о мужских и женских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. – Одесса: Типография Л. Нитче., 1914. – 8 с.
7. Записка об украинском движении за 1914–1916 годы с кратким очерком истории этого движения как сепаратистско-революционного течения среди населения Малороссии. – Б.м. 1916. – 65 с.
8. Извлечение из Журнала Комитета министров 15-го февраля 1905 года. Об отмене ограничительных мер по изданию св. писания на малороссийском языке. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1905. – 156 с.
9. Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание 3-е. – СПб: Государственная типография, 1886–1916.
10. Циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 г. // Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 240–241.

Документы партий и общественных организаций

11. Багатопартійна українська держава напочатку XX ст.: Програмні документи перших українських партій / Упоряд. В. С. Журавський. – К.: Наук-інформ. підприємство «Пошук», 1992. – 96 с.
12. Міхновський М.І. Самостійна Україна. Програма Револуційної Української Партії із 1900 року / Вступ. сл. В. Шаяна. Лондон: Бібліотека і музей ім. Т. Шевченка в Лондоні. – Лондон: Відділ Союзу українців у Великій Британії у Вольвергемптоні, 1967. – 34 с.
13. Міхновський М.І. Самостійна Україна. – К.: Діокор, 2002. – 80 с.
14. Самостійна Україна: Збірник програм українських політичних партій початку XX ст. / упоряд. О. Федьков. – Тернопіль: Ред. вид. відділ упр. пресою, 1991. – 82 с.

15.Українська революційна демократична партія (УРДП-УДПР): зб. матеріалів і документів / упоряд. О. Коновалов. – Чикаго; К.: Фундація. І. Багряного, 1997. – 849 с.

Материалы периодической печати

- 16.«Хлібороб» – Лубны., 1905.
- 17.«Украинский вестник» – СПб, 1905–1906.
- 18.«Громадська думка» – К., 1905 – 1906.
- 19.«Рада» – К., 1906 – 1914.
- 20.«Рідна Справа» – Думські Вісті» – К., 1907.
- 21.«Вісник Союзу визволення України» – Відень, 1914–1918.
- 22.«Украинская жизнь» – М. 1912–1917.
- 23.«Промінь» – М., 1916 – 1917.
- 24.«Дзвін» – К, 1913–1914.

Материалы публицистики

- 25.*Войнилович С.* Неіснуюче питання // Праця. – Львів, 1905. Ч. 11. – С. 2–5.
- 26.*Войнилович С.* Ще про неіснуюче питання // Праця. – Львів, 1905. Ч. 12. – С. 2–5.
- 27.*Грушевський М.С.* Единство или распадение России? – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907. – 15 с.
- 28.*Грушевський М.С.* Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907. – 291 с.
- 29.*Грушевський М.С.* З біжучої хвилі// *Грушевський М.С.* Твори: у 50 т. Львів, 2002. Т. 1 – С. 329–334.
- 30.*Нечуй-Левицький І.С.* Кривее дзеркало української мови. –К.: Друкарня І. І. Чоколова, 1912. – 96 с.
- 31.*Нечуй-Левицький І.С.* Сьогочасна часописна мова на Україні. // Україна. – К., 1907. № 1. – С. 1–49.
- 32.*Нечуй-Левицький І.С.* Сьогочасна часописна мова на Україні. // Україна. – К., 1907. № 2 – С. 183–239.

- 33.Об отмене малороссийского печатного слова. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1905. – 100 с.
- 34.Порш М. З приводу «неіснуючого питання» // Праця. – Львів, 1904. Ч. 13–14. С. 2–7.
- 35.Порш М. Національне питання та виборча агітація на Україні // Літературно-науковий вісник. – Львів, 1907. Т. 37. С. 135 – 139.
- 36.Порш М. Про автономію України. – К.: Знання – то сила, 1907. 130 с.
- 37.Резолюция Клуба русских националистов (в Киеве) по поводу проекта преподавания в школах Малороссии на украинском языке, принятая общим собранием членов клуба 12 мая 1908 г. – К., 1908. – 6 с.
- 38.Рибалка Л. До нашої національно-партійної психології // Наш голос. – СПб., 1910. Ч.1. – С. 43 – 48
- 39.Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ «Украинцу» // Русская мысль. – М., 1912. Кн. I. – С. 65–86.
- 40.Щёголев С. Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. – К.: Типография И. Н. т-ва Кушнерев и ко, 1912. – 588 с.
- 41.Щёголев С.Н. Современное украинство: Его происхождение, рост и задачи. – К.: Типография И. Н. т-ва Кушнерев и ко, 1914. – 160 с.
- 42.Юркевич Л. Єзуїтська політика // Дзвін – К., 1914. Т. 3. – С. 458–465.
- 43.Grossdeutschland und Mitteleuropa um das Jahr 1950 von einem Alldeutschen. – Berlin: Thormann u. Goetsch, 1895. – 48 s.
- 44.Ratzel F. Deutschland: Einführung in Die Heimatkunde. – Leipzig: F.W. Grunow, 1898. – 360 s.

Источники личного происхождения

- 45.Антонович Д.В. Сторінка з історії української політичної думки дев'ятидесятих років XIX в.// Вістник політики, літератури й життя. Ч. 34. – Відень.,1918. – С. 55–79.
- 46.Барвінський О. Спомини з мого життя. / Упоряд. А. Шацька, О. Федорук. – К.: Смолоскип, 2004. – 528 с.

47. Барвінський О. Спомини с мого життя. Т. 2. – Нью-Йорк, К: Вид. дім «Стилос», 2009 – 1120 с.
48. Винниченко В. Щоденник. Т. 1. (1911–1920). – Едмонтон-Нью-Йорк: Видавництво Канадського Інституту Українських Студій, 1980. – 296 с.
49. Галаган М. З моїх споминів. Ч. I.: 80-ті роки до Світової війни. – Львів: Видавнича кооператива «Червона Калина», 1930. – 203 с.
50. Ганкевич М. З перед дваццяти літ: початки української соціал-демократії в Галичині // Календар «Вперед»: 1920. – Львів, 1920. – С. 71–82.
51. Грушевський М. С. Щоденник (1888–1894 рр.). – К.: Б.и. 1997. – 261 с.
52. Дорошенко В. РУП і УСДРП. // Календар «Вперед» – Львів, 1920. – С. 225–236.
53. Дорошенко В. Українство в Росії: новійші часи. – Відень: Накладом «Союза визволення України», 1916. – 114 с.
54. Дорошенко Д. Мої спомини про давнє-минуле (1901–1914 роки). – К., Темпора. 2007. – 271 с.
55. Дорошенко Д. Український рух 1890-х років в освітленні австрійського консула в Києві // З минулого. Збірник. Т. I. – Варшава, 1938. – С. 59–70.
56. Єремійв М. За лаштунками Центральної Ради (Сторінки зі спогадів) // Український історик – Нью-Йорк, К., Львів, Торонто, Париж. 1968. № 1–4. С. 94 –104.
57. Ефремов С. А. Из общественной жизни на Украине – М., 1916. – 34 с.
58. Ефремов С. А. Из общественной жизни на Украине // Рус. Богатство. 1908. №7. – С. 17–57.
59. Жук А. На відкритті пам'ятника І. Котляревському // Сучасність (література, мистецтво, суспільне життя). № 12 – Мюнхен. – С. 84–94.
60. Жук А. Революційна Українська Партія (Р.У.П.) // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1940. Річник XVII. – Львів: Накладом Українського Товариства Допомоги Емігрантам з України у Львові, 1940. – С. 49–50.

61. *Жук А.* Перша партійна конференція Р.У.П. // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1936. Річник XIII. – Львів: Накладом Українського Товариства Допомоги Емігрантам з України у Львові 1936. – С. 96–101.
62. *Коллард Ю.* Спогади з минулого // Літературно-Науковий Вісник. Т. 105. – Львів, 1931. – С. 26–32.
63. *Коллард Ю.* Спогади юнацьких років. – Торонто: Срібна Сурма. – 224 с.
64. *Лаврінченко Ю.* Українська соціал-демократія (група УСД) і її лідер Леся Українка. – Мюнхен: Сучасність, 1971. – № 5 – 8.
65. *Лука І.Л.* Тарасовці // Письмо з «Просвіти». 11/22. – Львів: Просвіта, 1922. – С. 91 – 92
66. *Лотоцький О.Г.* Сторінки минулого. – Варшава: Б.и. Ч. 1. 1932. – 286 с.
67. *Лотоцький О.Г.* Сторінки минулого. – Варшава: Б.и.Ч. 2. 1933. – 281 с.
68. *Мазепа І.* З моїх петербурзьких спогадів // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1938. Річник XV. – Львів: Накладом Українського Товариства Допомоги Емігрантам з України у Львові. 1937. – С. 113–124.
69. *Мартос Б.* З моїх споминів // Календар-альманах «Дніпро» на звичайний рік 1940. Річник XVII. – Львів: Накладом Українського Товариства Допомоги Емігрантам з України у Львові. 1939. – С. 30–48.
70. *Меленевський М.* До історії Української С.-Д. Спілки (з приводу брошури В. Дорошенка «Революційна Українська партія (РУП) (1900–1905 рр.): Нарис з історії Укр. соціал-демокр. Партії») // Нова Громада. – Відень, 1923. Ч. 3–4. – С. 130–134
71. *Могиланський Н.М.* Трагедия Украины (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. – Берлин: Слово, 1923. Т. 11. – С. 74 – 105
72. *Науман Ф.* Срединная Европа (Mitteleuropa). – Петроград: Огни, 1918. – 136 с.
73. *Риш. А.* Из жизни Спилки // Летопись Революции. – Харьков: Государственно издательство Украины. 1923. № 5. – С. 126 – 135.
74. *Рорбах П.* Война и германская политика. – М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1915. – 107 с.

75. *Русов О.О.* Щоденники та спогади. – Чернігів: Десна Поліграф, 2011. – 320 с.
76. *Русова С.* Мої спомини (1861–1915) // За сто літ. Матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початку XX століття. Під редакцією Голови секції акад. Михайла Грушевського. Кн. II – Харків, К.: Державне видавництво України, 1928. – С. 147–205.
77. *Садовський В.* Від українофільства до політики (З приводу 25-ліття заснування Р.У.П.) // Літературно-науковий вістник. – Львів, 1925. Т. 86. Кн. 3. – С. 250–253
78. *Скоропис-Йолтуховський О.* Мої злочини // Хліборобська Україна. Збірник. Ч. II, III, IV. – Відень, 1920–1921. № 1, 3-4. – С. 191–237.
79. *Скоропис-Йолтуховський О.* Соціал-демократичний рух в Сквирському і Васильківських повітах в 1906 р. // Наш Голос. 1911, 11–12.
80. *Степанюк В., Довбищенко Я.* З історії українського соціал-демократичного руху (1900-1918 рр.). – Харків: Кооперат. друк., 1918. – 32 с.
81. *Тищенко Ю.* З моїх зустрічей: Спогади. – К.: Дослідницький центр історії української преси, 1997. – 112 с.
82. *Тищенко-Сірий Ю.* Перші наддніпрянські українські масові політичні газети. – Нью-Йорк: Українсько-Американське Видавниче Товариство, 1952. – 22 с.
83. *Тучапський П.* Из пережитого (90-е годы). – М.: Государственное издательство Украины, 1923. – 71 с.
84. *Феденко П.* 80-ліття Революційної української партії // Наше слово. – Мюнхен; Лондон, 1980. № 7. – С. 71–82.
85. *Чикаленко Є.Х.* Уривок із споминів // Літературно-науковий вістник. кн. VII–IX. – Львів. 1924. – С. 112 – 124
86. *Чикаленко Є.Х.* Щоденник (1907–1917). – К.: Темпора., 2011. – 424 с.
87. *Чикаленко Є.Х.* Спогади: (1861–1907). Ч. 1. – Львів: Накладом Видавничої спілки «Діло», 1925. – 172 с

88. *Чикаленко Є.Х.* Спогади: (1861–1907). Ч. 2. – Львів: Накладом Видавничої спілки «Діло», 1925. – 139 с.
89. *Чикаленко Є.Х.* Спогади: (1861–1907). Ч. 3. – Львів: Накладом Видавничої спілки «Діло», 1926. – 126 с.
90. *Чикаленко Є.Х.* Уривок з моїх споминів за 1917 рік. – Прага: Видання Фонду ім. Євгена Чикаленка при Українському академічному комітеті, 1932. – 56 с.

Литература.

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. С англ. В. Николаева. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
2. *Беляков С.С.* Весна народов. Русские и украинцы между Булгаковым и Петлюрой. – М.: АСТ, 2020. – 743 с.
3. *Білоус А. О.* Діяльність конституційно-демократичної партії в Україні під час Першої російської революції (1905–1907 рр.). дис. ... канд. іст. наук. – К., 1993. – 217 с.
4. *Верига В.* Нариси з історії України (кінець XVIII – початок XIX ст.). – Львів: Світ, 1996. – 447 с.
5. *Волконский А.М.* Историческая правда и украинофильская пропаганда. – Нью-Йорк: Свобод. слово Карпат. Руси, 1981. – 207 с.
6. *Гайда Ф.А.* От Рязани и Москвы до Закарпатья. Происхождение и употребление слова «украинцы» // Родина. – М.: Издательство Российская газета, 2011. № 1. – С. 82–85
7. *Гайда Ф.А.* Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. – М.: Модест колеров, 2019. – 198 с.
8. *Гайда Ф.А.* Историческая справка о происхождении и употреблении слова «украинцы» // Русский сборник: Исследования по истории России. – М.: Модест Коллеров Т. XII., 2012. – С. 73–78.

9. *Гермайзе О.* Нариси з історії революційного руху на Україні. Т. 1: Революційна Українська Партія (РУП). – К.: Книгос, 1926. – 387 с.
10. *Голобуцький О. П.* Український політичний рух на Наддніпрянщині кінця ХІХ – початку ХХ століття. – К.: Смолоскип, 1996. – 124 с.
11. *Головченко В. І.* Від «Самостійної України» до Союзу визволення України: нариси з історії української соціал-демократії початку ХХ ст. – Харків: Майдан, 1996. – 192 с.
12. *Горбач Н.* Справжній Михайло Драгоманов. – Львів: Каменяр, 2008. – 288 с.
13. *Грицак Я.* Нариси Історії України: Формування модерної української нації ХІХ–ХХ ст. – К.: Генеза, 1996. – 360 с.
14. *Дашкевич Я.* Турецько-українські взаємовідносини в першій половині ХХ століття (інформаційні зв'язки) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Вип. 16. – Львів: Б.в., 2008. – С. 166–167.
15. *Дорошенко В.* Революційна Українська Партія (Р.У.П.) (1900–1905 рр.). Нарис історії української соціал-демократичної партії. – Львів, К.: Вид-во ЦК УСДРП. 1921. – 40 с.
16. *Дорошенко Д.* З історії української політичної думки за часів світової війни. – Прага: Tiskarna Fr. Herman, 1936. – 99 с.
17. *Животко А.* 50 років. Українській громадській рух у ХХ столітті. – Прага: Вільна Спілка, 1936. – 20 с.
18. *Завадьє А.* Ратцель Ф. // Философская энциклопедия. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – С. 134.
19. *Іванченко Р.Г.* Іван Нечуй-Левицький: Нарис життя і творчості. – К.: Дніпро, 1980. – 147 с.
20. *Иерусалимский А.С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце ХІХ века. – М.: Академия наук СССР, 1951 – 604 с.
21. *История Украинской ССР: В 10 т. / Под ред. Ю. Ю. Кондуфора и др. Т. 5.: Украина в период империализма (нач. ХХ в.)* – К.: Наукова Думка, 1983. – 558 с.

22. *Каревин А.С.* Русь нерусская. (Как рождалась «рідна мова»). – Харьков: Гелиос, 2009. – 171 с.
23. *Каревин А.С.* Исторические шахматы Украины: герои и антигерои малорусской истории. – М.: Центрполиграф, 2015. – 284 с.
24. *Каревин А.С.* Сумерки невежества. Технология лжи, или 75 очерков о современной фальсификации истории Украины. – М.: Центрполиграф, 2016. – 414 с.
25. *Клопова М.Э.* Нужен ли украинский язык в школе? Дискуссии в Государственной думе (1907–1914) // Славянский альманах – М.: Индрик., 2017. № 3–4. – С. 282–293.
26. *Коляда І.А.* Українська інтелігенція в Росії: суспільно-політична та соціально-культурна діяльність (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.) – К.: Ін-т історії України НАН України, 2010. – 397 с.
27. *Косован Е.А.* «Украинский вопрос» в предвоенной политике германской империи (1900–1914 гг.) // Актуальные проблемы истории первой мировой войны и перспективы их изучения: сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. – Ишим: Изд-во филиала ФГБОУ ВПО «Тюменский гос. ун-т» в г. Ишиме, 2015. – С. 51–56.
28. *Косован Е.А.* Союз Освобождения Украины и германская политика «декомпозиции» Российской империи в 1914–1917 гг. // Революции в истории: Сб. избр. ст. участников VII международной научной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2017» / гл. ред. А.К. Сорокин. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 115–124.
29. *Костенко А.И.* Леся Украинка. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 348 с.
30. *Кулинич И.М.* Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914–1918 гг. // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. – М.: Наука, 1967. – С. 141–150.

31. *Кулінич І.М.* Україна в загарбницьких планах німецького імперіалізму (1900–1914 рр.) – К.: Вид-во Акад. Наук УРСР, 1963. – 216 с.
32. *Кулинич И.М.* Роль украинских буржуазных националистов в планах германского империализма перед первой мировой войной и в годы войны// Вопросы германской истории и историографии. Сборник науч. статей. Вып. I. – Днепропетровск: Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет, 1973. – С. 17–34.
33. *Кураев О.О.* Українська проблема у політиці Берліна та Відня у Першій світовій війні (1914–1918) – К.: Б/и, 2006. – 310 с.
34. *Кураев О.О.* Політика Німеччини й Австро-Угорщини в Першій світовій війні: український напрямок. – К.: Изд-во Інституту української археографії та джерелознавства НАН України, 2009. – 454 с.
35. *Курас И.Ф.* Повчальний урок історії: (Ідейно-політичне банкрутство Української соціал-демократичної робітничої партії). – К.: Політвидав України, 1986. – 185 с.
36. *Курас И.Ф.* Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. – К.: Наукова думка .1978. – 315 с.
37. *Лисяк-Рудницький И.П.* Між історією і політикою. – Мюнхен: Вид-во «Сучасність», 1970. – 441 с.
38. *Лозиньский М.* Обоюсторонні стосунки між Великою Україною та Галичиною в історії розвитку української політичної думки XIX и XX вв. // Україна. 1928. Кн. 2 – К.: Державне Видавництво України, 1928. С. 22– 56
39. Малороссы vs украинцы: Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР. Очерки. Колл. Монография. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. – 528 с.
40. *Марахов Г.И.* Киевский университет в революционно-демократическом движении. – К.: Вища шк. Изд-во при Киев. ун-те, 1984. – 119 с.
41. *Марахов Г.И.* Социально-политическая борьба на Украине в 50–60-е годы XIX века – К.: Вища шк. Изд-во при Киев. ун-те, 1984. – 159 с.

42. *Марчуков А.В.* Новороссия: формирование национальных идентичностей (XVIII–XX вв.). – М: Кучково поле, 2018. – 512 с.
43. *Марчуков А.В.* Переяславская Рада в идеологической системе украинства: вехи истории // Вестник Юго-Западной Руси. № 1 – М.: Имперское возрождение, 2006. – С. 40–53.
44. *Марчуков А.В.* Политическая элита Малороссии // Этнические элиты в национальной политике России – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 149–222.
45. *Марчуков А.В.* Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. – М.: Regnum, 2011. – 293 с.
46. *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение: УССР. 1920–1930 годы: цели, методы, результаты. – М.: ЗАО издательство Центрполиграф, 2015. – 591 с.
47. *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). – СПб.: Алетейя, 2000. – 260 с.
48. *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). – М.: Институт славяноведения РАН, 2003. – 287 с.
49. *Озадовский В.Е.* Борьба Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи с украинским сепаратизмом в годы Первой Мировой войны // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности – М.: Юнити-дата, 2022. – С 71–73.
50. *Озадовский В.Е.* Деятельность М. С. Грушевского и украинских организаций в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. // Гусевские чтения – 2023. Три измерения политической истории России: Идеология, политика, практики. Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). – М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. – С. 483–491.

51. *Озадовский В.Е.* Общественно-политические взгляды М.П. Драгоманова в 80-е–90-е гг. XIX в. Образование. Наука. Научные кадры. – М.: Юнити-дата, 2021. № 3. – С. 65–67.
52. *Озадовский В.Е.* Становление украинских организаций в общественно-политической жизни России 90-х гг. XIX в. // Ноябрьские чтения 2022. Сборник статей по итогам XIV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – СПб: ООО «Скифия-принт», 2023. – С. 326–332.
53. *Озадовский В.Е.* Творчество И.Я. Франко и проблема украинской национальной идентичности // Ключевские чтения – 2020. Народ и власть. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов. Отв. ред. Воронин В.Е. – М.: Спутник+, 2021. – С. 476–477.
54. *Озадовский В.Е.* Украинские организации и вопрос о малороссийском наречии в общественной жизни Российской империи в начале XX в. // Человеческий капитал – М.: Общество с ограниченной ответственностью Объединенная редакция, 2024. № 9 (189). – С. 65–75.
55. *Озадовский В.Е.* 3. Украинские организации в общественно-политической жизни России в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. // Клио. – СПб.: Полторацк, 2024. № 2 (206). – С. 134–142.
56. *Озадовский В.Е.* Украинские организации в общественно-политической жизни России в преддверии Первой русской революции 1905–1907 гг. // Человеческий капитал.– М.: Общество с ограниченной ответственностью Объединенная редакция, 2023. № 2 (170). – С. 68–75.
57. *Озадовский В.Е.* Эволюция взаимоотношений И.Я. Франко и М.П. Драгоманова // Ключевские чтения – 2022. Россия выбирает путь. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов. Отв. ред. В.Е. Воронин. – М.: Спутник+, 2022. – С. 446–448.
58. *Озадовский В.Е.* «Революционная украинская партия» в общественно-политической жизни России в начале XX в. // Клио. – СПб.: Полторацк, 2024. № 9 (213). – С. 111–120.

59. *Палієнко М.* «Киевская старина» у громадському та науковому житті України (кінець XIX – початок XX ст.). – К.: Темпора, 2005. – 384 с.
60. *Парфирьев Д.С.* Украинское движение в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны: между Веней, Берлином и Киевом, 1914–1918. – М.: Центрполиграф, 2023. – 221 с.
61. *Петров И.М.* Угольная промышленность России до революции 1917 года. // Горная Промышленность. – М.: Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственная компания «Гемос Лимитед», 2019, №5. – С. 8–32.
62. *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. – СПб: Изд. Имп. акад. наук, 1906 – 224 с.
63. Політичні партії, організації в Україні кінця XIX ст. – початку XX століття: Зародження, еволюція, діяльність, історична доля. – К.: Вид-во «Іван Федоров», 1999 – 248 с.
64. *Постернак С.* Із історії освітнього руху на Україні за часи революції 1917–1919 рр. – К.: Печатня видавн. Тов.-ва «Друкар», 1920. – 128 с.
65. *Риш А.* Очерки по истории Украинской социал-демократической «Спілки». –Харьков: Пролетарий, 1926. – 142 с.
66. *Субтельный, О.* Украина: история. – К.: Лыбидь, 1994. – 736 с.
67. *Толочко А.П.* Киевская Русь и Малороссия в XIX веке. – К.: Laurus, 2012. – 256 с.
68. *Трофимов Р.В.* Создание и концептуальные основы журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) // Via in Tempore. История. Политология. – Белгород, 2021. Т. 48, № 3. – С. 694–705.
69. *Трофимов Р.В. Мошкин А.Н.* Московский журнал «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) В современной российской и украинской историографии // Via in Tempore. История. Политология. Т. 47 – Белгород, 2020., № 4. – С. 854–862.
70. Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – 400 с.

71. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. – М.: Индрик, 1996. – 278 с.
72. *Ульяновский В.А.* Син України: Володимир Боніфатійович Антонович. – К.: Заповіт, 1997. – 447 с.
73. *Феденко П.* Український громадський рух у ХХ столітті. Курс лекцій. – Лондон: Наше Слово, 1934. – 224 с.
74. *Федьков О. М.* Українська соціал-демократична спілка на початку ХХ ст.: у пошуках ідейно-політичної ідентичності. – Каменець-Подольський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2017. – 600 с.
75. *Фомська С.М.* Становлення та діяльність чернігівської «Просвіти» (1906–1908 рр.). // Сіверянський літопис. – Чернігів: Б. в., 2010 № 2–3. – С. 185–192.
76. *Хинкулов Л.Ф.* Франко. – М.: Молодая гвардия, 1961. – 191 с.
77. *Царинный А.* Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям. – Берлин: Типография Зинабург, 1925. – 229 с.
78. *Цимбаев К.Н.* Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала ХХ В. // Петербургские славянские и балканские исследования. – СПб.: Издательство Исторического факультета СПбГУ, 2015. №1. – С. 42–63
79. *Чабан М.* Діячі Січеславської «Просвіти» (1905–1921). – Дніпропетровськ: ІМА-прес, 2002. – 536 с.
80. *Чмырь С.Г.* Радикальные демократы // Политическая история России в партиях и лицах. – М.: Терра, 1993. – С. 150 – 164.
81. *Шип Н. А.* Интеллигенция на Украине (XIX в.): Историко-социологический очерк. – К.: Наук. Думка, 1991. – 172 с.
82. *Шморгун П. М.* Украина в период первой российской революции 1905 – 1907 годов. – К.: Общество «Знание» УССР, 1985. – 48 с.

- 83.Шморгун П. М. Украинские мелкобуржуазные партии РУП (УСДРП) и «Спілка» в революции 1905–1907 гг. // Научная сессия по истории первой русской революции 1905–1907 гг.: Тезисы сообщений. – М.: Б.и., 1965. – С. 45–78.
- 84.Яворський М.І. Україна в епоху капіталізму. – Харків: Державне Видавництво України, 1924–1925. Вип. 1–3. – 309 с.
- 85.Яремчук В.Д. Українська багатопартійність Наддніпрянської і Західної України: компаративний аналіз (1899 – 1918 рр.). – К.: ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2012. – С. 290.
- 86.Hornykiewicz T. Ereignisse in der Ukraine 1914–1922. Deren BeB deutung und historische Hintergründe. – Philadelphia: W.K. Lypynsky Ost-Europaischen Forschung-Instituts in Philadelphia, 1968. – 704 s.
- 87.Klaus D., Atkinson D. Geopolitical Traditions: Critical Histories of a Century of Geopolitical Thought Routledge. – London, New York: Taylor & Francis Group, 2000. – 392 p.
- 88.Mykhaylo Drahomanov: a Symposium and Selected Writings. Ed. by Rudnitsky I.L. – New York: The Ukrainian Academy of Arts and Science., 1952. – 225 p.
- 89.Ploky S.M. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine and Belarus – Cambridge University Press, 2006. – 400 p.
- 90.Ploky S.M. Ukraine and Russia: Representations of the Past. – University of Toronto Press, 2008. – 391 p.
- 91.Ploky S.M. Unmaking Imperial Russia: Mykhailo Hrushevsky and the Writing of Ukrainian History. – University of Toronto Press, 2005. – 700 p.
- 92.Rethinking Ukrainian History. Ed. by Rudnitsky I.L., Himka J. –Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1981. –292 p.
- 93.Rohrbach P. Deutscheland unter den weltvölkern. Materialien zur auswärtigen politik. – Berlin-Schoneberg: Buchverlag der «Hilfe», 1903. – 200 с.
- 94.Rudnitsky I.L. Essays in Modern Ukrainian History. – Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta, 1987. – 500 p.

95. *Subtelny O.* The Mazepists: Ukrainian Separatism in the Early Eighteenth Century. – Boulder, Colorado: EEQ, Distributed by Columbia University Press, East European Monographs, 1981. – 280 p.

Справочные издания.

96. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 800 с.